

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

*Дом
князя Гагарина*

Сборник научных статей и публикаций

Выпуск 6

Часть 2

Одесса • 2011

ББК 83.3(4Ук-4Оде-2Оде)Л6

Д 66

УДК 069.02:82(477.74—21)

Д 66 **Дім князя Гагаріна:** Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. — Вип. 6. — Частина 2. — Одеса: Сімекс-прінт, 2011. — 392 с.: ілюстр.

ISBN

Українською та російською мовами

У збірнику представлені роботи з історії літературного життя Одеси: перші публікації рукописів українських та російських письменників ХІХ–ХХ ст., матеріали до біографій діячів культури, опис раритетних експонатів з фондів Одеського літературного музею.

Сборник содержит работы по истории литературной жизни Одессы: первые публикации рукописей украинских и русских писателей ХІХ–ХХ вв., материалы к биографиям деятелей культуры, описание раритетных экспонатов из фондов Одесского литературного музея.

***Книга издана при содействии
народного депутата Украины С. Р. Гриневецкого***

Редакционная коллегия:

Липтуга Татьяна Ивановна, директор ОЛМ

***Семькина Галина Георгиевна, заведующая отделом
научно-исследовательской и экспозиционной работы ОЛМ***

***Яворская Алена Леонидовна, заместитель директора ОЛМ
по научной работе***

Иллюстрации, кроме особо оговоренных, из фондов ОЛМ

ISBN

© Одеський літературний музей, 2011

*А дом князя Гагарина!
Тот дом, в котором открыл
свою деятельность одесский
Литературно-художественный клуб!*

А. М. Дерибас

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. Л. Яворская. Рукописи И. Бабеля в фондах ОЛМ.....	5
Е. И. Погорельская. Париж — Москва и... Одесса	19
Е. А. Каракина. Точка пересечения	35
Д. Я. Бондаренко, А. Н. Катчук. Одесский дневник, 1928	45
И. Г. Саврасова. Стихи одесских поэтов И. Мадробурского, А. Ждановича и О. Номикоса в оккупационной прессе 1941–43 гг.	73
Л. А. Мельниченко. Дневник Дарьи Васильевны Мартыновой 1941–1945 гг.	94
А. Н. Полторацкая. «Аристократ по духу больше, чем по происхождению...»	191
С. З. Луцкич. Адрес для мемориальной доски	232
С. В. Калмыков. Зеленая папка	276
Доброхна Даберт. Хранители канона	326
Т. И. Заярная. Очерк к истории литературной Одессы 1945–1991 годов	337

Публикации

А. К. Гладков. О новых новеллах И. Бабеля	26
Дневник 1928 года	46
И. И. Мадробурский. Стихи.....	82
А. А. Жданович. Стихи.....	87
О. Номикос. Стихи.....	91
Д. В. Мартынова. «Мой дневник». 1941–1945 гг.	105
Н. А. Полторацкий. «Почему я взялся за перо»	191
Н. А. Полторацкий. Воспоминания о Казем-Беке	192
Н. А. Полторацкий. Письмо мадам Мирей Массип	203
А. Л. Казем-Бек. Автобиография.....	216
Письма С. А. Бондарина к Г. С. Адлер 1945–1954 гг.....	276

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ.....	386
-------------------------	-----

ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ.....	389
--	-----

А. Л. Яворская

РУКОПИСИ И. БАБЕЛЯ В ФОНДАХ ОЛМ

В фондах музея хранятся три рукописи И. Э. Бабеля. Это письма к М. Кольцову (Р-352 КП-2478), В. Нарбуту (Р-361 КП-2477) и рукопись предисловия к сборнику семи писателей-одесситов (Р-975 КП-9640).

Все тексты до поступления в музей были опубликованы.

История создания рукописей связана с двумя этапами развития южнорусской литературной школы — переездом одесских литераторов в Москву и выходом их книг в Москве.

В 1916 году Бабель писал об Одессе: «город, в котором легко жить, в котором ясно жить», уточняя: «Становится аксиомой, что одесситы хорошо устраиваются в Петрограде. Они зарабатывают деньги. Потому что они брюнеты — в них влюбляются мягкотелые и блондинистые дамы. <...> Просто эти брюнеты приносят с собой немного солнца и легкости»¹.

Через пять лет одесские молодые поэты (все южнорусские, за исключением Е. Петрова и И. Бабеля, начинали со стихов) пришли к выводу, что литературная карьера возможна только в столице. С приходом большевиков в феврале 1920 закончился период бурной культурной жизни Одессы времен гражданской войны, исчезло многообразие журналов и газет. Город становится провинциальным, единственная возможность публикации — на литературной странице «Известий». Первый литературный журнал «Силуэты» появится в конце 1922 г., художественные и поэтические книги практически не выходят. В этой ситуации переезд является единственной возможностью продолжить литературную деятельность.

Первыми в 1921 г. уезжают Валентин Катаев и Юрий Олеша — вначале в Харьков, столицу Украины, затем в Москву. Их базой становится газета «Гудок» — «орган народного комиссариата путей сообщения СССР» и комната в Мыльниковом переулке, 4.

В. Катаев писал: «<...> в Мыльниковом — поселился я, приехав в Москву, а следом за мною через мою комнату прошли почти все мои друзья, ринувшиеся с юга, едва только кончилась война, на завоевание Москвы»². «Он [Катаев] приходил к нам в Москве с кучей шуток —

фольклором Мыльникова переулка, ранней богемной квартиры одесситов»³, — вспоминала Надежда Мандельштам. Как правило, одесситы, перебивавшиеся в Москву в 1922–23 годах, ночевали у Катаева, туда же адресовали и письма из Одессы⁴.

Большая часть молодых поэтов и прозаиков покидает город в 1923 году. Кто-то останется в Москве, как Илья Ильф и Семен Гехт, кто-то вернется на несколько лет в Одессу, как Сергей Бондарин.

Бондарин и Гехт, ученики Эдуарда Багрицкого по литературному кружку «Потоки Октября», уезжают в Москву в апреле 1923 г., увозя из Одессы письмо и две записки Исаака Бабеля.

Исааку Лившицу, своему близкому другу, Бабель пишет: «Это письмо передадут тебе совершенно бесшабашные ребята — одесские поэты Гехт и Бондарин. Они без царя в голове, но не без дарования. Помогите им, чем можешь»⁵, — Лившиц работал в издательстве «Красная новь» помощником заведующего технической частью. Адресаты рекомендательных записок — знакомые Бабеля по работе в «ЮгРОСТА» в Одессе Михаил Кольцов (к тому времени редактор выходящего с 1 апреля 1923 г. журнала «Огонек») и Владимир Нарбут (ответственный работник отдела печати ЦК и руководитель издательства «Земля и фабрика»).

И. Бабель — В. Нарбуту⁶

Друг мой, Владимир Иванович.

Вот два безшабашных парня. Я их люблю, поэтому и пишу им рекомендацию. Они нищи до крайности. Думаю, что могут согдиться на что-нибудь. Рассмотрите их орлиным своим оком.

Жду от тебя письма с душевным волнением и не дождусь. Если не напишешь, то я сам тебе напишу.

Твой И. Бабель

Од. 17.4.23⁷.

И. Бабель — М. Кольцову⁸

От Бабеля, без вести пропавшего, заточившего себя добровольно — Кольцову, прославленному древле от всех.

Вот Гехт и Бондарин. Их актив: юношеская продерзость и талант, который некоторыми оспаривается. В пассиве у них то же, что и в активе. Им, как и пролетариату, нечего терять. Завоевать же они хотят

прожиточный минимум. Отдаю их под вашу высокую руку. — От сего дня в непродолжительном времени я напишу вам о себе письмо.

Ваш И. Бабель

Од. 17.4.23⁹.

Друзья мои, Иваныш
Иванович.
По два бершабашских
наряд. Их надо
портить и шить или
рекашивать. Они
шиши во крайном
дешевом, грешном
дереве как грешное
дерево. Их орми-
нован своим оном.
Исход от себя писан
с любовью и важе-
нием и не дождусь.
Если не напишешь
то я сам себе напишу.
Иван Иббель
Од. 17.4.23.

Записка И. Бабеля В. Нарбуту. 1923 г.

Иваныш, Иваныш
И. Бабель, я привнес
себя доброты —
какой-то, привнесу
древес от всех.
По Тел и Бондарин. Их
актив: что-то как про-
дурор и тайну, ко-
торый некакой-то
отпаривался. Я нас-
силье у них в себе, гр
и вояриве. Ни, как и
права ринау, некого
терять. Я все в себе
они могут прийти
точно и шить
Отдаю их под вашу
высокую руку. —
От сего дня в непрод-
олжительном време-
ни я напишу
вам о себе письмо.
Иван Иббель
Од. 17.4.23.

Записка И. Бабеля М. Кольцову. 1923 г.

Через четыре дня, 21 апреля, С. Бондарин пишет из Москвы в Одес-
су: «Вслед за тысячеверстной степью, где маленькие домики с нахлобу-
ченной соломой сменялись однообразными станционными построй-
ками на станциях: булки, булки, кипятки, [неразб.] фонари — и все

остальное такое знакомое и всегда новое — вслед за этим необозримый, чудовищный город, сверкание, грохот, Кремль и смешные древности — по Пильняку — Китай в России. Но поверь, все в страшном порядке. <...> Пишу за столом великого В. Катаева. Он сидит напротив меня и переписывает рассказ. Москва. <...> Илья¹⁰, Олеша, Катаев — они делают миллиарды, я же, ты знаешь, ищу только прожиточный минимум. Тем не менее, начало вполне удачное. Уже сдал для печати в «Огонек» первомайское стихотворение. За 16 строк получил 150 руб»¹¹.

29 апреля в пятом номере журнал «Огонек» публикует стихотворение «Май», о котором упоминает С. Бондарин, а 6 мая в шестом номере появился очерк С. Гехта «Одесса». В письме Бондарина нет упоминаний о Гехте, но, независимо от того, приехали ли друзья порознь или вместе, московский дебют обоих состоялся именно в «Огоньке».

Записки хранились в архиве С. А. Бондарина и были включены в текст рассказа «Искусство варить суп», вошедшем в книгу «Златая цепь» (1971).

В музей рукописи были переданы в 1979 г., после смерти Бондарина, его вдовой Генриеттой Савельевной Адлер¹².

Если первые две рукописи датированы и подписаны и причина, по которой они были написаны, не вызывает разногласий, то история создания и, особенно, датировка следующего текста имеет несколько вариантов. В рукописи вновь упоминается С. Гехт, и, как будет сказано ниже, текст имеет непосредственное отношение к журналу «Огонек».

1 января 1962 г. «Литературная газета» опубликовала отрывок из новой повести К. Паустовского «Книга скитаний», в котором цитировался неизвестный ранее текст И. Бабеля «В Одессе каждый юноша...»¹³. Паустовский упоминал, что предисловие было найдено поэтом О. Колычевым¹⁴ в своем архиве.

В 1981 году рукопись была передана в Одесский литературный музей сыном Колычева Юрием¹⁵.

«В Одессе каждый юноша — пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском судне. Пароходы, приходящие к нам в порт, разжигают одесские наши сердца жаждой прекрасных и новых земель.

Вот семь молодых одесситов. У них нет ни денег, ни виз. Дать бы им паспорт и три английских фунта — и они укатили бы в недосягаемые страны, названия которых звонки и меланхоличны, как речь негра, ступившего на чужой берег.

сдуло при тихо го истребленіи...
 маю то на подвиге своем...
 и накле - как уха и Рыжов, кто
 рито на прирезаніи арам и...
 пещи варят шаго - оронтанскіе
 медки в военнахъ бы хаси
 иолоского, неукренимого дн.
 Валришии палон турмурыи княз
 как арду, который когда р. ма
 в товоки ми разбивали с ним
 омиривали в Трагический па...
 у на рокодов ^{Трибу} не вриши на шу
 Калитов и Третей милоеи брети
 в зги кнive Утихесд от ги по
 на скара, Ата та и ми ника
 от них не спаси...
 свое и разсласту от. не ко
 бинеших вевах.
 Утихесд дею в ги; го т цусе
 Калитови тогда - пока не
 на жесити - когда боз юма
 на океанском судне. Утиха и
 нас беда - в. бресе ми хе -
 тинес с мевалкиновем и...

АЛЛМ
 87-9640
 P. 945

Вот семь молодых одесситов. Они читают колониальные романы по вечерам, а днем они служат в самом скучном из губстатбюро¹⁶. И потому что у них нет ни визы, ни английских фунтов — поэтому Гехт пишет об уездном Можайске, как о стране, открытой им и никем неизвестной [зачеркнуто — никем другим], а Славин¹⁷ повествует о Балте, как Расин о Карфагене.

Душевным и чистым голосом подпевает им Паустовский¹⁸, попавший на Пересыпь, к мельнице Вайнштейна¹⁹, и необыкновенно трогательно притворяющийся, что он на тропиках. Впрочем, и притворяться нечего. [Зачеркнуто — Пересыпь] Наша Пересыпь, я думаю, лучше тропиков.

Третий одессит — Ильф. По Ильфу — люди замысловатые актеры, подряд гениальные.

Потом Багрицкий, плотояднейший из фламандцев. Он пахнет, как скумбрия, только что изжаренная моей матерью на подсолнечном масле. Он пахнет, как уха из бычков, которую на прибрежном ароматическом песку варят мало-фонтанские рыбаки в двенадцатом часу июльского неудержимого дня. Багрицкий полон пурпурной влаги, как арбуз, который когда-то мы в юности разбивали с ним о причалы [поверх вписано — тумбы] в Практической гавани у пароходов, поставленных на близкую Александрийскую линию²⁰.

Колычев и Гребнев²¹ моложе других в этой книге. У них есть о чем порассказать, и мы никак от них не спасемся. Они возьмут свое и расскажут о диковиннейших вещах.

Тут все дело в том, что в Одессе каждый юноша — пока он не женился — хочет быть юнгой на океанском судне. И одна у нас беда, — в Одессе мы женимся с необыкновенным упорством».

Текст Бабеля — предисловие к сборнику рассказов и стихов семи одесских писателей. Издание не было осуществлено. Рукопись не подписана и не датирована. В двухтомнике И. Бабеля в примечаниях датируется 1923 г.²², при поступлении в музей — 1930 (со слов владельца).

Но обе эти датировки представляются спорными.

Вначале рассмотрим мемуарные и художественные тексты, опирающиеся на историю рукописи.

Предисловие упоминается в воспоминаниях и книгах трех из перечисленных И. Бабелем авторов: Г. Гребнева (умершего еще до публикации рукописи), О. Колычева, К. Паустовского. Если выстроить

их в хронологической последовательности, то можно проследить изменения названия книги и разночтения — от явного вымысла до смещения дат.

Г. Гребнев в воспоминаниях об И. Бабеле и Э. Багрицком «Записная книжка и “петушки”» (написанных в конце 1950-х гг.) из одной бабелевской фразы — «...как арбуз, который когда-то мы в юности разбивали с ним [Багрицким] о тумбы в Практической гавани у пароходов» — создает романтическую историю:

«В одесском порту Бабель бывал не раз. Но мне хочется здесь воспроизвести одну из его “вылазок” в порт, которую он сам описал в предисловии к книжке “Семь одесситов”, к сожалению, не увидевшей свет. Рассказывая об одном из авторов сборника — Эдуарде Багрицком, Бабель писал:

“Он похож на свои стихи... Он любит море, любит крепкое матросское словцо и рыбацкий парус на горизонте. Я помню, как мы сидели с ним на гранитных плитах у самого мола в Карантинной гавани. С нами был один слободской парень, который приволок чудовищный по величине арбуз. Мы с вождением смотрели на арбуз и собирались съесть его тут же... Я спросил нашего спутника, сколько он заплатил за это зеленое солнце, но тот ничего не ответил, только смущенно шмыгнул носом. Багрицкий рассмеялся. “Вы неисправимый интеллигент, Исак [так у автора. — А. Я.] Вы не можете понять, что здесь не базар, а порт. Этот парнишка вырос в порту, покупку арбузов здесь, куда их свозят тысячами на баркасах, на фелюгах и баржах, он считает для себя унижением...” Я подумал, что арбуз краденый, и “зеленое солнце” тут же померкло для меня. Но Багрицкий продолжал: “Гриша, объясни неисправимому собственнику и купеческому сыну Бабелю, как ты раздобыл этот маленький кавунчик...”

Гриша откашлялся и сказал:

“Очень просто, Эдуард. На Арбузной гавани я по сходне прошел на большой баркас, снял там кепку и сказал хозяину: “Здоровеньки булы, дядько!..” Он сказал: “Доброго здоровья, хлопче...” Я сказал: “Ох, и добрые же у вас кавуны...” Он сказал: “Яки бог послав...” Я выбрал подходящий кавунчик и сказал: “Бог в помощь, дядько. Возить вам не перевозить...” Он сказал: “Спасибо на добром слове. Ешь на здоровье...” “Поняли, Исак...” — спросил Багрицкий. “Бог в помощь” — “Ешь на здоровье...” И оба считают, что они в расчете,

потому что оба сделали доброе дело...” Зеленое солнце засияло перед моими глазами еще ярче. Я вытащил из кармана складной нож и хотел уже пырнуть им в брюхо арбуза, но Эдуард схватил меня за руку и испуганно спросил: “Что вы хотите делать, Исак?” Я ответил: “Разрезать арбуз”. Он сказал: “Вы с ума сошли. Кто же в порту ест разрезанный арбуз? Гриша, объясни ему...”

Гриша молча взял арбуз и стукнул его о колено. Арбуз развалился на подостланной Багрицким газете, превратившись из зеленого в ярко-красное солнце... “Спрячьте оружие, Исак, и приступите к мирной трапезе,” — сказал Багрицкий, отломив себе огромный кусок... Мы ели этот арбуз с жадностью, как дети, обливаясь розовым соком и посыпая грудь черными лакированными косточками, а корки швыряли в воду... Потом наш спутник развлекал нас, ныряя с пристани в море и показывая, как портовая мелюзга, “коровины дети”, ловят монеты, брошенные в воду с палубы “иностранца”. У него была очень смешная рожа, когда он выплывал на поверхность и, показывая пуговицу, брошенную Багрицким, кричал: “Гив мони, сэр!..” Эдуард как заправский английский шкипер рокотал своим великолепным басом: “Ол райт, май бой!” и швырял в зеленую бурлящую воду новую белую пуговицу, которую отдирали тут же от гришиных кальсон...”

Боюсь, что это изумительное “предисловие” Бабеля погибло в архивах издательства. Я не ручаюсь, что воспроизведенное здесь мною по памяти оно слово в слово сходится с подлинником, но содержание его было именно такое...»²³

В воспоминаниях Гребнева упоминается название книги. О. Колычев, нашедший рукопись в своем архиве, указывает дату, приводит несколько иной вариант названия книги и упоминает автора идеи:

«В 1924 году уехали в Москву Эдуард Багрицкий, С. Гехт и я²⁴. Лев Славин и И. Ильф выехали годом-двумя раньше. К. Паустовский уже давно покинул наш уютный морской город. И вот в 1926-м году писатель Ефим Зозуля, редактировавший “Огонек”²⁵, предложил издать в библиотечке журнала книжку, целью которой было объединить в ней творческие очерки молодых одесских писателей.

Книжка должна была называться “Семь молодых одесситов”. Предисловие к этому неосуществленному изданию написал И. Бабель. Я обнаружил недавно в своем архиве эту страничку, собственноручно написанную Исааком Эммануиловичем.

Дорогой для меня, пожелтевший от времени листок с большим, детски разборчивым почерком я показал С. Гехту. Он сразу признал руку Бабеля.

— Такими буквами на таких листочках написана вся “Конармия”, — сказал С. Гехт, радуясь этому листку, как личной встрече с ушедшим другом.

Я снял копию с рукописи Бабеля и отправил ее К. Паустовскому. И ему эта страничка принесла высокую радость. [Далее приводится текст предисловия]»²⁶.

Паустовский процитировал текст Бабеля в повести «Книга скитаний» (1963), в главе «Четвертая полоса»:

«Вошли Гехт, Ильф, Олеша, Славин и Регинин.

Мы сдвинули столики, и начался рассказ о том, что “Огонек” решил выпустить сборник рассказов молодых одесских писателей. В сборник включили Гехта, Славина, Ильфа, Багрицкого, Колычева, Гребнева и меня, хотя я не был одесситом и прожил в Одессе всего полтора года. Но все почему-то считали меня одесситом, очевидно, за мое пристрастие к одесским рассказам.

Бабель согласился написать для этого сборника предисловие.

<...>

Пришла мохнатая и будто заспанная зима.

<...> загадочный вид Гехта насторожил всех. Но, будто по уговору, никто его ни о чем не спрашивал. То был верный способ заставить его говорить.

Гехт крепился недолго. Подмигнув нам, он достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги.

— Вот! — сказал он. — Получайте предисловие Бабеля к нашему сборнику!

— Оно короче воробьиного носа! — заметил кто-то. — Просто отписка!

Гехт возмутился:

— Важно не сколько, а как. Зулусы!

Он развернул листок и прочел предисловие. Мы слушали и смеялись, обрадованные легким и пленительным юмором этого, очевидно, самого короткого предисловия в мире.

Потом дело со сборником сорвалось. Он не вышел, а предисловие затерялось. Только недавно его нашел среди своих бумаг один из тех, о ком писал Бабель»²⁷.

Традиционная датировка рукописи 1923 годом представляется более чем спорной.

В 1923-м только начинался переезд молодых одесситов в Москву: из упоминаемых в предисловии авторов И. Ильф уехал зимой, а С. Гехт — в апреле. После переезда в Москву Гехт (в Одессе выступавший и как поэт, и как прозаик) окончательно перестал писать стихи. Первый его московский очерк (как упоминалось выше) был напечатан в журнале «Огонек».

И, наконец, объявление о начале издания серии книг: «готовится к выходу первая серия книжек “библиотеки Огонька”. <...> Первая книжка “библиотеки Огонька” выйдет в декабре с. г.»²⁸ — появляется в ноябре 1924 г. То есть датировка рукописи 1923 годом, безусловно, ошибочна.

Можно уверенно утверждать, что (как и писали О. Колычев и К. Паустовский) планировалось издание сборника именно в серии «библиотека “Огонька”», охотно публиковавшей одесских авторов. Одна из первых книг серии — «Рассказы» И. Бабеля (№ 5, 1925), в том же году вышли «Рассказы» С. Гехта (№ 36) и «Любка Казак» И. Бабеля (№ 64).

Точное название книги, для которой предназначалось предисловие, сегодня установить не представляется возможным. Но остается вопрос — когда все же было написано предисловие.

В архиве К. Паустовского сохранились два письма — от Э. Багрицкого и Л. Г. Суок-Багрицкой — которые позволяют окончательно установить дату, позже которой рукопись не могла появиться²⁹. Упоминаемая в первом письме поездка Багрицкого в Москву относится к началу марта 1925.

Э. Багрицкий – К. Паустовскому

Дорогой Константин Георгиевич!

Я благополучно прибыл в Одессу и теперь отлеживаюсь. У меня флюс и простуда. Кашляю и задыхаюсь. Но, несмотря на болезнь — состояние моего духа — прекрасно. Во-первых, я убедился, что мое пребывание в Одессе бессмысленно и что мне необходимо вернуться, уже с семьей, в Москву. Поэтому мне необходимы деньги для переезда. Я думаю, что вы не откажетесь от того, о чем я попрошу Вас, ибо от этого зависит моя дальнейшая жизнь и работа.

В «Красную Новь» сдано мною стих[ов]. шесть-семь, которые все приняты³⁰. Я получил всего за одно стихотвор[ение]. Если Вам не трудно, дорогой Константин Георгиевич, зайдите в редакцию «Нови», помещающуюся в Старо-Успенском пер[еулке]., и спросите Карина. Карину передайте прилагаемое при сем письмо и словесно, если захотите, конечно, изложите ему обстоятельства моего дела: невозможность пребывания в Одессе и т. д. при этом прилагаю доверенность на Ваше имя.

Дорогой Константин Георгиевич! Что слышно о работе в «Рупоре»? Могу ли я надеяться на службу и т. д. Напомните вероломному Гехту о квартире. Пусть он, получив за семь одесситов деньги, немедленно, если, конечно, захочет, снимет комнату. Думаю, что он не забыл моего с ним условия об этом. Деньги, полученные из «Нови», шлите телеграфом. Привет и самые возвышенные чувства Эк.[атерине]. Степановне³¹.

Э. Багрицкий

Второе письмо, в отличие от первого, датировано — 29 марта.

Л. Багрицкая — С. Гехту

Дорогой Гехт, приходится опять писать Вам. Обстоятельства изменились. Эдя болен, и очень серьезно болен. У него воспаление легких. Лежит он в городской больнице на Слободке. Болезнь еще в самом начале, сегодня шестой день. Когда теперь поедем в Москву, не знаю. Во всяком случае, поездку придется отложить на месяц. Пока что нужны деньги. В больнице лечат, но не кормят. Я приношу ему еду каждый день. Сейчас ему, конечно, почти ничего нельзя, но когда начнет поправляться, то надо будет его питать. Врачи говорят, что через три дня будет кризис и потом пойдет на выздоровление. Сейчас у него температура держится на 40° и положение неопределенное. О своих мыслях и опасениях писать не буду. Дорогой Гехт, во что бы то ни стало достаньте денег, ведь Эдуарду так много следует, и шлите в Одессу по телеграфу для скорости. Эдуард привез с собой 40 рублей. Они уже давно истрачены. Повидайтесь с Паустовским, получил ли он для Эди деньги из «Нови».

Привет всем.

Лида.

29.III

Деньги шлите по адресу: Дальницкая 3, Лидии Густавовне Багрицкой

Следовательно, текст И. Бабеля был написан не ранее ноября 1924-го и не позднее февраля 1925 г.

1. Одесса / Бабель И. Сочинения в 2-х томах. — Т. 1. — М., 1990. — С. 62.
2. Катаев В. Алмазный мой венец. — М., 1994. — С. 201.
3. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. — М., 1989. — С. 268.
4. «Пишите по Катаевскому адресу, но обязательно так: Валентину Катаеву для Гехта. Иначе могут возникнуть недоразумения» / Яворская А. Письма Семена Гехта в фондах ОЛМ // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. — Вып. 3. Т. 2. — Од., 2004. — С. 239. См. также: Ильф Александра. Неизвестная переписка Ильфа. Биографический очерк. Комментарии / Илья Ильф, или Письма о любви. — М., 2004. — С. 82.
5. Бабель И. Сочинения в 2-х томах. — Т. 1. — М., 1990. — С. 238. Подробнее о переписке И. Бабеля с И. Лившицем см.: Исаак Бабель: Письма другу/ Сост. Е. И. Погорельская. — М., 2007.
6. Нарбут Владимир Иванович (1888–1938) — поэт-акмеист, в 1920 г. жил в Одессе, был заведующим «ЮгРОСТА» (позднее «ОдУКРОСТА»). С 1921 г. руководил УкРОСТА в Харькове. В 1922 г. был ответственным работником отдела печати ЦК РКП(б), организовал и возглавил акционерное кооперативное издательство «Земля и фабрика» (ЗиФ). Репрессирован.
7. Впервые опубликовано: Бондарин С. Златая цепь. — М., 1971. — С. 67.
8. Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1940) — журналист, писатель, основатель и редактор журнала «Огонек». Репрессирован.
9. Впервые опубликовано: Знамя. — М., 1964. — № 8. — С. 147 (публикация Л. Я. Лившица). Письмо не учтено в изданиях И. Бабеля. В «Сочинениях в двух томах. — М., 1990» и в «Собрании сочинений в четырех томах. — М., 2006», приводятся лишь письма И. Лившицу и В. Нарбуту от 17 апр. 1923.
10. Илья Ильф.
11. Письмо С. Бондарина А. Дунаевскому 21/ IV [1923] из Москвы в Одессу. ОЛМ, Р-1739. Алексей Дунаевский — друг детства С. Бондарина.
12. Акт приема № 131 от 4 июня 1979, по дарственной.
13. Литературная газета. — Москва, 1962. — 1 янв.
14. Кольчев (Сиркес) Осип Яковлевич (1904–1973) — поэт, переводчик, сын одесского журналиста Якова Сиркеса (Фауста). Родился в Одессе. Начал печататься в 1920 г.; публикации в газете «Известия», журнале «Шквал». Участник литературной организации «Потоки Октября». Уехал из Одессы в 1928 г. Автор песен «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян», «Несокрушимая и легендарная». Прототип автора «Гаврилиады» Ляписа-Трубецкого в «12 стульях» И. Ильфа и Е. Петрова.
15. Акт приема № 818 от 19 июня 1981, пр. ф/ком. от 14 мая 1981, по дарственной.
16. И. Ильф и К. Паустовский в 1920–1921 гг. работали в Опродкомгубе (Особой губернской продовольственной комиссии по снабжению Красной Армии).

17. Славин Лев Исаевич (1896–1985) — писатель, автор пьесы «Интервенция», романов «Наследник», «Арденские страсти». Родился в Одессе, уехал в Москву в 1924 году.
18. Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) — писатель, в 1919–1921 жил в Одессе. Публиковался в газете «Моряк».
19. Мельница Ванштейна — правильно Вейнштейна. Находилась на Пересыпи, Московская, 20.
20. Александрийская линия — регулярный рейс из Одессы в Александрию, с заходом в Константинополь, Смирну и Пирей.
21. Гребнев (Грибоносов) Григорий Никитич (1902–1960) — писатель, журналист. Родился в Одессе, работал с 14 лет, участник Гражданской войны. Член литературной организации «Потоки Октября». В 1920-х гг. был сотрудником четвертой полосы газеты «Гудок». Литературную деятельность, согласно справочникам, начал в 1930. Писатель-фантаст, автор романов «Арктания» (1937), «Южное сияние» (1939), роман «Мир иной» (опубликован в 1961) после смерти автора по черновикам написал А. Стругацкий.
22. Бабель И. Соч. в двух томах. — Т. 2. — М., 1990. — С. 567. «Написано в 1923 г. как предисловие к коллективному сборнику начинающих писателей. Издание не было осуществлено. <...> Печатается по тексту первой публикации».
23. Гр. Гребнев (Грибоносов) «Записная книжка и “петушки” (страницы недавнего прошлого)». — Машинопись. — С. 14–16. ОЛМ, Р-2594 КП-27068. Частично опубликовано: Яворская А. «Ну писал там какой-то Бабель, и не стало его — делов!» / Мигдаль. — Од., — 2004, № 52.
24. Ошибка, Э. Багрицкий уехал в 1925 г., С. Гехт в 1923 г.
25. Ошибка, до 1931 г. редактором журнала был М. Кольцов.
26. О. Колычев. Полнокровие. — Часть 4. — Машинопись. — С. 18. ОЛМ, Р-391 КП-810.
27. Паустовский К. Книга скитаний. — М., 1964. — С. 30–31, 33, 34–35.
28. Библиотека «Огонька» // Огонек. — 1924, М. — № 47 (86), 16 нояб. — С. [12].
29. Машинописные копии сделаны В. К. Паустовским, переданы в ОЛМ в 1987 г.
30. В журнале «Красная новь» за 1925 г. были напечатаны стихи Багрицкого «Баллада об арбузе» (№ 3) и «Разбойник» (№ 8).
31. Екатерина Степановна Загорская (1889–1969) — первая жена К. Паустовского.

ПАРИЖ — МОСКВА И... ОДЕССА

Публикуемые ниже документы из личных фондов писательницы и журналистки Татьяны Николаевны Тэсс (настоящая фамилия Сосюра, 1906–1983) и драматурга Александра Константиновича Гладкова (1912–1976) хранятся в Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Эти документы, разные по характеру и объему, в то же время объединены не только именем И. Э. Бабеля, но и двумя его рассказами — «Улица Данте» и «Нефть». Оба документа цитируются в моей статье о новелле «Улица Данте»¹.

Речь идет о письме писателя к Тэсс от 25 февраля 1933 года², отправленном из Парижа в Москву, и о статье Гладкова «Париж — Москва»³ — рецензии на «Улицу Данте» и «Нефть», написанной в ноябре 1934 года.

С одесситкой Татьяной Тэсс Бабель познакомился в Москве, в доме у писателя Михаила Левидова, в 1930 году. «Я никогда не встречала Бабеля в Одессе, хотя для обоих нас Одесса была родным городом, — вспоминала Тэсс. — Он уехал оттуда много раньше, чем я, до Одессы только долетали слухи о стремительном успехе его первых, напечатанных в Москве рассказов»⁴.

Однако именно глубокая привязанность к «родному городу» более всего скрепляла их дружбу. «Одессу Бабель любил нежной и верной любовью, все было ему здесь по душе, все казалось знакомым и милым сердцу. Он наслаждался веселым и певучим одесским говором, общительностью одесситов, их приветливостью и юмором. В Одессе он расцветал, молодец, был весел и неутомим»⁵.

В августе 1936 года Бабель и Тэсс оказались в Одессе одновременно. Они почти каждый вечер бродили по улицам города, Бабель показал ей дом, где жил в детстве. Особенно нравились Бабелю Ближние Мельницы, куда Тэсс каждое лето приезжала к своей матери, О. Н. Сосюре, Бабель даже мечтал поселиться там по соседству с Ольгой Николаевной.

Одесская тема присутствует и в письмах писателя, адресованных Тэсс и ее матери. В личном архиве Тэсс сохранилось восемь писем Бабеля к ней, датированных 24 апреля 1932 — 17 ноября 1936 года, а также

И. Бабель. Фото Т. Тэсс.
Одесса, начало 1930-х гг.

рассказов Бабеля. Здесь мы впервые приводим по автографу текст данного письма:

*Париж, 25/II 33
Дорогая Т. Н.*

Веет весенний ветер. Пора ехать домой. Жду итальянской визы и денег — даже больше денег, чем визы. Как только получу то и другое — выеду в Сорренто, оттуда в Москву⁷. Скоро увидимся. Закатим бал по поводу возвращения. Что вы об этом скажете?

От Регинина⁸ за все время ни строчки. Все суэта и пена морская, телефон, гости и bavadage⁹... О сердце-то и забыли...

Лившицы¹⁰ тоже молчат. Все ли у них благополучно? Я написал им недавно¹¹ и жду ответа с величайшим нетерпением. Если не лень, расскажите, как они живут.

Рассказ мой, надо думать, поверг редакцию в уныние. Следующий зато — полон благонамеренности и актуальности. Впрочем — и за первый надо платить, если он принят. Видно, при новом секретаре порядки похужели. Заплатите, пожалуйста, поскорее, а то гнездо мое в Москве разрушается¹²; по приезде я застаю груду обуглившихся костей.

Работал я здесь порядочно, становлюсь графоманом — но все без расчета, как бог на душу положит. Теперь вспомнил, что журналы (на погибель искусству) выходят ежемесячно, ужаснулся и что-то такое сколачиваю. Работать мешала и мешает бедность. Червонцы тут не в ходу.

Если увидите любимого мною Цыпина¹³ — поклонитесь ему.
Когда приеду, расскажу вам множество историй, а вы бы мне сюда написали о всеобщей нашей жизни. Адресовать можно по-прежнему в Париж — если я и уеду, мне переишлют.

Спасибо за письмо, за память. Я вам друг, Татьяна Николаевна.

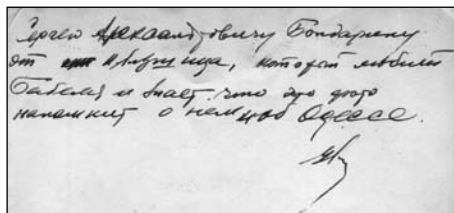
Votre très devoué¹⁴

ИБ.

Поклонитесь от меня Льву Абрамовичу¹⁵. Получил письмо от Левушки Никулина¹⁶ из Istamboul'a.

Для какого издания он послал первый рассказ и собирался послать второй, установить не удалось. Это могли быть «Известия», или «Огонек», или журнал «30 дней», где впервые была напечатана «Улица Данте», или газета «Вечерняя Москва», где была опубликована «Нефть». В этих изданиях Тэсс активно сотрудничала. В пользу того, что в письме говорится именно об «Улице Данте», свидетельствует тот факт, что в личном архиве Тэсс сохранилась машинопись новеллы с авторской правкой¹⁷. Характер же шутливого высказывания Бабеля о своих рассказах в приведенном письме не оставляет сомнения, что «следующим» произведением, полным «благонамеренности и актуальности», была «Нефть».

В машинописи «Улицы Данте» из архива Тэсс так же, как и в машинописи из фонда альманаха «Год XVI», есть лирический фрагмент об Одессе, не вошедший в окончательный текст, с небольшим разночтением. Уместно будет привести этот небольшой фрагмент по машинописи из архива Тэсс. После слов «С этой мыслью я уехал в Марсель» следует фраза: «Там увидел я родину свою — Одессу, такую,

Дарственная надпись И. Лившица С. Бондарину на обороте фотографии. 1960-е гг.

И. Бабель. Фото Т. Тэсс. Одесса, начало 1930-х гг.

какою она стала бы через двадцать лет, если бы ей не преградили прежние пути; увидел неосуществившееся будущее наших улиц, набережных и кораблей»¹⁸.

5 мая 1933 года Бабель сообщает матери и сестре, что М. Горький взял у него для альманаха «Год XVI» три рассказа. Всего же в фонде альманаха сохранились машинописи пяти его произведений — «Мой первый гонорар», «Нефть», «Улица Данте», «Фроим Грач» и «Начало»¹⁹.

Рассказы не были приняты к публикации в альманахе. Исключение составил мемуарный очерк «Начало», который был написан и напечатан позднее, в 1938 году, в альманахе «Год XXI», книга 13²⁰.

Против помещения новелл в альманахе «Год XVI» категорически возражал А. Фадеев: «Рассказы, по-моему, не удачны и лучше будет для самого Бабеля, если мы их не напечатаем»²¹. В. Ермилов же, отвергнувший рассказ «Улица Данте», высказался, тем не менее, за печатание «Нефти»²².

Однако не только в редакции «Года XVI», но и среди друзей Бабеля рассказ «Улица Данте» не сразу оценили по достоинству. Так, Сергей Бондарин вспоминал о своем недоумении, которое он испытал во время чтения Бабелем его новых рассказов («Гюи де Мопассан» и «Улица Данте»). «Вторым был прочитан рассказ “Улица Данте”, — пишет мемуарист. — Не замечая легкого шороха внимания, возникающего то здесь, то там, я вслушивался в звуки чтения, следил за развитием сюжета, ожидая разгадки: “К чему все это?” — и чувствовал недоумение. Больше! Я был озадачен: то, о чем повествовал Бабель, казалось мне не заслуживающим серьезного рассказа. Я не узнавал автора “Смерти Долгушова” или “Заката”»²³.

Как бы то ни было, обе новеллы — «Улица Данте» и «Нефть» — все же увидели свет в начале 1934 года. «Нефть» была напечатана в газете «Вечерняя Москва» 18 февраля, «Улица Данте» — в мартовском номере журнале «30 дней»²⁴. Но и после публикации рассказов критика подошла к «Улице Данте» довольно односторонне. Вот, например, фрагмент о двух новеллах Бабеля из обзора Б. Бегака: «Недавняя новелла “Нефть” в речевом смысле уже весьма простая — письмо без мотивировки и почти без всякой характеристики пишущей его женщины, — а фигура пишущей зрима и осязаема. Культура детали, столь необходимая новеллисту, у Бабеля стоит высоко. “Улица Данте” — один из новых сравнительно его рассказов, — сюжетно мало

замечательный, в повествовательном отношении вбирает в себя, можно сказать, основную силу бабелевской фламандской живописи»²⁵.

Александр Гладков, известный в первую очередь как автор знаменитой комедии «Давным-давно» и воспоминаний о Вс. Мейерхольде и Б. Пастернаке, начинал как театральный репортер.

В публикуемой ниже статье — рецензии на два рассказа Бабеля — двадцатидвухлетний Гладков выступил в качестве литературного критика. В этой статье он выражает чувство неудовлетворения «применением мастерства» в «Улице Данте» и отдает предпочтение «Нефти», восхищаясь ее композицией и слогом. По Гладкову, «Улица Данте» — эпилог к ненаписанному циклу «парижских рассказов», а «Нефть» открывает новый в творчестве писателя цикл рассказов о Москве.

Если с первым утверждением — об «Улице Данте» — вряд ли можно согласиться, то в рассказе «Нефть» на самом деле по-бабелевски скупо, несколькими строками, но очень зримо изображена Москва того времени:

«Москва вся изрыта, в окопах, завалена трубами, кирпичами, трамвайные линии перепутаны, ворочают хоботом привезенные из-за границы машины, трамбуют, грохочут, пахнет смолой, дым идет, как над пожарищем... Вчера на Варварской площади видела одного парня... Рожа широкая, красная бритая голова блестит, косоворотка без пояса, на босу ногу сандалии. Прыгали мы с ним с кочки на кочку, с горы на гору, вылезали, снова проваливались...

— Вот она, когда сражения пошла, — он мне говорит. — Теперь, барышня, в Москве самый фронт, самая война...

Рожа добрая, улыбается, как ребенок. Так его и вижу перед собой...»²⁶

К имени Бабеля Гладков возвращался не раз. Он упоминает Бабеля в своих мемуарах «Встречи с Пастернаком». Сохранилась интереснейшая дневниковая запись Гладкова — свидетельство о его личном впечатлении от Бабеля. 28 февраля 1934 года Гладков присутствовал на авторском чтении пьесы «Мария» и рассказа «Улица Данте». «В помещении Литературного музея в Ваганьковском переулке И. Бабель читает пьесу “Мария” и новый рассказ “Улица Данте”, — записал он в дневнике. — Читает он превосходно, под сплошной смех. И сам он тоже симпатично смешной, с носом пуговкой, в круглых очках с немодной оправой, с какими-то выразительнейшими, вкусно

артикулирующими губами, с лукавой усмешкой... Чтение так ярко, что до сих пор помню все интонации. “Мария” — вещь гениальная, рассказ “Улица Данте” тоже мастерский, но более инерционный. “Мария” очень трудна будет для театра своей простотой и лаконизмом. Не знаю, правомерно ли такое сравнение, но мне захотелось сказать, что она почти так же трудна, как трудны для сцены маленькие драмы Пушкина. Почему-то народу было не очень много... Я долго не мог прийти в себя от этого редкого праздника искусства»²⁷.

В 1964 году в газете «Литературная Россия» перепечатывает из «Журнала журналов» за 1916-й ранние очерки писателя «Публичная библиотека» и «Девять». В небольшом предисловии к этой публикации, спустя тридцать лет, Гладков возвращается к основной идее, выраженной в статье «Париж — Москва». «Один из последних рассказов И. Бабеля “Нефть”, — писал он в 1964 году, — этот маленький шедевр, с содержанием, в котором присутствует спрессованный до крепости алмаза роман, показывает черты этой новой манеры, начисто лишенной привычной бабелевской декоративности, словесной пышности, причудливой смеси натурализма и почти оперной красоты. <...> Неверно думать, что начало новой манеры у художника и писателя обязательно открывается лишь с полным отказом от прежней манеры, или, что это происходит сразу, как говорится, в один прекрасный день. Какое-то время пишутся вещи поочередно, то в прежней, то в новой манере, или в манере, соединяющей стилистические признаки обеих манер. Писатель ищет, пробует, проверяет себя, что-то отбрасывает, к чему-то возвращается. После совершенно качественно новой и своеобразной “Нефти” появляется рассказ “Улица Данте”»²⁸.

Но время все расставило по своим местам. Сейчас никто уже не усомнится в том, насколько прекрасна новелла «Улица Данте», и, конечно же, ни в какое сравнение с ней не идет написанная на злобу дня «Нефть». Да и прочитав приведенную ниже статью Гладкова, читатель, может быть, и согласится с нами, что именно та часть его работы, которая посвящена «Улице Данте», несмотря на весьма субъективные понимание и оценку новеллы, все же интереснее и тоньше той ее части, в которой говорится о рассказе «Нефть».

1. Погорельская Е. «В дыму и золоте парижского вечера...» Исторический и литературный контекст рассказа И. Бабеля «Улица Данте» // Вопросы литературы. 2010, № 1. С. 277–302.
2. РГАЛИ. Ф. 3108. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 3.
3. РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 84–94.
4. Тэсс Т. Встречи с Бабелем // Воспоминания о Бабеле. — М.: Книжная палата, 1989. — С. 219.
5. Там же. С. 230.
6. См.: Бабель И. Собр. соч. В 4-х т. — Т. 4. — М.: Время, 2006. — С. 301–302, 337.
7. Бабель провел в Италии полтора месяца, с середины апреля по конец мая 1933 года, он посетил Сорренто, Неаполь, остров Капри, Рим и Флоренцию; 28 мая писатель вернулся в Париж. Два названных письма, а также письмо из Одессы от 17 ноября 1936 года впервые были напечатаны в отрывках Л. Лившицем в журнале «Знамя», 1964, № 8.
8. Регинин Василий Александрович (1883–1952), журналист, один из создателей журнала «30 дней».
9. Болтовня (франц.).
10. Лившиц Исаак Леопольдович (1892–1978), издательский работник, близкий друг Бабеля, его товарищ по Одесскому коммерческому училищу; Лившиц (урожденная Верцнер) Людмила Николаевна (1901–1965), жена И. Л. Лившица. Семья Лившицев была близко знакома с Тэсс.
11. Сохранилось только одно письмо этого времени из Парижа, адресованное Л. Н. Лившицу, — от 15 февраля 1933 года (см.: Бабель И. Письма другу: из архива И. Л. Лившица. — М.: Три квадрата, 2007. — С. 87).
12. Бабель тогда жил в Москве в Большом Николо-Воробинском переулке; незадолго до отъезда во Францию летом 1932 года он познакомился с Антониной Николаевной Пирожковой.
13. Цыпин Григорий Евгеньевич (1899–1938, расстрелян) — заместитель главного редактора «Известий», в 1933 году возглавлял издательство «Федерация», позднее работал в Детгизе. См. о нем в связи с Бабелем мемуары Л. Никулина в сб.: Воспоминания о Бабеле. С. 139.
14. Преданный вам (франц.).
15. Туммерман Лев Абрамович (1900–1986), биофизик, в тот период муж Тэсс.
16. Никулин Лев Вениаминович (1891–1967), писатель.
17. Помимо «Улицы Данте» с авторской правкой, в своем личном архиве Тэсс сохранила машинопись рассказа «Справка» (с заголовком «Мой первый гонорар») и две журнальные вырезки с рассказами «Ди Грассо» и «Поцелуй» (РГАЛИ. Ф. 3108. Оп. 1. Ед. хр. 126).
18. РГАЛИ. Ф. 3108. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 7.
19. РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 42.
20. Появлению очерка в альманахе «Год XXI» предшествовала его одновременная публикация в «Литературной газете» и в «Правде» 18 июня 1937 года.
21. РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 26. См. также: Ковский В. Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. — 1995. — Вып. 1. — С. 34.
22. РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 24, 27.
23. Бондарин С. Прикосновение к человеку // Воспоминания о Бабеле. — С. 100.

24. Два других рассказа — «Фроим Грач» и «Мой первый гонорар» — не были напечатаны при жизни писателя. Они впервые были опубликованы в альманахе «Воздушные пути», книга 3 (Нью-Йорк, 1963).
25. Бегак Б. Советская новелла // Знамя. — 1935, № 7. — С. 251.
26. Бабель И. Указ. изд. — Т. 3. — С. 134–135.
27. Гладков А. Театр. Воспоминания и размышления. — М.: Искусство, 1980. — С. 17–18.
28. Литературная Россия. — 1964, № 11 (63), 13 марта.

ПАРИЖ — МОСКВА

А. К. Гладков

О новых новеллах И. Бабеля

И. Бабель печатается редко и мало. О причинах этого он убедительно говорил на Всесоюзном съезде писателей¹. За последний год им опубликованы всего две новеллы: «Нефть» в газете «Вечерняя Москва» и «Улица Данте» в журнале «30 дней»². Оба эти произведения необычайно характерны для эволюции бабелевского новеллического (sic!) мастерства и заслуживают того, чтобы быть внимательно разобранными.

«Улица Данте» рассказывает об одном весьма банальном парижском происшествии, близким свидетелем которого случайно оказался автор, — об убийстве продавщицей перчаток Жерменой бросившего ее любовника. Фон этого происшествия: «дым и золото парижского вечера», «прибой Парижа», «истертая сеть Латинского квартала», белые тенты кафе, отельная любовь, неизбежные консержки — весь тот хорошо известный парижский антураж, одно перечисление которого вызывает совершенно определенные и чрезвычайно богатые стилистические и бытовые ассоциации. Автор рассказывает о происшествии на улице Данте, слегка иронизируя и немного скучая. Равнодушное любопытство, вежливая точность привычного рассказчика, остроумие, прикрывающее сдерживаемый зевок — вот что чувствуется в подтексте повествования. Таков тон рассказа, такова авторская интонация, являющаяся доминантой новеллической композиции. Эта интонация сама по себе гораздо

интереснее и содержательнее простенькой фавулы новеллы, банальность которой не скрывает, а как бы даже подчеркивает автор, опираясь на нее своим голосом.

Зачем автор рассказывает все это? — Je ne sais pas, mon vieux³... — ответит Бабель, слегка грустно и иронически улыбаясь... Почему? Да потому что рассказывается, черт побери!.. В этом ответе не будет позы, или, во всяком случае, ее в нем будет не больше, чем в повествовательной интонации новеллы. Бабель будет искренен с нами в этом воображаемом ответе, как он, несомненно, искренен в тоне своего повествования, но какая это искренность, что находится за нею — об этом стоит хорошенько подумать.

Бабель не пришел к теме Парижа, — он вернулся к ней. Стилистические реминисценции этой темы отражались во всем его творчестве, недаром в своей автобиографии он пишет, что первые рассказы были им написаны на французском языке⁴. Бабель вернулся к этой теме и испытал при возвращении то классическое досадное и горькое чувство, которое, по литературной традиции, испытывает всякий, возвращающийся на покинутую родину.

— Так это то, что мерцало в моих снах, то, что согревало мой стилистический пафос? — как бы спрашивает Бабель. Он не отворачивается от своей литературной родины, вдруг ставшей чужой и слишком понятной, нет, он гурман и дегустатор всех тонких оттенков человеческих чувств, находит известное удовольствие в смаковании горечи этого узнавания. — Да, таков Париж! Он даже готов им восхищаться. Он поет гимн парижской отельной любви, но сколько двусмысленности в этом восхищении, сколько горечи в этом гимне... И если искать в новелле идейного смысла, то он не в фавуле ее и даже не в сюжете, а именно в этой повествовательной интонации, в том осадке неуловимой горечи и презрения, которая остается после прочтения новеллы. Стилистический эффект является идейным эффектом.

Словесное мастерство Бабеля достигает в «Улице Данте» необычайной высоты. Мы знаем три наиболее популярные слоговые манеры. Это: сухой и ясный, предметно-описательный, лаконичный, твердый слог Пушкина и Мериме, поэтический, красочный, полный сравнения, метафор и всевозможных риторических фигур слог Жироду и Олеси и разговорно-интонационный слог Зоценко и Генри. Бабель в «Улице Данте» не пользуется какой бы то ни было одной из

этих манер; он в своем стиле сплавляет все три манеры и добивается того, что его стиль достигает такой степени выразительности, что он кажется почти олицетворением мечты Флобера о стиле как абсолютном способе видеть мир. Возьмем наудачу небольшой отрывок текста из «Улицы Данте». Ну хотя бы то место, являющееся «пуантом» новеллы, когда рассказчик узнает об убийстве м-е Бьеналья... «Я нашел жандармов у порога моей комнаты. Дверь из номера Бьеналья была растворена. Он лежал на полу в луже крови с помутившимися и полузакрытыми глазами. Печать уличной смерти лежала на нем⁵. Он был зарезан, мой друг Бьеналь, и хорошо зарезан...»

Этот отрывок состоит из протокольно точных первых трех фраз, метафорической четвертой фразы и разговорно-интонационной — пятой. Стилистически — отрывок построен музыкально совершенно. Протокол переходит в стихотворение («печать уличной смерти»), и стихотворение обрывается в снижающей иронии разговорной речи. В этом небольшом куске текста спроецирован весь художественный замысел новеллы. В органическом сочетании трех слоговых манер — контрапункт тех мироощущенческих противоречий, которые являются темой новеллы, — то узнавание Парижа, о котором мы говорили выше. Чемпион литературного вкуса, Бабель прекрасно знает меру банального и оригинального. Снижающее заключение («Он был зарезан, мой друг Бьеналь, и хорошо зарезан...») не было бы так впечатляющим, если бы метафорический взлет перед этим заключением был не столь высок. «Высота» метафоры есть ее общедоступность. Гоголь говорил о том, что самый «высокий» поэтический образ граничит с общим местом. Метафора Бабеля («Печать уличной смерти») сугубо не оригинальна, ее тривиальность сознательна, это знак той «высоты», которая здесь необходима. Она тривиальна, ибо здесь Бабелю нужна метафора, которая не задержала бы на себе внимания своим конкретным содержанием, ему нужна не метафора, а ощущение метафоры, поэтическое «общее место».

Вся новелла построена на таких же конструктивно-тонких и эмоционально безошибочных стилистических ходах. Анализ их даст нам право говорить, что стилистический эффект новеллы есть ее идейный эффект.

Но все же, как бы ни было зрело и прекрасно новеллическое мастерство Бабеля, это мастерство не способно нас слишком радовать,

если ему дано выражать только негативные чувства человека, чувства горечи, презрения, унылого любопытства, недоумения, разочарования... Одна новелла Бабеля стоит целой книги другого писателя. Поэтому эстетическое удовольствие, которое доставила нам «Улица Данте», не может покрыть того чувства неудовлетворения, которое мы получили от нового произведения мастера. Неудовлетворения не мастерством, но применением мастерства. Полной противоположностью «Улице Данте» в этом смысле является вторая новелла Бабеля, напечатанная в этом году, «Нефть». О ней следует поговорить еще более подробно, чем о первой.

Итак, вторая новелла, напечатанная Бабелем в 1934 г., называется «Нефть». Ее открывают и закрывают многоточия. Это отрывок какого-то письма, автор которого почти так же загадочен, как и его адресат. Мы говорим, что автор письма загадочен в смысле биографически-анкетном, ибо по существу автор этого письма и герой бабелевской новеллы Клавдия Павловна — управделами Нефтесиндиката — чрезвычайно ясен, так, как бывают ясны не многие герои советских книг. Впрочем, почти также ясны и все другие персонажи новеллы. Четыреста газетных строк «Нефти» вмещают в себя такое обилие жизни, столько человеческих драм и комедий, событий, происшествий, чувствований, что можно говорить об этом произведении, как об эмбрионе большого романа. Кроме автора письма — главной героини новеллы, со строк «Нефти» встают, как живые, наивная и милая «женщина XIX века» Зинаида Мурашева⁶, лицемер и себялюбец «Макс и Мориц», косный в своей честности профессор Виктор Андреевич Клоссовский, женщина-врач, элегантная специалистка по нелегальным абортам Роза Михайловна, юное и зазнавшееся безымянное «начальство» и совсем уже таинственный, очерченный одной скупой фразой жалкий и симпатичный «черт», вероятно, муж Клавдии Павловны. В новелле мастерски передана атмосфера советских будней. Обстановка большого учреждения, домашняя, бытовая обстановка героев, изменяющийся пейзаж московских улиц — все это мелкими, но безошибочными деталями показано в «Нефти». Необычайная плотность повествования. Необычайно глубокий реалистический рельеф. Необычайный объем сюжетной схемы. Характеристики людей в «Нефти» предельно лаконичны. Подразумевается, что адресат письма вполне посвящен в дела и обстоятельства жизни Клавдии Павловны, подразумевается его

знакомство со всеми упоминаемыми в письме людьми. Это дает право автору так немного говорить о них. Но немного говорить о героях, это не значит мало сказать о них, особенно если это говорит Бабель. И подлинному адресату письма — советскому читателю — для полного понимания новеллы совершенно достаточно тех сведений, которые так скупо предоставляет ему автор. Достаточно, но вместе с тем и мало. Ему достаточно этих сведений, чтобы полюбить этих героев, но, полюбив их, ему хочется следить за ними на более значительном временном и пространственном поле, чем несложный сюжет новеллы. Это желание лежит в основе воздействия всякого художественного большого произведения и, естественно, что читателю «Нефти» хочется знать больше о героях новеллы. Но ему именно потому и хочется знать о них больше, что он о них уже что-то знает. А того, что он знает, вполне достаточно для усвоения всего содержания новеллы. Пропорции между характеристиками людей и рассказом о событиях в новелле соблюдены необычайно точно. Совершенное композиционное равновесие — едва ли не самое замечательное качество «Нефти». Это композиционное равновесие достигается не приведением всего содержания новеллы к некой устойчивой сюжетной формуле, которой обычно бывает дано оформлять выбранный художником материал; нет, с первого чтения новеллы в ней вообще трудно угадать новеллу; это отрывок письма, кусок живой жизни, человеческий документ — внутренний железный композиционный каркас ощущается только после многократного перечитывания «Нефти».

У нас часто под понятием композиции понимают каноническую сюжетную или фабульную формулу, и мастерство писателя понимают как его обладание солидным запасом таких формул и умение вгонять в них соответствующий материал. Но композиция — понятие более широкое и более подвижное. Это — искусство распределения пропорций и взаимного соотношения частей произведения. Композиция не повторяема, она индивидуальна, ибо целиком зависит от необходимости выражения определенного материала. Совершенство композиции бабелевской новеллы в том сложном и точном равновесии, в котором находятся характеристики героев произведения по отношению к событиям, по отношению к материальному фону, к пейзажу, описаниям, в единственном и непоколебимом сочетании пропорций и всех данных рассказа. Виртуозность этой композиции в ее лаконичности.

Новелла занимает всего четыреста газетных строк. Но эти четыреста газетных строк равны большому и просторному миру, для выражения которого другому советскому писателю не хватило бы и сорока страниц. Повторяем, при первом чтении «Нефть» производит впечатление куска живой жизни, подлинного человеческого документа. В непосредственности художественного воздействия огромная сила импрессионистического искусства. Бабель это понимает и желает достичь эффекта такой же непосредственности воздействия, прибегает в «Нефти» к приему, который может быть назван приемом стилизации импрессионистской формы. Именно стилизации. По существу, «Нефть» совсем не импрессионистична. Внутри новеллы господствует сложное и точное композиционное равновесие, о котором мы говорили выше. Но внешне новелла имеет форму отрывка, наброска, эскиза, она импрессионистична по своей форме, и в этом эффект свежести и непосредственности ее художественного воздействия. Отчетливая построенность произведения имеет свою дурную сторону. Она обычно выпячивает механику композиции на первый план и заставляет увлекаться не столько повествованием, сколько искусством изложения повествования. В «Нефти» Бабель сумел достичь необычайно трудного художественного результата, железно скроенное произведение он облек в эскизную импрессионистическую форму, и именно поэтому так трудно обнаруживаема в новелле механика ее композиции.

Таких же замечательных результатов достиг Бабель в слоге новеллы. В противоположность «Улице Данте», «Нефть» выдержана в единой слоговой манере. Это определяется простым и лишенным конфликтующих драматических противоречий идейно-эмоциональным содержанием произведения. «Нефть» написана разговорно-интонационным слогом, но это не классический новеллический «сказ» условного повествования, это совершенно конкретный лексический индивидуальный склад речи главного героя новеллы — автора письма Клавдии Павловны, управделами Нефтесиндиката. Это позволяет нам констатировать бóльшую реалистичность второй новеллы по сравнению с первой. Весь инвентарь людей, предметов, чувств, положений «Улицы Данте» — это много раз художественно названный, описанный и переписанный инвентарь, возвращаться к которому стоит лишь в том случае, если найдены новые оттенки (*sic!*) в привычном расположении красок,

новые световые контрасты. Подобный же инвентарь в «Нефти» литературно девственен. Бабель имеет счастье его образно называть впервые. Это придает кисти художника больше силы и уверенности в расположении мазков. Тона здесь очевиднее оттенков. Отсюда большая органичность и цельность словесного мастерства.

В повествовательном стиле обеих новелл отчетливо ощущается ироническая интонация. Но как по-разному звучит эта интонация в обеих новеллах. Если в «Улице Данте» эта интонация — искусная поза рассказчика, не знающего, как поинтереснее и поострее рассказать о в сущности хорошо знакомой, банальной драме, если в «Улице Данте» ирония — это формула снисхождения субъекта повествования к объекту, то в «Нефти» эта интонация служит прежде всего средством характерологического раскрытия субъекта повествования, в роли которого выступает уже не автор, а его скромная героиня, от первого лица которой ведется рассказ. Если в «Улице Данте» ироническая интонация — это формула снисхождения и презрения, то в «Нефти» — это формула любви. Огромная любовь героини рассказа к описываемым ею людям чувствуется в подтексте новеллы, и, раскрывая эту любовь героини через ироническую интонацию ее речи, Бабель мастерски рисует нам образ самой Клавдии Павловны, стесняющейся полноты собственных чувств и маскирующей их в шутивную иронию.

Недостаток места не позволяет нам сделать здесь более подробный анализ стилистических приемов, которые использует Бабель-новеллист в отношении к столь диаметрально противоположным темам и материалу, как темы и материал «Улицы Данте» и «Нефти». Было бы недопустимой натяжкой заявить, что эти приемы так же диаметрально противоположны друг к другу, как и содержание обеих новелл. Приемы могут быть теми же, но характер их использования вызывает совсем иные качественно особенные художественные эффекты в обоих случаях. Мы это ясно показали на примере использования Бабелем иронической интонации.

Переходя в новую стадию своего творческого развития, Бабель не отказывается от прежде накопленных им приемов мастерства. Но он внимательно и кропотливо пересматривает эти приемы, и, вероятно, этим объясняется его творческое длительное молчание за последние годы. «Улица Данте» — это естественный эпилог определенного, пускай ненаписанного цикла новелл на тему

Парижа. «Нефть» — такой же естественный пролог, может быть, также ненаписанного еще цикла на тему Москвы. Но если первый цикл оказалось возможным начать прямо с эпилога, если, по всей вероятности, он целиком так и не будет реализован, то про второй цикл можно с уверенностью сказать, что он обязательно будет написан (может, это будут не новеллы, а роман), обязательно, ибо «Нефть», в противоположность «Улице Данте», это мастерство на подъеме. «Нефть» — это продукт глубокого любовного изучения советского материала и сложной и медленной перестройки приемов собственного стилистического мастерства.

Бабелевская художественная требовательность по отношению к самому себе уже стала легендарной. Это самотребовательность, к сожалению, кажется, уже превратилась в своеобразную манию писателя, а превратившись в манию, ей недалеко до того, чтобы стать болезненной манией. Гипертрофия самотребовательности есть псевдоним бесплодия. Об этом не должен забывать Бабель. Он не должен забывать, что литература в нашей стране есть понятие прежде всего читательское. Он не должен забывать о той досаде, которую испытывает наш миллионный читатель, все реже и реже встречающий фамилию мастера на страницах наших литературных журналов. Читательское нетерпение в ожидании новых вещей писателя должно чрезвычайно ободряюще и радостно действовать на самого писателя, но все же не следует слишком злоупотреблять этим нетерпением. Этим дружеским упреком по адресу Бабеля нам хочется закончить нашу статью.

Ноябрь 1934.

1. Выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, Бабель со свойственным ему юмором, в частности, сказал: «Я заговорил об уважении к читателю. Я, пожалуй, страдаю гипертрофией этого чувства. Я к нему испытываю такое беспредельное уважение, что немею, замолкаю <...> Представишь себе аудиторию читателей человек в пятьсот секретарей райкомов, которые знают в десять раз больше нас, писателей, и пчеловодство, и сельское хозяйство, и как строить металлургические гиганты, и тоже — «инженеры душ», — тогда и чувствуешь, что тут разговорами, болтовней, гимназической чепухой не отделаешься. Тут разговор должен быть серьезный и вплотную. Если заговорили о молчании, то нельзя не сказать обо мне — великом мастере этого жанра» <...>

Надо сказать прямо, что в любой уважающей себя буржуазной стране я бы давно подох с голоду, и никакому издателю не было бы дела до того, как говорит Эренбург, кролик я или слониха. Произвел бы меня этот издатель, скажем, в зайцы и в этом качестве заставил бы меня прыгать, а не стал бы — меня заставили бы продавать галантерею. А вот здесь, в нашей стране, интересуются — а он кролик или слониха, что у него там в утробе, причем и не очень эту утробу толкают, — маленько, но не очень <...> и не очень допытываются, какой будет младенец: шатен или брюнет, и что он будет говорить и прочее. Вот, товарищи, я этому не радуюсь, но это, пожалуй, живое доказательство того, как в нашей стране уважаются методы работы, хотя бы необычные и медлительные» (Цит. по: Бабель И. Указ. изд. Т. 3. С. 38–39).

2. Рассказ «Нефть» был впервые опубликован в газете «Вечерняя Москва», 1934, № 37, 18 февраля, рассказ «Улица Данте» — в журнале «30 дней», 1934, № 3, март.
3. «Я не знаю, старина» (франц.).
4. В автобиографии Бабель писал об Одесском коммерческом училище и о своих первых литературных опытах: «Школа эта не забывается для меня еще и потому, что учителем французского языка был там m-г Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил: пейзажи и всякие авторские размышления выходили у меня бесцветно, только диалог удавался мне» (Бабель И. Указ. изд. Т. 1. С. 35).
5. В тексте Бабеля в рассказе «Улица Данте»: «Печать уличной смерти застывала на нем».
6. В точности такой характеристики у Бабеля в рассказе «Нефть» нет. Клавдия Павловна сообщает своему адресату: «Зинаида, будучи женщиной двадцатого столетия, заплакала, но характер выдержала...». Однако в другом месте автор письма пишет о той же Зинаиде: «На все один ответ: “Я не могу, чтобы у моего ребенка не было отца”, то есть девятнадцатое столетие продолжается...»

ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

В яркой плеяде одесситов, так или иначе повлиявших на ход истории и развитие культуры XX столетия, особенно заметны двое — Исаак Эммануилович Бабель и Владимир Евгеньевич Жаботинский. Первый — писатель, лидер литературной школы, возникшей в Одессе, второй — политик, без усилий которого вряд ли было бы возможно возникновение государства Израиль. Стараниями идеологов советского режима, многократно переписывавших историю, умалчивавших и запрещающих, имена писателя и политика должны были бы быть стерты из памяти не только одесситов, но, по крайней мере, всех граждан СССР. Во всяком случае, такая тенденция жестко осуществлялась в период 1939–1956 гг., и с большим или меньшим успехом — до середины 1980-х. Но поскольку оба — и Бабель, и Жаботинский являются фигурами не только локального, не только заметного в границах страны, но общемирового масштаба, то эксперимент по уничтожению их наследия оказался недостаточно успешным. Тем не менее, чудовищное насилие над исторической памятью не прошло бесследно. Оно привело к абберрациям сознания, которые не так-то легко преодолеть.

Довольно трудно представить себе советского писателя, каким был Исаак Бабель, и сиониста-ревизиониста, кем являлся Владимир Жаботинский, состоящими в каких-либо отношениях между собой. Но если абстрагироваться от навязанных идеологических шор, то выясняется, что между этими харизматическими личностями существует определенная связь. Она существует не только потому, что оба вышли из одного социального слоя, не только потому, что оба — евреи, и не потому, что родились в городе, о котором принято говорить: «Все одесситы — родственники». И даже не только потому, что принадлежали к одному цеху — цеху писателей и общественных деятелей.

Итак, что все-таки объединяет Владимира (Зеева) Жаботинского и Исаака Бабеля. Разве то, что мы, перечисляя знаменитых одесситов, ставим их имена через запятую? Иногда кажется, что они пришли

И. Бабель. Рисунок Н. Альтмана.
1928 г.

из разных времен или сошли с разных планет — виднейший сионист и писатель советского периода. Они представляются порождением различных эпох, едва ли не разных народов. Хотя чувство принадлежности к народу Завета было обостренным у обоих. Но реализовалось по-разному.

Владимир Жаботинский — весь действие, движение, целеустремленность. Политик, публицист, агитатор, пропагандист, борец — эти заезженные слова из цикла «пламенные революционеры» и употреблять-то неловко, но куда

денешься от правды. В виду абсолютной публичности избранного им пути, открытый, как ладонь, готовая и к пощечине, и к рукопожатию, сжигавший себя на огне великой идеи.

Эпитет-характеристика Исаака Бабеля тоже стал общим местом — загадочный, таинственный. Скрытный и лукавый мудрец, созерцатель, наблюдатель, любопытный, как та самая кошка, которую сгубило любопытство.

Можно сказать, используя известный образ, — всю жизнь Жаботинский разбрасывал камни, всю жизнь Бабель камни собирал. Что политика? Суета сует. Но этим суетным делом своим политик-сионист Жаботинский собрал целую землю. Ту самую, Обетованную. Пусть не он один, но не будь Жаботинского — кто знает, как бы выглядела сегодня карта мира? А что писательство? Высокий труд души. От которого Жаботинский сознательно отошел ради суеты политики. Писателем стал Бабель, бегущий суеты, «ищущий веселья».

Бабель, созерцатель и философ, певец блеска и нищеты диаспоры, свидетель гибели ветхозаветного еврейства, Бабель, собиравший слова-камни для своих рассказов. Жаботинский оставил миру новое государство, Бабель стал одним из создателей одесского мифа.

Оба они, Жаботинский и Бабель жили в сумасшедшем и трагическом пространстве двадцатого века, но в разных общественных

формациях новейшей истории. Один хотел конкретного еврейского государства, другой — абстрактной справедливости для всех. При этом были, как будто, друг другу неизвестны и неинтересны. Это, пожалуй, удивительней всего. Ведь оба — из лучших. И в европейской культуре, и в судьбе своего народа, не говоря уже о том, что оба — самые яркие, самые знаковые личности, порожденные Одессой в XX столетии. Могли бы стать противниками, в конце концов! Но один для другого как бы и не существовал вовсе. Это озадачивает. Такая неосведомленность друг о друге кажется невероятной, невозможной. И действительно, стоит только прикоснуться к их биографиям — обнаружится множество параллелей между ними. Не только параллелей — точек пересечения.

Оба родились в Одессе — Жаботинский в 1880 году, Бабель в 1894-м. Всего четырнадцать лет разницы — не такой уж громадный временной разрыв. Деда обоих были раввинами, отцы — торговцами. Отец Жаботинского был одним из главных скупщиков зерна, служащих в РОПиТе (Российском обществе пароходства и торговли), отец Бабеля торговал сельскохозяйственным оборудованием. Семьи жили почти рядом. Адреса Жаботинского — Базарная угол Ремесленной, Почтовая, Еврейская, Новосельская. Семья Бабеля (не считая первого адреса, на Дальницкой, на Молдаванке) тоже обреталась в центре города — на Ришельевской угол той же Почтовой (Жуковского). Могли встречаться по субботам в одной синагоге — Главной. Или в Бродской. Свидетельств о том, какие именно синагоги Одессы посещали семьи Жаботинского и Бабеля нет, но предположение, что ближайшие, оправдано регламентом иудаизма.

Обе семьи считали необходимым дать детям образование. Какой ценой — об этом любой может прочесть у Жаботинского в «Повести моих дней», а у Бабеля в — «Истории моей голубятни».

В. Жаботинский. Автопортрет.
1921 г.

«Четыре раза я держал экзамен для поступления в гимназию, в реальное училище, в коммерческое училище — и проваливался. С 1888 года был введен закон, согласно которому в государственные учебные заведения принимался один еврей на девять христиан, и поэтому возросла конкуренция между экзаменующимися Моисеева закона», — это Жаботинский.

«Харитон Эфрусси, торговец хлебом, экспортировавший пшеницу в Марсель, дал за своего сына взятку в пятьсот рублей, мне поставили пять с минусом вместо пяти, и в гимназию на мое место приняли маленького Эфрусси», — это Бабель.

В общем-то в этих двух текстах описана ситуация, в которой оказывались многие дети из небогатых еврейских семей. Параллельные линии. Не такое уж великое совпадение, чтобы ему удивляться. Как не удивительно и то, что оба в конце концов поступили в учебные заведения.

Жаботинский в 1895 г. был принят в пятый класс Ришельевской гимназии: «Порою я отправлялся поутру в гимназию, — но вот улыбается солнышко, распустилась сирень... и я бросал ранец в бакалее, что была около нашего дома, и бежал в порт ловить раков на огромных камнях мола, которые называют «массивами»...

Бабель поступает в 1906 году в Одесское коммерческое имени императора Николая I училище, как раз в то самое, в которое не был принят Жаботинский. «Это было веселое, шумливое разноязычное училище, — пишет Исаак Эммануилович в «Автобиографии». — На переменах мы уходили в порт, на эстакаду...»

«Сестра научила меня читать по-русски, мне было восемь лет, когда один из наших соседей вызвался обучать нас обоих древнееврейскому языку... Я протестую против басни, будто я не знал слов «Берешит бара элохим («И создал Господь» — первые слова книги Берешит, начало торы. — Е. К.)» до того, как вступил в лагерь сионистской деятельности. Мама никогда не допустила бы этого!»

«По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук».

Стоит ли говорить, что первая фраза принадлежит Жаботинскому, а вторая — Бабелю и не только потому, что в них есть упоминание о «лагере сионистской деятельности». Здесь уже различие интонационное: Жаботинский настаивает на том, что знал «древнееврейский»

язык с детства. Бабель же сообщает, что учил «еврейский» по настоянию отца. Первый свободен в своих писаниях, второй должен оглядываться на обстановку в стране. Но если отбросить эту деталь, то факты совпадают — три языка были родными для обоих — русский, идиш, древнееврейский. Впрочем, и эта параллель не удивительна — знание этих трех языков было естественным в буржуазных еврейских семьях Одессы. Вообще, каждый нормальный одессит знал хуже ли, лучше ли несколько языков. «На десяти языках болтали его (города Одессы. — Е. К.) жители...», «лучшая песнь человечества — сто языков».

Автор этих строк из романа «Пятеро» Владимир Жаботинский свободно владел (по разным источникам) семью или десятью языками. А Бабель? «...с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил...» Свободно владел немецким.

Впервые Бабеля напечатали в 1913 году. Не на французском — на русском языке. Это был рассказ «Старый Шлойме», Бабеля было тогда девятнадцать.

Первая статья Жаботинского была опубликована, когда ему исполнилось семнадцать, в 1897 г. «Ремесло свое я избрал в детстве: начал писать уже в десятилетнем возрасте», — напишет он впоследствии.

«Не сосчитать всех рукописей, что я посылал редакторам и получал назад — или не получал — в возрасте между 13 и 16 годами. Я уже отчаялся в своей будущности, уже страшился, что мне написано на роду быть адвокатом или инженером».

«Тогда, в 1915 г. я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку, но я не послушался их...»

Похоже, не правда ли? Хотя и это всего лишь параллель. Первые шаги в литературе часто бывают похожи. Большинству молодых авторов приходится преодолевать недоверие и пренебрежение редакторов. Но если учесть, что оба причастны к деятельности Одесского литературно-артистического общества, и написали об этом — Жаботинский в романе «Пятеро», Бабель в статье «Листки об Одессе», то сходство становится более конкретным. Хотя для Жаботинского «Литературка» (так называли в разговорной речи Литературно-артистическое общество) значила довольно много, а для Бабеля —

чуть. Сказались четырнадцать лет разницы во времени. К 1918 году роль «Литературки» в жизни Одессы была менее значительна, нежели в начале 1900-х, когда его участником был Владимир Евгеньевич.

А вот переехали они «насовсем» из Одессы с разницей лишь в один год. Жаботинский — в 1915 году, Бабель — в 1916-м. Жаботинский — уже вполне сформировавшейся личностью, определивший для себя цель и смысл существования, Бабель — в поисках своего предназначения. Жаботинский уезжает навсегда, Бабель еще не раз вернется в Одессу.

Но с этого времени для них начинается совсем разная история и разная география. Бабеля швыряло щепкой по волнам времени Первой мировой войны и войны гражданской в пределах границ рушащейся Российской империи. Жаботинский пытался изменить время, мечась по Европе и Ближнему Востоку, убеждал правительство Британии в необходимости создания Еврейского легиона. Оба были солдатами. Оба рисковали жизнью. Оба были бесстрашны. Оба описали войну, участниками которой были. Хотя это были совсем разные войны.

В 1920 году Исаак Бабель служит сотрудником политотдела Первой конной армии Буденного на польском фронте, а Владимир Жаботинский, командир «Хаганы», за борьбу с погромщиками в Иерусалиме брошен в тюрьму Акко. В том же 1920 году Бабель начинает публиковать «Одесские рассказы», затем «Конармию», его имя выдвигается в первый ряд европейских писателей. Жаботинского, чье имя уже известно во всем мире, английские власти освобождают под нажимом «общественного мнения». Когда в 1939 году в тюрьму попадет Бабель, никакое «общественное мнение» не попытается, да и не сможет его спасти — в это время «общественное мнение было легче пуха» по сю сторону железного занавеса.

Тем не менее, однажды их пути — Бабеля и Жаботинского — пересекутся в самом прямом смысле этого выражения. Произойдет это во Франции, в Париже. Известно о встрече станет много позднее. Не из романов и мемуаров. Из внелитературных источников.

В 1996 году вышла книга Сергея Поварцова «Причина смерти — расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля», где автор приводит документы из закрытых ранее архивов Лубянки. Поварцов пишет: «...парижская встреча с соотечественниками, о которой мы узнаем

благодаря бабелевским показаниям на Лубянке. На сей раз это земляки, одесситы, причем один из них очень известен — Владимир Евгеньевич Жаботинский, теоретик сионизма, литератор и переводчик...»

В 1935 году Жаботинский «основал новую сионистскую организацию». (Названная дата дает нам основания предположить, что Бабель и Жаботинский встретились именно в этом году. В 1935 году Бабель в последний раз в жизни побывал в Париже. — *Е. К.*)

Из показаний Бабеля следует, что встреча прошла прохладно. Бабель свидетельствует для протокола, используя казенные формулировки, широко распространенные в конце 1930-х: «Из анти-советских моих встреч в Париже я должен упомянуть о свидании с Жаботинским, руководителем фашистского крыла сионистской партии. Свидание это состоялось на квартире моего друга детства, известного сиониста Иосифа Фишера. В самом начале беседы Жаботинский поразил меня заявлением, что пролетарскую революцию в СССР он считает «явлением неинтересным» и перешел к положению еврейских масс в СССР, очень интересовался процессом ассимиляции евреев, национальными школами, судами, театрами и советской еврейской литературой. Помню, я рассказал ему о быте евреев в СССР, ничем не отличающимся от условий жизни всех граждан СССР. Он презрительно фыркнул и ушел, пробыв у Фишера недолго, около часу. Мне довелось увидеть его еще один раз на трибуне публичного сионистского собрания, где Жаботинский делал доклад о том, что еврейский рабочий в Палестине не имеет права бастовать ни при каких условиях и что всякая попытка к забастовке должна быть подавлена оружием. Собрание это закончилось грандиозным побоищем с инакомыслящими. Было много раненых, полиция очистила помещение — больше я Жаботинского не видал».

Трудно судить, как на самом деле произошла эта встреча. Можно только предполагать. Предположительно реконструировать ее, исходя из характеров двух, пожалуй, самых незаурядных людей, порожденных Одессой рубежа веков. А также, исходя из ситуации, в которой об этой встрече пришлось вспоминать Бабелю. Воспоминания, а точнее, показания писаны были в октябре 1939 года. Шел шестой месяц с момента ареста Исаака Эммануиловича.

Стоит вспомнить, что еще до того, как Бабеля «забрали», он был не очень здоровым человеком. У него была астма, он задыхался,

жаловался на мучительные головные боли. Его нервная система тоже была не в лучшем состоянии — последние два года он провел в постоянном напряжении — в ожидании ареста, в хлопотах за уже арестованных друзей и знакомых.

Жена его, Антонина Николаевна Пирожкова, очень беспокоилась — дадут ли Бабелю в тюрьме стакан крепкого чаю — вещи, без которой он не мог начать день. Неизвестно, поили ли Бабеля в тюрьме чаем. А что пытали — известно. Бабель был человеком высокого мужества. Трудно представить, что с ним должны были сотворить, чтобы он оговорил людей, которых любил и которыми восхищался — Илью Эренбурга, Юрия Олешу, Сергея Эйзенштейна. Хуже того, Бабель, рыцарь из рыцарей, оговаривает Евгению Соломоновну Хаютину, жену Ежова, с которой был близок. Хаютина была к тому времени мертва — покончила с собой. В более поздних показаниях Бабель пишет, что оклеветал невинных и отказывается от своих слов. Во время издевательской пародии на суд не признает себя виновным.

Поэтому можно лишь догадываться, чему из написанного в показаниях стоит верить. Понятно, почему возникает имя Жаботинского — Бабелю проще признаться в недозволенных встречах, «вызвать огонь на себя», чем клеветать на друзей, чего требовали от него лубянские палачи. Жаботинский же, как и упоминаемый Бабелем Фишер, были вне досягаемости действий НКВД. Им показания Бабеля ничем повредить не могли. Ну а соответствующую оценку — «руководитель фашистского крыла сионистской партии» — Исаак Эммануилович не мог не дать. Стоит при этом заметить, что при всей чудовищности ситуации, Бабель мужественно сдержан в эпитетах, признаваясь в этой «антисоветской» встрече.

«В самом начале беседы Жаботинский поразил меня заявлением, что пролетарскую революцию в СССР он считает «явлением неинтересным». Похоже, что Жаботинский действительно поразил Бабеля — с какой бы стати тогда он пошел на следующую встречу, на сионистский митинг, если бы это было не так?

Нет, по лубянским показаниям реконструировать встречу слишком трудно — легко лишь поверить в то, что Жаботинский ушел, «презрительно фыркнув», не поверив словам о «равноправии евреев с остальными гражданами СССР». Это на него похоже — уж очень не доверял всему, что исходило из этого государства. Но произносил

ли Бабель на самом деле такие слова? И если произносил, то почему? Потому, что был скрытен и недоверчив по природе? Потому, что опыт жизни в Советском Союзе вынуждал быть чрезвычайно осторожными в высказываниях с посторонними? Или для протокола просто писал то, что следовало писать «для протокола»? Эти вопросы остаются без ответа.

Можно также предположить — всего лишь предположить, что Владимир Евгеньевич меньше заинтересовался личностью Бабеля, чем Исаак Эммануилович — Жаботинским. Хотя предположить такое трудновато — слишком обаятельной, запоминающейся, привлекательной фигурой был Бабель. Как, впрочем, и Жаботинский.

А еще представляется весьма возможным, что разговор их коснулся Одессы, ведь и встречались-то на квартире друга детства Бабеля. Чтобы встретились три одессита — и не начали разговор о родном городе? Если учесть, что один из них был автором романа «Пятеро», а второй — «Одесских рассказов»? Тем более, что они сходились в оценке происходящего с городом. «Одесса мертвей, чем мертвый Ленин» (из письма Исаака Бабеля И. Л. Лившицу, 1924) «...Только то грустно, что всего этого уже нет, и Одесса давно уж не такая. Давно, еще задолго до нынешнего мора и глада и труса, стало меркнуть и сереть то великолепие многоцветности — высокая прерогатива радуги, бриллианта, империй. Александрия севера постепенно превращалась в южную Калугу; а теперь, говорят, совсем и нет больше на том месте никакого города — трактором, от Куликова поля до Ланжерона, проволокли борону, а комья потом посыпали солью. Жаль...» (Жаботинский, «Моя столица», 1930).

После этой встречи жить каждому из них оставалось около пяти лет. Они умерли в одном и том же году — в 1940-м. Шестидесятилетний Жаботинский умирает от разрыва сердца, сорокапятилетний Бабель расстрелян в тюрьме. Казалось бы, вот и все, что связывало этих двух поразительных евреев, порожденных одним городом. Помимо того, что каждый из них, само собой разумеется, был центром притяжения думающих, ищущих, творческих мужчин и красивых, умных, тонких женщин.

Но этого было бы слишком мало для таких значимых, исполненных харизмы людей. Картина была бы не завершена. И верно: их судьбы сплетены в творчестве обоих.

Незадолго до кишиневского погрома (1903) Жаботинский становится одним из создателей отрядов самообороны в Одессе. Впервые еврейские мальчики получают в руки оружие, впервые за долгие-долгие десятилетия они становятся не жертвами, но воинами и защитниками. Покорность сменяется мужеством. И еще — агрессией. Самосознание «человека с ружьем» мало предсказуемо.

Владимир Жаботинский считал отряды самообороны делом временным. В Одессе это время растянулось надолго — до конца гражданской войны. Именно из этих мальчиков, взявшихся за наганы, возникнет племя налетчиков, обряженных Исааком Бабелем в карнавальные одежды «Одесских рассказов». (Кстати, в романе «Пятеро» среди участников самообороны в 1905 году уже появляется «темная личность», Мотя Бонабак, неотличимый от «людей Бени Крика и Фроима Грача», которых начнет живописать Исаак Бабель в 1920-м.) Если Жаботинский невольно (издержки движения самообороны) станет создателем бандита, известного под именем Мишки Япончика в реальности, то Бабель опишет «молниеносное начало и ужасный конец» Бени Крика, прославив вольность Молдаванки, если не навсегда, то хотя бы на весь XX век. Это и есть та точка, в которой они пересеклись навечно.

И, пожалуй, еще то, что их не только объединяло, но и роднило: самые сладкие слова об Одессе, как символе легкости бытия, шедевры творения, находили именно Бабель и Жаботинский. И можно открыть их книги и приводить, приводить параллельные цитаты, звучащие как молитва благодарности — за счастье родиться в Одессе.

Литература:

1. И. Бабель. Избранное. — Кемерово, 1966.
2. И. Бабель. Ликуя и содрогаясь. — ВПТО «Киноцентр» — Одесса, 1992.
3. В. Жаботинский. Повесть моих дней. — Тель-Авив, 1989.
4. В. Жаботинский. Пятеро. — Израиль: «Библиотека-Алия», 1990.
5. С. Поварцов. Причина смерти — расстрел. — М., 1996.
6. Исаак Бабель. Письма другу. Из архива И. Л. Лившица. Составитель Е. И. Погорельская. — М.: Три квадрата, 2007.

Д. Я. Бондаренко, А. Н. Катчук

ОДЕССКИЙ ДНЕВНИК, 1928

Одесса, 1928 год. Хлебный кризис. Свертывание НЭП и переход к плановой экономике в СССР. Борьба с троцкизмом и национал-коммунизмом. В современной исторической литературе все еще доминирует миф о НЭП как об альтернативном пути развития советского общества. Можно долго вести теоретические споры об альтернативах и путях развития советского общества и государства того периода. Мы же при публикации данного документа преследуем совсем иную цель: познакомить читателя с повседневной жизнью обычного никому не известного человека, переживающего кризис 1928 года. Этот дневник сообщает нам не только об уровне жизни и образования автора, его личных переживаниях, но и раскрывает глубинные проблемы советского общества, его язвы (коррупция, взяточничество, спекуляция). Публикация является продолжением проекта изучения микроистории (истории повседневной частной жизни обычного и неизвестного человека) в Одессе. Проект изучения микроистории направлен на преодоление сложившихся мифов и стереотипов, господствующих в исторической науке и общественном сознании.

Автор дневника, скорее всего, представитель еврейской рабочей молодежи, получивший среднее образование (не исключено, что мечтает поступить в вуз, но не имеет для этого необходимой поддержки). Он интересуется политикой, исповедует левые взгляды, но критикует партийных функционеров-коммунистов за коррумпированность и использование идеологии лишь как прикрытие произвола и беззакония. Круг общения — рабочие, студенты и абитуриенты.

Дневник написан на страницах школьной тетради, фиолетовыми чернилами. Почерк автора мелкий, но разборчивый.

Документ вводится в научный оборот впервые. При публикации сохранено правописание автора, за исключением явных грамматических ошибок. В квадратных скобках — расшифровка сокращений автора.

ДНЕВНИК 1928 года

Одесса 6/VI-1928 г.

Начали выдавать хлеб по талонам. Талоны находятся в заборной книжке для получения дефицитных товаров членам ЦРК. Рабочим выдают 1 ½ ф. (600 грамм) в день, прочим 1 ф. (400 грамм). Все, кто имеют на это право, записываются в ЦРК. Не трудовой элемент, не могущий стать членом ЦРК, и не имеющие вообще книжек, покупают хлеб в частных пекарнях. Цена та же. Очередь. Выдают по 2 ½ ф. (1000 грамм=1 килограмм) в одни руки. На первый взгляд кажется, что таким лучше, чем даже рабочим, но это не так. Во-первых, по заборной книжке хлеб обеспечен в этот день. У частных очереди, хлеба не стоят и т. д. Во-вторых, одинокий человек может взять 2 ½ ф. и ему хватит, а семейным надо или стоять как раз в очереди, или стоять как членам семьи. В ЦРК же выдают по количеству душ, на которые взята заборная книжка, т. е. на семью, с правом получения по норме на каждого члена семьи. Многие жалуются, что фунта или 1½ ф. мало. Таким пока приходится стоять и в очереди к частникам. Впрочем, очереди пока небольшие. По заб. книжкам будут выдавать еще некоторые продукты: крупа, макароны, масло салатное или подсолнечное, по объявленной норме, неизв. [естно] на члена ли семьи или на книжку, в последнем случае многосемейные окажутся в худшем положении. Утром около частной пекарни была небольшая очередь. Один пожилой гражданин рассказывал, что членам ЦРК выдают по фунту и полтора в день хлеба и высказал предположение, что нетрудовым верно будут выдавать по ½ ф. Собралась кучка людей, человек в 10. Молодой парень лет 20 пытался разуверить собравшихся, но сделал это очень неловко, он начал криком и азартом, не разъясняя, а крича, если раньше настроение собравшихся было на его стороне, то он сам их оттолкнул, а когда он назвал первого дураком и пошла перебранка его совсем затерли. Я повел себя несколько иначе, указал, что его пока дают 2½ ф. Разошлись. Оба спорщика евреи. Молодой работает у парикмахера. Горячий парень, с хорошими намерениями, но горячностью портит все. Второй безобидный человечек, напрасно молодой хотел его выставить как нарочно желающего сеять панику. Был у Г-ев. Их 5 женщин и 1 мужчина рабочий. Полагается в день хлеба 6½ ф. (2 к. 600 гр.), а у них уходит не более 5 ф. в день. Предлагали мне забирать излишек. У их соседей в семье 7 ч. — 5 мужчин, дело совсем иного рода. Г-и сами довольны карточной системой, и не приходится стоять в очереди. Действительно в некоторых ЦРК хлеб получают без очереди. Для одиноких цена фактически немного повысилась,

5 ф. стоили и стоят теперь 28 к., 1 ф. — 6 к., приходится брать только по 1 ф. Давали в ЦРК по полуфунту без книжки, но предлагали обзавестись таковой; в дальнейшем будут давать только по книжке.

Двое говорили: если нет хлеба, можно бы усилить питание другими полезными продуктами, но яиц нет, масла нет и т. п.

Одна молодая женщина жаловалась, что муж ее бухгалтер, его эксплуатируют, он работает 12 часов в день. Дело в том, что он безработный] и пошел на пробу на 2 м. в Ву[неразборчиво]ку [скорее всего название населенного пункта], там он старался и работал лишнее время, все для того, чтобы стать штатным работником, но учреждению выгодно иметь временных работников и они после 2 м! принимают на пробу нового. С ее мужем это уже второй случай. Впрочем он возвращался со службы в 4 ¼ ч. дня. По-видимому, им живется недурно. Жена поручила сестре купить ей губную краску. Характерно, что говорила все о «них», т. е. о Сов. власти.

Вечером разговаривал с Ю.-М. Их убеждения особенные и мои отношения с ними особенные. М. говорил, что облегчение может произойти, если компартия вообще пойдет на уступки, в смысле расширения НЭПа. Нужно бы также уничтожить монополию в. торг [имеется в виду внешней торговли]. Вообще отмечали, что если затронуть одно кольцо, то нужно это сделать по всей цепи. Одно потянет другое. М. сказал— «Ленин был практик, он способен был всегда повернуть фронт на 180°, если понимал необходимость этого. Он признавал свои ошибки. Сталин же груб и считает, что всего можно достичь грубой силой». Он предполагает, что изменения будут, но неизвестно в какую сторону и кто их будет возглавлять. Рассказал историю о Луначарском и жене его, во время пребывания Лунач.[арского] на конференции по разоружению. История такова: Лунач.[арский] купил жене какие-то драгоценности (не то колье, не то ожерелье). Они присутствовали на обеде. Газеты поместили, среди прочих описаний, описание их одежды и зачислили это колье, и указали довольно высокую сумму его стоимости. На следующий день Лунач.[арский] послал в газету опровержение — заявив, что колье поддельное и стоит всего столько-то. Еще через день появилось новое опровержение — фирма объявляла, что она существует с такого-то года, поддельными драгоценностями не торговала никогда и объявляла действительную стоимость колье в цифре = первоначальному описанию. Вскоре появилась в СССР статья Ярославского под названием не то «Легче на аванпостах», не то «Осторожнее на аванпостах», критикующая поведение Лунач.[арского]. Где появилась ст. Ярославского — не

помню. М. заметил в конце, что все-таки развр.[ат] Лунач.[арского] исключение, а так «они» /руководители партии и СССР/ в личной жизни безупречны.

Я с Ю. слышал как бродяга, бродивший по Сев. Кавказу рассказал следующее: Крестьяне казаки в одной деревне отказались дать хлеб. Их окружили войска. Они заявили: «Хлеб есть, лишний хлеб, но дать не хотим, возьмите, только убив всех нас». Солдаты ушли. Ю. слышал, будто в Белой Церкви был еврейский погром, и убили 26 евреев.

Ю. отмечал то, что те партийцы, которые руководят, теперь получающие хорошее жалование, не понимают, что кому бы то ни было, может быть плохо. «Сытый голодного не разумеет. По их мнению, соц-м таки строится. Ведь им становится жить лучше».

М. заметил, что, по-видимому, от Англо-Сов. разрыва больше пострадал СССР. Кредиты в Германии и др. странах потеряны. Троцкий теперь очень популярен у рабочих. Даже у тех, которые раньше были против него под влиянием партагитации. Несмотря даже на то, что он еврей. Рассказал случай, когда Троцкий сам бросился в крит.[ический] момент один на неприятеля и увлек за собой красных. По его мнению, Троцкий, а также Фрунзе много выиграли в своей популярности некогда, благодаря нескольким таким случаям.

Рассказывали анекдоты о Троцком, а также антисоветские вообще.

Говорил с С. Р. Он за Сов. власть, за большевиков. «Хотя бы,— говорит он,— потому что еврей: и вообще много полит. прав. люди получили». Яростно критикует. Особенно не любит Днепрострой. «Зачем Днепрострой, когда нет хлеба, лучше покупать машины для крестьян». Я его повернул, что о Днепрострое судить — дело специалистов-экономистов, вообще же надо держаться равновесия, нельзя забрасывать одно для другого. Он почти согласен, но кричит: «Хлеба!» Он только за социализм, у него есть много хороших мыслей, но в общем путает. Особенно негодует на то, что когда экспортную живность все упаковывают в самые лучшие материалы, а стране ходят голышами. Ему кто[-го] рассказал, что послы польский, германский и др. написали своим правительствам, что в СССР назревает крах и потому, чтобы берегли Бесарабию(!?).

О Ленине хорошего мнения «Лишь дал НЭП в 21 г.— [неразборчиво] большевиков». «Теперь такого же человека, который мог спасти страну «от» выслали». По его мнению, даже Троцкий теперь вряд ли смог бы спасти положение.

Мысли С. Р. иногда интересны, но выводы крайне упрощенны, часто беспочвенны и часто друг другу противоположны. Он сочувствует

социализму, но сам мелкий буржуа как по занятию, так и по мировоззрению. Однако давать характеристику его не входит в мои планы.

Я хочу отмечать в дневнике все, что я замечу в советской жизни, во всех ее проявлениях, могу я объяснять и пояснять отдельные моменты. Но в данном случае самому С. Р. отдавать много места нечего для его характеристики.

Вообще народ сегодня полон слухов. Много разговоров о хлебе. К вечеру, когда и у частных хлеб покупали почти без очереди, и вообще наступило некоторое успокоение, и настроение разрядилось.

Остальное все по-старому — люди гуляют, веселятся, отдыхают и т. д. Не заметно того, чтобы хлебный кризис передался на личное времяпрепровождение. Получив хлеб, предаются тем же занятиям, что и всегда.

Временен ли это или это затишье перед бурей?

Жаль, что не начал ведение дневника гораздо раньше.

Одесса 15/VI-.28 г. Вчера сидел в саду; рядом две женщины, русские, одна — горожанка, пожилая, другая — крестьянка лет 38. Она-то и горячо говорила о моде. Она восставала против того, что девушки носят очень короткие платья «до колен». «Маленькие дети носят, на то они и дети, но взрослые барышни, девушки, а если им скажешь, они отвечают — мода». Говорила горячо, но не враждебно к молодежи. Когда я вставил замечание — правильно, закивала головой. Там же проходила 45 летняя старуха, которую эта «ораторша» знает. Она рассказывала, что ей в виду старости много подают «евреи и русские тоже».

С хлебом теперь следующее положение. В ЦРК продают только по заборным книжкам. Очередей нет. Там же продаются без книжек, когда есть небольшие докторские хлебцы, побелее и подороже обычного хлеба. Около частных хлебных магазинов рано утром очередь, весь хлеб разбирают, а позже нет хлеба. Некоторые трудящиеся, например, прачки, безработные и т. п. жалуются, что они не могут стать членом ЦРК, так как не имеют свободных денег для внесения хотя бы небольшой части пая. Семейным рабочим, а также служащим более или менее хорошо, они получают хлеб в ЦРК, без очереди и если рабочему нужно более 600 гр. в день, то это компенсируется тем, что жена и дети, часто малолетние нуждаются в меньшем количестве. Некоторым приходится однако получать в частных магазинах немного хлеба, дабы заткнуть дыру. Семейным, которые иногда должны получать по 4 ф., 9 ф. и т. п., в день для равного счета дают 5 ф. и 10 ф. (два таких случая я сам знаю). Они отдают часть хлеба даже больше этого излишка знакомым. С другой стороны, бюрократичная строгость иногда

доходит до смешного. Мне Ю. рассказал случай, когда один работающий в артели во время перерыва на обед, хотел купить в ЦРК 1 ф. хлеба, ему отказались продать, он долго шумел, Зав. звонил в Правление и там ответили «не продавать». После истерики хлеб был отпущен. Аналогичный случай, когда отказались продать 1 ф. хлеба крестьянину мне рассказали сегодня, добавляя: «крестьянин сказал: «мы, когда будем иметь хлеб, вам тоже не продадим»». Источник этот, однако, сомнительный. Случаев отказа продать крестьянину 1 ф. хлеба я сам свидетель.

По непроверенным слухам: в Яновке (вблизи Одессы) мужики взбунтовались, пошли толпой в Одессу требовать хлеба. Пригласили также евреев, также голодавших, идти с ними, те отказались, их побили. Из того же источника ходят слухи, что в Белой Церкви был еврейский погром, и было убито 26 человек.

Из Ленинграда мне сообщают, что там хлеба вполне вдоволь, даже с изюмом, затем, однако, сообщили, что пару дней там не было черного, а белого было вдоволь. По вполне достоверным источникам в Москве хлеб есть, однако там носятся слухи о введении карточной системы в виду того, что оттуда много хлеба в посылках отсылают сюда.

В Киеве и др. городах говорят — есть хлеб, а недостатчей его затронуты Одесская губерния (б.[ывшая] Херсонская), Подольская, Волынская. Однако, одной моей знакомой прислали посылку — печенье из Черновиц, мест.[ечка] Подлуб, там думают, что здесь голодают.

М. и Ю. рассказывают, что зимой в Киеве была забастовка на заводе Большевик. Этот слух дошел даже до Сибири, откуда знакомые Ю. спрашивали его об этом.

О том, что в Л-де на «Крас. гвоздильщике» была забастовка, я слышал еще зимой. Там регулярно снижали расценки. В результате рабочих вполне удовлетворили. Но по слухам из враждебных ВКП источников, во время забастовки коммунисты штрейкбрехерствовали и их побили. Вчера в Одесских Известиях сообщалось, что за последнюю пятидневку июня по всей территории СССР заготовлено 55,5 т.[ысяч] тонн хлеба. За предыдущую пятидневку около 46 т.[ысяч] т.

В селе Кустарях образовавшем артели повысили пай, они яростно защищались, но принуждены были выполнить постановление, им из зарплаты отсчитывают. Банку Кустарей в общем нужно собрать 90 т.[ысяч] рублей. Ю. говорит, что, по-видимому, стал вопрос об эмиссии и лучше решили нажать на население.

Прибыло письмо от Н. Г. и А. М. из Германии ко мне и к Ю. Они спрашивают, есть ли тут белый хлеб. Н. Г. уехал 3–4 недели назад, А. М. полгода назад.

Они были в Берлине во время выборов в Рейхстаг. Все партии вели усиленную агитацию. Компартия потратила 2 миллиона марок (1 млн рублей). Сообщают то же, что и газеты — увеличение с. д. и к. п., бурж. партии главную борьбу вели с с. д.

В Штрелице, где они живут и занимаются, всего 5 тыс. жителей, ежедневно проходят 100 поездов. Улицы все мощные и асфальтированные. Множество автобусов, автомобилей, велосипедов, мотоциклов. Почти каждый немец имеет велосипед. Цена его кажется 12 р. Обед в студ. столовой 30 к. В техникуме, где они занимаются студенты все правые. Развлекаются спортом и пьянством. Они выписывают из СССР «Правду» и из Берлина «Соц. вестник».

Получил письмо из Винницы. Хлеб там есть. В последнее время там он стоит как в др. городах. Не знаю, что это значит. Предлагают мне выслать посылку с съестным. Я конечно отказался. Вообще не нуждаюсь, и как другие проживут, так и я.

16/VI-28 г. В магазинах (хлебных) Промсоюза большая очередь. С одной стороны горожане, с другой — крестьяне, последних не более человек 40. Выдают по 1 кило. Многие имеющие заборную книжку ЦРК становятся здесь в очередь и снова получают. Пайка им не хватает. При магазине немного милиционеров для порядка. Разобрали весь хлеб, и громадная очередь осталась ждать новой выпечки. В магазине ЦРК в прошлую субботу выдавали на два дня. Сегодня в маг. [азин] № 25 дают только на один день, завтра также будет открыто. Не знаю, признал ли это, что не хватает хлеба. В этот же магазин привезли пудов 30–40 белого хлеба. Люди говорят, что это для большевиков и т. п.; но это как-то не вяжется, ибо на днях я слышал, что в некоторых пекарнях выпекают белый хлеб для большевиков и его отводят для них. Было бы глупо производить двойную работу. Одна женщина говорила, вполне уверенно, что из белого хлеба сделают сухари, и будут выдавать по 1 ф. неделю. Не знаю, признак ли облегчения ли это или вообще верно ли? Рассказывали, что у пекарей Промсоюза становятся в очередь ночью. Гуляют с 1 ч. дабы милиционер не приказал разойтись, а позже становятся в очередь. Правда, сегодня я наблюдал как некоторые знакомые в течение 1 ½ ч — 2 часов взяли хлеб.

Соф. Бор. рассказывала, что сестра Рязанова, известного коммуниста, писала своей знакомой, что в Москве белого хлеба нет, только черный. Сомневаюсь. Ходят слухи, что крестьяне энергично прячут хлеб, зарывают настолько глубоко, что сверху можно сеять. Ясно, что это временно, а также то, что они говорят: «Лучше пусть пропадет, а продавать не будем».

Кто, конечно, не пойдет на это, ибо деньги имеют ведь определенное значение и могут так забрать. Это конечно голод влияет, это ясно, но так резко, политически вопрос не стоит. Вечером в городе ничего не заметно, масса гуляющих, клубы, кино и т. п. переполнены. Но язва точит внутри. Главное, неизвестно почему нет хлеба, потому ли, что боятся за новый урожай или предыдущий был плохой. Недоброжелатели Сов. власти представляют дело, что вообще не из-за неурожая нет хлеба. «Сталин и К, ведь сказали, что еще 4 года мы будем без хлеба» — таков их довод, кажется не речи Сталина и К.

20/VI. Записываю за несколько дней. Одна женщина рассказывала, что при покупке мяча в ЦРК надо иметь книжку ЦРК (т. е. быть членом ЦРК) и привести с собой ребенка. Был у знакомых, там был один молодой человек-студент ИНХ, русский. Прочли фельетон М. Кольцова в «Правде» за 14 или 15.06 об истязании Кауфмана антисемитами и т. д. Студент этот возмущался, как и все, он выразил мнение, что, не будучи трусом, отбрав как следует хулиганов, можно отбить у них охоту к разным штукам. Он, как видно, коммунист. По его мнению антисемиты имеют корни в торговых кругах, в которых еврейские торговцы под давлением обстоятельств принуждены конкурировать с русскими торговцами (в фельетоне хулиганами выступали исключит.[ельно] охотнорядцы Москвы). В торговых кругах всякий нажим Сов.власти объясняется исключительно так «жидовская власть» не замечая, что этот нажим так же падает и на евр.[ейские] торговые группы. Сильны также антисемитские тенденции у интеллигенции, вернее полуинтел.[лигенции], которые имеют интеллигентную профессию, но по своему мышлению, интересам самые простые мещане. Но у них антисем.[итизм] не принимает таких хулиганских выходов. Среди крестьянства также наблюдается антисемитизм. Он между прочим объяснил враждебность даже к еврейским колонистам, которые занимаются ведь продуктивным трудом так: крестьянин видит, что евреи приезжают с некоторой суммой денег, строят домики и т. д., и делает вывод, что правительство им дает, а он все должен сам добывать. Крестьянин очень упрям. Ему объясни, что правительство не дает денег, что деньги дают загранич.[ные] евр.[ейские] организации, что евреи, продав свое имущество и т. д. имеют некоторую сумму денег, поймет, что все это так, но все-таки скажет снова старое. Между прочим, студент этот высказал следующий оригинальный взгляд, для того, чтобы скорее исчез антисем.[итизм], евреям надо так же не отделяться от русских. Он выступил большим сторонником смешанных браков.

Там же была приезжая из г. Балты. Там хлеб покупают, стоя в очереди. У всех жителей есть запасы муки, но они даже в самых трудных моментах не используют ее, а стоят в очереди за хлебом, так как боятся, что будет голод. Впрочем, она сама привезла в подарок несколько сладких булок.

Говорил М. о хлебном вопросе. Когда я рассказал ему, что С. Р., мой знакомый, утверждал, что нет хлеба потому, что вывезли его за границу, он расхохотался. В 1927 г. было вывезено 26 млн. пудов, а до войны вывозилось 400 и более млн. пудов хлеба; я заметил, что кроме этого целый ряд областей покупавших хлеб отошли от России. В 1928 г. по его словам, почти не вывезено. Когда же я со смехом рассказал ему, что по мнению С. Р. за граница нарочно покупает наш хлеб и др. продукты и выбрасывают их в море, для того чтобы в СССР был голод и большевики слетели, он посмотрел на меня и спросил не рехнулся ли я, что передаю такие сказки. По его мнению, хлеба нет исключительно из-за боязни мужика за урожай. Влияние на ослабление положения ВКП это не может иметь, ибо с урожаем все выравнивается. Правительство еще имеет громадные запасы хлеба, но в те места, где наибольшая недостача, нельзя посылать, да бы там не остаться без хлеба, карточная же система введена для того, чтобы сохранить на сколько можно запасы, вести все планоно, а не стихийно и бороться со стихией, на случай также неурожая, чтобы можно было продержаться. Все это я сам знаю, но привожу это в дневнике для того, чтобы показать, как относятся к вопросу более или менее понимающие положение люди и на какие выдумали толпы попадаются не глупые люди, но малообразованные вроде С. Р.

Недавно здесь нашумело дело работников, чл. правления РКХ, масса безобразий, растрат и т. п. М-с (родств. С. Р.) говорил, что он слышал, что это дело уже давно было у прокурора, но его замяли, так как во главе РКХ стояли видные коммунисты, теперь же когда народ возмущен слухами, недостачей хлеба и т. п. надо ему забить голову чем-то другим, потому и выдвинули снова это дело. Это конечно смешно, возможно только, что один раз удалось застопорить ход дела, но не потому, что власти Одессы не хотели нагнать коммунистов, а из-за преступной связи с обвиняемыми тех, кто должен был делу дать ход. Тем более, что М-с сам говорил, что на суде спрашивали кто был прокурором тогда и выяснить не могли.

Получил письма из Ленинграда. Предлагают спечь что-нибудь и послать мне. Я отказался. Моей родственнице Н. К. родители из Ленинграда посылают по почте белый хлеб, так как ей нельзя есть черный. Большую часть своего пайка она отдает, достается и мне. С трудом стоя по утрам в очереди получает она сухари в ЦРК.

17/VI в воскресенье, в мою хлебную лавку ЦРК не доставили во время хлеба. Заведующий обещал через 10 минут, а это длилось до 2 часов. Он звонил по телефону, но ничего не помогало, пока выпекли, и доставили, прошло 2 часа. Стояла очередь человек 60–70. Один рабочий очень волновался. Он ссорился с заведующим, а когда ему в конце концов разъяснили, что тот не виноват, он ответил, так центр виноват, думая этим правл. ЦРК и предлагал пойти туда. Его спросили, что же демонстративно идти, он ответил: «Да, но чтобы вы все шли». Когда получил хлеб — успокоился. Евреи между собой говорили следующее: «Одна женщина взяла для себя 3 ф. хлеба, у нее был знакомый крестьянин и он должен был уехать, она ему дала 2 ф. хлеба, а сама осталась с 1 ф. на семью. По ее мнению, надо быть с крестьянами в хороших отношениях, у них забирают хлеб и они озлоблены». Другой еврей, наоборот, кричал, что надо забрать у них хлеб, они его прячут. Теперь они приходят в город еще за хлебом. В 20–21 гг. во время голода они за хлеб шкуру драли, а теперь им отдают, вот как эта женщина по себестоимости. Ему отвечал другой, что так нельзя, они работают и забрать у них весь хлеб и оставить голодать нельзя.

Карточная система на хлеб трудно проверяема и дает возможность служ[ащим] ЦРК давать много хлеба знакомым и др. так и поступают. Проверить можно только относительно всей суммы во всем городе, а даже если граждане будут покупать только в определенной лавке, как теперь строго заведено, то все же трудно по количеству талонов, которые остаются в лавке, за день установить количество хлеба, выданного за день. Ибо из каждой книжки вырывают ежедневно один талон, если семья из 3 человек, дают 3 ф., если из 2 человек — 1 ф. и т. д., рабочим, соответственно, 1 ½ ф. Для установления точной цифры надо еще иметь полный список получающих в этой лавке хлеб и проверять тогда уже трудно, или вернее даже невозможно, тем более, что иногда некоторые хлеба не покупают и трудно установить, кто и из скольких членов семьи не получал. Следовательно, общее количество хлеба в лавке всегда более чем достаточно, ибо еще никто не уходил без хлеба. Продавцы часть даже продают тем, кто очень просит по 1 ф. или ½ ф. даже без книжек.

Ю. рассказывал, что в одной хлебной лавке служит один молодой человек, которого он знает за секр. сотр. ГПУ.

В «Правде» сообщалось, что виды на урожай по яровым выше средних, а по озимым средние. По ржи лучше, чем по пшенице по РСФСР и вообще др. респ., кроме УССР лучшие, чем в УССР, где на последнем месте Степовой край (Одещина). В общем, виды на урожай на яровые выше средних, а на озимые — средние.

21/VI. В общем, с хлебом стало как будто легче. Не члены ЦРК встают в 5 часов и получают в частных лавках талоны, и потом, как только выпекают, без очереди получают хлеб.

Всем членам ЦРК вчера выдали 1 кг белой муки по цене 15 ½ к. Я также взял, и хозяйка спечет кое-что. Рассказывают, что прибыли 2 вагона белой муки, для Одессы это значения не имеет, выдавать 1 раз белый хлеб, нет расчета, и потому выдали белую муку. Я сомневаюсь в это верить, ибо есть белый хлеб также, и если бы прибыли 2 вагона, их бы оставили для белого хлеба. В мою лавку ежедневно привозят белый хлеб, из него делают сухари и, возможно, также развозят по больницам. Я советовал моей больной родственнице Н. К. обратиться куда надо, и может быть, ей бы выдали белый хлеб.

Гражданка Г. Г., жена С. Р., тип городская мещанка, так она очень добрая, но падка на всякие слухи, относится к ним не критически, да и этого от них требовать нельзя. Итак, она рассказала мне следующую историю, достигающую высших сфер фантазии: будто бы Антанта в прошлом году заявила СССР, чтобы продали или выдали им весь хлеб, не то они будут воевать с нами. Так и сделали. Пришлось... Они это потребовали для того, чтобы был голод и большевики слетели. Но теперь они сжалились и заявили: «Видите, что мы можем сделать, но мы не хотим, нате весь ваш хлеб обратно» и начали отправлять весь хлеб сюда обратно. Поэтому выдавали муку по 1 кг. И скоро будет белый хлеб. Где она слышала эту историю — не знаю. Но вполне уверен, что всего выдумать не могла, я ее хорошо изучил. Затем недалеко стоящая от нее, в отношении бабских сказок женщина (Н. К.) и Г. Г. также рассказала, что все равно будет скоро белый хлеб, ибо разрешили частникам покупать зерно у крестьян и молоть его самим. Они будут платить дороже, им крестьяне будут продавать и белый хлеб будет, но будет стоить дорого.

Хотя это менее фантастично предыдущей истории, я не верю в это по вполне известным соображениям. Это значит полн.[ый] срыв гос. хлеба и монополии и т. д. и т. д.

В «Правде» теперь есть отдел по дискуссии о новой программе КП. Критиковали т. Варгу, который утверждал, что революции в др. странах этап военного коммунизма неизбежно должны будут пережить, а НЭПа, смотря по обстоятельствам, не обязательно. Статью Варги, к сожалению, не читал. Из критики его мне кажется, что он немного близок к Троцкистским оппозиционерам по идеологии, хотя это у него еще не ясно и не очерчено. Критикуют же его также по тем вопросам, по которым он близко соприкасается, по моему мнению, с троцкистами. Но самих

выражений «троцкист», «оппозиция» и т. д. нет, нет и резкости, которая в дискуссии перед XV съездом ВКП. Кстати об оппозиции: о Троцком ничего не слышно, прежняя молва, анекдоты и т. д. затихли. Однако, по-моему, не забыто и не изжито, а загнано внутрь. Увидим, что будет.

28/VI. В магазинах Промсоюза, где продавался хлеб для членов ЦРК, теперь есть хлеб по утрам почти без очереди, а днем вчера было сколько угодно без всякой очереди. Этот хлеб грубее цероковского, но стоит дешевле 10 п. — 1 к. В магазинах ЦРК и ГПО также часто давали в последние дни по ½ — 1 ф. без заборной книжки. Белые булочки видны у лотков и лотошников в большом количестве. Ю. рассказывал, что герм. с. д. заявляли (это было в «Правде»), что с приходом их к власти, СССР нечего будет бояться агрессивных шагов Германии, но им конечно небезразлично, каково отношение правительства СССР к социалистам, инакомыслящим с большевиками. В нашей прессе появились ответные замечания со смыслом «не вмешивайтесь в наши внутренние дела». По мнению Ш., приход к власти в Герм. с. д. был бы очень полезен для СССР, так как в последнее время взаимоотношения с Штреземаном все обострялись. Говорил с ним также о проводимой сейчас самокритике. По его мнению, надо делать из самокритики выводы также, а именно против диктатуры ВКП. Он считает, что громадное количество таких случаев, как Смоленское дело, дело РКХ в Одессе и т. д. и т. д., уже явственно показывают разложение ВКП и вообще ее перерождения.

Говорил с С. Р., он большой любитель театра и кино, имеет понятия в них такие: Мейерхольд ему не нравится, так как по его мнению, он коверкает реальность в своих постановках. Он очень хорошего мнения о дореволюционном кино, нынешнее — партийное, ему, за редким исключением, не нравится. Вообще в этой отрасли мистические и романтические сюжеты, полные личных драматических переживаний, ему нравятся. О новой литературе он плохого мнения, хотя почти ничего не читал. «Старые писатели наверное не употребляли слова — «даешь»». Когда я ответил, что это нужно, если желают показать описываемую жизнь, как она есть, он принужден был поддаться. Я привел ему в пример Фадеева и его книгу «Разгром», которую я ему в слух однажды прочел и он согласился, что хотя Фадеев новый писатель, но все же является художником, правильно отобразившим жизнь.

Характеристика С. Р. была бы интересна, как типа образованного, более или менее, мелкого буржуа, понимающего несправедливость капитализма, необходимость социализма (только из-за справедливости), но не желаю-

щего принимать участие в борьбе за социализм и даже пострадать хоть немного от борьбы за него других. Тип, которому нравится старое, хотя понимают смутно, что оно не должно и не могло продолжаться вечно.

Во дворе, где я живу, у одного торговца переписали имущество, при чем некоторое время назад у него уже вывез Финотдел мебель. Он рассердился и разбил зеркало. Жена и дети (взрослая барышня) подняли плач, сбежался народ, их успокаивали. Моя хозяйка рассказала по этому случаю, как у нее тоже пропало много ценного, и она не волновалась так. Привела случай, как у нашего общего знакомого б.[ывшего] буржуя вывезли мебель, которая в мирное время его стоила 4000 р., а он теперь живет вполне благополучно без роскошной мебели, вполне спокойно и зарабатывает себе на жизнь.

Кстати дочь этого торговца, который разбил зеркало, не так давно поражала своими туалетами. Неужели надо было допускать до того, чтобы не платить в Ф. О.? Если же не было действительно средств, то не надо было так греметь, и можно было самому продать. Но отмечаю, что подробностей не знаю, и судить именно об этом деле не берусь.

Характерно отношение евреев к русским. Во время этого история: одна обыкновенная еврейская мещанка до мозга костей (Г. Г.), предположила и несколько раз выразила это словами ко всем соседям: «Не издох ли дворник?», который давно уже болен. Между прочим, такие люди обладают способностью к ненужным обобщениям, так ее какая-то караимка обидела, и она вывела, что след.[овательно]: все караимы — злые люди. Я, конечно, немного отбрил ее по вопросу о смерти дворника. Но она привела мне такой пример, все русские — хулиганы, но если когда-то в местечке был богатый помещик, около которого евреи зарабатывали, то после его смерти, не говорили, что он издох, а умер. Я ей еще раз отбрил, указав, что так говорили, потому что он был богат, но. Впрочем, мои взгляды и их словесное выражение считаю ненужным записывать.

2/VII. Недавно говорил с двумя девушками Ли. и Кл.; обе сироты, у них родители были убиты во время погромов, у первой — в Херсоне, у второй — в Городище. Они рассказывали мне, как это произошло, и как они спаслись. Ужасные истории. Обе они из современных девушек. Кл. работает на сах.[арном] заводе и получает 35 р. в месяц. Работа на заводе сезонная, 7–8 м. в году, 1 м. дают отпуск и приходится месяца 3 быть безработной, получая пособие в 50% зарплаты, но некот.[орые] находят себе работу. Летом зав. работает круглые сутки, в три смены. Они очень много говорили по поводу курения и питья.

Характерно, что они выступают против курения женщин, считают, что мужикам также не нужно курить. Недовольны на пьющих. Свое свободное время проводят в клубе, редко гуляют. Одна в комсомоле. И там есть открытые антисемиты. Они имеют знакомых русских. С одной русской даже в хороших отношениях, по их словам они к ней относятся хорошо, а от нее иной раз заметишь несколько враждебное отношение, хотя поводов они не подают. Говорили о том, что они вообще за Сов. [етскую] власть, но евреям в особенности надо держаться Сов. в ласти и припоминали погромы.

Мне случилось на днях провести ночь на воздухе. Я до 2 ч. гулял в саду, насыщено проститутками и повсюду ими и вообще «гуляющей» мужской молодежью. Проходящий милиционер не трогал никого, только пару простит. он переспросил — «цвета глины», и будил всех спящих на скамейках.

Спящих также довольно много. Под утро я проходил в том же саду, было уже часов 5, в поле светло, (светает в 3 ½ ч), и я увидел интересную сцену, составив почти правильный квадрат в 3–4 аршина стороною, лежала группа беспризорных, переплетья ногами, руками и т. д. Закинув голову иногда в прямо там невозможное положение, так лежали они.

Этой ночью я неск.[олько] часов стоял и смотрел как в другом месте, рабочие производили автогенную сварку рельсов, раньше рельс перепиливают в том месте, где он испорчен с двух сторон и вынимают брусочек, это всегда в местах заклепки, затем вставляют другой брусочек, заклепывают и производят сварку. [Далее неразборчиво].

Хороший рабочий успеваеет в ночь (5–6–7 ч. работы) выполнить 8–10 брусочков, т. е. сделать 16–20 резков. Новичок вдвое меньше. Раньше это делали вручную. Освещение они получают также из проводов посредством листов соединения их с рельсами посредством грузила из куска железа.

Автогенная сварка производится также электрич.[еством], но для нее стоят спец.[иальные] трамваи, в которых машины вырабатывают нужную энергию. Яркий свет ослепляет человека. Во время получения, когда происходит сплавливание рельса, рабочий одевает вроде ящика с окошками на голову и так наблюдает за своей работой. Между рабочими были и евреи, и русские. Взаимоотношения между собой товарищеские. Начальник их более знающий, не командует, а советует. Работают весело и гордятся успехом.

Характерно, что всегда было неск.[олько] человек, которые наблюдали из интереса за работой. Рабочие даже удивились: «чего это вы спать не идете?»

Утром в садах города можно было найти много вполне хорошо одетых людей спавших, или дремавших на скамейках. Много молодежи также

встречалось на улицах, возвращающейся откуда-то. Ночью были и веселые сценки, в одном доме всю ночь пели и веселились, дверь была открыта на улицу, некоторые выходили. Видна была и сл.[оняющаяся] молодежь. В др. месте семья русских веселилась также всю ночь. Стоял стол полный всяких блюд. Это было с субботы на воскресенье.

16/VII. Получил известие из Ленинграда. Черного хлеба там нет, стоят очереди, белого сколько угодно, качество его немного хуже. Уже снимают во многих местах новый урожай. По газетам известно, что во многих местах закупают хлеб на корню. Белый хлеб у частников тут есть 30 к. — 1 р.

Недавно слышал как говорит один старый рабочий-табельщик, по-видимому больной. По его мнению, если приходится страдать некоторое время, так надо страдать, белого хлеба нет, есть черный, и помнить всегда, что надо положить конец такому о-ву [обществу], где возможны эксплуатация и бедность, а для этого надо и пострадать немного: «если мы не доживем до соц-ма [социализма], то чтобы дети хоть дожили».

18/VII-28 г. Недавно одна очень бедная женщина, живущая в моем дворе, муж которой болел, а сын — студент в Кр.[асной] армии, рассказывала следующее: она торгует папиросами, спичками и т. п., вещами, живется ей очень плохо, и вот к ней все время приставал постовой милиционер, чтобы она ему платила 2 р. в неделю, а то он не будет пускать ее стоять. Она пошла в милицию и рассказала там, в результате милиционера сняли с работы. Теперь к ней пристаёт надзиратель, не требуя пока открыто денег. Рабочие — она торгует возле биржи труда — вступались за нее, и один даже заявил надзирателю: «вы служите нам, а не мы созданы для вас». Она решила идти снова в милицию жаловаться на этого надзирателя, так как он к ней сильно пристаёт, и вообще просит, чтобы ей разрешили свободно торговать, так как она очень бедна и может представить соответств[ующие] документы.

Белый хлеб есть у частных — 30 к. фунт. Черный в ЦРК по 4 и по 5 к. фунт. Качество его все улучшается.

22/VII. Недавно получил письма из Ленинграда и Винницы. Из Л-да [Ленинграда] пишут, что там недостача черного хлеба и за ним стоят большие очереди. Белого есть достаточно и его покупают без очереди. Цены те же. Вообще в Л-де рабочий народ ест лучше черный хлеб и кроме того он дешевле, этим объясняется то, что хотя белый есть без очереди, все же ищут черного.

Качество белого хлеба, как сообщили мне, несколько ухудшилось.

Из Винницы сообщают что там «колоссальные очереди. Выдают по одной 1 ф. на человека». На каких условиях не известно.

На днях приехал один человек из Тульчина, он привез 2 пуда белой муки, которую и продал, кажется по 13 р. пуд. Платил он, кажется, по 4 р., но он говорит, что 8 р. Отсюда он повез какие-то вещи. Он бы хотел организовать со своим братом, живущим здесь, регулярную доставку муки, но по почте это невозможно устроить. Государство повысило цену на муку до 132 к. за пуд.

В последнее время были доклады т. Сталина, Рыкова, Коссиора на собрании партактива в Москве, Ленинграде и Харькове. Много уделено места хлебному вопросу. По-видимому положение улучшается. С новым урожаем, который оказался хорошим в общем (хоть он пошел хорошо восточнее, где съемка позже и откуда подвоз хуже), положение выравнивается, первое время белого не будет верно, так как необходимо создать соответствующие резервы. (Подробнее см. газеты между 10/VII — 21/VII).

Сегодня в местн.[ых] газ.[етах] сообщается, что на Украину, исключительно на село, отправлено 170 вагонов товаров, и сверх того 40 вагонов мануфактуры.

В Одессе теперь находится Черном. воен. флот. Происходят маневры с участием судов Совторгфлота. Рабочие наблюдают их, многие взяты на борт.

28/VII. Вчера со мной произошел небольшой эпизод, который хотя и не имеет отношения, по крайней мере близкого, к этому дневнику, я все же запишу.

Часов в 11 в.[ечера] я сидел на бульваре на скамейке, на некотором расстоянии от меня справа сидели две барышни. Вдруг слева от меня подсел какой-то высокий сильный и можно сказать красивый мужчина и начал пристально смотреть мне в глаза. Я долго не отводил взгляда, столь же упорно смотрел на него. Затем, изумившись, наконец, я его спросил: чего он так смотрит на меня, получив ответ — «так мне нравится», не зная, шутка ли это или дерзость, я все же ответил «что ж на вкус — на цвет т-ща [товарища] нет». Через неск.[олько] минут мой сосед сказал мне: «ваши соседкам скучно», в ответ на что я предложил поменяться местами, он согласился и даже поблагодарил. Как только он сел около них, он сейчас же начал разговор, затем хотел было даже под рукой ближайшей соседки зажечь спичку, потушенную ветром, но его притязания были отклонены и он закурил без их помощи. Он хвастал, что он приезжий из Харькова,

соседки не верили, и спрашивали: откуда с Ришельевской или Екатерининской? В самом скором времени он попытался обнять свою соседку, но ему не удалось. В этот момент я немного усмехнулся про себя. Он сейчас же спросил: «чего вы там хихикаете?» Это меня возмутило, и я предложил оставить свои шутки для других. Он мне ответил, и в общем произошла маленькая словесная перепалка. В конце он спросил соседок, не влюблены ли я в них, на это я ему посоветовал меньше любопытничать. Он перешел на угрозы. Я их конечно не испугался и отвечал в том же духе. Соседки также вступились за меня, мы его вывели из терпения, и он сказал, что сидит между мальчишкой и девчонками (барышням было лет под 25), на это я добавил «а в середине пустота». Он предложил мне идти с ним, я согласился, тогда он заявил, чтобы я подождал до конца папироски, я сказал, что ждать не хочу и никуда не пойду. Снова перепалка. Снова предложил идти, я сказал, что пойду в район, он было согласился, а затем отказался, и мотивировал тем, что в район для него было бы очень хорошо. Соседки ушли и звали меня также, я отказался, и остался с ним наедине. Он еще посидел, посидел, и ушел, на некоторые его замечания до ухода я не отвечал, и в конце мы сидели молча. Парень этот был 28–32, богатый, как видно, хорошо одетый, купил цветок и дал на чай щедро.

Я рад, что не осрамился в этой стычке. Правда, оставшись наедине с ним, я ожидал удара, но хотя я по сравнению с ним муха, приготовился несколько.

Один грех у меня был в этой истории, я не без умысла предложил ему поменяться местами, хотелось понаблюдать как он себя поведет, а этого делать нельзя было; мораль сей истории такова: поменьше интересоваться наблюдениями, вернее не создавать таких условий для наблюдений, ибо в данном случае я слишком далеко зашел, предложив ему поменяться местами, он мог их еще грубее оскорбить. Нельзя наблюдать, жертвуя, так сказать, человеческим материалом. Отсюда вывод, если поменьше наблюдать, то больше действовать, конечно, в другом направлении. К чести бульварной публики должен сказать, что до ухода этого типа, рядом с ним сел молодой человек, который по его уходе сказал, что он присел специально, на случай если тот меня будет бить. Писатели, часто описывают жизнь людей как непрерывную цепь событий. Но очень часто бывают такие или другие отдельные эпизоды, которые на дальнейшую жизнь не влияют, или влияют в очень в малой степени, а между тем их описание придает еще больший интерес произведению, и в то же время более его реализует, давая вместе с тем более широкую характеристику главного героя произведения.

17/VIII. Сидя в саду, слышал разговор двух девушек о комсомоле. У них в ячейке оказывается на собрание приходят по 5–6 чел. Это явление продолжается очень давно. Бюро яч. [ейки] поэтому принуждено «для близира» устраивать открытые собрания.

База пионеров по случаю годовщины передавала в КСМ 8 чел. По поводу одной девушки Розы выступал один парень против ее перевода в КСМ. Оказывается он раньше к ней приставал, а она оттолкнула его, поэтому он высказывался против нее, назвав ее даже глупой и ни на что не годной. Неск.[олько] месяцев тому назад он же сам уговаривал ее переходить в КСМ. Из разговора можно было узнать, что Розу все же перевели, подкладку, почему парень голосовал против нее, все поняли. Вообще об этом парне все плохого мнения. Еще один мальчик голосовал против, догадываются потому что его не выделили для перевода в КСМ. О Розе самой они след.[ующим] образом, она предана КСМ и сознательна, хорошая девушка вообще, но мало развита, но своим чутьем все понимает.

Недавно был у одного парня Ю. Д. Он вроде артиста, работает в Жив. Газ. «Молот». Видел их постановку также. Играли № 13 Биркенход играет в половине сатиристических произведений и др. Играют сносно.

Но нравы этих артистов оставляют желать лучшего. Камни и те должны были бы краснеть. Я все же не краснею. Спорить с Ю. Д., я об этом не спору, так как знаком с ним уже давно, еще из Г. Г. и не хочу напоминать ему о себе того времени.

Вся циничность его и некот.[орых] его товарищей так или иначе [неразборчиво] своим объектом отношения к женщине.

Между прочим, была у него один раз жена или невеста его коллеги, она также не отставала.

Вчера был убит один б. беспризорный Дроганов. Ист.[ория] такова: Дрог. был беспр., затем попал в ОКПД, убежал, возвращался, наконец, совершенно преобразился, поступил на завод, и стал вполне человеком. Вчера его убил один беспризорный, по-видимому, за старое. Перед похоронами были речи. Страстно говорил один. Он звал не к мести, а еще к большей работе по уничтожению беспризорности. Девочки б. беспр. плакали. Одна, как видно, невеста Др., особенно убивалась и все время кричала Леня, Леня.

В шествии принимали участие много б. бесприз. [бывших беспризорных].

Видно, что с ними проделана громадная работа, давшая хорошие результаты.

24/VIII. Есть еще наивные люди. Вчера один гр-н совершенно определенно заявил, что Сов. власть более месяца не продержится.

О нынешних матерях. Я всегда придерживался того мнения, что чаще всего портят детей матери. Они не строги когда нужно, зато очень часто несправедливы к детям, вымещают на них свое плохое настроение, с другой стороны, потворствуют часто. Яркий пример Н. Б. У нее двое детей, девочка Н. 10 лет и мальчик Л 8 лет. Она вдова. Мальчику она потворствует, а к девочке строга. И что же. Девочка хоть и слаба, но в школе первая ученица, послушна, любит ужасно мать и брата. Л. же, наоборот, плохой мальчик, действит.[ельно] злой, издевается над сестрой и матерью. Ругается и т. д. Но мать его не наказывает, наоборот, если мальчик пристаёт почему-то к Н., она уходит от него, он за ней, и так неск. раз, и бьет ее, она (мать) еще кричит, почему она не допускает, чтобы Л. ее бил(!). Не знаю, что тут, или излишняя любовь к Л., но это уже настоящая, а глупая любовь к нему. Или слабость воли, потому что для перевоспитания Л. нужны усилия, а она хочет «жить спокойно».

Результат. Л. уже дошел до того, что бьет мать [неразборчиво], а вторым результатом будет в конце концов испорченность Н., в лучшем случае хоть в ту сторону, что она станет беззащитной, слабовольной, несамолюбивой девочкой.

Другой случай. Г. на Г. Г. имеет мальчика 13 лет — М. Так он вполне хороший мальчик, неиспорченный, услужливый, и любит мать. Но лентяй и неважно занимается. Мать прикрикивает на него: М. пиши, читай, и т. д., но тогда, когда он уже не слышит ее, когда он далеко, а если он слышит — говорит это без повеления, на ветер, а он и в ус не дует. А потом она жалуется, что он не хочет заниматься. Но иногда, редко, когда он читает, та как раз тогда находит, куда его послать. Тут непоследовательность и полное незнание как воспитывать + отсутствие характера. Но о характеристике Г. Г. в другой раз. И в М. она воспитывает отсутствие самолюбия. У некоторых соседей была привычка посылать его в разные места, и давать за это печатки и т. д. Вначале ей было стыдно, и она запрещала быть на посылках, но он все же делал по-своему, та говорила: «так хоть не бери денег, мне стыдно». А вчера, когда к одной соседке прибыла телега, и так как той не было дома, Г. Г. ее приняла, дала раскисьному 10 к., она сказала М., чтобы он сказал, что было уплачено 15 к.; вот оно воспитание уважающих себя граждан.

Правда, это все мещанство. Напр.[имер] Г. Г. не может понять, как это я согласен уплатить 10 к. за открытку мне без марки, она бы ни за что не приняла «от кого бы она не была».

Недавно говорил с одной девушкой. Интеллигентная и образованная. Вообще хорошая девушка. Кажется одесситка. И она ясно заявила, что одесситов ненавидит. И, по-моему, есть за что. Основной тип тут следующий: люди не знающие мало-мальски ничего, не потому что не могут узнать, а потому что гулять по Дерибасовской, быть в кино и т. д. приятнее. Много тут видно парней лет 15, с галстучком, одетых безукоризненно (но внутри пусто). Держатся с апломбом, а когда сойдешься ближе, то снова увидишь пустоту. Например, некий М. Р. говорил со мной однажды по политическим вопросам, я был убежден, что он из себя кое-что представляет, затем начал сомневаться, наконец, он попался, со всем его апломбом он оказывается не знал, что Америка была раньше не известна европейцам, Форд, там, по его мнению, существовал испокон веков. Не знал о существовании рев.[олюционного] дв.[ижения] в России до рев.[олюции] 1917 г., но говорил с таким апломбом о движущих силах революции и т. д., что «заткнул» бы Ленина кажется.

Характерная черта одесситов то, что по евр.[ейски] обозначается словом «швыц». Внешность для них все. Раньше браки иногда в 16 лет. Разврат. Отсутствие высших интересов. Шутки большей частью не уместные. Грязь под хорошим костюмом тогда грязно как в помойке. Люмпен-пролетарский шик, ходят с расстегнутой грязной рубашкой, шапкой набекрень. Красят губы, утром, когда идут вылить помойное ведро, не умывшись еще.

Работу делают как-нибудь.

И потому мещанство, мещанство, мещанство, и шутки.

Есть, конечно, достойные люди. Но не те, которые известны, как там одесситы.

27/VIII. 25/VIII был в Доме евр.[ейской] раб.[очей] культуры или что-то в этом роде.

Кто-то говорил о Биро-Биджане. На мой взгляд, такая постановка до проды [пропаганды] не дает ничего кроме вреда. Оратор был какой-то захудалый. Говорил тихо, тихо, что и первые ряды не слышали. На шум в публике не обращал внимания, а молот себе как на заказ. Публика посмеивалась, разговаривала, и с нетерпением ждала конца, надеясь на концерт.

С. Б. жаловался, мы говорили о выборах в Советы. Он выбирал вместе с организ.[ованной] массой и негодовал на то, что прошли коммунисты (которые не могли быть организ. [в организации]), [неразборчиво].

По его словам, все голосовали за список КП без интереса, лишь бы идти домой, а воздержаться также невозможно было.

Он считает, что тут агитация и потому все там лгут. Считает также, что есть дикт.[атура] над пролет.[ариатом], а не пр-та [пролетариата].

29/VIII. Приехал парень из Винницы. Служащим, рабочим и т. п. выдают $\frac{1}{2}$ ф. хлеба в день. Выдача распределена по многим пунктам и очередей нет. Частным также дают по $\frac{1}{2}$ ф. хл.[еба], но в неск.[ольких] пунктах и они образуют большие очереди. На базаре есть ск.[олько] угодно хлеба белого и черного, но и стоит дороже.

Получил известия, что в Киеве стоит хлеб белый 11 к. и вполне свободно продается.

В Л-де [Ленинграде] и Москве хлеба ск.[олько] уг.[одно], но муку трудно достать, это создает трудности для всевозможных куст.[арных] предприятий.

На днях тут была интересная лекция ленинградского инженера, побывавшего в США [*правильно САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), название США того периода. — Д. Б., А. К.*], о Форде и о грандиозных достижениях техники в Америке; ряд экономико-технических вопросов, например, о Форде через 10 лет и т. п., а также ряд научных вопросов такого, например, характера, как излучение лучей из мозга людей и т. д. и т. д. Со всеми этими вопросами я отчасти знаком и, например, о сравнении излучения лучей из мозга людей с радиотел. волнами, и, таким образом, о том, что может быть на этом основано то, что мы иногда чувствуем, что на нас смотрят соседи и т. п., я еще не зная о постановке этих вопросов совр. науки, сам думал, говорил моим знакомым, все же я очень хотел попасть на эту лекцию. К сожалению, не удалось, так как был занят. Отмечу, к чести одесситов, что у входа была необычайная толпа; как видно, в Одессе есть еще люди, интересующиеся не только пудрой и любовными романами попоικантнее.

4/IX. Приехавший парень из Винницы экзаменуется в Медин, зовут его Гриша Д. Он рассказывает, что на 1м экз. член комиссии, диктовавший тему на диктант по укр. яз., заявил самым грубым образом, что те, которые будут переговариваться и т. д. будут выгнаны вон. И ищет, даже слова не испустил. Все были оскорблены, но настрадавшись перед экз. [аменом] (это же экзамен 2ой и 3ий раз) и т. д. ничем не реагировали ибо боялись. Наплыв в Медин огромный, до 1000 ч. на 110 мест. Многие идут в Медин, хотя их тянет в технич. вуз, но так как туда невозможно попасть, то пошли в Медин, ибо, хотя бы став врачом, можно быть материально обеспеченным. Гриша сам также интересуется не медиц. [иной], а тех.[ническими] науками и, прямо таки, чуть не плакал, когда говорил о том, что пошел в Медин, надеясь все же попасть.

Говорил с ним о соврем. молодежи, он считает, что на 99 % она прогнила. Не наблюдается никакого интереса к окружающей обстановке, никаких высоких интересов. Все заняты только своим матер.[иальным] благополучием. Занимающиеся часто занимаются не потому, что им нравится та или иная отрасль, а только потому, что в этот вуз им было легче попасть, и они хотят «сделать карьеру», но это еще меньшее зло, чем, напр.[имер], такие случаи, когда поступают в вуз для того, чтобы иметь ярлык вузовца, для того, чтобы найти жениха и т. д.

О незанимающихся он такого мнения: есть такие, которые работают, и это неплохо, не всем же заниматься, имеют интерес к жизни, общественники, и т. д.; таких же уважают, но их мало. Есть также не занимающиеся, зажиточные, дети богатых, и т. п., но ведущих скотский образ жизни, не имеющих никаких интересов, кроме как покрасивее одеться и т. п. Таким он не завидует, но при виде их берет зло. Он считает, что 90 % молод.[ежи] развратно. Одним словом настроен в этом вопросе самым пессимист.[ическим] образом.

Рассказывал также о Виннице. Там есть опр.[еделенные] достижения. Благоустройство города двинулось вперед, даже канализацию устраивают и т. д.

Сам он по убеждениям коммунист, но в партию не намерен поступать до получения специальности. В Вин.[нице] он знает, работают подпольно сионисты, о них он ничего не знает, но расстрелял бы их всех. Там же есть и меньшевики, также подпольно, между прочим, в некот.[орых] мелочах он говорит, что согласен с ними, а не с больш.[евиками]. Оппозицию Троцкого считает проигрышным делом. По его словам $\frac{3}{4}$ партийцев в Вин.[нице] за Троцкого, но все дорожат своим положением и...

Аналогичный случай с вузовским «вон» он знает в Киеве. Там один профессор, большой спец. юдофоб, издевается над евреями-студентами, но ему ничего нельзя сделать, так как без него обойтись нельзя. Однажды один партиец написал по поводу его издевательств в газету, ст.[атью] не приняли, он написал в «Известия ЦИК», ему ответили, что если он согласует ее с Окр полит. партии, она может пойти, а иначе нельзя.

Другой случай на заводе в Проскурове, где он работал. Администрат держит в руках весь завод. Даже секретарь парт. яч.[ейки], будучи вполне честным коммунистом, ничего против не значит, ибо сам боится, он его пожмет по парт. линии, а тот его по матер.[иальной], и не изв.[естно] будет ли из этого толк. Таким обр.[азом], его м.[илость] царствует на заводе.

Характерно то, что прямо таки приходилось тянуть из него слова. Не знаю, или он от природы не разговорчив и скрытен, или по др. причинам.

Недавно читал в «Работнице», как зав. ком. «принял» одну работницу, предложил ей ночевать с одним приезжим из центра, т. к. тому «скучно». Но главное не в этом, а в том, что, когда она раскрыла эти дела завкома, на нее все ополчились, актив союза и др. в духе «не надо было выносить сор из избы». Работницы ее не поддержали (на этом заводе громадное большинство женщин), боялись. И ж.[урнал] «Работница» еще сделал след. №, он не реагирует на это резко, а просит высказаться, хорошо ли она поступила, выдав завкома, или должна была «спасшись от объятий», ограничиться этим и молчать?

4/Х. Записывал сокращенно за целый месяц. Был страшно занят.

О вузах. Здорово развита была протекционность при экзаменах.

Гриша, выдерж.[ал] хорошо, имеющий рабочий стаж 2 года не попал, а его товарищ, имевший 3 года стаж, хорошо выдержал, имевший незначит.[ельную] протекцию, также не попал.

Произошел зверский случай. Я был знаком с одним парнем [неразборчиво] с недоразвитыми руками. Он хотел поступить в ИНХ. В 27 г. срезался по укр. яз. В этом году выдержал блестяще. Был у редакт.[ора], чтобы ему сделали рекламу, он безрукий, занимался и стал юристом, он сможет зарабатывать и т. п. Не выгорело. Все же на экз.[амен] пошел. В результате его не приняли и будто бы ответили «нам в сов. вузах инвалиды не нужны». Он выбросился из окна ИНХ. Сломал ногу, потерял глаз и, кажется, скончался. Добавлю, что он получал от гос-а [государства] 21 р. в месяц и ежедн.[евный] беспл.[атный] обед.

С. Р., портной, член Куст. банка. Банк давал портным материал шить пальто и т. п., но, чтобы не вышло будто они работают на банк, и чтобы не иметь соц. страх и т. п. в квитанции писалось, что пальто шилось из собст.[венного] материала данного портного, а он его продает банку, и на той же квит.[анции] ниже отпечатывалась сумма стоимости материала. Это лицемерно, но удобно для банка.

По линии Киев — Одесса сильные пропажи вещей у пассажиров. Говорят о том, что даже один поезд был остановлен, и пассажиров ограбили (недостоверно). В пр. году был остановлен поезд, но ограбили только почт. вагон. В газетах не сообщалось.

Говорил с Фр. Л., он служит в Харькове, и занимает видный пост. Вращается среди ответств.[енных] коммунистов. По его словам есть много идейных среди них, но больше шкурников, пьяниц и т. п. Многие бывшие идейными также переродились.

С регистрацией подростков на бирже труда дело обстоит туго. Принимают все меры, чтобы принимать как можно меньше. По вполне верным

рассказам, зная, что многие мальчишки отправляются вечером к бирже и ждут до утра и тогда составляют живую очередь, но более сильные, пришедшие позже, захватывают все же первые места.

Проходил в 12 ч. вечера около биржи труда. След.[ующий] день был по-видимому для регистр.[ации] девушек, и несмотря на холод и ветер, около Б. Т. (*биржи труда*. — Д. Б., А. К.) сидели и стояли несколько куч девушек, всего человек 200, и коротали время рассказами.

ЦРК выдал новые книжки (заборные) с тем, чтобы избежать злоупотреблений, по старым получали, посредством неправильностей разного рода, больше хлеба. С хлебом дело обстоит вот как: черный в ЦРК стоит 5 к. — 1 ф. На базаре 10 к., полубелый — 20 к., белый — 25–30 к. Многие получавшие черн. хл. [черный хлеб] продавали его на базарах частникам и получали белее. Это было по тем, которые пользовались их хлебом. Новые заб. кн. [заборные книжки] еще более усложняют положение.

Много поговаривают о последних двух постановлениях о сдаче концессий (см. газ. за сент. [смотри газеты за сентябрь]). Однако, некоторые расценивают, так, что иностранцы все равно не дадут снова денег. Крупные коммунальные предприятия им не отдадут, ибо ответственные ком-ты [коммунисты] остались бы безработными, а новые или захудалые предприятия не привлекут внимание иностр.[анного] кап-ла [капитала]. Но оставим эту тему, она слишком спец. характера.

8/X. Одному моему знакомому выдали в ЦРК по ошибке заборную книжку, по которой отпускается 1 ф. хлеба, ему следует $\frac{1}{2}$ ф. Он пошел в паевой отдел, там ему заявили, что ничего не знают. «Куда же пойти?» «Куда угодно». «Может быть в Правление?» «Идите в Правление». Пришел туда, благо недалеко, никто не мог ему ответить, рыская он где-то в полутьме, натолкнулся, что по всем делам, касающимся заб.[орных] кн.[ижек] надо идти в дом, помещающийся напротив, Пушкинская, 2, «Европейская» гост., комн. 15. Приходишь туда, есть объявление такого же характера, входишь во двор, около парадной, постоянно висит объявление, что в комнате № 15, работа по статистике прервана до 10/X, и нечего туда идти. Это было 3/X. Он все же решил пойти, раз дело идет о статистике, а не о заб. книжках. Однако, швейцар гостиницы заявил, что в комн. 15 нет никого, она закрыта, ему велели никого не пускать туда и т. п., и отказывался ему подсказать, как туда пройти. Все просьбы были излишни. Он твердил, что она закрыта на замок, и там никого нет. Мой знакомец, все же хотел пройти, может быть, там есть объявление какое-либо. Швейцар не хотел показать, он сам нашел комн. 15. Она была открыта. И там работали. Несколько человек просителей, также

не обративших внимания на швейцара и объявление, добивались там своего. Он также изложил свое дело. Ему велели пойти в маг., где он получил книжку. Но он там уже был и настаивал, чтобы его здесь удовлетворили. «Придите 10го». Но пока он и по этой книжке получает ½ ф.

Недавно в газете сообщалось, что выдавали столько-то муки, столько-то манной и т. п. О чем пишут!

В некоторых хлебных магазинах при выдаче хлеба б/Х требовали кроме заборных книжек и членские, для удостоверения, что пай внесен. Не внесшим не продавали. Для многих это удар. Внести сразу опред. сумму трудно. Даже с рассрочкой внести 3–4 р. сразу и в один день трудно.

В других хлебных лавках даже сегодня выдавали хлеб без этого требования. Знаю одну семью, которая знакома с заведующим одной хлебной лавки. Они получают достаточно хлеба без книжек и поддерживают своих знакомых.

Когда есть масло и молоко их выдают также уже по заб. кн. Интересная заметка о работе комс.[омольской] ор-ции [организации] в крупнейшем од.[есском] предпр.[иятии] «Январских маст.[ерских]», ст.[атья] «Од.[есские] Известия» за последние дни сентября.

Один парень рассказывал о разговоре с ново поступившем в КСМ. Тот сказал ему: «если будет какая-либо перемена, их всех вырежут, но теперь мне выгодно поступить, и я иду в КСМ».

С. Р. рассказывал мне след.[ующий] случай, у его знакомого Ц. есть дочь, он сам вроде нэпман, но она рабочая (для вуза), активистка в союзе и т. п. Она сама составила стенгазету (она гл. ред.), написала ряд статей, подписала их разными псевдонимами, именами и т. п., даже такими которые работают там, где она, и это сойдет за газету с широким участием масс.

11/Х. В одном дворе, где я иногда бывал, живет один студент Р. В., организовавший артель по постройкам. Жил он как граф, в полном смысле этого слова. Все знали, что он из этой артели, все это имеет, но доказать и вообще, что либо против него возбудить не собирались. /Неразборчиво/, он даже был выбран в предс.[едатели] Правления Жилкоопа. Управдом дрожит перед ним. Он принес удостов.[ерение], что зарабатывает 30 р. И с этой ставки платит за воду, за кв.[артиру] и за эл.[ектричество]. В действит.[ельности] его жалование доходило до 150 р. Недавно выяснили еще след.[ующее]: он и еще один неправильно платили рабочим, платили артели. За день полагалось платить 187 к., а они платили 135 к. При 200–300 рабочих, он и т-щ [товарищ] его «рвали» по 40–50 р. в день.

Когда дело выяснилось, их выкинули из артели и пропечатали в центр.[альном] журнале «Коммунальник». Но суду не предали.

Теперь Ю. В. живет припеваючи и посещает вуз. Даже хлеб получает как рабочий, он член ЦРК, а Правление дома выдало ему справку, что он рабочий. Их 3 ч. (мать и сестричка) + прислуга. Имеют 6 ф. хлеба, который они выменивают на белый.

Характерно то, что год тому назад, когда был разгар оппозиции, все, он, мать и даже маленькая сестричка, заявляли себя ярыми сторонниками компартии, ругали Троцкого и т. п. Теперь же они признают Троцкого более правильным и правеют с каждым днем. И пусть еще идеалисты отрицают значение «экономики».

Отмечаю, что несмотря на то, что 8/X записал, о том, что в некоторых лавках требовали при отпуске хлеба чл.[енские] книжки этого не наблюдается в массовом масштабе.

10/XI. Из-за занятости никак не могу записывать все своевременно. Снова записываю за целый месяц. Вероятно, многое забылось.

Говорил с одним вузовцем (ИНО), он должно не коммунист, все же признает большую работу, проделанную Сов. вл.[астью] в культурном отношении, но считает ее недостаточной. По его словам, в ИНО есть много стипендиатов, которые возбуждают его злобу тем, что получают стипендию, плохо занимаясь, не отдаются занятиям и т. д.

1/XI в «Од. Известиях» была заметка о результатах обследования ЦК КСМ ленинградской организации. Ор-ция [организация] там прогнила и разложилась.

Подготовка к октябр.[ьскому] празднику началась за неделю и более числа 31/X-1/XI началось украшение некоторых гос. и кооп. магазинов.

За 7–8 дней в школах прекратились занятия, и началась подготовка к празднику. По достоверным сведениям в Киеве числа 1–2/XI произошли вооруженные столкновения с троцкистами.

7/XI в Одессе в одном доме был вывешен портрет Троцкого. Проходивший милиционер предложил женщине его вывесившей снять его. Та отказалась, мотивируя, что Тр.[оцкий] для нее хорош и даже лучше других...

Милиционер пытался сам снять его, она не пускала. Произошла схватка. Ее побили и портрет сняли.

На след. день (8/XI) с балкона этого дома выступил один троцкист, начал говорить, собралась толпа. Бросались прокламации. Обыкновенная милиция не могла прекратить этого. Были вызваны ГПУ и конная милиция. Забрали человек 60 (по другим источникам 13). С автомобиля они кричали и т. д.

7/XI. Во время демонстрации около одного вуза были брошены листовки, бросивший был схвачен, большинство листовок было отобрано не прочитанными. Студенты возмущались, некоторые, однако, не искренне. Подписаны они были соц.-дем. орг-цией [социал-демократической организацией].

По мало достоверным источникам, 7 или 8 /X в клубах были разложены социал.[истические] листовки какой-то орг-ции.

Слышал еще такой случай. Один парт. был в сионистко-соц.[иалистической] орг-ции. Был арестован и освобожден. Затем по идейным убеждениям ушел. Примкнул к троцкистам.

Давал в клубе кустсоюза, (в октябре) читать листовку, так он прочел ее многим. Вызвали в ГПУ, листовку он уничтожил. Явившись к следователю, он застал того же, который его допрашивал в 19й раз. Был освобожден, говорил, что листовку он взял в клубе у неизвестного, дававшего ее многим.

Знакомец С. Б. В. рассказал мне следующее: Дочь его рабочая, поступала в Медин, выдержала великолепно, но не была принята, т.к. работает всего 2 года (требуется 3). По знакомству ей показали ее отметки, все вполне хорошие, но нельзя было подавать виду, что она знает их. Пошла жаловаться в Компарт. Потребовали в Медине справку об отметках. Ей ее выдали, но ... три предмета отсутствовали, и по остальным были худшие, чем в действительности. Сделано было это, чтобы оправдать ее неприятие. Но В., не дурак, он накрыл ректора в обмане. Дело в том, что не выдержавшие по первым предметам к дальнейшим экзаменам не допускаются, ее допустили, след.[овательно] она эти предметы выдержала, а в справке они были указаны: «неудовлетворительно». Почему же отсутствуют сведения о трех предметах, ректор ответил, что их еще не взяли у экзаменаторов.

В общем, некрасивая история.

Недавно уезжал мой знакомец, я его провожал. У него в квартире недавно была кража, не знаю, поэтому или по другим причинам, на вокзале, при выходе на перрон он был задержан и тщательно обыскан. Обыск производил, кажется, нач.[альник] вокз.[ального] ГПУ. Ничего предосудительного не было найдено, документы оказались в порядке. Он был освобожден, но характерно то, что ему отказались после этого сказать причину его задержания.

На окт.[ябрьскую] годовщину были вывешены такие комплекты портретов: Ленин в середине (большой), по бокам два поменьше Маркс и Петровский. Часто встречались такие соединения. Один мой знакомый остроумно заявил, что Маркс и Петр.[овский] адвокаты Ленина, из которых Маркс верно младший.

На ул. Лассалья были выставлены достижения ЦРК и показано увеличение выпечки хлеба. Один совершенно громко заявил «ну с хлебом то они обманулись».

Около другой витрины, где было также красиво демонстрировано, один громко заявил: «Это только в витринах, черт возьми!»

С. Б. рассказывал, что слышал сам, как один сказал: «тошнит уже от демонстраций, довольно, натерпелись их 10 лет».

Один мой знакомый комсомолец сделал меткое замечание: «евреи — дрожжи, на которых всходило рев. дв-ие [движение] многих стран».

22/XI. В предыдущие дни, в городе усиленно циркулировали слухи, что Ворошилов арестован, будто бы за пощечину, данную им Сталину. Подтверждали это следующим: Парадом, во время октябр.[ьской] демонстрации в Москве командовал Куйбышев (неизв.[естно] предс.[едатель] ВСНХ, вообще не имеющий отношения к воен. делам, или другой какой-либо Куйбышев). Парад принимали Калинин и Ульбрихт. Все это было в газетах, при отсутствии сведений об отпуске или болезни Ворошилова. Все же портреты В.[орошилова] были всюду развешены. Поговаривали также о том, что нач.[альник] од.[есского] гарнизона Зимберг (возможно, что занимает другой пост — нач. IV корпуса) был также арестован за связь с троцкистами, а с ним и группа командиров.

Вчера слышал, что он уже на свободе. Неск.[олько] дней назад сообщалось, что он приступает к обязанностям после отпуска. Никто, однако, не помнит, чтобы сообщалось, что он ушел в отпуск.

Милиционера, разорвавшего портрет Троцкого, говорят, арестовали.

Хлеб в последние месяцы выдавался черный, ржаной по 5 к. фунт. Затем выдавали белее, но по 6 к. фунт. Скоро, однако, он принял вид хлеба спеченного из муки, смешанной с горохом, иногда с фасолей. Некоторые утверждали, что муку смешивают с размолотыми кочанами кукурузы. Иногда все же выдавали вполне хороший полубелый хлеб. Внезапно начали выдавать черный по цене в 6 к. Говорили, что нарочно дали неск.[олько] раз белый, чтобы повысить цену. Неск.[олько] раз затем давали снова белый. С 19/XI снова черный, причем в некоторых лавках брали 6 к. ф., а в некот.[орых] 5 к., теперь уже всюду 5 к.

19/XI это был хороший ржаной хлеб. 20/XI тоже. 21/XI ужасный хлеб, в котором попадаются целые горошины. Горох на вкус. Животы болят.

И. Г. Саврасова

СТИХИ ОДЕССКИХ ПОЭТОВ И. МАДРОБУРСКОГО, А. ЖДАНОВИЧА И О. НОМИКОСА В ОККУПАЦИОННОЙ ПРЕССЕ 1941–43 гг.

По материалам фондов ОЛМ

16 октября 1941 года войска Красной армии, получив приказ, оставили Одессу. «Наступил самый мрачный период в истории Одессы — лихолетье фашистской оккупации»¹.

По разным причинам в оккупированном городе оставались и представители творческой интеллигенции. И по-разному решали насущную проблему выживания. Андрей Владимирович Недзведский², который остался в Одессе ради семьи (больной жены и ребенка), описал свои злоключения в уже опубликованной дневниковой исповеди «Одесская тетрадь». Он писал: «Вместе с оккупацией и ее моральными испытаниями на нас надвинулась весьма реальная перспектива голода...»³

Смерть была всегда рядом, но, несмотря на все, издавались газеты и журналы, работали театры и учебные заведения.

Во время оккупации в Одессе выходили следующие издания: газета «Молва»⁴ (издавалась с декабря 1942 года; в фондах ОЛМ 15 номеров за 1942 год, 13 номеров — за 1943 год), «Одесская газета»⁵ (издавалась с 26 октября 1941 года; в фондах ОЛМ в наличии 45 номеров за 1942 год; 27 номеров — за 1943 год).

Выходили газеты: «Одесса», «Литературная газета», журналы: «Наши дни» (в фондах ОЛМ — № 2, № 4, № 5 за 1942 год, и № 6, № 9 за 1943 год), «Детский листок» (в фондах ОЛМ — 2 ед.), журнал «Колокол» (в фондах ОЛМ — 15 номеров за 1942 год, 10 номеров — за 1943 год). Издавался также еженедельный юмористический журнал «Смех» и вечерняя газета «БУГ»⁶.

Среди опубликованных стихотворений в оккупационной прессе находим лирику поэта Ивана Игнатьевича Мадробурского (настоящая фамилия Мадробарчук). Первая его книга лирических стихов «Эолова арфа» вышла в издательстве «Общество писателей юга

Цена 1 м. 50 фф.

МОЛВА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 34 (58) 26 ноября 1943 г. Год издания II
ОДЕССА

ТО, ЧЕГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ.

Фуртун Ла-Паруз бежал по снегу, спотыкаясь на каждом шагу, плава и проваливая свое счастье, Алакску, Пою, шурта и того человека, которого он штурма по-жон. Горькая кровь уже застыла на его пальцах. Странная куртка неосторожно стояла перед его глазами и мешала его мот. Он видел человека, ухватившегося за край стола и медленно отступающего на шаг... — рабиро-...

Фуртун Ла-Паруз ругали, как женщина, — злобо, жалею, с ласкими напевами на то, что скоро расцветет источник слез, и все дальше уходило в забвение вылажного лапа палатки и пробоема ла. Он То и дело налетал на проталку по всем сторонам веревки, куча мусора и бессмысленно выключенные плаки и на каждом шагу спотыкаялся в горы беспроборачно сваянчича и приважившего леса, приснесенного тучечки. Но- Папа еху чудилось, что шифро- ва на нем оманчательно впр- праталась, и тогда он умень- шал шаг, притчем что голова кружилась, а сердце выста- дось до теху сказать, что вы- звалили вичудальным под-

О ЖИВНОМУ

ПЕРВЫЙ РАЗ...

З. Д.

*Помоги — не знаю. Могу не стереть.
Может быть любой союзник.
Трудно было мне тебе отказать.
Помоги — не знаю, как тебе отказать.*

Помоги и живишь одной смертью

Из собрания
Одесского
Музея
А. А. Чарикова

Одесская газета

Орган Одесского муниципалитета Выходит четыре раза в неделю

№ 52 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 МАЯ 1942 г. Цена 15 фф.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Главной Ставки Фюрера

Берлин, 16. После штурма, сломившего ожесточенное сопротивление врага, вчера вечером пал город Керчь. Город и порт в наших руках.

СРАЖЕНИЕ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Несколько месяцев ата совет- ской армии вступили на южные берега Крыма и в результате вынужденной эвакуации войск немецко-фашистских захватчиков в Крым, в результате которого он был захвачен, при этом немецко-фашистские захватчики не получили возможности вернуть себе Крымский полуостров. Советские вои- ны в течение 120 дней сража- лись в Крыму за Крымский по- луостров и в результате вынуж- денной эвакуации войск немецко- фашистских захватчиков в Крым, в результате которого он был захвачен, при этом немецко-фашистские захватчики не получили возможности вернуть себе Крымский полуостров.

дислокации доведут до аб- сурда. В результате немецко- фашистские захватчики не по- лучат возможности вернуть себе Крымский полуостров. Советские вои- ны в течение 120 дней сража- лись в Крыму за Крымский по- луостров и в результате вынуж- денной эвакуации войск немецко- фашистских захватчиков в Крым, в результате которого он был захвачен, при этом немецко-фашистские захватчики не получили возможности вернуть себе Крымский полуостров.

На фронтах в России

России» в 1919 г. В 1928 г. тиражом 1000 экземпляров в издательстве «Феникс» выходят «Морские сонеты: 2-я книга стихов» с предисловием Петра Ершова⁷. Книга «посвящена памяти моего горячо любимого отца-моряка Игнатия Ефимовича». На обороте титула указаны книги автора, в том числе готовящиеся к изданию (но так и не вышедшие) «Грезовый сад. Лирика» и «Мелкая сошка. Очерки и рассказы».

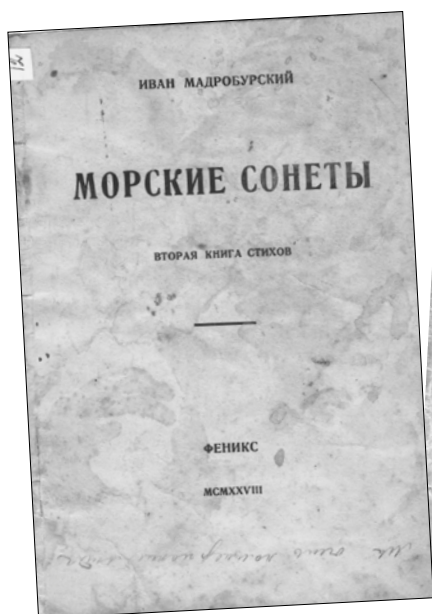
Ершов, давая характеристику сборнику, отмечал: «Именно в смелости и неожиданности и, подчас, резкости метафоры, эпитета или сравнения и оригинален наш поэт “морских сонетов”».

“Морской простор, как изумрудный луг,
И волны в нем, как зыблемые травы...”

рисует поэт, но оригинальность его идет еще дальше:

...Безмолвный городок и грустный, и усталый
Следил, как уплывал корабль все глубже вдаль,
А звездный хоровод, любясь на ущелье,
В заливе полоскал алмазы ожерелья...”

Это свежо, ярко и заражает»⁸.

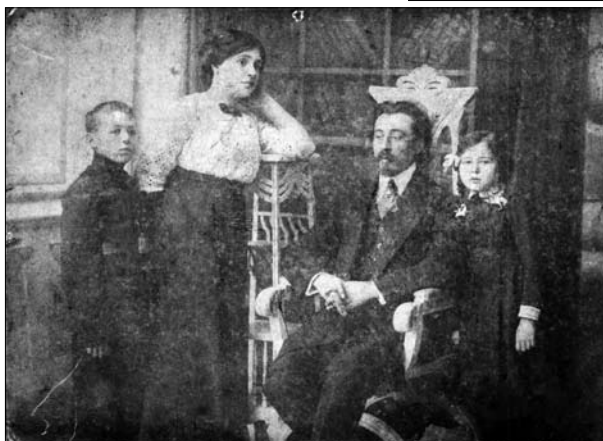

В фондах Одесского литературного музея находятся рукописи и машинописи стихов И. И. Мадробурского с 1920 года по 1944 год (41 ед.⁹), среди них машинописные сборники стихов: «Во сне и наяву», «Лирика души и сердца», «У запретной черты», «Озаренный янтарь», «Ясные дали», «В грезах весеннего очарования», «Восьмистишья», а также фотографии. Многие материалы передала в музей его дочь К. И. Мадробарчук.

О судьбе второго автора много упоминаний в «Одесской тетради». А. В. Недзведский хорошо знал поэта Александра (Олексу) Ждановича и писал о нем: «Хотя мы оставались на “Вы”, но были дружны со времени совместной работы в “Молодой гвардии”. Нас сближала любовь к театру — выступления в газете с театральными рецензиями. Вообще же Саша Ж. был “главным” литературным критиком в Одесской писательской организации, выступал со статьями о творчестве наших

И. И. Мадробурский с книгой «Морские сонеты». Одесса, 1928 г.

Мадробурский с семьей. Одесса, 1910-е гг.

местных литераторов»¹⁰. Александр Александрович Жданович¹¹ родился 31 мая 1908 года в Киеве, умер в 1994 в Красноярске.

Александр Жданович был членом литературного кружка «Потоки Октября»¹². Первые публикации появились в 1929 году в «Шквале», сотрудничал он в «Металевих днях». (По воспоминаниям родных «Начал публиковаться с 1928 года. В 1934 году был принят в Союз писателей СССР»¹³). В фондах ОЛМ есть критические статьи А. Ждановича, «Літературне життя Одеси» — в журнале «Радянська література» № 12 (с. 188–191) за 1935 г., «Т. Г. Шевченко про театр і акторів» — в журнале «Літературна критика» № 4 (с. 97–107) за 1940 г., «Сосо Джугашвілі» — в журнале «Літературна критика» № 6 (с. 134–136). Из «Одесской тетради» известно немного о судьбе А. Ждановича во время войны.

«Высокий и стройный, интересной внешности, Саша Ж. был (и остается) очень влюбчивым человеком... Женат он был на тоже интересной одесской итальянке Маре М. (теперь следовало бы говорить: одесситке итальянского происхождения)»¹⁴. С ней он путешествовал по «крымско-кавказской линии», а уже через месяц познакомил Недзведского с новой женой Мариной С. Перед войной Жданович развелся с Мариной, но заботился о ней и своем ребенке, помог эвакуироваться из Одессы.

Недзведский писал: «Вместе с газетой “За родину” Ж. был переброшен в Крым, но здесь они оказались в разных с Мариной местах. Населенный пункт, где находилась она с ребенком, был внезапно захвачен немцами, а Марина как еврейка немедленно расстреляна»¹⁵.

После развода с Мариной Жданович женился на молодой актрисе Русского театра Екатерине Ж. Александр Жданович участвовал в обороне Одессы, был сотрудником газеты «За Родину». Осколком снаряда при эвакуации в Крым была убита Екатерина. О дальнейшей судьбе Ждановича Недзведский писал: «Пришел Саша Ж. Пришел с военных путей-дорог, многое переживший. Попал в плен к немцам под Севастополем, побывал в лагерях для военнопленных, но вышел на свободу»¹⁶.

«Продолжая свои воспоминания о недавно пережитом, Ж. рассказывает, что он отпечатал в днепропетровской газетке, которую издают оккупанты (а затем перепечатал с небольшими изменениями в николаевской), несколько статей-“подвальчиков” о ... севастопольской обороне. <...> Саша начинает вслух мечтать о том, чтобы получить возможность в каком-либо издании писать “только о литературе”, “только о театре”»¹⁷.

«...вполне порядочный характер творчества Ждановича в той обстановке постепенно выделил поэта из общей массы оккупационных литераторов в Одессе. Особенно поразило его выступление по радио в канун 44-го года, когда он прочитал о том, что “поднимает за Родины счастье...” пенистый бокал. Ведь ясно было, что он имеет в виду “настоящую Родину” — советскую, а не какую-то другую»¹⁸.

В марте 1944 года тиражом 900 экземпляров вышла книга стихов: А. Жданович «Я сегодня пою...» с посвящением: «Покойной жене Екатерине Жданович и живому другу Зинаиде Дьяконовой». Зинаида Дьяконова была актрисой и руководителем одной из русских драматических групп, а Жданович в начале 1944 г. был там штатным литконсультантом и рецензентом¹⁹.

После прихода Советской армии в Одессу Александр Жданович пошел в военкомат и, как театральный специалист, попал в армейский ансамбль. «Закончил войну в Берлине. После войны был репрессирован. В 1953 году реабилитирован. В 1955 году приезжает в Красноярск. Работал заведующим отделом газеты “Красноярский комсомолец”, затем старшим редактором краевой студии телевидения. Автор четырнадцати книг для детей и юношества²⁰, а также — для родителей и педагогов».²¹ Жданович работал в газетах «Пионерская правда», «Красноярский рабочий»²².

В 1960-е годы поэт приезжал в Одессу, встречался с З. Дьяконовой и писателем Александром Батровым.

«Познаешь горечь муки, боль и страх!» — строки из стихотворения Ореста Номикоса²³, опубликованного в газете «Молва» («GRAIUL») 9 января 1943 года. Поэт начинает стихотворение, обращаясь к лирической героине, предлагая заглянуть к нему в «лабиринт души», передавая состояние и боли, и страха в то смутное время испытаний!

В Одесском литературном музее хранятся три книги Ореста Номикоса. Первая — «Стихи» — вышла в 1944 г. в Одессе. Вторая и третья книга так же вышли в Одессе уже после смерти поэта, они составлены его вдовой Г. В. Чуйко: «Из одесских тетрадей» (1994 г.) и «Блаженство отчаяния» (2001 г.). В третьей книге опубликован биографический очерк С. З. Лущика о Номикосе²⁴. Все сборники объединяет тема войны.

Орест родился в Одессе 16 августа 1912 года, умер в 1985. В 1922 г. семья переехала в Сухуми. Номикос с юности «болен» литературой,

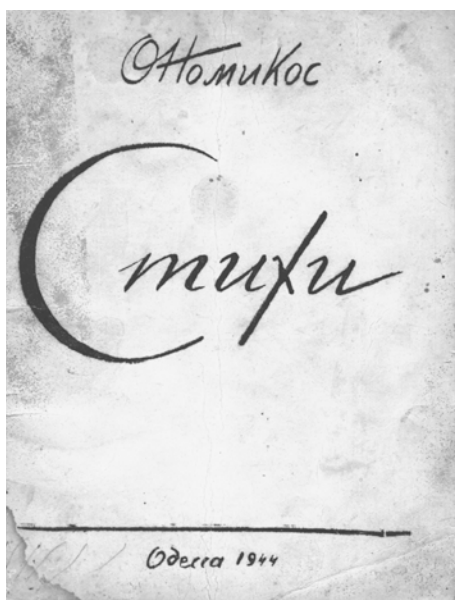

уже в 16 лет он был обладателем «удостоверения»: «Выдано т. Номикосу Оресту в том, что он действительно состоял членом литературного кружка при редакции газеты «Советская Абхазия» и являлся одним из активных его работников»²⁵. В 1929 он уезжает из Сухуми в Тифлис, затем некоторое время живет в Москве, где знакомится с Б. Пастернаком, Э. Багрицким, В. Инбер. Багрицкий в письме рекомендовал Номикоса так: «Познакомьтесь с моим приятелем Орестом Номикосом-Южаниным. Он очень любопытный человек и интересный поэт. Он принадлежит к породе людей, ломающих голову»²⁶. Затем Орест работал на строительстве магнитогорского металлургического комбината, учился в Свердловском индустриальном институте.

В 1935 году Орест перевелся в Одесский индустриальный институт на четвертый курс, в 1937 году с отличием закончил его. В этом же году женился на Изе Вернеровне Эрдманн. В 1939 году он поступил в аспирантуру, родилась дочь Ксения. Началась война, но «призван не был (отец — грек), оставлен на работах по укреплению города»²⁷. Он не смог эвакуироваться, при румынах продолжал работать инженером в электросетях. Номикос начал публиковаться в газете «Молва», сотрудничал с журналами «Колокол» и «Детский листок». Поэт развелся с женой, вскоре она уехала за дочерью в Германию.

По словам самого поэта «Сначала, с мая 1942 года работал по сверке правильности отпечатывания статей в газете «Молва». В декабре 1942 года я был переведен на должность репортера. Всего мною было написано 350 сочинений. Из них было опубликовано около 100 в журнале «Колокол», газете «Молва». Я выступал в Доме ученых и по радио»²⁸.

Летом 1943 года он обвенчался с Галиной Викторовной Чуйко, которая работала секретарем в Художественном музее.

Номикос продолжает литературную деятельность: «две детские сказки О. Номикоса были выпущены отдельными книжечками, а в феврале 1944-го вышел из печати первый сборник его стихотворений»²⁹. Потом эмиграция с женой в Румынию в марте 1944, где они были арестованы СМЕРШем. «21 октября военный трибунал 5-й воздушной армии, проходивший в городе Липово на территории Румынии, приговорил О. Номикоса к высшей мере наказания, а его жену, Г. Чуйко — к 10 годам лишения свободы»...³⁰ «5 февраля 1945 года расстрел был заменен 15-ю годами “каторжных работ” <...> Срок заключения Г. Чуйко закончился в августе 1954-го, О. Номикоса освободили досрочно в апреле 1955-го. Официальная же реабилитация, «в связи с отсутствием совокупности доказательств в измене Родине», пришла лишь в начале 1998 года, после смерти поэта»³¹.

Подборка стихотворений И. И. Мадробурского, О. Ждановича и О. Номикоса взята из периодики оккупационного периода.

1. Одесса. Очерк истории города-героя. — О., 1957. — С. 254.
2. Недзведский Андрей Владимирович (1908–1984) — журналист, писатель, доктор филологических наук, профессор.
3. Недзведский А. Одесская тетрадь. — О., 2001. — С. 22.
4. Газета «Молва» в фондах ОЛМ: № 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 14, 16, 19, 20, 21, 22, 23 за 1942 год и № 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38 за 1943 год.
5. «Одесская газета» в фондах ОЛМ в наличии 72 ед.
6. См.: Головка А. Я. Старые одесские публикации. — О., 2000.
7. Ершов Петр Евгеньевич (1893–1965), поэт, прозаик, литературный критик, мемуарист. Участник литературной жизни с 1917 г. В 1930-х преподавал русский язык в школах и театральном техникуме. Оставался в Одессе во время оккупации, был деканом драматического отделения консерватории, публиковал литературные статьи. В 1944 г. уехал в Германию, впоследствии жил в США.
8. Мадробурский И. Морские сонеты: 2-я книга стихов / Предисл. П. Е. Ершова. — О., 1928 — С. 5.
9. Рукописи позволяют уточнить биографические данные поэта. Так, стихотворение «Расскажи мне, родная...» посвящено матери, Стефаниде Аггеевне; на рукописи стихотворения «Жизнь» рукой дочери сделана запись карандашом «Умер 23 сентября 1945 г., в воскресенье». О смерти Мадробурском см.: Гридин В. ВГУЛАГе — Литературная Одесса // Дороги за колючую проволоку. — О., 1996. — С. 159.
10. Недзведский А. Одесская тетрадь. — О., 2001. — С. 91.
- 1.1 О нем см.:
Поздравляем: А. А. Ждановичу — 70 лет // Краснояр. комсомолец. — 1978. — 30 мая.
Ануфриев А. Его молодое время // Краснояр. комсомолец. — 1983. — 31 мая.

- Книга действует, работает: [Читатели о кн. А. А. Ждановича] // Связь времен. — Красноярск, 1987. — С. 63–68.
- Гридин В. В ГУЛАГе — Литературная Одесса // Дороги за колючую проволоку. — О., 1996. — С. 156–158.
- Жданович М. Высшее счастье — покоя не знать: (Из воспоминаний об отце) // Красноярская пресса. XX век. — Красноярск, 2002. — С. 246–248: ил.
12. Гридин В. В ГУЛАГе — Литературная Одесса // Дороги за колючую проволоку. — О., 1996. — С. 156.
 13. Жданович М. Высшее счастье — покоя не знать: (Из воспоминаний об отце) // Красноярская пресса. XX век. — Красноярск, 2002. — С. 246.
 14. Там же, с. 91.
 15. Там же, с. 92.
 16. Там же, с. 91.
 17. Там же, с. 93.
 18. Гридин В. В ГУЛАГе — Литературная Одесса // Дороги за колючую проволоку. — О., 1996. — С. 157.
 19. Там же. С. 158
 20. Книги А. Ждановича, изданные в Красноярске:
Мальчишка и солнце: Стихи. — 1962. — 30 с.
Приключения Невезухина. — 1964. — 23 с.
Со мной не пропадешь: Веселые рассказы. — 1967. — 36 с.
Я говорю с матерью: Рассказы. — 1969. — 46 с. (с посвящением: «Моему доброму другу, жене — Татьяне Жданович посвящаю»).Встреча с солнцем: Сб. песен для мл. школьников / А. Жданович, Н. Черемных. — 1972. — 36 с.
Почему они такие...: О трудных судьбах и трудных задачах. — 1972. — 108 с.
Человек выбирает судьбу. — 1975. — 106 с.
Наш... и остальные: [Воспитание в школе и в семье]. — 1979. — 80 с.
Рука об руку. — 1984. — 64 с.
 21. Жданович М. Высшее счастье — покоя не знать: (Из воспоминаний об отце) // Красноярская пресса. XX век. — 2002. — С. 246.
 22. См.: Жданович А. А. Со мной не пропадешь: Веселые рассказы. — 1967.
 23. О нем см.: Гридин В. В ГУЛАГе — Литературная Одесса // Дороги за колючую проволоку. — О., 1996. — С. 153–155.
Смирнов В. А. Судьба поэта Номикоса / Одесский вестник. — 2000, 30 нояб. — С. 7.
Лущик С. Орест Номикос / Номикос О. Блаженство отчаяния. — О., 2001. — С. 159–166.
 24. Лущик С. Орест Номикос / Номикос О. Блаженство отчаяния. — О., 2001. — С. 159–166.
 25. Номикос Орест. Блаженство отчаяния. — О., 2001. — С. 159 (Удостоверение № 582 редакции газеты « Советская Абхазия » от 27 июня 1928).
 26. Письмо Э. Багрицкого А. Штейнбергу / Багрицкий Э. Письма / Публ. Е. А. Динерштейн // Литературное наследство. Т. 74. — М., 1965. — С. 461.
 27. Номикос О. Из одесских тетрадей. — О., 1994. — С. 3.
 28. Смирнов В. А. Судьба поэта Номикоса / Одесский вестник. — 2000, 30 нояб. — С. 7.

29. Номикос Орест. Блаженство отчаяния. — О., 2001. — С. 161 (Две детских сказки: Петя и Трезор / текст О. Номикоса. Рисунки М. Эггер. — Одесса, 1943. — 12 с., ил. Тираж 2500 экз.
Сказка о добром Егорушке и прекрасной Аннушке/народная сказка в обработке Галины Чуйко. Рисунки Милицы Эггер. — Одесса, 1943. — 12 с., ил. Тираж 1800 экз. По словам Г. Чуйко, сказка фактически была написана О. Номикосом, а ее авторство указано фиктивно, ради гонорара).
30. Мы из ГУЛАГа: Серия «Одесского мемориала». — Вып. 7. — Од., 1999. — С. 155.
31. Лущик С. Орест Номикос/ Номикос О. Блаженство отчаяния.— О., 2001. — С. 162.

Иван Мадробурский

Я ЖДУ ТЕБЯ...

(слова для музыки)

Я жду тебя... Придешь ли ты?.. Не знаю...
Свиданья час пробил уже давно...
Но нет тебя, но нет тебя, родная,
И на душе тоскливо и темно...

А сад не спит... Там, в глубине аллеи,
Где, сквозь просвет, дымятся облака,
Томясь в горах, костром туманным тлея,
Уже погас, как томный день, закат...

А предо мной, над плещущим бассейном,
Шипя, фонтан раскрыл прозрачный зонт,
И лунный рог, за облаком кисейным
Жемчужный свет пролил на горизонт.

Скользит, как тень, все ближе синь ночная
И так чиста в ней искристая дрожь...
И жду тебя... Придешь — ли ты? Не знаю.
Но верю я, что ты еще придешь!..

СОНЕТ

Ее ланиты — прелесть вечеров,
Которые закатом алым дышат.
Атласный пламень ласково колышет
Нагую грудь и в ней сжигает кровь.
Небесный взор сияньем лунным пышет
Как лук тугой, ее округла бровь,
Как у богини сказочных миров,
Хитон ее узором звездным вышит.
Неуловимой прелестью дыша,
Как греза сновиденья хороша,
Исполненная царственного чувства,
Рожденная в волнах живой мечты,
Создание священного искусства,
Она — богиня вечной красоты.

«Колокол» 15 августа 1942 г., № 5

1

ВОЛНЫ

Когда в пушистых облаках
Стоит над морем месяц ясный,
Они, как фрейлины в шелках,
У принца на балу прекрасны...
Они вздыхают и идут
К нему навстречу, словно в трансе,
И, нежные, улыбки ждут,
Пред ним склоняясь в реверансе.
И думаешь: морской простор,
С атласным, шелестящим плеском,
Залитым в дымке звездным блеском,
Не зал ли без дверей и штор,
Где месяц — принц, а волны — дамы
Пред ним скользят в шелках рядами?..

2

У БЕСЕДКИ

У беседки листья винограда
От росы алмазами блестят.
В глубине едва видна ограда
И деревья тихо шелестят.

Лунный серп, над садом сонным тлея,
Обнимает яркую звезду.

«Колокол» 19 сентября, 1942 г. № 10

ЛОКОМОТИВ

Три глаза острым светом заблестали,
Когда, в груди дыханье ощутив,
От станции, как зверь, локомотив
Помчался в ночь, гремя по скользкой стали.

За ним стремясь, вагоны грохотали,
Спокойствие в ущелье гор смутив,
И ветер повторял речитатив,
И в флере дыма искры трепетали.

Над гранью скал, за облако вцепясь,
Навстречу месяц плыл не торопясь,
И танцевала в вихре бега ели...

Вдруг торопливо пробежав мостом,
Локомотив ворвался в грот туннеля
И скрылся в нем с грохочущим хвостом.

«Колокол» 28 ноября, 1942 г. № 19–20

ДАРИЮ ТЕБЕ ОДНОЙ...

Дарю тебе одной я песнь любви и счастья
Кристалльно-чистую, как солнца луч весной,
И слез моих росу, и томный вздох участия
Дарю тебе одной.

Тебе одной дарю святые откровенья
Глубоких тайн и дум, в которых я царю,
И тихую печаль, и светлые мгновенья
Тебе одной дарю.

Одной дарю тебе свои часы досуга
И ласковость души, покорную судьбе,
И наслаждение, о, нежная подруга,
Одной дарю тебе.

«Колокол» 6 февраля, 1943 г. № 5

ОДНУ ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

(слова для музыки)

Одну тебя люблю, как дивное виденье,
Которое во сне таинственно ловлю;
Как в летний знойный день живительную тень, я
Одну тебя люблю.
Тебя люблю одну, как в сладостном ночлеге
Ласкающий покой и в грезах — тишину;
Как тихую печаль в мелодиях элегий —
Тебя люблю одну.
Люблю одну тебя, как ясный взгляд зарницы,
Когда в мечтах она встречает день, любя;
Как первый поцелуй, что юной деве снится —
Люблю одну тебя...

ТРОЙКА УДАЛАЯ

(сонет)

День-день. День-день. По столбовой дороге
Взрывает снег веселый бег саней.
За облако цепляет месяц роги
И в звездах глубь небесная синей.
Направо — лес безлиственный и строгий;
Налево — степь с курганом; а за ней
Высоких гор скалистые отроги
И сонная деревня без огней.
День-день. День-день. Ни говора, ни лая.
Все спит кругом. Лишь тройка удалая,
Взрывая снег, бубенчиком звеня,

Несется вдаль, потряхивая гривы;
Скрипит мороз и ветер на меня
Страхает снег с ветвей дорожной ивы.

«Колокол» 1 апреля, 1943 г. № 8

ОСЕНЬ

(сонет)

Из цикла «Нетлеющие гирлянды»

Сереет мгла. Желтеет влажный лист.
Роса тусклей на порыжелых травах.
Уныло ветер песнь поет в дубравах;
И слышны в них иль вой, иль резкий свист.

Вершины гор в алмазовых оправках,
Но в тучах ночью месяц серебрист
И скачет, он блестя, как аметист,
На гребнях волн в заливе кучерявых.

Холодный воздух влагой насыщен.
Под шум дождя на землю сходит сон
И в сырости мертвит в природе живость.

В горах, утрами, солнце луч метнет,
Но блеск его — таиственная лживость —
Кладет на жизнь печально-тусклый гнет.

УЗНИК

Если б в душу мою ты проникнуть могла,—
Ты увидела б в ней, опечалась глубоко:
Почему я угрюм, как угрюма скала,
Та скала, что над морем стоит одиноко?

Воздух блещет над нею в лучах, как хрусталь,
В вольном шуме морском ей мерещутся зовы
В ту безгранно-свободную милую даль,
Где таинственно-светел простор бирюзовый.

Сколько жизни там скрыто во мраке веков —
К ней стремится она от земного покоя —
Но сорвать невозможно ей вечных оков,
Чтоб свободно умчаться в приволье морское.

И томится она на морском берегу...
Так и я за решеткой тюремной тоскую —
На свободу, в оковах уйти не могу,
Как скала — в безграничность привольно-морскую!..

«Колокол» 26 ноября 1943 г. № 34 (58)

Александр Жданович

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...Да, хорошо. Замечательно. Очень.
После разлуки — в город родной.
Пьешь его утра, пьешь его ночи,
Трогаешь камень горячей рукой.
Даже собака и та улыбнулась,
Встретив меня у знакомых ворот.
Звонкого, четкого улицы гула —
Полные уши, дыхание, рот.
Много пришлось по дорогам скитаться,
Горя хлебнуть и бедой закусить...
Эх, хорошо, хорошо возвращаться,
Доброе вспомнить, плохое забыть!
Только кого я ищу, уставая,
Меряя шагом сто первый квартал?
Где ты, любимая? Где ты, родная?
Где и когда я тебя потерял?
Пусто... Один я... Углы и домища.
Нет, мне тебя никогда не найти!..
Месяц по облаку черному рыщет,
Точно он сбился с прямого пути...

ДЕВУШКЕ

Ветры осенние мчатся,
Ночью все чаще приходит тоска...
Долго ли, друг мой, мне скитаться?
Вновь ли увижу огонь маяка?

Милая девушка, скоро
Вы позабудете, кто я и что...
Пленный поэт Черноморья
В потертом, солдатском пальто.

Руку подать бы для дружбы,
Но разошлись наши в жизни пути:
Вам расцветать только нужно,
Мне — в неизвестность глухую идти.

Мы разойдемся, не зная
Встретимся ль в жизни опять.
Тихую грусть сберегая,
Буду с улыбкой о Вас вспоминать.

Милая девушка, скоро
Вы позабудете, кто я и что...
Пленный поэт Черноморья
В солдатском, потертом пальто.

«Колокол» № 9, 6 апреля 1943 г.

НЕ ЛЮБЛЮ

Обсосут, расфуфырят, оближут
Десять пар «эстетических» слов —
Не люблю... не люблю — Ненавижу! —
Ни поэтов таких, ни стихов.
Им нет дела до крови, до муки,
До пекучего слова «война» —
Строчат так себе, может, от скуки:
«Он любил», «не любила она».
Ну, и тянется рыжая паточка
Разных вздохов при тусклой луне,
Вся-ж страна захлебнулась атаками —
Даже нежные чувства в огне.
Час придет, и старуха-история
Им предъявит суровейший счет:
«Становитесь к расплате, которые
Позабыли любовь и народ».
Нет, любви настоящей не вижу я —
Только дым «эстетических» слов

Не люблю... не люблю — Ненавижу я! —
Ни поэтов таких, ни стихов.

КАТЕРИНА

Покойной жене

Ты пришла во сне слепая,
В гимнастерке, в юбке синей,
Ты пришла ко мне, родная,
С фронтовых далеких линий.
Шрамом все лицо измято,
Губы съедены ветрами,
С батареи тридцать пятой
Ты пришла ко мне полями.
Нет тебя красивей, лучше, —
Будешь вновь моей женою.
Мы пройдем с тобой сквозь тучи,
Порожденные войною.
Ничего, что ты слепая
(Нету-ж лучше Катерины!),
Ты пришла ко мне, родная
С фронтовых далеких линий...
... Только сон уходит скоро,
Мертвый в сказках воскресает —
Только в детских сказках море
Утонувших возвращает.

«Колокол» № 13, 15 мая 1943 г.

ДВЕРИ В ДЕНЬ

Из губ твоих я пью весну —
Я ртом горячим пью.
Пусть ночь идет, я не засну,
Я пью любовь твою.
Ты распахнула двери в день.
Дай руку — и идем.
Уходит грусть. Так тает тень —
Под солнечным лучом.

Пусть суждены мне вновь пути —
Расстаться суждено, —
Родная, только не грусти,
Открой в весну окно.

И жди меня, покрепче жди.
Пусть плачет ночь в саду.
Ты верь, что солнце впереди,
Ты верь — и я приду.

Пускай другие хмурят взор,
Хоронят пусть меня,
Ты жди всему наперекор,
Хорошая моя.

Ты жди меня, покрепче жди
Пусть плачет ночь в саду.
Ты верь, что солнце впереди.
Ты верь, — и я приду.

«Колокол» № 22, 1943 г.

ПЕРВЫЙ РАЗ...

3. Д.

Почему — не знаю... Может, ветер,
Может, моря зыбкий горизонт...
Трудно было мне тебе ответить,
Почему опять явился он —
Почему я вспомнил город смерти
И друзей ушедших... далеко.
Эх, товарищи мои, поверьте —
Вас забыть мне очень нелегко.
Первый раз я плакал, не скрывая,
Даже мог бы плакать я навзрыд,
Потому что ты до дна все знаешь,
Где и что во мне теперь болит.
Нет тебя любимее и ближе
И тебе, как правде, я молюсь.
Знаешь ты, кого я ненавижу
И кого я трепетно люблю.
И когда захочется смеяться

Или вдруг подступит к горлу муть —
Я не буду, друг мой, притворяться,
К своему открывши сердцу путь.
Заходи! Ведь ты его хозяйка.
Просто и без стука заходи.
Только ты одна, родная Зайка,
Сможешь в нем порядок навести.
Первый раз я плакал, не стесняясь,
Даже мог бы плакать я навзрыд,
Потому что ты до дна все знаешь,
Где и что во мне теперь болит.

«Колокол» № 34, 26 ноября 1943 г.

Орест Номикос

* * *

Когда «Прости!» — сказал весне,
На миг себя мне стало жалко...
Но почему сегодня мне
Любовь пророчила гадалка?
На сердце нежности прилив,
Я слышу оклик журавлиный,
С протяжным криком журавли
Плывут над спящею долиной.
В края лазурные летят,
Наш сад им кажется гирляндой.
Взгляни, мой друг, как сладко спят
В саду заглохшем олеандры.
Как сладко спят! Так спит душа
Твоя, когда смежишь ты глазки.
И безмятежно хороша
Бывала ты, устав от ласки...
Давно «прости!» — сказал весне,
И мне себя ничуть не жалко...
Но почему сегодня мне
Любовь пророчила гадалка?!

«Колокол» № 4, 15 октября 1942 г.

Вошло в сборник «Стихи» 1944 г.

СОРВАЛОСЬ

Правитель «мудрый» мой
Избрал себя наркомом,
Страну сделал тюрьмой,
А Кремль публичным домом.
Он не любил Россию
Грузинскую душой,
Зато любил насилие,
Был в нем мастак большой!
Жидам своим был предан,
Боролся на «авось»,
Болтал зря о победах,
Не вышло! Сорвалось!
В науках был натаскан,
Но управлял коряво.
И вот при первой встряске
Нарушилась держава.
Но дни пройдут лихие.
Я верю — мой народ
Воспрянет, и Россия
Счастливо заживет!

«Молва», 9 декабря 1942 г.

МОЯ ДУША

Тугой и тонкий бинт хрустит, как первый снег,
И я его сорву с кровоточащих ран.
Я в забытьи, глухом и сладком сне.
Ты мне в любви клялась, но то лишь был обман.
Глаза твои полны небесного огня.
Навек замолк любви торжественный аккорд.
Кто курит опиум, легко поймет меня.
Я в одиночестве богат, как Крез, как Форд.
Слепая ночь. Пронизывающий мрак.
Удушье темноты. Безветрие тоски.
Безверие надежд. Вновь сердце, словно флаг,
Трепещет судорожно, зажатое в тиски!

В тиски отчаянья. Былых сомнений боль.
С язв памяти сорву воспоминаний бинт.
Ты хочешь откровения! Изволь, мой друг, изволь!
Будь вхож в души моей пещерный лабиринт!

У входа в лабиринт души моей, как трупы,
Лежат обломки скал, острее зубцов пилы.
Карабкайся, как краб, на скользкие уступы,
Я посвечу тебе, мой друг, не бойся мглы!

Смотри не оступись! Вперед иди смелее!
Ведь под огнем в бою проходят смельчаки.
Давным давно мечту одну лелею
— Открыть тебе сокровищ тайники.

До (капли) отражен в космической душе
Моей весь мир. Гармоний дивных мир.
Я вытравил в созвездьях, как клише,
Твой образ и храню его, как сувенир!

Когда еще рождался в недрах бытия
Наш солнечный циклоп, огнедыша,
— Вне времени жила душа моя,
Моя мятежная, бессмертная душа.

И вне пространства... яростен и светел
Был хаос вечности, туманной тишины.
Миллионы лет спустя лишь я заметил
— Земля неслась, как шарик бузины.

Я воскрешу весь спектр воспоминаний,
С язв памяти сорву тугой, хрустящий бинт.
В твоей крови давно потух огонь желаний,
Но ты не бойся и входи, входи в мой лабиринт!

В нем сталагмиты, словноobeliski
Сочася влагою, вонзятся в темноту.
Летучая мышь в своем полете низко
Тебя слегка заденет на лету!

Ты обомлеешь и тогда, впервые,
Замедлив неуверенный свой шаг,
В мгновенья моей власти роковые
Познаешь горечь муки, боль и страх!

«Молва», 9 января, 1943 г.

Л. А. Мельниченко

ДНЕВНИК ДАРЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ МАРТЫНОВОЙ 1941 – 1945 гг.

*«То, что было со мной, ничуть не меньше значит,
чем то, что было с миром».*

Ю. Олеша

На мой взгляд, эта запись в дневнике Юрия Олеша как нельзя более точно определяет бесценность и значимость каждой человеческой жизни. Вне зависимости от социального статуса и общественного положения человека.

Об этом думаешь, когда читаешь дневники старых одесситов, особенно тех, кому повезло пережить Великую Отечественную войну. В них изложены непридуманные истории одесских семей, и написаны они не профессиональными писателями, а обычными людьми, далекими от литературы и никогда не «болевшими» графоманией. Вероятно, именно ощущение значимости того, что происходило с ними в то трагическое время, заставляло писать дневники. Они писались в блокнотах или ученических тетрадках, иногда чернилами, иногда чернильным карандашом. Не всегда ежедневно, что понятно, ведь условия тогдашней жизни были не просто тяжелыми, а нестерпимо тяжелыми. А с кем поделиться? Ведь плохо не тебе одному, а всем во всей стране. И тут на помощь приходил лист бумаги, на который можно излить все наблевшее и поведать самое сокровенное.

Один из таких документов времени уже публиковался в нашем сборнике — «Записки 1941–1944 гг.» Адриана Оржеховского («Дом князя Гагарина», № 4, 2007). Свои дневниковые записи он вел в Одессе с 28 июля 1941 г. по 11 апреля 1944 г. Так случилось, что Адриан Владиславович Оржеховский не мог эвакуироваться и вместе с женой был вынужден остаться в оккупированном фашистами городе. В 1941 г. ему исполнилось 65 лет, большую часть жизни он прожил в царской России и отношение к разным государственным системам — царской, «большевистской» и фашистской — достаточно широко описано в дневнике. Вместе с тем на страницах дневника много внимания

уделено повседневной жизни в осажденном, а потом оккупированном городе. Приведены документы, описаны разные слухи и собственные наблюдения за жизнью горожан. Но самое ценное в нем то, что в дневнике описана жизнь простого человека с его каждодневными насущными проблемами в оккупированном городе. Вне всяких сомнений, дневник Адриана Оржеховского стал новым свидетельством о том времени, причем — свидетельством очевидца.

Эта публикация явилась своеобразным толчком для тех одесситов, у кого хранились военные дневники их родственников и кто осознал, что история его семьи может быть интересна, а главное, познавательна не только им. Так в музее появились дневниковые записи двух одесситок, которые вели дневники в годы войны. В настоящем издании мы публикуем один из них — дневник Дарьи Васильевны Мартыновой.

Эти дневниковые записи принес в музей внук Дарьи Васильевны — Георгий Викторович Гергая. Тот самый внук Жорик, о котором так много написано в ее дневнике. Дневник состоит из семи тетрадей, на страницах которых Дарья Васильевна день за днем описывала свою жизнь и жизнь своих близких в годы войны: «...*Страшно болит голова и все кости, но рука еще правая пишет, и я спешу написать, передать свои горькие думы и мысли в этой тетради. Может, после моей смерти кому-то она попадет в руки, и тот захочет прочесть мои переживания. Только читатель пусть извинит, я человек неграмотный, самоучка, пишу от чистого сердца, но неграмотно, много ошибок...*» /25 марта 1942 г./.

Дарья Васильевна Мартынова — одесситка, домохозяйка, к началу войны ей исполнилось 49 лет. Она была членом большой семьи Дубовских, состоящей до войны из 32 человек. Дневник начинает писать 22 августа 1941 г. в Одессе, затем оправданный перерыв в дороге по пути в эвакуацию. Продолжает его в эвакуации и описывает возвращение в освобожденную Одессу, где последняя запись сделана 14 мая 1945 г.

Ее дневниковые записи, так же как и дневник Адриана Оржеховского, являются жизнеописанием обычного человека в военное лихолетье, однако, здесь в большей части представлена жизнь одесситов, оказавшихся в эвакуации. Именно в этом состоит уникальность и ценность данного документа — срез жизни человека, получившего возможность эвакуироваться. А такое счастье выпадало далеко не всем: кто-то мог

эвакуироваться как работник учебного заведения или предприятия, кто-то как родственник работающего на предприятии и призванного в Красную Армию. Однако, этим последним обязательно нужно было иметь родственников в тылу, куда и выписывался эвакуационный талон. Ко второй категории граждан относилась и Дарья Васильевна Мартыновна, чей муж перед войной работал на заводе им. Январского восстания и ушел на фронт: «...Была на Январском заводе, никто ничего не знает, обещают талон на эвакуацию. Хочу уехать, но боюсь, что не найду детей. Что делать?..» /30 августа 1941 г./

Талон с пометкой «эвакопункт» предназначался для эвакуации мирного гражданского населения. Там же указывалось название судна, на котором разрешалось эвакуироваться. В первую очередь эвакуировались раненые солдаты, семьи партийных работников и военнослужащих. Талон выдавался на каждого члена семьи, независимо от возраста. В специальной карточке указывалась фамилия главы семьи и тех, кто с ним эвакуируется.

Весь транспорт направлялся в Новороссийск, где по прибытии выдавались продукты питания, о чем в той же карточке ставилась отметка с датой. Суда с эвакуированными ранеными и гражданским населением сопровождались военными кораблями и даже самолетами,

Вера, Иван Васильевич Мартынов (2-ой муж), Дарья Васильевна, Витя, 1928г

так как фашистские подводные лодки и авиация часто совершали нападения на этот транспорт.

Многие одесситы получили возможность эвакуироваться. Но не всегда имеющий на руках пропуск на выезд из осажденного города мог гарантированно получить место на борту корабля. Иногда приходилось ждать несколько дней, иногда можно было уехать в день получения эвакуационного талона. Вот как вспоминает о тех днях Дарья Васильевна: *«Пишу после большого перерыва. Когда 4 сентября была на заводе, дали талон на выезд в тот же день. У меня все было приготовлено, и в 8 вечера вместе с двумя женщинами с завода (их мужья тоже на фронте) мы выехали на большом пароходе «Днепр». Вместо 4 дней по расписанию плыли 30 часов. Было волнение, враг налетел и бросил 4 торпеды, но капитан умело вел корабль и отбил врага. В Новороссийск прибыли благополучно. Ночь была в порту, в город беженцев не выпускали. Я взяла у коменданта разрешение уехать на свой счет. Симпатичный человек, спасибо ему. Правда, я хотела к детям, в Ростов, но он сказал, что при всем желании не может. Тогда я решила к брату Тимоше, недалеко от детей, с надеждой увидеться с детьми.*

Мои спутницы Тася и Людмила едут со мной через Ростов, только я в Мечетинскую, а они обе в Курск. Распрощалась с ними и сошла в Ростове на пересадку. Очень хорошие женщины, с ними мне было хорошо. Вещей у меня 6 мест, а у них 14, и все сохранилось, не обокрали. Ну, в Ростове в город не пустили, ночь просидела на загородном вокзале, вернее, на дворе, плакала и страшно замерзла. Беженцев тысячи...» /14 сентября 1941 г./

И еще: «Сегодня 2 года, как я уезжала под бомбежкой, через пожары, под канонаду орудий из любимой Одессы. Колоссальный пароход «Днепр» увозил 20 тысяч человек. Тяжело и горько было оставлять родной город, дом, в котором я жила 30 лет. Счастье, радость, дружба — все ушло. Потеряла дорогих любимых людей. Отец-старик не хотел уезжать. Он не верил, что немец Одессу возьмет. Два брата — Гриша с семейством и Вася с семейством, три сестры — Маруся с двумя мальчиками, Нила с семейством, Дуся с семейством, все они должны были выехать с заводами, на которых работали. Подруга Манечка, с которой дружили и жили душа в душу 40 лет, горе и радость переживали вместе, любили друг друга и тяжело расстались. Она должна была тоже уехать с мужем Яшей с последней группой

рабочих Январского завода. Так и не знаю, успели они уехать или остались. Стало очень трудно уезжать. Одесса была окружена со всех сторон, осталось только Черное море, но и морем не все могли уехать. Аня, моя вторая подруга, с которой я дружила 20 лет, тоже хотела уехать, но ее старики не хотели, пришлось остаться. Живы или погибли? И дочь моя, Верочка, потерялась, всюду писала, искала ее, но ничего о ней нет. Она жила в Вознесенске, от нас 300 км. Мы с мужем собирались уезжать с его заводом и по дороге ее хотели взять, но железная дорога была уже занята немцами, а муж ушел добровольцем в армию защищать Родину...» /4 сентября, суббота 1943 г./

Понятно, что в пути Дарья Васильевна не могла продолжать писать дневник, но как только у нее появилась такая возможность, она подробно описала все перипетии в дороге и момент воссоединения с семьей сына. А спустя несколько лет обозначила крупные города, в которых ей пришлось жить в эти годы: «...Много мы скитались по свету во время войны, много городов объездили, были в Средней Азии, в Киргизии. Из Одессы выехали 4 сентября в Ростов-на-Дону, потом Махач-Кала, потом в Краснодарск, потом во Фрунзе, теперь в Сухуми. Так устала, хочу покоя, и где его искать?» /22 мая 1944 г./

Словами о постоянной усталости и надежде на покой пронизан весь дневник Дарьи Васильевны, которая считала себя старой в 50 лет. Понятно, что тяжелая повседневная жизнь и постоянные переживания за близких людей не прибавляли здоровья. И остается только удивляться, откуда она и миллионы таких же обездоленных людей черпали силы на борьбу за жизнь: «Сегодня воскресенье. Долго не писала, да и писать нечего. Базары, очереди, голодные обеды. С продуктами все хуже и хуже... Все дорого... были бы деньги, а есть города, что и за деньги не достанешь. Люди мрут от голода. Да, мне приходится еще один голод и войну переживать. Переживу ли, не знаю. Сегодня ходили с Леной на толчок и базар, хотели продать полотенце и свитер, но никто не купил. Все продают, а покупать некому... Аня принесла талоны в столовую. Берем 2 обеда — лапша без жира и суп без картофеля. 4 обеда стоят 8 руб., а кушать нечего. Очень маленькие порции, но ничего не поделатъ, будем как-нибудь спасать жизнь». /14 июня 1942 г./

Тема выживания — основная в ее записках, возможно именно поэтому она так скрупулезно записывала цены на продукты питания на протяжении всей войны. Но, параллельно с этой насущной проблемой,

которую приходилось решать ежедневно, в дневнике четко просматривается еще одна — неизбежная тоска по мужу, ушедшему на фронт. Буквально с первой страницы ощущаешь душевную боль и страдание одинокой женщины: когда нет рядом того, кто наполнял ее жизнь смыслом и без кого жизнь превратилась в тягостное существование. Когда привычная жизнь изменилась, и она осталась один на один с внезапно обрушившейся бедой. Более того, именно с описания последней встречи с мужем и начинается дневник: *«Сегодня был дома мой друг, я его купала, передела, вместе пообедали. Обед был грустный. Я спрашиваю его, будем ли мы еще, Ванечка, обедать вместе? Он мне ответил: «не волнуйся, будем еще много раз обедать вместе». Я его слушала, но сердце болело и говорило: «Это последний раз».* /22 августа 1941 г., Одесса/

Она всегда писала — «мой друг»: и вспоминая довоенную жизнь, и описывая сны с его участием, и даже в эпистолярных фрагментах: *«...Дорогой Ваня, если ты жив, мысленно поздравляю тебя, мой друг, с 24 годовщиной Красной Армии и Флота. От души желаю полного уничтожения врага. Дорогой мой Ванечка, прожили мы 18 лет. Я все эти годы была счастлива с тобой, мой друг. Вспоминаю, как в 1924 году встретили День Красной Армии. Ты тогда был военным в Артишколе. Мы пришли на вечер раньше, зашли в твою чудесную библиотеку, раздели пальто... и пошли в зал. Был доклад, а потом танцы. Мы были молоды и счастливы и весело провели время. А сейчас, дорогой, я одна и больна. Дорогой мой Ваня, если бы ты встретил меня на улице, то ты не узнал бы. Страшно похудела, одни кости да морщины на лице. Когда-то были ямочки, а теперь морщины, и уже не хожу как раньше. Еще 6 месяцев тому, как я ходила ровно, а сейчас не могу, гнусь до земли, как семидесятилетняя старуха. Горбит меня, болит сердце и левая рука, ходить быстро не могу и дышать тоже, тяжело, очень тяжело...»* /23 февраля 1943 г./

В этом фрагменте отчетливо видно, что дневник помогал ей бороться с одиночеством, создавал иллюзию общения. Ему она доверяла личные переживания и самые потаенные мысли, могла выплеснуть обиду или описать радостное событие. Кроме того, в дневнике Дарьи Васильевны постоянно присутствуют близкие и родные люди — и в далеких воспоминаниях, и в прямом обращении к ним в виде неотправленных писем. *«...Вчера Витя читал газету про нашу дорогую Одессу — один ужас. Дорогие мои соотечественники, как вы*

страдаете. Бедный мой отец, ты не хотел уехать со мной. Что с тобой сделали звери, и не знаю. Уехали ли Маруся, Нила, Дуся и Гриша, где они, что с ними. Мы писали в центральное бюро справок по всем беженцам, ответили — их нет...» /19 августа 1942 г./

Новости о родственниках, оказавшихся в оккупации, и Дарья Васильевна, и все, кто находился в эвакуации, смогли узнать только тогда, когда оккупированная территория была освобождена. Подтверждение этому мы находим и в дневнике, когда через месяц после освобождения Одессы — 10 апреля 1944 г. — Дарья Васильевна записала: *«Сегодня у нас большая радость — получили письма: от Вити 2 письма, от Лениной мамы и от моей дорогой дочери Верочки. Ну, радость и горе. Все живы — мои сестры, отец, знакомые, только нет моего дорогого Вани. Он защищал Одессу и выехал из Одессы с войсками 14 октября 1941 года в Севастополь. Там он, видно, и погиб, если бы он был жив, то нас нашел бы...»*

Еще получила от сестер письма. Маруся и Нила пишут про страшные вещи. 15 октября 1941 года вошли немцы, а 23-го все площади и базары были увешаны трупами наших людей. По улицам нельзя было ходить, хватали и вешали. Да, бедняги, какие ужасы пришлось пережить. Антон Миронович, мой сосед, 30 лет мы жили вместе, умер от разрыва сердца. Не мог пережить немецкого террора над мирным населением. Ну и зять мой, Марусин муж, тоже погиб, защищая Родину. Брат Гриша сидел 8 месяцев в кандалах у румын за связь с партизанами, но удалось удрать, и когда пришла Красная Армия, он ушел добровольцем в армию. Брат Вася тоже в армии, не знаю, жив ли он. Брат Виктор, орденосеиц Финской войны, погиб с семейством в 1941 году. Брат Тимоша не знаю где. Ну а как отличилась подруга моего детства Мария Ивановна Цыпкина! Мужа своего Яшу, братьев Жоржа, Сережу и еще двух мужчин замуровала за какой-то стеной. Они были в плену у румын, но удрали, а она их спрятала. Это настоящая русская женщина, большой патриот своей Родины, честь такой и хвала. А когда пришла освободительница Красная Армия, все они ушли на защиту родной земли»²⁹. /15 мая 1944 г./

Неудивительно, что находясь далеко от родственников и любимого города, где они остались, Дарья Васильевна постоянно пишет о них в своем дневнике. Так же часто она вспоминает Одессу, называя ее, не иначе, как «родная», «дорогая», «многострадавшая»: *«...Представляю,*

когда Одессу освободят, боюсь, что мое сердце не выдержит такого счастья». /31 августа 1943 г./ Не менее трогательные слова, наполненные болью и глубоким сопереживанием к своим согражданам, особенно часто встречаются уже после освобождения города: «...Вчера читали в газете статью про дорогую Одессу. Немцы расстреляли мирных жителей 54 тысячи. Ужас, 54 тысячи только при отступлении, а сколько погибло за время оккупации? Расстреливали, топили в море, душили, вешали, издевались, подлые изверги. Сердце кровью обливается, когда читаешь газету. Я хожу, как пьяная, что делаю, забываю, все мысли там, в Одессе. Не могу дождаться, когда Витя сообщит, что с нашими. Смотрю на Черное море и мысленно шлю привет дорогой многострадальной Одессе и ее жителям. Не хочется ни спать, ни есть, какая-то пустота в душе. Я плачу...» /15 апреля 1944 г./

Возвращение в освобожденный город, пусть трудное, но такое долгожданное, Дарья Васильевна описала, уже находясь в Одессе: «Пишу о нашей дороге в Одессу. 2-го августа мы с квартиры в Сухуми приехали на товарный вокзал, и просидели там до 7 августа. Днем жарко, ходили купаться, на кострах варили обеды, а ночью лил дождь, холодно. Спали на вещах, вернее, дежурили, стерегли вещи. Жизнь цыганская, было и плохо, и весело, деньги были, и кушать было что. Яблок очень много дешевых. Сухуми оставил о себе хорошее впечатление...

Наконец, 8 августа ночью мы выехали из Сухуми товарным поездом. Нас перевозила Витина контора Черноморпроект. Людей было 60 человек, все свои, семьи служащих, в трех теплушках разместились. Каждый вез свои вещи, вещей было больше, чем людей. Ехали хорошо, по дороге много и дешево покупали продуктов, но тяжело было смотреть на страшные разрушения. Подлый Гитлер разорил наши земли и города. Дорога была грустная. Ехали мы 18 суток и страшно устали. Приехали 25 августа вечером на станцию Одесса-Застава. Нас встречала вся контора. Подали машину, и кто с детьми, развозили домой, а вещи и дежурных оставили до утра в вагонах. Мы приехали к Лениным родным на 2-ю станцию Фонтана в 10 часов вечера. Радость была и горе. Всю ночь проговорили и проплакали. У Лены сестру Аню немцы угнали в Германию, а мой муж Иван Васильевич пропал без вести...» /10 сентября 1944 г./

Вернувшись в Одессу, Дарья Васильевна продолжает писать дневник. Благодаря этому мы можем проследить жизнь не только одной

одесской семьи, но и жизнь города в первый год после освобождения от фашистов: *«Здравствуй, родная Одесса. Как я рада, что опять вижу тебя. Но как ты глубоко изранена, глубокие и тяжелые раны подлый враг нанес тебе. Я не могу спокойно смотреть, страшные разрушения, болит сердце, как много пережили люди, мирные жители гибли, как мухи»*. /30 августа 1944 г./

Одессу освободили в апреле 1944 года, но война продолжалась еще год. А это значит, что каждодневная борьба за жизнь на освобожденной территории почти не отличалась от жизни в эвакуации. Разница лишь в том, что семья наконец-то воссоединилась: *«Всех родных и знакомых провела, все живы, но много пережили в румынской оккупации. Отец очень старый, все мои сестры и знакомые страшно постарели за 3 года. А я думала, что только я стала старухой»*. /16 сентября 1944 г./

«Домашние дела наши плохие. Нет топлива, покупаем на базаре у спекулянта. Керосин от 40 до 70 руб. литр, ведро угля 100 руб., 10 щепочек 10 руб. Ими обед не сварить. Да и с питанием нелегко, все с базара по высоким ценам. Пайков никто не получает. Кушаем два раза в день, и то впроголодь, ложимся спать голодные. Недоедание ужасное, очень хочется хлеба, а его нет, денег тоже нет, вещи очень дешевые и трудно продать, но я думаю, что трудности переживем...» /22 декабря 1944 г./

«Сегодня большая радость. Витя получил шикарный паек: кило сахару, кило маргарину, пуд картофеля, 3 банки консервов рыбных, 2 кило мяса. Мы рады, Новый год будет сытный». /30 декабря 1944 г./

Последняя запись в дневнике сделана 14 мая 1945 года, спустя несколько дней после окончания войны. *«...Я что имела, все продала, да и Витя тоже все продал, в доме нет ни гроша, только и думаешь, что готовить, и где достать. Витя получает паек, нам на 5 человек только хватает на 10 дней, а остальные 20 дней впроголодь. Продаем всякую мелочь копеечную. Не знаю, как зиму проживем, продавать больше нечего»*. /14 мая 1945 г./

Эти слова, отнюдь не оптимистичные — последние в дневнике. Причина, по которой Дарья Васильевна перестала вести дневник, причем так неожиданно — нам не известна. Никаких пояснений по этому поводу в ее записях нет.

Мы публикуем дневник в полном объеме, за исключением нескольких небольших фрагментов особо личного характера. Таково

было желание внука Дарьи Васильевны — Георгия Викторовича Гергая: «...Этот дневник я знал всегда. Бабушка часто читала его мне, маленькому, плакала и приговаривала, что когда-нибудь я сам прочту его и пойму, как тяжело было во время войны».

Готовя дневник бабушки к публикации, он написал и свои воспоминания о том времени. В годы войны ему было от двух до пяти лет, но цепкая детская память навсегда зафиксировала отдельные фрагменты той жизни. Его воспоминания не только перекликаются с дневниковыми записями Дарьи Васильевны, но дополняют и поясняют их. Отдельные дополнения, куда вошли и воспоминания родственников, включены в комментарии к дневнику и помещены в конце публикуемого текста. Другую часть представляем в виде отрывочных картинок, именно так, как их сохранила его память:

«...При возвращении из эвакуации наш эшелон остановился на какой-то станции. В голове эшелона — красное закатное солнце, в той же стороне играет губная гармошка и толпятся какие-то люди. Я вижу это сверху из двери теплушки, и кто-то рядом говорит: «это пленные немцы...»

...Квартиру дедушки Эдика и бабушки Лизы, когда мы вернулись из эвакуации. Она была полностью заставлена мебелью своей, нашей и соседской, которую оставили «присмотреть» уезжавшие в эвакуацию...

...Осознание того, что дедушка Эдик — немец, и что немцы бывают разные. Я как-то сказал, что все немцы фашисты, и их надо поубивать. «И дедушку Эдика тоже, он ведь немец?» — спросила бабушка Лиза...

...День, вернее, ночь Победы — черная ночь, освещавшаяся ракетами и вспышками выстрелов. Мы стоим на балконе Князевых, взрослые кричат, папа поднимает меня на руки, вкладывает в мою ладошку пистолет дяди Андрея, и мы стреляем в воздух раз, другой...

...Майский парад 1945 г. на Куликовом поле и какую-то важную тетю (жену Черчилля), сидевшую на трибуне недалеко от нас, на которую мне показывает тетя Вера...

...Катание с тетей Верой на только что возобновленном трамвае № 28. А через несколько дней мы с ней ходили в кинотеатр «Бомонд», что был на углу улицы Лейтенанта Шмидта и Итальянского бульвара, и в киножурнале смотрели репортаж об этом событии...

...Сани, запряженные двугорбыми верблюдами, на улице Ланжероновской в день выборов, зимой, кажется, 1945 года...

...Румынскую Триумфальную арку в начале улицы Гоголя; развалины домов напротив оперного театра; танк на углу Канатной и Пантелеймоновской, который, разворачиваясь, зацепил стволом здание почты...

...Я греюсь у раскаленного казанка в столовой, и поющий на нем чайник; странное слово «антрацит», и радость отца, когда он привез машину с этим углем; склонившуюся над штопкой засыпающую маму...

...Семейный сбор в дни публикации выигравших облигаций очередного займа, торжественное чтение номеров облигаций и ожидание выигрыша...

...Всенощную службу на Пасху в Свято-Михайловском монастыре (на Успенской), куда я пошел с бабушкой, когда папа куда-то уехал; мельницу в том же монастыре, где купленное зерно нам мололи на муку; коржи, что пекла бабушка в сковороде из этой муки...

...Ежедневные приходы голодающих беженцев из Бессарабии, которым с вечера откладывали немного еды...

...Очереди за керосином и хлебом, в которых я стоял с бабушкой; хлеб трех сортов — черный, серый (полубелый) и белый...

...Дни полочки, когда все ждали прихода отца с покупками, запах чайной колбасы и запах коробок с американской гуманитарной помощью...

Грех сказать, что мы голодали. Наше состояние вернее всего определяет слово «нуждающиеся». Достаток был скудный, хотя не работала только бабушка. Не хватало не только еды, не хватало всего. Но многим было еще хуже. После этих голодных лет у меня осталась привычка собирать со стола и съесть крошки хлеба...»

Война оставила неизгладимый след в судьбе каждого человека, жившего в то время, и не забыта нами сегодня. В этом году исполняется 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Эта печальная дата имеет отношение и к нашему городу. С 5 августа по 16 октября 1941 года длилась оборона Одессы, чьи защитники первыми остановили врага на такой большой срок, как 73 дня. За этот героический подвиг Одесса первой была удостоена звания города-героя. А в октябре исполняется 70 лет начала оккупации города, продлившейся до 10 апреля 1944 года.

В память о тех трагических событиях мы публикуем новый документ-свидетельство военного лихолетья — дневник Дарьи Васильевны Мартыновой.

Дарья Мартынова

«МОЙ ДНЕВНИК». 1941–1945 гг.¹

1941 год

22 августа, Одесса. Сегодня был дома мой друг, я его выкупала, переодела, вместе пообедали. Обед был грустный. Я спрашиваю его, будем ли мы еще, Ванечка, обедать вместе? Он мне ответил: «не волнуйся, будем еще много раз обедать вместе». Я его слушала, но сердце болело и говорило: «Это последний раз»².

Привез мне жалованье за август деньги, но я была не рада этим деньгам. Чувствовалась тяжелая разлука, слезы лились, как в детстве. Мы распрощались на улице, он сел на велосипед и уехал, а я стояла, пока он не скрылся, и плакала.

Одна я осталась. Была семья, и нет никого, одна, одна, никому не нужная. Если бы знали мои дорогие дети, как я страдаю. За Виктора и Лену, Жорика я все же имела известия, что здоровы и живут спокойней, чем мы, а вот где моя дорогая Вера?³ Последнее письмо было 25 июля, и все. Жива она или погибла от руки врага — ничего не знаю, и наверно, уже никогда не увижу дорогих сердцу детей. Ох, как тяжело, тоска безысходная. Кончаю, слезы не дают писать.

23–25 августа. Ночь была кошмарная, дождь лил, темно, ужасно гремели орудия, стены и окно дрожали. Я всю ночь не спала, проходила по квартире одна, осталась без слез и сердце ужасно болело.

Утро ничего радостного не принесло. Хотела идти к Ване, но из-за угля не пошла. Ждала уголь и 23-го, и 24-го, но не привезли, и я не была у своего друга два дня. Еле дождалась 25-го и пошла в 7 утра к нему, а его уже нет, уехал позавчера на фронт. Ах, как тяжело. Всю дорогу назад проплакала и решила искать Ваню. По дороге сказал мне знакомый, что видел мужа, и что его отряд попал под бомбежку. Я решила, что он убит, пошла на Январский завод⁴. Там сказали, что есть раненые, но ваш муж жив. Я, конечно, не верила, ходила, как сумасшедшая не спала, не ела. На заводе всем надоела. Хочу знать правду — ранен, убит — только правду, и меня никто не может успокоить. Одна, одна со своим горем.

27 августа. Была на заводе, ничего утешительного не сказали, а нервы так разошлись — плачу без конца. И вдруг 27-го в 5 вечера приходит одна добрая женщина, приносит письмо от моего мужа. Какое счастье,

жив. Эта женщина ходила к своему мужу, ну и Ваня передал письмо для меня. Но я же захотела увидеть Ваню, быстро собралась и уехала с ней к нашим дорогим мужьям. Увы, меня просто преследует злой рок — они час назад уехали на передовую линию. Так и не простилась с другом. Единственная память — это письмо. Будут ли еще письма, увижу ли его еще — не знаю, живу надеждой.

28 августа. Сегодня радость — две девушки принесли мне письмо. Пишет дорогой мой Ваня, что жив и здоров, уговаривает не падать духом. Как могу, держусь, но сердце уже отказывает.

29 августа. Сегодняшний день не принес хорошего. Была на заводе, никто ничего не знает о моем друге, да чье сердце болит о чужом, у каждого свое горе. Все люди расстроены.

Мой дорогой друг Ваня, как мне хотя бы еще раз хочется с тобой повидаться. С 22-го я тебя не видела. Кажется, не много, всего 7 дней, а эти дни вечностью для меня тянулись и не знаю, сколько еще ждать. Ах, какая тоска, одна, одна. Мои дорогие дети, вас всего у меня двое, и то растеряла. Да еще Жорик, наша радость, а не пришлось порадоваться. Он уже большой, через 2 дня ему будет 4 месяца. Кто знает, увижу ли когда-нибудь моих дорогих. Что ни день, то все слабее надежда. Почва уходит из-под ног. Не ем и не сплю, страшно устала, голова болит, тошнота ужасная, хожу и качаюсь.

30 августа. Ночь прошла сравнительно спокойно. Я даже спала, но тревожно, никто из дорогих моему сердцу не снился. Все утро ждала известий, но ничего нет. Неужели больше не будет от тебя, дорогой Ваня, утешенья, неужели мы больше не встретимся? Страшно старость доживать одинокой. Ох, как я этого боялась. В 1921 году я стала одинокой, но была молодая, и дети со мной были, а сейчас детей нет, да и неожиданная старость тоже тяжела.

Была на Январском заводе, никто ничего не знает, обещают талон на эвакуацию. Хочу уехать, но боюсь, что не найду детей. Что делать? Друга нет, советоваться не с кем.

31 августа. Конец лета. Ночь была страшная, утром туман ужасный. Что мне день принесет? Хотя бы о нем получить весточку.

Днем была на заводе и получила приятное известие. Жив и здоров мой дорогой Ваня. Я ничего не хочу, только чтобы он был жив и здоров, и чтобы уничтожили коварного врага.

Была Манечка, забрала меня к себе ночевать⁵. За все время, как ушел Ваня, спала хорошо, чувствую себя бодрей, живу надеждой на лучшее.

1 сентября. Приехали ко мне Дуся с семейством⁶. Стало веселей, больше жизни, но опять началась канонада. Окна и двери дрожат, сердце тоже стучит, как молоточек, нервы не выдерживают. Хочу опять идти к Мане ночевать.

2 сентября. Ночевала у Мани. Вчера спала хорошо, окрепла и ела 3 раза. В этот раз спала плохо, хотя ночь была спокойной. А вот день ужасный, канонада бесконечная.

3 сентября. Пришла домой, все дома благополучно. Пошла на завод, о друге ничего не узнала. Три дня прошло, а ничего не знаю. Бои идут ожесточенные, не знаю, жив ли мой дорогой Ваня или нет? На заводе мне предложили талон на выезд: В 4 часа получить талон и в 7 часов выезжать. Я отказалась. Не успею, нужно приготовить еду на дорогу. Сегодня, наконец, получила письмо из Ростова от моих дорогих детей — Жорика, Леночки и Вити. Они ничего о нас не знают. За 2 месяца получили только одну нашу открытку, ну и беспокоятся, всех спрашивают, где мы. А я так рада, что они живы и здоровы! Хочу их всех видеть и прижать к своей груди. Доживу ли я до такого счастья?

14 сентября. Пишу после большого перерыва. Когда 4 сентября была на заводе, дали талон на выезд в тот же день. У меня все было приготовлено, и в 8 вечера вместе с двумя женщинами с завода (их мужья тоже на фронте) мы выехали на большом пароходе «Днепр». Вместо 4 дней по расписанию плыли 30 часов. Было волнение, враг налетел и бросил 4 торпеды, но капитан умело вел корабль и отбил врага. В Новороссийск прибыли благополучно. Ночь была в порту, в город беженцев не выпускали. Я взяла у коменданта разрешение уехать на свой счет.

Симпатичный человек, спасибо ему. Правда, я хотела к детям, в Ростов, но он сказал, что при всем желании не может. Тогда я решила к брату Тимоше, недалеко от детей, с надеждой увидеться с детьми⁷.

Мои спутницы Тася и Людмила едут со мной через Ростов, только я в Мечетинскую, а они обе в Курск. Распрощалась с ними и сошла в Ростове на пересадку. Очень хорошие женщины, с ними мне было хорошо. Вещей у меня 6 мест, а у них 14, и все сохранилось, не обокрали. Ну, в Ростове в город не пустили, ночь просидела на загородном вокзале, вернее, на дворе, плакала и страшно замерзла. Беженцев тысячи.

Наутро прошу начальника, чтоб меня пустили найти сына. Не пустил. Как же так, быть в городе, где дети, и не видать их? Сiju и плачу. Вещи теплые им привезла, а передать не могу, страшно переживаю. Но нашлись добрые люди. Сидела со мной женщина-крестьянка, она предложила пойти в город и разыскать сына. Дала я ей адрес. Тут же пришел носильщик, который вечером перенес мои вещи, а утром обещал разыскать сына. Я и ему дала адрес. К 12 часам, какая радость, пришел мой дорогой сын Виктор. Добрые люди разыскали его, спасибо им.

Но комендант не выпускает. Тогда сын поехал к высшим властям, и они разрешили Виктору взять мать. Едем трамваем, носильщик помогает с вещами. Я рада и счастлива, а думала, что не увижу своих детей. Пришли домой, Леночка рада, а Жорик — чудный, большой, смеется. Носильщик много времени потратил, до 3 часов был с нами. Заплатила ему 60 руб. за труды и любезность. Ну и крестьянке тоже заплатила 20 руб. Они довольны, я еще больше рада, что добралась к своим детям.

С 4-го по 10-ое за дорогу пришлось многое пережить, но я еще скоро и счастливо добралась. Витя меня прописал на постоянно. Трудно очень с пропиской, но я на иждивении сына, да и он имеет комнату очень хорошую. Комната со всеми удобствами, платить 150 руб. в месяц. Мне с детьми хорошо, а все же тянет и болит сердце за дорогой любимой Родиной — нашей красавицей Одессой, а самое больное — мой друг Ваня. Увижу ли я когда-либо его? Слабая у меня надежда, далеко забралась, опять тоска гложет.

Ночь не спала. Сегодня, 14-го, Витя и Лена пошли в город. Необходимо Лене купить пальто зимнее. Страшно похудели Лена и Витя, особенно Витя — желтый, ужасно худой. Жаль смотреть на них. Коварный враг не дал пожить молодежи, разъял и расстроил семьи, всюду слезы и горе. Пришли из города Лена и Витя. Пальто нет, купили Жорику валеночки, кофточку, шапочку. Один Жорик полный, только бледный, без воздуха, но я его теперь целые дни ношу и ношу во дворе. Немного уже загорел, чудный мальчик. Погода хорошая стоит, тепло.

15 сентября. Сегодня, ездили с Леной в город, купили ей пальто. Фасон хороший, а материал — дрянь. Лучше не было, только такие, 661 руб. стоит. Будем живы-здоровы, будет лучшее пальто. Хотели «снять» Жорика, так нет магния. Жаль. Витя принес неприятные известия: опять уезжать нужно. В настоящее время это трудно, тем более с ребенком, а тут еще у Жорика понос, не знаю, как мы его доведем.

16 сентября. Сегодня я сама ходила на базар. Все есть. Купила мясо, рыбу судак, овощей много, а фруктов нет. Город большой, шумный, народу много. Жаль уезжать, здесь близко от Одессы, все новости быстро доходят. Тоска опять гложет. Где мой дорогой Ваня, жив ли он. Далеко забралась и ничего не знаю о нем, да и где узнать? Из Одессы почта не идет. Неужели я его так рано потеряю? Он хотел, чтобы я уехала к Виктору. Мне с детьми хорошо и я им нужна, Лене трудно с Жориком, тем более Жорик болеет. Но как ни хорошо, с мужем лучше, да еще с таким другом, который никогда не сказал плохого слова. Ох, как тяжело. Да и о Верочке ничего не знаю, где она и что с ней, увижу ли когда-либо?

17 сентября. Ночь плохо спала. Сильно болели ноги и сердце делало перебои. Страшно было, но не хотела беспокоить детей. Они мало спят, а эту ночь Жорик хорошо спал. Ну, до утра еле дождалась. Ночь тихая, только наши самолеты дежурили, охраняли наш покой.

18 сентября. День прошел без приключений. Носила Жорика на дворе, у него появился румянец, загорел, хороший мальчик. Люблю его безумно. Жаль, нет моего друга Вани, он тоже радовался бы.

19 сентября. Ходила на базар, сварила обед, гуляла с Жориком, а все мысли с дорогой Одессой. Как мои сестры и братья, отец и друзья, живы ли они, узнала ли Дуся что-либо о Ване?

20 сентября. Сделали уборку квартиры и ходила на базар, сварила обед. Пришел Витя, новость та же самая — враг наступает. Какой ужас! Народ гибнет, но мы надеемся его победить.

21 сентября. Витин выходной день. Он принес талон на мануфактуру. Я решила идти в магазин, а он пусть отдохнет. Пошли компанией с Витиными сослуживцами. Ехали двумя трамваями, потом катером через Дон и еще шли пешком. Ничего не было, кроме маек и носков. Взяли, что было, купили арбузов, капусты, помидор и приехали домой в 3 часа. Я страшно устала. Дети жалели, что я ходила, но нужно было, хотела Жорикку набрать бумазеи на пеленки.

22 сентября. Утро тяжелое. Радио передало: Киев пал, сердце Украины. Немцы вошли в Киев. Какой ужас! Бедные люди и бедные наши

дорогие бойцы, дрались до последней капли крови. Кровавая будет расплата.

После обеда пришел Витя, принес еще тяжелей новость, хотя мы этого ждали ежедневно. Его мобилизовали. Едет в Новороссийск. Он спокоен, говорит, что и как делать, все объясняет, а мы с Леной слушаем, но ничего не соображаем, стараемся себя сдерживать, не плакать. Витя с Леной ушли в город, а я осталась. Конечно, наплакалась. Жорик остается без отца, тяжело, ох как тяжело...

*[отсутствует нижняя треть страницы]*⁸

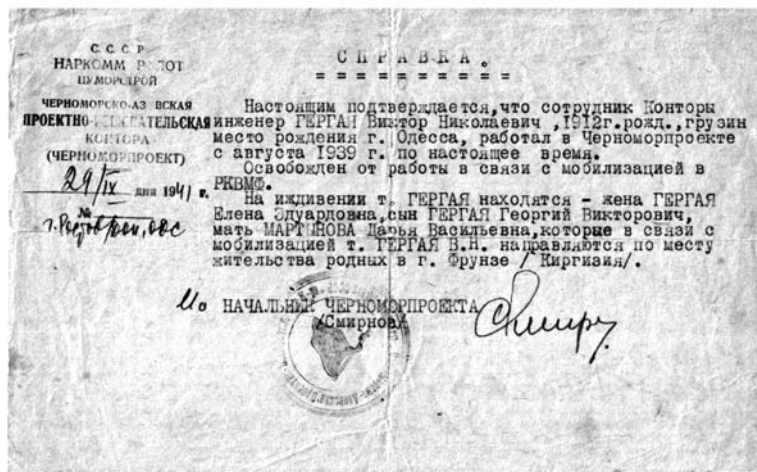
...дорогую Родину нужно защищать. Мы все ему приготовили. Да, день был тяжелый.

23 сентября. Ночь плохо спала, вернее, не спала. В сны не верю, но загадала, вернее, задумала: если приснится мой друг Ваня, значит, он жив, если не приснится, то убит. Не снился, страшная тоска. Где он, мой добрый друг и всеми любимый, неужели никогда не увидимся?

*[отсутствует нижняя треть страницы, следующий лист и верхняя половина последующей страницы]*⁹

... если бы мой друг Ваня знал, что нам приходится переживать, он возмутился бы за несправедливость. Бедная Лена, ее с мужем, быть может, разлучают навеки, но она молодец, держит себя как истинно Советская Женщина, а я пала духом и плачу без конца. Тяжелая моя старость, переживу ли эти удары? А жить нужно, чтобы растить и воспитывать Жорика.

*[отсутствует верхняя половина страницы]*¹⁰

Октябрь — ноябрь. В пути¹¹. Выехали из Ростова 2-го октября, приехали в Махач-Калу, Дагестан. Ехали с конторой в теплушке. Тесно, но со своими легче. Мы в Махач-Калу, а Виктор — в Новороссийск, мобилизован во флот. Тяжела была разлука.

Город Махач-Кала грязный, люди — то же, но горы чудные, покрыты зеленью и в голубом тумане. Остановились в общежитии. Жизнь не дорогая. Всего 4 дня было светло и спокойно, и здесь тоже светомаскировка. Много войск, роят окопы, поезда ежедневно привозят беженцев. Город, порт, все улицы, дома заполнены беженцами. Какой ужас! Все испуганы, враг идет и забирает наши города. Наша дорогая сердцу красавица Одесса пала 16 октября. Какое горе, удар тяжелый. Мы все, одесситы, страшно переживали, я совершенно потеряла сон и покой. Дорогая Одесса пала, любимая Одесса и вся солнечная Украина в руках врага. Что с моими родными и знакомыми?

Мой Ваня защищал дорогую Одессу, дрался у самого города. Остался он жив, или погиб, как многие? Мои сестры и братья, бедный отец¹². Я его просила уехать со мной, он не хотел, ибо не верил, что Одесса падет. Маруся страшно хотела уехать со мной, но еще не собралась, а я уже имела талон на пароход и нужно было 4-го сентября уехать обязательно. Нила и Гриша должны были уехать с заводом. Дуся уехала или нет? Я хотела взять с собой Воличку, но Дуся не дала. Маня и Яша тоже должны были уехать с Январским заводом¹³. Аня очень хотела уехать, но ее старики не хотели уезжать. Говорили, все равно умирать, а Аня не могла их бросить¹⁴.

Оля и Федя с детками страшно хотели уехать, но у них нет денег, да и некуда¹⁵. Илья Павлович, Олин отец, хотел, чтобы Оля уехала со мной, я ее тоже звала ехать, но она не верила, что враг возьмет Одессу, ибо стало подходить подкрепление. Александра Савельевна и Антон Миронович тоже не верили, что Одесса будет взята подлым врагом¹⁶.

И вот дорогая Одесса в руках жуткого Зверя. Если не уехали мои дорогие и любимые, холодеет душа, чему они там подвергаются. Ужасно болит сердце за наших людей, но все же погибнет подлый Зверь. Наше дело правое и мы победим.

Вдруг 8 ноября у нас большая радость — приехал Витя. Его посылают в Ярославль, не знаю зачем. Говорит, работать на завод. Это неприятно, Витя хотел быть на передовой, но ничего не поделаешь. Через 2 дня Витя уехал, опять тоска и неизвестность. Но тут начальник из Черноморпроекта прислал за Леной и предложил нам уехать в Красноводск. Едет их экспедиция, и нас перевезут. Мы собрались, взяли продукты и 5 литров воды, Жорику наварили каши и 18 ноября выехали пароходом

«Аджаристан». Плыли через Каспийское море и дорога была ужасная. Двое суток был шторм в 9 баллов, я и Лена страшно укачались, ужасная рвота и головная боль. Бедный Жорик, он больше спал и голодал, нечего было дать, да и все были больны. Но как кончилась качка, все ожили на пароходе, стали кушать, чай пить, ну и мы с Леной хорошо поели. Лена пошла на верхнюю палубу, постирала 35 штук пеленок. Воды много на пароходе, кипятку тоже много.

Прибыли в Красноводск рано утром. Город маленький, но чистенький, симпатичный. Зато горы наводят тоску. Горы каменные, зелени нет ни кустика. Расположились у забора на улице. В вокзал боялись идти, много народу. Жорика покормили, перепеленали на улице, сварили кашу у добрых людей, и Лена с Жориком, Зоя с Нонной и еще женщины пошли в военкомат за посадочными талонами на поезд, ну а я, Александра Ивановна и Тоня, с которыми мы едем, остались ночью стеречь вещи¹⁷. Сорвался страшный ветер с гор, пыль, потом дождь. Ужасно холодно. Всю ночь дрожала и промокла. Тяжелая ночь. Было хорошо, что Лена с Жориком и еще дети попросились пересидеть в теплом коридоре в военкомате. Жорик спал на столе. Наутро прибежала Зоя и Тоня — скорей давайте носить вещи, отходит поезд в нем есть вагон для военных и жен военных. Быстро погрузились, набрали воды и хлеба и в 10 часов утра уехали. Вода и хлеб в Красноводске были.

Ехали хорошо. В вагоне были исключительно военные и жены военных с детьми. Жорик самый маленький, всего 7 месяцев, ему лучшее место и его все любят за то, что он веселый, чудный, и зато, что знает маму и сиюю. У нас в вагоне было два военных, Коля и Володя. Доставали всему вагону сало, хлеб, воду, кипяток. Ехали до Ташкента хорошо, да и тепло было. Я стирала пеленки и они быстро сохли, ну и публика была симпатичная и чистая. Не доезжая до Ташкента наш поезд загнали в тупик, стояли двое суток. Хотели нас снять и послать в колхоз, но Коля и другие послали телеграмму в Ташкент правительству. Ответ пришел, чтобы жен военнослужащих отправили пассажирским поездом, кто куда хочет. Ну, мы доехали до Ташкента хорошо. В Ташкенте вагон разгрузился, осталось всего нас 8 человек: я, Жорик, Леночка, Тоня, Зоя, Нонна, Александра Ивановна и Коля, он поехал во Фрунзе нас провожать. От Ташкента ехали очень тихо, больше стояли. Наступили морозы, снега, стало очень холодно, да и вагон летний, пустой и не топили. Очень тяжело. Бедный Жорик, он все время закутан в тряпки, ежеминутно мокрый. Пеленки стирали в холодной воде, мои руки замерзали ужасно. Лена, бедная, обморозила ноги, Жорик — щеки и ручки приморозил, аж кожа сходила.

Чем ближе к Фрунзе, тем холодней, но мы все пережили, еду по дороге доставали — молоко, фрукты, даже горячее, воды и хлеба было много. Я не ожидала, что можно было достать то, что мы по дороге доставали. Проезжали красивые места, особенно горы, но были и песчаные места, горы песку, но всюду населено людьми. Наше правительство за 23 года очень много сделало, кругом забота о людях, благоустройство, даже в таких пустынях — и там человеческий труд и забота. Приятно и легко на душе, что наша страна так широка и богата. Конечно, у врага глаза разгорелись и он думал отнять у нас лучшее, но ошибся, просчитался. Никогда мы не отдадим ни одного метра нашей земли, били и будем бить подлого врага. Все патриоты защищают дорогую нам Родину и уничтожают врага.

Так ехали до станции Арысь. Там сделали пересадку и доехали до станции Пешпек — это в 4 километрах от Фрунзе. Что делать, дальше поезд не идет. Сгрузились, наняли подводку. Лену с Жориком и Нонну посадили на вещи, а я, Тоня, Коля, Александра Ивановна и Зоя пошли пешком за подводой, ну как настоящие беженцы. Идем и думаем, что уже наши страдания сегодня кончатся. Пойдем в баню и у Ани покушаем, отогреемся и отдохнем¹⁸. Но все наши мечты рухнули. Лена нас привела в дом, где Аня жила, спрашивает хозяйку, Ольгу Васильевну, где Аня? А Ани нет, выбралась от Ольги Васильевны, и она не знают, куда. Что делать? Лена решила всем нам идти к Ане на службу на Советскую улицу. Идем-идем и падаем, еле ноги тянем. До Советской не 4 километра, а 7 километров. Пришли. Лена пошла к Ане, та, рада, выбежала, знакомимся, целуемся. Аня такая миленькая, но 8 человек она не знает где приютить. Она своей комнаты не имеет, снимает угол и ее хозяйка не захочет нас принять. Что делать? Уже 5 часов вечера. Аня волнуется, мы все еле стоим на ногах. Аня решила идти в гостиницу для эвакуированных. Там же заседает и правительственная комиссия.

Пришли. Народ с вещами сидит на улице, ну и мы сгрузили вещи на улицу и сели. Жорик мокрый, плачет, его нужно перепеленать. Я тоже плачу, вспоминая свою квартиру. Аня волнуется, пошла к заведующему, чтобы нас в гостиницу пустили переночевать. Нас не пустили. Во-первых, нет коек, все заполнено, а самое главное — нужно пройти санобработку, сходить в баню. Ну что делать, уже 10 часов вечера, мы голодные, перемерзли, сидим на улице. Аня взяла Лену и Жорика и пошла к себе на службу. Сварили ему кашу, перепеленали, накормили и вернулись, а мы все сидим на улице около гостиницы. Тут нас опять выручил Коля — пошел, переговорил с завхозом, и нам дали комнату при канцелярии. Комната маленькая, один стол, два стула. Пол грязный, но тепло. Скоро поужинали,

и Аня с нами. Постелили всем на полу, а Жорику — в корыте, там он спал в дороге, и легли спать. Мы рады, что тепло и тихо.

Не помню, как прошла ночь. Утром пошли все, и Жорик, в баню, а Аня осталась с вещами. Баня очень далеко. Пришли с бани страшно усталые, еле донесли Жорика, поели и пошли получать койки. Аня взяла с собой Лену и Жорика, а я осталась стирать пеленки. Тоня и Коля нашли себе угол, забрали вещи и уехали. Коек дали только три, больше нет, решили спать по два человека. Но к вечеру пришла Аня, наши вещи забрала к себе на склад, а меня на свою квартиру. В гостинице остались Зоя с мамой и Нонна. Александра Ивановна заплакала, что они остались одни, я не хотела их оставлять, но Аня настояла, чтобы идти к ней. Я, как могла, их успокоила и пошла с Аней. Пришли, открыла хозяйка, я поздоровалась. Хозяйка мне показалась неприветливой. Ну, входим в комнату, Лена сидит сонная у кровати и укачивает Жорика. Тепло, чисто, комната хорошая, светлая. Говорим шепотом, боимся разговаривать громко. Жорик тоже ведет себя хорошо. Аня меня сытно накормила, суп со свиной, мясо, я с удовольствием поела. Все страшно устали и хотим спать. Лену с Жориком Аня положила на кровать, а мы с ней легли на полу на перину. Белые простыни, мягко, чисто, тепло, я уснула, как у себя дома.

Наутро Аня и хозяйка ушли на работу, а мы остались хозяйничать. Тяжело было привыкать в чужом доме, но понемногу привыкли.

Хозяйка оказалась доброй, любит детей. Жорика она полюбила, надарил ему игрушек. Да Жорика нельзя не любить. Хотя по ночам не дает никому спать, страшный крикун, но все же чудный мальчик, я его безумно люблю. Да и он меня больше всех любит, у меня хорошо спит. Если я ухожу, он плачет за мной, а если уходит мама, не обращает внимания.

Базары тут дешевые. Свинина от 10 до 18 руб., молоко 4 руб. литр. Хлеба и булок коммерческих много. Ну, жизнь сравнительно приличная.

Итак, мы выехали из Махач-Калы 18 ноября, а приехали во Фрунзе 29 ноября. 11 дней были в дороге. Это не много, зато пережили много.

Лена пошла в правительственную комиссию для прописки, но пришлось походить 10 дней, пока прописали и дали хлебные карточки. Было много волнений, но все успокоилось. С хозяйкой мы живем хорошо. Я ей варю обеды, и всю домашнюю работу мы с Леной делаем — топим плиту, убираем квартиру, ходим на базар. Хозяйка только стирает свое белье, и то я ей кипячу. В общем, мы примирились, живем тихо и спокойно. Наша Аня чудная, с ней легко жить, она очень и очень добрая. Когда мы приехали, она уже заготовила рис, сахар, картофель, хлопковое масло, лук, керосин, мыло и много еще мелочей. Мы два месяца ели очень хорошо.

29 декабря. Ну, изменений никаких. Обед, базар и все, тоска ужасная. Виктор писал, что его из Севастополя послали в Ульяновск. Морозы ужасные, а дорога тяжелая. Он ехал 42 дня. Из Ульяновска его отпустили до особого распоряжения. Мы с Леной переживаем.

1942 год

1 января. Вчера Аня и Клавдия Антоновна ушли встречать Новый Год к своим подругам, звали Лену с собой. Лена не пошла, мы остались дома — я, Лена и Жорик. Нам не до гулянья, мы переживаем за Витю, где он, ничего не знаем. Ну, пришел брат хозяйки Женя, принес бутылку шампанского, и мы втроем встретили Новый Год, посидели до часу ночи и пошли спать. Я всю ночь не спала, все передумала, где мои дорогие Ваня, Виктор, Верочка? 1941-й год все были вместе, весело встретили, а 1942-й одиноко, без мужей да еще на чужбине. Ох, как тяжело.

Утром пришли Аня и Клавдия Антоновна. Сели завтракать. Клавдия Антоновна угостила хорошим вином, пела, играла на гитаре, хотела всех развеселить, но я только плакала. После завтрака я, Лена, Аня, Жорик и Женя, пошли в город посмотреть на елку, убранную на площади. Так прошел день.

7 января. Лена пошла на почту. Виктор прислал 1000 руб. по телеграмме. Мы рады, но где он, точно не знаем.

8 января. Утром перед вставанием мне снится сон, что я в Одессе и мой дорогой Ваня зовет меня. Я в коридоре, спрашиваю, чего он хочет, а он говорит, иди, Дашенька, ко мне, я скучаю. Я пошла к нему, ну и проснулась. Жаль, что сон, а не действительность. Встала и говорю Лене, что снился муж. Лена мне говорит, сон хороший.

Пошла за Жориным питанием, прихожу домой, Лена открывает мне дверь и говорит, что приехал Витя. Я не верю, вхожу в комнату — о, радость, там мой дорогой Виктор. Сегодня для меня счастливый день: снился Ваня и приехал Витя. Я не верю своим глазам. Витю отпустили на поправку, он отморозил ноги и хватил порок сердца. Этот день был большой радостью для нас. Жорик не узнал Витю. Жорик уже имеет 2 зуба, толстый, белый, румяный, чудный мальчик.

29 января. Продали шинель и купили Жорикку кроватку местного производства, стоит 60 руб. Витя спит с Леной на односпальной кровати, я на полу, Аня на своей кровати. Но ударили морозы, Клавдия Антоновна взяла Аню к себе, а меня положили на Анину кровать. Зима здесь большая, снежная и морозная. Местные жители не помнят такой суровой зимы, а хочется тепла.

Витя три недели отдохнул и пошел работать.

11 февраля. Жорик упал с кровати, мы все перепугались, а я больше всех. Переживаю, пройдет ли благополучно?

15 февраля. Сегодня Жорика отлучили от груди. Жаль его, маленький еще, всего 9 с половиной месяцев, скучает за сисей, но скоро забудет, так всем детям приходится. По ночам плачет, я с ним вожусь. Он меня больше всех любит, никто его спать не уложит, только бабушка. За неделю мой Жорик похудел.

22 февраля. Тяжело на душе. Ничего не знаю о моем дорогом Ване и Верочке. Много писали, искали их, но нет ответа. Где они, живы ли? От Веры последнее письмо было 27 августа 1941 года, а от Вани последнее письмо было из Одессы 17 сентября 1941 года. Он писал мне из госпиталя, что уже поправляется и пойдет на передовую, и ему будет некогда писать. Значит, писем не ждите, и уже 5 месяцев ничего, ничего нет. Неужели убит? Не хочу ни за что слушаться такой мысли. Живу и жду, и хочу, чтобы он жил. Таких, как он мало, я от него никогда плохого слова не слыхала.

Сегодня, 22 февраля, 18 лет, как мы с Ваней поженились. День Красной Армии мы с ним проводили счастливо и весело и вот завтра Красной Армии — 24 года. Как много ушло времени, да и молодость ушла, сила и здоровье. Неужели старость одинокая? Страшно. Правда, есть у меня дети и неплохие. Внук есть, меня жалеют, но они молоды, живут своей жизнью. Правда, сердце радуется, что подлого врага гонят, уничтожают его, забирают свои родные города и села, но еще страшней то, что этот Зверь делает, как он издевается над нашим советским народом. Не щадит ни детей, ни стариков, ни городов, все сносит и уничтожает с лица земли, все лучшее, что веками сделано. Ему хотелось взять Москву и Ленинград, но обсчитался. Был очень близко у столицы, да не пришлось побывать там. Гонят его как собаку, теряет людей, вооружение, рад уйти, но наша доблестная Красная Армия и Флот, все лучшие герои, патриоты своей Родины да и все население гонит и сокрушает врага. Смерть подлым кровопийцам, они с наших снимают кожу, вынимают глаза, выворачивают ноги, руки, вешают, самые страшные пытки применяют. Не удастся им нас уничтожить. Они далеко зашли, у нас им погибель. Русские умеют отстоять свои города и землю. Смерть вам, подлым, смерть.

На базаре и в гастрономах ничего нет. Два месяца мы хорошо питались, а вот февраль все хуже и хуже. Была колбаса по 5 руб. кило из кишок и требухи. Мы ее жарили и ели, но колбаса кончилась, перешли на лук по 90 коп. кило. Жарили лук с томатом и ели, но лук тоже кончился. Ничего нет. Лена всю неделю ходит утром на базар и приходит вечером

с пустой корзиной. За 7 дней достала 4 кило картофеля по 6 руб. кило и сегодня кило мяса по 18 руб. Это — счастье. Сахар по 25 руб. кило, но его не достать. Не знаю, что будет дальше, а пока есть нечего.

Город Фрунзе красивый, улицы хорошо планированы, широкие и прямые. Улицы, весь город и окраины засажены тополями. Чудные аллеи тополей, летом будет очень красиво и много тени. Вода хорошая, течет с гор. Верхушки гор покрыты снегом, очень красивые горы. Воды много, но носить приходится 3–4 квартала, для нас без привычки тяжело.

Ну, в дороге все было благополучно. А здесь, как приехали, через неделю все переболели. Первый Жорик заболел — бронхит и кашель, и не то корь в легкой форме, не то краснуха. Жорик выздоровел — заболела Лена гриппом. Выздоровела Лена — заболела я гриппом. Выздоровела я — опять заболела Лена ангиной. Лена поправилась, я опять заболела сердцем, ходить и носить ничего тяжелого не могу. Врач велел лечь в постель и класть холодный компресс на сердце, капли, покой. Ну, неделю отлежала, поправилась немного, но сердце все равно болит. Не могу ничего тяжелого носить и ходить быстро. Сплю очень плохо, воду не ношу, носят Аня, Витя, Клавдия Антоновна, так что я освобождена от тяжелых работ. На базар редко хожу, больше дома по хозяйству и с Жориком, я его люблю безумно.

23 февраля. Дорогой Ваня, если ты жив, мысленно поздравляю тебя, мой друг, с 24 годовщиной Красной Армии и Флота. От души желаю полного уничтожения врага. Дорогой мой Ванечка, прожили мы 18 лет. Я все эти годы была счастлива с тобой, мой друг. Вспоминаю, как в 1924 году встретили День Красной Армии. Ты тогда был военным в Артшколе. Мы пришли на вечер раньше, зашли в твою чудесную библиотеку, раздели пальто. У меня было каракулевое пальто. Его оставили в библиотеке и пошли в зал. Был доклад, а потом танцы. Мы были молоды и счастливы и весело провели время. А сейчас, дорогой, я одна и больна. Дорогой мой Ваня, если бы ты встретил меня на улице, то ты не узнал бы. Страшно похудела, одни кости да морщины на лице. Когда-то были ямочки, а теперь морщины, и уже не хожу как раньше. Еще 6 месяцев тому, как я ходила ровно, а сейчас не могу, гнусь до земли, как семидесятилетняя старуха. Горбит меня, болит сердце и левая рука, ходить быстро не могу и дышать тоже, тяжело, очень тяжело.

Сегодня утром, как все ушли, я осталась с Жориком, качала его на руках, пела ему песенки и вспоминала, как 30 лет назад я так же качала и пела песенку своему Вите. Он в 10 месяцев был тоже толстый, бело-розовый, как Жорик, только у Вити глаза голубые, а у Жорика карие. Так кажется

недавно, а уже прошло 30 лет, и прошла сила, молодость и краса. Сейчас старуха, больная развалина. Ношу Жорика, а слезы так и кажутся. Жорик притих и смотрит мне в глаза своими умными бархатными глазками, и нежными пальчиками растирает слезы мои на лице. Его нежная, детская ласка глубоко меня трогает, и я успокаиваюсь. Он всегда притихает, когда я плачу. Если бы ты, дорогой друг, видел сейчас Жорика, какой чудный он, ты бы тоже радовался. Иногда меня берет такая тоска, что хочется уйти куда-то далеко-далеко, ничего не видеть и не вернуться больше, туда уйти, откуда не возвращаются, но стоит мне взять Жорика, как эти тяжелые мысли проходят. Я никого так не люблю, как Жорика. Беру его на руки, успокаиваюсь, и опять кажется, что я молодая и хочется в свою дорогую Одессу. Хоть еще раз посмотреть те места, где прошла красивая молодость, где я так была счастлива с тобой, дорогой, любимый мой Ванечка. На чужбине не хочется умирать, а когда выберусь, не знаю. Нужно много денег, а их нет, и тебя, друг, нет и некому мне дать денег. Витя рад бы дать, да у него тоже нет, он зарабатывает мало. На сегодняшнее время жизнь безумно дорогая. Единственное, что радует — что мы бьем врага и забираем свои города и большие трофеи. Враг бежит, мы с напряженным вниманием следим за его гибелью. /.../

24 февраля. Утром пошла на базар, весь день простояла в очереди и ничего не могла достать, но пришел Женя ко мне на базар и взял мне сахару без очереди, как инвалид, с тем я и вернулась домой. Сахар 2 5 руб. кило и трудно достать. Вечером Клавдия Антоновна за ужином нас угощала вином, а мужчин водкой. Женя был именинник. Выпили, поужинали, и день прошел.

25 февраля. Утром поднялась, страшно болит сердце, голова, левая рука, поясница. Витя просит идти к доктору, может поможет. Пошла. Лечение то же самое — компресс на сердце, микстура и на рентген.

1 марта. Пошли с Леной на толчок, продали Витину теплую шапку за 50 руб. и Жорика капор и Ленин воротник. Всего продали на 85 руб. Жить нечем, все очень дорого и достать нельзя ничего, очереди страшные.

3 марта. Сегодня утром большая неприятность. Я сбросила с Аниного туалета фарфоровую корзиночку и разбила. Денег у меня нет ни копейки. Завтра пойду на толчок продавать свитер и куплю корзиночку, если есть такая, боюсь, что нет. Будет неприятно перед Аней. Я ей и так очень обязана. Я ей совершенно чужой человек, но она чудная, очень много сделала для меня и для всех нас. Не знаю, чем смогу ей отблагодарить.

Пишу, а Жорик спит. Он уже по ночам хорошо спит, сисю забыл, делается хорошим и спокойным мальчиком. Лена пошла ему двое штаншек, резиночки, мы его одели, такой хорошенький, прелесть.

27 февраля снилась мне Александра Савельевна в Одессе. Идет женщина, страшно черная, старая, худая и передник повязан из вышитого с кружевами полотенца с номером 63. Я смотрю и думаю, что это за фартук и женщина. Присматриваюсь — это Савельевна. Остановила ее и спрашиваю, что случилось? Она мне говорит, что ушла из дому, и попросила присесть на тротуар, она все расскажет. Мы сели и тут я проснулась. Что с ней, жива ли?

4 марта. Сегодня тяжелый для меня день, очень тяжелый. Я получила письмо из Москвы от Олиных родных. Я их спрашивала, где Оля, дети и мой брат Виктор? И Олина сестра пишет, что Витя, батальонный комиссар, был с семейством своим в Гродно в лагерях, это 50 километров от нашей границы. И, вот уже 9 месяцев войны, а ни слова о себе. Где они, неужели погибли все от лютого врага, неужели нет их в живых? Неужели больше не услышу чудного голоса Олиного и шуток Виктора¹⁹. Они такие молодые, красивые, веселые. Дети Вова и Валечка малые еще, им всего по 11 и 9 лет. Родные пишут, что ищут их всюду, кругом пишут, а ответа нет. Да если бы они были в Советском Союзе, разве они не дали о себе знать? Конечно, написали бы родным, где они и что с ними. Бедные, бедные, что их постигло. Враг кровожадный, он не щадит ни детей, ни стариков, всех уничтожает, особенно наших доблестных героев красноармейцев и краснофлотцев и их командиров. Но будьте прокляты, подлые кровопийцы, все равно гибель вам. За моих погибших братьев, сестер, племянников вам отомстят мой сын, внуки, и если жив, мой дорогой Ваня. Смерть врагам. Очень тяжело терять близких и дорогих сердцу людей, которые могли бы принести много пользы Родине. Витя так любил свою Родину и свою Армию. Он был на Финском фронте, за геройство получил награду, Орден Красного Знамени, был тяжело контужен, и только поправился, опять война. Где он, бедный, неужели ушел из жизни? Не хочу верить.

Еще одна неприятность тоже 4-го числа. Я повесила Женино белье на террасе, и его украли. Пришла отдать пару нового белья своего. Я всего одну пару взяла Ваниного белья на всякий случай, если Ваня придет. Но не важно, только бы мой дорогой Ваня вернулся, был бы жив, как-нибудь его оденем. Но где он, мой друг, 6 месяцев от тебя ничего нет. Ох, как тяжело.

5 марта. Была на базаре, ничего не достала.

6 марта. Пошла на базар, весь день простояла в очереди и ничего не достала. Всю неделю неприятности у меня. Разбила корзиночку

фарфоровую, белье украли и Жорик тоже постарался — разбил чудную рабочую коробку Анину. Таких в продаже нет. Ужасно неприятно перед Аней. Жорик страшный сорванец, так и смотри за ним.

7 марта. Пошла на базар, весь день простояла и только достала 1 кило свежей капусты и два с половиной кило картофеля, и все, устала ужасно.

8 марта. Пошла на базар в 7 утра, простояла до 12 часов дня и ничего не достала, страшные очереди. Позавтракала и пошла к Зое. Александра Ивановна очень рада, не знала, где меня посадить. Их Нонночка, 14 дней больная, тоже была рада моему приходу. У них я просидела до вечера, два раза обедала у них. Зоя проводила меня до дома. Дома ждали меня наши — Витя, Лена, Аня, Клавдия Антоновна и Женя. Они 8 Марта праздновали, но я опоздала к обеду. Меня угостили вином и ликером, но на душе очень и очень тяжело. Еще в 1941 году был мой Ваня и мы все были дома на своей дорогой Родине в Одессе, а сейчас на чужбине. И когда я опять попаду в Одессу дорогую? Ну, вечер посидели и пошли спать, и так грустно прошло 8 Марта. Только передачи радио еще радуют. Наши войска бьют немцев, продвигаются вперед и берут города. Это радует сердце. 8 марта всегда получала подарки от Вани и Вити, а сейчас не хочу подарков. Витя с нами — это лучше и дороже всякого подарка для меня и жены. Было бы большим и дорогим подарком, если бы я получила хотя бы два слова, что мои дорогие Ваня и Верочка живы. Где вы, мои родные?

9 марта. Ночь почти не спала, все передумала. Утром встала — голова страшно болит, погода плохая, идет дождь. На душе погано.

10 марта. Ночью пошел снег, морозец, 2 дня было холодно, но опять солнце, тепло.

11 марта. Пошла на базар, простояла 3 часа и не достала картофеля. Устала ужасно. 6–7 руб. кило картофеля и нельзя достать.

12 марта. Пошила Жорику 2 рубашечки, одно платьице. Это первое, что мы ему пошили за 10 месяцев. Было 2 теплых кофточка, которые пошила Елизавета Ивановна, и в них он 10 месяцев проходил²⁰.

13 марта. Пошла на базар, достала 2 кило картофеля по 6 руб. кило, капусты свежей по 9 руб. кило, свинины по 50 руб. кило, воловьего мяса по 30 руб. кило, сахару по 25 руб. кило, рису по 25 руб. кило. Это еще дешево против других городов.

14 марта. Опять болит сердце. Получилось из-за сердца онемение левой ноги от паха до колена. Не чувствую ноги, ужасно неприятно, страшно волнует. Это начало паралича. Умереть я очень хочу, но чтобы

это было быстро, моментально, как умерла моя тетя Аксютя, или как Валя, сестра²¹. Кровоизлияние — и конец, не мучиться и, самое главное, никого не мучить. Кому я теперь нужна со своими болезнями. Во-первых, нет своей квартиры, нет кровати, чтобы прилечь. Сплю с Аней, спасибо ей, но больному нужна кровать отдельная, уход, покой. Раз нет своего угла, нет мужа — все. Да и время сейчас тяжелое, все люди страдают, здоровые много работают, плохо едят, а еще больше переживают за дела на фронте. У всех свои заботы.

15 марта. Была у врача, он прописал ванны, электролечение. Приняла 3 сеанса, ничего не помогает, нога деревянная.

16 марта. Снился сон — мои дорогие мать и тетя Аксютя²². Рада видеть их хоть во сне. А вот мой Ваня и Верочка не снятся, а как я хочу их видеть. По радио я слышу ежедневные передачи наших бойцов. Передают письма и адреса своим родным, а мне нет. Где же вы, мои дорогие Ваня и Верочка.

17 марта. Наши войска преодолевают большие трудности, но бьют и берут большие трофеи и города. Подлый враг бежит. Скоро, скоро будет конец.

18 марта. Жорик наш чудный хорошо спит. Ночью еще прорезалось 4 зуба, уже есть 6 зубов. Развивается правильно.

19 марта. Самочувствие ужасно плохое. Ночи плохо сплю, болят обе ноги, отекают руки. Утром поднимаюсь с трудом, а лежать, нельзя, да и негде. Правда, Лена и Витя мне говорят — лежи, мать, они меня жалеют, но разве я сама не понимаю, что не время лежать и болеть.

Сегодня была на базаре, ничего не достала. Ужасно устала и болят ноги. Вечером пошли с Леной и Жориком в консультацию. Идем назад, нас встретили Зоя и ее мать. Они были у нас и пошли нам навстречу. Пришли узнать, как здоровье мое. Я им рада — люди из Одессы.

24 марта. Прошло 4 дня, особенно ничего не было. Очереди за продуктами. На фронте врага бьют наши войска, берут большие трофеи. Но к вечеру 24 получили письмо из Калинина. Пишет Виктору мать Матвеева. Очень печальное письмо. Ее сын Женя, Витин товарищ, которого он так любил, погиб, осколком убило. Жил всего 2 часа и умер без сознания. Жаль, очень жаль, молодой был, образованный, добрый, чудный. Для Виктора большое горе, они очень дружно жили, а для матери это неизгладимое горе и неизлечимая рана. Это письмо нас всех страшно расстроило. У меня тоже самое. Боюсь, где-то погибли мои дорогие муж и дочь. Еще тепло надежду, может быть они живы, но прошло 9 месяцев войны,

а о них ни звука. Где вы, мои дорогие? Будь ты проклят, кровожадный враг. Ты разбил нашу семью. Слезы матерей, сирот, детей тебе не пройдут даром. Ты заплатишься за кровь наших мужей, детей, братьев и друзей!

25 марта. Всю ночь я не спала. Витя и Лена тоже не спали, и Жорик что-то проснулся и долго капризничал. Сердце ужасно болит, нога левая совсем одеревенела. Не знаю, долго ли я так протяну. Ночь очень тяжелая была. Аня тоже не спала, а мне чего только в голову не лезло. Еще счастье, что Витя с нами. Под утро я задремала, и мне приснился чудный сон, что две девочки помыли руки и вытирали белой вышитой простыней. Я вошла в комнату, а они испугались меня, но я им ничего не успела сказать, как открылась дверь и вошла моя дорогая дочь Верочка, подошла к детям и говорит им эту простыню разрезать пополам и сшить, чтобы стало длинное полотенце, и все, я проснулась. Со мной она ни слова не говорила, очень жаль. Сон короткий. Утром говорю нашим сон, Клавдия Антоновна говорит, что я получу письмо. От кого, мне ж никто не пишет? Но все же схожу на почту, может, кто-то пришлет весточку?

Вчера было тепло. Дети бегали босиком по двору. А сегодня утром встали — снегу насыпало, на санях можно ехать, и весь день сыплет густой снег, чего здесь никогда не было. Весна поздняя. Лена ушла в город. Жорик спит, а я пишу. Страшно болит голова и все кости, но рука еще правая пишет, и я спешу написать, передать свои горькие думы и мысли в этой тетради. Может, после моей смерти кому-то она попадет в руки, и тот захочет прочесть мои переживания. Только читатель пусть извинит, я человек неграмотный, самоучка, пишу от чистого сердца, но неграмотно, много ошибок. А пока рука пишет, пишу, боюсь, чтобы не было с рукой так, как с левой ногой. Жорик проснулся, иду ему варить суп.

26 марта. День прошел спокойно.

27 марта. Была на базаре, ничего не купила.

28 марта. Была на базаре, купила картофеля по 6 руб. кило, а жира нет.

29 марта. Воскресенье, Витя и Лена выходные. Утро прошло в волнении. Я и Лена сидели у стола, а Жорик в кровати, и вдруг он выпрыгнул из кровати вниз головой. Набил шишку, испугался, побледнел и сильно заплакал. Клади на голову холодный компресс, успокоился. Страшно живой ребенок.

Вечером обедали. У Клавдии Антоновны день рождения, выпили, закусили. А потом пришли к нам Зоя, Нонночка и Александра Ивановна. Я их угостила чаем. Посидели и ушли. Я им рада. Это единственные люди, что ходят к нам, да еще одесситы. Поговорили по душам.

30 марта. Утром пошла на базар, купила кило мяса по 45 руб., капуста и сварила обед на 2 дня. Устала.

1 апреля. День моего 50-летия. Ночь не спала, вспоминала. Еще так недавно, только год назад я была счастлива. 1 апреля был со мной мой дорогой Ваня и Верочка. Всегда меня поздравляли. Где же они, мои дорогие, дождусь ли когда-либо вас?

Утром Витя, Жорик и Лена поздравили меня и подарили ситцу на платье. Был кусочек у Лены, она мне отдала на платье. Аня тоже поздравила, и больше никто. Весь день проплакала. Этот день всегда были у меня близкие и дорогие Маня, Яша, Оля, Федя, Аня, Миша. Счастливо и весело проходил этот день. Где же они все, живы ли, увижу ли их когда-нибудь? Дорогой мой Ваня, пишу эти строки, а все мысли о тебе, мой добрый друг. Пусть будет проклят подлый враг, он нас разлучил, разбил нашу жизнь, и много-много тысяч разлучил и погубил, но ему будет конец, его били, и будут бить до тех пор, пока не уничтожат.

5 апреля. По-старому сегодня Пасха. На душе тяжело, ох, как тяжело, плачу без конца весь день. Люди делали праздник, пекли куличи, а мы утром вместо куличей нажарили на воде и постном масле блинов, сварили какао и сытно позавтракали. Это еще очень хорошо, а больше людей не имеют куска хлеба и угла. Очень тяжелое время. Еще счастье, что Витя приехал и пока с нами, а без него еще тяжелее было бы. Не знаю, долго ли он будет с нами. Иду Жорика качать и спать ложить. Его никто не может уложить.

6 апреля. Никуда не ходила, скучно ужасно. Да, 5-го ходили на толчок, продали Жорика башмачки, стали маленькие на него. Детской обуви совершенно нет. Я их купила за 5 руб., а продала за 10, вырвали из рук.

7 апреля. Базар очень дорогой. Сварила суп без мяса, это 20 руб., а борщ без мяса стоит 40 руб., где брать такие деньги?

8 апреля. Наши войска бьют немцев и забрали много трофеев.

9 апреля. Закончила сегодня 10-й сеанс лечения. Нога стала чувствительней, онемение прошло, но еще болит. Нужно пойти к врачу и продлить лечение, но нет времени думать о себе.

12 апреля. Вот уже 3 дня как Жорик болеет, простудился, температура небольшая, 38, но он, беденький, хрипит, кашляет, насморк. Делали укутывание горчишное, согревающие компрессы, ставили банки. Стало немного легче, но все ночи я совершенно не спала, ухаживала за Жориком. Мне жаль его — стонет, сказать ничего не может. Маленький и такой

ласковый. Когда я плачу, он стает тихенький, гладит мне лицо и растирает мои слезы. От его бархатистой ручки легче на душе. Сегодня ходила к Александре Ивановне, посидела у нее, поговорили по душам. Она меня проводила домой. Я пришла, Жорик обрадовался, он такой чудный.

13 апреля. Сегодня Витю вызвали в военкомат. Мы с Леной волновались. Пока отпустили, но ждем ежедневно его отъезда на фронт.

14 апреля. Жорик еще не совсем поправился, как заболела Лена.

15 апреля. Заболела Лена и на другой день я заболела. Обе больны, некому за нами ухаживать, да и за Жориком нужно ходить. Витя и Аня уходят на работу, ну, нам поневоле приходится. Выходим на двор, за хлебом, на базар. Погода поганая. Снег, холодно, а мы простуженные. Был врач, сказал грипп, лечь в постель, а на что лечь? Витя с Леной спят на одинарной кровати и им очень твердо на досках без матраца, а я сплю на полу на перине. Мягко, но для больной неудобно. Холодно в ноги и голова страшно болит.

20 апреля. Мы с Леной всю болезнь провели на ногах. А сегодня Витя, Аня и Клавдия Антоновна были выходные и белили квартиру, а мы с Леной еще больны, но делали уборку. Аня и Витя нам помогали. Женщина побелила, мы убрали. Чисто, хорошо. Зато на душе тяжело. Еще так недавно мы делали в своем доме уборку, готовились к Маю и рождению Жорика, с радостью ждали его появления на свет. Он родился в светлый, счастливый день 1 Мая. Теперь Жорику год, а ничего нет и нет моих дорогих сердцу Вани, Верочки и друзей.

27 апреля. Жорик совершенно здоров. Уже начинает ходить. Чудный мальчик. И мы с Леной поправились, но не совсем, чувствуем слабость. Пришлось стирать белье. Два дня стирала и страшно устала. А вешать нельзя, идут дожди, но потеплело. Белье высушили и даже погладили электроутюгом. Витя сделал нам сюрприз, включил на дом свет. Он работает на электростанции, а мы сидели без света, но сейчас свет есть и есть чем гладить. Это большое счастье. Кончаю, болит голова ужасно.

28 апреля. Была на базаре, купила 8 кило капусты по 8 руб. Это дешево. Масло и сало по 70 руб. кило. Купила полтора кило за 100 руб. Мясо 80 руб. кило. Очень дорого. Мы давно не ели мяса, да и не на что покупать. Но все же можно пережить, были бы хлеб и чай. А хлеб пока есть, нам хватает по 400 грамм и Витя получает 800 грамм. Правда, я и Лена страшно похудели. Я не могу ровно ходить, гнет до земли, но я старая, а Лена ж молодая, страшная стала, неузнаваемая. Мы за нее боимся, ей

нужно сильное питание, а его нет. Жорик тоже похудел, плохо кушает, но у него уже 8 зубов, начинает ходить.

30 апреля. Всю ночь не спала и вспоминала 1941 год, какая я была счастливая. 30-го приехала Верочка с Митей, Ваня, Витя, Лена²³. Мы все были вместе в моем доме, была радость и счастье. 1 Мая родился Жорик. Мы были счастливы, родился внук. 1 Мая пришли все мои друзья и родные, поздравляли нас. Радостно, весело было, никто не знал, что нас ждет эта ужасная война. Подлый враг расстроил и разбил наши счастливые жизни. Когда же будет конец этой ужасной бойне, будь он проклят, подлый Гитлер. Под утро только уснула. Страшно хотела, чтобы приснились мои дорогие и любимые сердцу Верочка и Ваня. Но утро началось, никто не приснился, тоска ужасная.

День начался, сделали уборку, нажарили постных хрустиков, сделали винегрет и постный суп. Пошли с Леной, Аней и Клавдией Антоновной в баню, я еле дошла домой, страшно устала. Голова кружится и ноги подкашиваются. Еле-еле дошла. Витя с Жориком пообедали постного супу, а мяса нет денег купить. Легли спать, день кончился, ничуть не похоже на 30 апреля прошлого года.

1 мая. Опять всю ночь не спала, рано Жорик проснулся, дорогой именинник, я его первая поздравила. Хотела купить игрушку какую-нибудь, но ничего нет. Магазины пустые. Был у меня кусочек на штанишки, я ему пошью штанишки, больше ничего нет. Лена сама пошила ему костюмчик, одели его очень хорошо. Он такой хорошенький в костюмчике. Пришла Ленина знакомая с годовалой девочкой, принесли Жорику подарок — пушку. Клавдия Антоновна подарила попугая, Аня — стульчик очень удобный и дорогой, стоит 44 руб. Ждали Зою с Нонной и Александру Ивановну, Тоню, но они не пришли. Наши одесситы забыли, что Жорик именинник. Сели обедать — я, Аня, Витя, Лена и новая знакомая с девочкой, Клавдия Антоновна с мужем и Женя. Обед был очень бедный и грустный. Мужчинам полбутылки водки, а женщинам бутылка кагору, винегрет, редиска, зеленый лук и постный суп, на сладкое хрустики и чай. Хрустики очень хорошие, из белой муки. Я привезла ее из Одессы и сохранила для Жорика именин. Если бы мы были в Одессе и были бы все бабушки, дедушки и тети, какие именины были бы — веселые, счастливые и подарков нанесли бы горы, но сейчас мы на чужбине. Если кто-либо остался из наших в живых, вспомнят о нас, особенно Верочка. Что с ними и где они, мои дорогие.

Итак, кончились именины Жорика. Наши желания — быть в 1943 году в своем родном городе и со всеми дорогими любимыми. Дорогой мой

Ваня, пишу эти строки, а все мысли о тебе. Мой добрый друг, где ты, жив ли? Как мы были бы счастливы, если б ты был с нами, видел первые шаги Жорика. Будь он проклят, этот Гитлер — кровопивец, что разлучил нас и разбил мирную счастливую жизнь. Наши слезы даром не пропадут.

2 мая. Утро пасмурное, день какой-то тревожный. По радио сообщения грустные, все то же, ничего существенного на фронте не произошло. Когда же конец врагу? Вечером пришла Зоя, пообедала с нами, она забыла, что 1-го Жорик именинник.

3 мая. Воскресенье, Витя дома. Оделись и пошли в город, а я с Жориком дома. Вечером пришли Александра Ивановна, Тоня и Нонна, принесли Жорику пушку и зайчика, пообедали постный борщ, пшеничную кашу и чай с хрустиками и разошлись.

Днем была радость — получили от брата Тимоши письмо. Он пишет, что его сына Виктора взяли в армию еще в октябре 1941 года. Ничего не знает о нем. Где он, неужели погиб. Ох, как тяжело. Когда же конец нашим слезам и горю.

5 мая. Жорик простудился, ночь проплакал, не спал. С утра ужасный, ливень, ураган. У нас я такого не видела, страшно. Лена пошла садить картофель на огород. Садить огород выпало с одной женщиной. Очень далеко ходить — 8 км туда, да 8 км оттуда, очень тяжело. Не знаю, выйдет ли толк из этого огорода.

6 мая. Жорик все нездоров, кашляет ужасно, насморк. 4 мая мы все ходили к Зое на обед, и Жорик был с нами. Поздно вечером шли домой, наверное, простудили его, да и у меня насморк. Болит голова, беспокоюсь, не коклюш ли? Это тяжелая болезнь и опасная для детей.

7 мая. День пасмурный. Жорик болеет, очень кашляет. Ставили банки, не помогло. Лена пошла на базар: сало 200 руб. кило, мясо 70–80 руб. кило, картофель 8–10 руб. кило. Сахара совсем нет. Все ужасно дорого, да и достать очень трудно, страшные очереди. Лена измучилась в очередях. Где же конец? А есть люди с еще худшим положением. В Ленинграде голод ужасный и бомбежка. Будь ты проклят, подлый враг.

8 мая. День жаркий, на базаре ничего не достала, но не страшно. Сварили суп с галушками. Это очень хорошо и сытно.

9 мая. Опять проливной дождь, но тепло, утро чудное. Соловьи поют. Я с Жориком гуляю по асфальту. Он уже ходит, но слабовато. Кашляет меньше. Иду уложить спать его, чудного мальчика, я его безумно люблю.

10 мая. Воскресенье. Витя и Лена ушли на огород садить помидоры и капусту. И Аня с Розой — нашей компаньонкой — тоже пошли на огород за Пешпек полоть. Ведь у нас два огорода, а будет ли толк?

11 мая. Написала и послала письмо брату Тимоше. Он единственный из нашей большой семьи, с которым я переписываюсь, а где остальные, ничего не знаю.

12 мая. Ходила к Александре Ивановне. У них прохладно, чисто, уютно. Хорошо отдохнула и пошла в кино. Журнал показывал партизан, и я вспомнила о своем дорогом Ване, где он? Сердце разболелось, наплакалась. Но следующая картина была чудная, музыкальная, «Антон Иванович сердится». С удовольствием посмотрела и послушала наших русских талантов. На время забыла все ужасы войны. Домой пришла — Жорик рад, пошел ко мне на руки. Единственное утешение — это Жорик.

13 мая. Сегодня Жорик капризничает. Опять нездоров — понос и маленькая температура, ничего не кушает, только чай пьет. Сейчас спит, а я пишу. Лена, Аня, Витя ушли на огород. Жара большая.

14 мая. Сегодня радио передало тяжелые известия. В Крыму немцы пускали мины с отравляющими газами. Главным образом поражаются дыхательные органы, и наши бойцы выходят из строя. Это известие всех страшно взволновало. Какое зверство!

15 мая. Витя принес билеты в кино на «Маскарад». Я, Лена и Витя пошли. Хоть и не хотелось идти, но все настояли, и я пошла. Картина тяжелая, драма. Игра артистов чудная. Жорик был с Аней.

16 мая. На южном фронте под Керчью идут ожесточенные бои. Наша доблестная Красная Армия дерется за свои родные земли. Все равно врагу гибель.

17 мая. Началась жара. Город весь в зелени чудной, тополевые и дубовые аллеи, тени много.

18 мая. Базар ужасный. Сало 300 руб., мясо 80 руб., редиска и зеленый лук тоже дорогие, маленький пучок 3–4 руб., молоко 18 руб. литр, мука 45 руб. кило, и все трудно достать.

19 мая. Жорик много слов говорит: «папа, мама, баба, Аня, цаца, ляля» — чудный мальчик.

22 мая. Прошло несколько дней, все то же самое. А сегодня самый тяжелый день для меня. Пошла на базар в 6 утра и пришла в 6 вечера. Стояла за мясом и не достала. Утром ушла — ни крошки не ела, нечего было есть. Пришла домой, страшно уставшая, болела голова и сердце.

Ну а тут неприятности. Лена оставила на террасе попону, ее еще купал Коля покойный в 1910 году²⁴. Она уже старенькая, но еще годная, я ее стелила себе под матрац и спала на ней. И вот среди белого дня нас обкрадывают. Но это еще не горе.

Пришел Витя, принес письмо из Москвы. Пишет Олина сестра, что шофер вез Олю и детей, началась бомбежка, он их оставил в газубежище, а когда бомбежка кончилась, он приехал, но их не нашел. Все убежище разбито, очевидно, они погибли все трое. Бедные, бедные дети и Оля, не кому было подать им помощи. Ну а Виктор со своей частью остался в августовских лесах, он тоже там погиб. 5 человек Дубовских разом погибли. Мои дорогие, любимые, за что, за что вы погибли? Будь ты проклят, подлый кровопиец, кровожадный зверь. Сколько горя! Мое сердце болит за своих и чужих. Гибнут лучшие люди, молодые и красивые. Ох, как тяжело. Когда же будет конец нашему горю?

23 мая. Суббота, пошла за хлебом, за мясом уже не стояла. Владимир Дмитриевич купил 1 кило и разделил нам и себе по полкило. Спасибо ему. Сварили рассольник, будет на 2 дня. Сделала уборку, выкупала Жорика и пошла в баню. Чудно выкупалась, домой пришла в 9 вечера, страшно устала. Пообедала и легла спать. Ночь плохо спала, думала о своих дорогих и любимых.

24 мая. Воскресенье, сегодня праздник Троицы. Я на базар не ходила. Лена ходила, принесла 4 кило картофеля, 200 граммов масла коровьего и Жорику стакан клубники, а Витя принес с работы паек — 4 кило соленой мелкой рыбки. Сегодня у нас настоящий праздник — рассольник с мясом, рыбка соленая и еще сварила компот с яблоками и урюком без сахара. Но и это хорошо. Вот только с хлебом стало плохо. Лук зеленый и редиска есть, а не хватает хлеба, и есть нечего.

Сегодня я присмотрелась к моему Вите — страшно худой и желтый, кожа обтягивает лицо, как маска, и морщины. Жаль смотреть. У него желтуха и малярия. Что он видел? 16 лет учился, закончил институт, через год женился, родился ребенок — только и пожить. Жена хорошая, в доме мир и покой и счастье, и вдруг война, эта страшная война — и жизнь кончилась. Был в армии, болел, опять голод, недоедание, заботы, вот и прошла молодость и лучшие годы.

25 мая. Сегодня радио принесло тяжелые известия. Керчь и Керченский полуостров опять немцы забрали. Сколько опять погибло наших дорогих бойцов! Немец на всех фронтах наступает, но наши дают ему отпор, бьют его здорово. Когда же ему будет гибель? Витя говорит, что скоро. Сейчас жить тяжело, но хочется жить и видеть гибель врага.

26 мая. Была на базаре, все страшно дорого. Идет мена — мыло, хлеб, керосин на сахар, масло, муку, рис, чай. За вещи и обувь можно на селах еду выменять, но у нас нечего менять, все оставили дома, а что захватили, так то самое необходимое. Правда, продали кое-что, и, видно, придется продавать или менять последнее, только бы не умереть с голода. Нужно жить.

29 мая. Была на базаре, стояла за мясом, не достала. Яйца 50–60 руб. десяток, масло 280 руб. кило, сало 250 руб., редиска 3–4 руб. пучок, молодой лук 3–4 головки 2–3 руб., мука 800–900 руб. пуд²⁵. Сахара, рису, круп нет, картофеля нет.

Мы посадили картофель, кукурузу, капусту, помидоры. Не знаю, вырастет что или нет. Лена, Аня, Витя и наша компаньонка Роза сами сажали и копали, но они никогда не имели дело с огородом. Меня не хотят брать на огород, говорят, что я не дойду, далеко. За огородом надо уметь ходить, он требует большого ухода. Сегодня страшно болит голова и сердце, левую руку с трудом поднимаю. Погано на душе. С каждым днем Жорик все новые слова говорит. Он похудел. Лена тоже похудела, стала как пергаментная, просто стаяла. Ее вид нас беспокоит, но она очень упрямая, сама для себя жалеет и не смотрит за собой.

30 мая. Сегодня суббота. Обед не варим. В среду купили 1 кило мяса и стоговили обед на 4 дня. Два дня был зеленый борщ и два дня суп с галушками и соус с мясом. Из супа сделала соус с картофелем. Это сытно и довольно вкусно. Сейчас такие обеды бывают очень редко. Завтра воскресенье.обеда нет и не из чего готовить, да и денег нет. На выходной день я всегда стараюсь приготовить в субботу, но на завтра нечего готовить. Есть немного картофеля, варю суп и все. Только плохо, что нам хлеба стало не хватать. Ну и сахара тоже нет. Пьем кипяченую воду вместо чая. Но все это можно пережить. Только бы скорей уничтожить злое и коварного врага.

На фронте наши дела идут медленно и очень тяжело. Мы одни, а их 12 государств против нас, и все же мы их колотим и скоро им будет конец. Наши союзники — Англия и Америка только языками болтают, а силы свои не дают, ждут, когда мы выиграем, тогда и они будут говорить «мы пахали», и будут тянуть лучший кусок. Да все они враги, мы и без них справимся. Русский народ всегда был героем-победителем.

Сегодня я одна дома. Сделала уборку квартиры, пишу и отдыхаю. Лена с Жориком ушли в гости, в доме тихо-тихо. Сажу одна и думаю, где же мои дорогие и любимые Верочка и Ваня? Как болит сердце за вас, мои любимые, живы ли вы, увижу ли когда вас. Мои любимые, без слез не

могу вспомнить о вас. Дорогой мой Ваня, как мне тяжело без тебя. Мой добрый друг, все мысли о тебе, а ты мне никогда не снишься. Почему — не знаю, но я так хочу, чтобы ты и Верочка приснились, боюсь и не хочу примириться, что вас нет в живых. Ох, как тяжело. Сижу, смотрю на ваши карточки и разговариваю с вами, мои дорогие.

Пришли Лена и Жорик, принесли гостинцы — пол-литра молока и черешен, надетых Жорику на уши вместо серег. Жорик хорошо игрался. Ну, я его покормила и уложила спать, а Лена ушла в баню. А у меня тоска ужасная. Обо всех вспоминаю. Где Маня и Яша, Аня, Оля и Федя? Где мои сестры — Маруся, Нила, Лидочка, братья — Гриша, Вася, отец-старичок? Неужели они все погибли? А Воличка, Алик, Дуся, Александра Савельевна и Антон Миронович? Ведь я с ними прожила 24 года в одном доме. Когда они к нам переехали, мы все были молодые и красивые, а расстались стариками. Где они, неужели погибли? Очень жаль. Будь ты проклят, подлый враг.

31 мая. Сегодня воскресенье. Жорик хорошо спал до 8 утра, и мы все спали тоже до 8 утра. Как будто бы отдохнули и настроение хорошее. Но вдруг радио передает нам тяжелые известия. Под Харьковом и Ростовом немец бросил большие силы и сделал крупное наступление. Наше командование узнало и тоже приготовилось, встретило врага, как он и не ожидал. Конечно, Ростова ему не удалось взять. Своих войск положил 90 тысяч убитыми и пленными, танков 540, 200 самолетов, 150 орудий, ну и всякого снаряжения. Он просчитался. Это ему не 1941 год, а 1942-й. Но и у нас тоже большие потери. Пишу эти цифры, рука дрожит: убитых 5 тысяч и пропало без вести 7 тысяч. Где они, бедные, без вести? Если в плену, то горькая и тяжелая их участь. Доблестные герои, честь вам и вашему потомству. Вы отдали свою жизнь за Родину и справедливость, за пролетариат. Пусть эти варвары всю жизнь носят клеймо проклятия и их потомки узнают, что они воевали, как людоеды, пили человеческую кровь, душили и травили газами, уничтожали детей и невинных стариков, раненых воинов, пытали, жгли на кострах, ужас, ужас, что они делали. Это не война, а истребление человечества. Но все равно, справедливость и честь за нами, и победа будет за нами.

14 июня. Сегодня воскресенье. Долго не писала, да и писать нечего. Базары, очереди, голодные обеды. С продуктами все хуже и хуже. Свинина 100 руб., воловье мясо 40–50 руб., сало 300 руб., масло 300 руб., мука 1000 руб. пуд. Все дорого, но это еще есть, были бы деньги, а есть города, что и за деньги не достанешь. Люди мрут от голода. Да, мне приходится еще один голод и войну переживать. Переживу ли, не знаю. Сегодня ходили

с Леной на толчок и базар, хотели продать полотенце и свитер, но никто не купил. Все продают, а покупать некому. Мы поменяли 75 грамм чаю на пол-литра топленого коровьего масла и продали один кусок стирочного мыла за 100 руб., и все. Пока будет немного масла. Аня принесла талоны в столовую. Берем 2 обеда — лапша без жира и суп без картофеля. 4 обеда стоят 8 руб., а кушать нечего. Очень маленькие порции, но ничего не поделаться, будем как-нибудь спасать жизнь.

Вчера — исторический день — получили радостное известие. Наш Молотов был в Америке и Англии, и заключили три больших державы союз против Германии и таких же подобных варваров. Мы все довольны и уверены, что враг будет уничтожен. Ну и бьют его здорово. Сегодня по случаю договора митинг, рабочие и крестьяне приветствуют договор. Витя принес газету «Правда», в ней была статья про нашу дорогую и милую Одессу. Как подлые немцы издеваются над нашими, евреев расстреляли 25 тысяч, а сколько расстреляли и замучили русских! Страшный голод, издевательства. Бедные и дорогие мои родные и знакомые, что с вами сделал зверь кровожадный? Когда читала статью, сердце кровью обливалось. Страшно расстроилась. Писали газеты, что немец запрягает по 6 пар людей в плуг и заставляет пахать землю. Это каторга. Одесса 16 октября была взята немцами, 9 месяцев он хозяйничает там, что стало с городом?

15 июня. На дворе пасмурно и свежо. Жорик спит, Лена ушла за обедом в столовую. /.../

Пишу на террасе, замерзла. Здесь климат нехороший, днем жара 50 градусов, а вечером и утром холодно и нужно одеваться. А когда пройдет дождь, то несколько дней холодно. Не то, что у нас на Украине — сухо, тепло. Здесь много туберкулезных, маляриков. Солнце жжет, а на горах снег. Но зато город весь в зелени и много воды. Всюду по городу бегут арыки, и для питья хорошая вода. Кончаю, очень болит сердце.

19 июня. Лена ушла поступать на работу, я с Жориком. Он опять болеет, ангина, но сегодня уже нет температуры. Капризничает ужасно, хочет на двор. Наконец, я побывала на нашем огороде. 15-го мы с Аней пошли на огород, идти далеко, но ничего. Немного посапала бураки, тут пришел Витя и пошел дождик и мы пошли домой. 16-го я уже знала дорогу и пошла сама на огород. Ну, навела порядок. Зимнюю капусту подсапала, полила помидоры, капусту раннюю и огурцы. Есть уже огурчики, помидоры, но еще маленькие. Возилась до вечера, страшно устала, еле дошла домой. 17-го опять ходила на огород, всю картошку посапала,

осталось только кукурузу. Но, к сожалению, вчера не пошла, нужно было зарегистрировать паспорт, да и физически я не смогла бы работать. 17-го так увлеклась, что и не заметила, как блузка поднялась и я сожгла себе поясницу. Ожог такой здоровый и болезненный, что я не могу двигаться уже третий день. Ничего легко не дается.

Вчера Лена сделала мне подарок — резиновый чулок на больную ногу. Стоит очень дорого, я не хотела, но она все же купила. Правда, для ноги очень хорошо, спасибо ей за заботу. Я еще дома хотела купить, но у нас не было. Да, я еще до сих пор не была на вокзале, хотя идти на огород мимо него. Очень симпатичный вокзал, красивая архитектура, замечательный вид и въезд. Улица Дзержинского превосходная, очень широкая, чудесный тенистый парк по бокам и по середине. Тротуары и мостовые с правой и левой стороны асфальтированные. Я просто очарована. Прохожу уже третий день и не могу не любоваться. Вообще, улицы ровные и длинные, по несколько километров. Чисто, красиво и тени очень много. Ни в одном городе не видела такой красоты, а я во многих была городах и столицах. Как много сделало наше правительство. Здесь была пустыня, сплошные пески и

Первый ряд: Лена Гергая, Дарья Васильевна Мартынова, Александра Ивановна и Нонна Турбаевские; второй ряд: Виктор Гергая с Жориком, неизвестная, Зоя Васильевна Турбаевская. Город Фрунзе, июнь 1942 г.

болота, а сейчас — прекраснейший город. Пишу эти строки, а сердце болит. Сколько подлый враг уничтожил наших городов. Но ему уже тоже будет скоро уничтожение. Наши города опять зацветут. Конечно, я не доживу, но наши дети и мой внук, который сейчас сидит у меня на руках, безусловно, будут счастливы. Такой уже страшной войны, я думаю, не будет.

Сегодня у меня неприятность — сломался зуб. Это ужасно неприятно — без зуба, да и денег нет, чтобы вставить. Сегодня был мне сон, что я срывала с увядавших кустов клубнику, спелую оставила Жорику, зеленую съела сама. Уже 2 часа, а Лены еще нет. Я начинаю беспокоиться, не случилось ли чего, что-то тревожно на сердце.

22 июня. Сегодня понедельник. Год, как война, эта ужасная бойня. Сколько погибло лучших людей! Мой дорогой друг Ванечка. 10 месяцев я ничего не знаю о тебе, жив ли ты или погиб от лютого врага? И о Верочке я тоже ничего не знаю уже 10 месяцев! Где ты, моя дорогая доця, неужели я вас больше не увижу? Мои любимые, ох как тяжело. /.../ Сегодня радио ничего приятного не передало, все то же самое, ожесточенные бои. Сейчас мы надемся на второй фронт. Конечно, дело уничтожения врага пойдет скорей.

25 июня. Все то же самое. Идут ожесточенные бои, наши герои проливают кровь и бьют врага. Но он силен, все лезет и лезет, но очень много гибнет.

26 июня. Сегодня была на огороде. Я часто хожу, поливаю, есть уже помидоры, фасоль, огурцы, картофель, но все еще зеленое. Огурцы уже ели, но их мало, посадили всего 5 кустов. Приятно от своего труда покушать, кажется все вкусней.

29 июня. Все то же самое — обеды, базар. Все дорого, фрукты — малина 20 руб. кило, яблоки на штуки или десятки, 1 руб. штука или 8–10 руб. десяток. Так и не поешь фруктов, а здесь их много.

1 июля. Сегодня воскресенье. Витя работал, Аня и Клавдия тоже работали. Витя принес с работы свежую вареную рыбу судак. Я съела кусочек хвоста — очень вкусно, но скоро как-то стало неважно в желудке. Витя и Лена были в театре, сели ужинать рыбой, приглашали и меня, но мне не хотелось, ушла спать. Тяжесть в желудке и разболелось сердце.

2 июля. Понедельник утром выпила чаю. Лена с Жориком ушла в гости, я варила обед, но мне стало плохо. Страшные боли в желудке, рвота и понос, судороги в ногах, еле сварила обед. Пришлось лечь в постель, боли ужасные, всю корчит, а никого нет. В 5 часов пришла Клавдия Антоновна. Она дала мне опия, боли прекратились, но второй день страшная слабость.

3 июля. Витя тоже заболел желудком, но более серьезно. День полежал и ушел на работу.

4 июля. Сегодня ох какой тяжелый день, просто все валится из рук. Радио принесло нам страшное известие. После 8 месяцев героической обороны наши войска оставили Севастополь, не могли удержать. Наши погибло за 7 дней 11 тысяч и много раненых. Честь и слава вам, доблестные герои. Немцев погибло 5 дивизий, но все же они забрали Севастополь. Болит сердце, жаль чудный город.

5 июля. Витя болеет, пригласил врача. Мы боялись, что брюшной тиф, но нет, отравление рыбой и перешло в колит. У них много рабочих заболело желудком от рыбы. Сейчас Витя сидит на строгой диете. Очень тяжело, много нужно денег, но их нет, а на базаре все есть, только безумно дорого.

7 июля. Витя поправился, но еще на диете. Сегодня радио опять принесло тяжелые известия. Наши отступают и сдают населенные пункты. Очень тяжело. Но все равно его, подлого, уничтожат. Сегодня Жорик, Лена и Витя ходили на базар, купили Жорику ведерко. Он очень доволен. Чудный Жорик, я его безумно люблю.

8 июля. Ночь плохо спала, страшно болело сердце, ноги и руки — все отекло. Ужасно душно было, днем температура 61 градус жары, негде деться, да еще ужасно кусают москиты, особенно меня и Жорика. Это незаметные маленькие насекомые, но ужасно кусаются, я вся в волдырях. Этот климат для моего сердца тяжелый. Не могу ведра воды принести, так сердце колотится. Все делаю через силу, а работать нужно. Лена на базар, по очередям, а я дома с Жориком, варю обед, убираю квартиру. Лена тоже страшно устает. Витя принес 300 руб. жалованья. Сегодня Лена пошла на базар, купила 1 кило масла коровьего за 230 руб. Это дешево. Ну, еще хлеб, 2 стакана вишни и 1 кило картофеля 25 руб., и все, денег нет. Сегодня варю постный пилав и компот. Мы сегодня с Леной утром и в обед ели голый чай. Хорошо, что хоть хлеба опять хватает. Сегодня Вите на работу дали одну булочку и компоту. Мы часто варим компот благодаря Ане. Она покупает сахарин и только поэтому мы пьем чай и компоты. Он дорогой, но выгодный. Сахару мы не смогли бы покупать, он 80 руб. кило. Ну, живем впроголодь, особенно Лена, она никогда не наедается, только пообедала и уже голодная. А я наедаюсь, да и что нужно старому человеку. Мы еще сравнительно едим лучше других. Это спасибо Ане, она часто приносит хлеб, булочки, овощи, каши из столовой. Ей достают знакомые, знают, что у нее живут 4 человека беженцев,

ну и помогают. Если бы не Аня, не знаю, что бы мы делали. Она чудная, как родная. Сегодня Лена и Аня с работы пошли огород поливать.

10 июля. Ох, какой тяжелый день — наши войска оставили город Лисичанск. Страшные бои идут под Воронежем. Наши герои бьют их, но они ползут, как гусеницы, все силы и всякие варианты принимают, только бы захватить побольше нашей территории. Мой дорогой Ваня, когда уходил на фронт, сказал мне, наше дело правое. Это враг пока берет, но придет время — все отдаст и все восстановится и ему будет гибель. Конечно, мы, патриоты, верим, что таким зверям нет места на земле. Сегодня я стояла на базаре в очереди и вдруг какая-то женщина говорит, что на Украине мало было хлеба. Я аж расстроилась. Наша дорогая Украина — красивая и богатая житница, самое лучшее зерно наша Украина давала и очень много. Мы и не ели черного хлеба, а только белый. Дорогая наша любимая Украина, когда же мы опять будем видеть тебя, и Одессу, и Черное море?

Тоска ужасная, совсем не сплю. Сердце болит за нашу дорогую армию, за Родину и за моих дорогих сердцу родных и знакомых. Дорогая моя подруга Манечка, подруга детства, юности и старости. Мы с тобой дружили 40 лет и всегда жили душа в душу. Любили искренно друг друга, в горе и радости были всегда одинаковы. У тебя, дорогая Манечка, я только всегда видела чистую искренность. Где же ты сейчас, мой добрый друг. Неужели ты осталась на мучение врагам. Я твоего Колечку кругом ищу, а его нет. Как бы я хотела сейчас поделиться с тобой своим горем. Я всегда вспоминаю наше последнее прощание. Ты мне желала так много хорошего. Пишу эти строки и горько плачу. Будь проклят враг, что разбил семьи и мирную жизнь.

19 июля. Очень тяжело на душе. Сегодня воскресенье. Витя работает, Аня, Лена и Машенька (Анина подруга) пошли в город. Лена зубы лечит. Ночь не спали. Жорик капризничал, нездоров, расстройство желудка, да еще пристала к нему новая болезнь — конъюнктивит, воспаление глаз. Он, бедный, чешет глаза и капризничает. Это мучительная болезнь, здесь почти все дети болеют. Мы Жорика держим в большой чистоте, а болячки все же пристают. Чудный мальчик, он общий любимец. Одна женщина посмотрела Жорика глаза и сказала, что у него пустые глаза, что он будет жить недолго, умрет. Не верю ей, но сама расстроилась, и все только и думаю, неужели мы его потеряем? Какой ужас, не могу себе представить. Лене и Вите ничего не сказала, не могу их расстраивать, переживаю сама.

На фронте идут страшные ожесточенные бои. Сдали Богучар и Миллерово. Сильные бои идут в районе Ростова и Воронежа. Страшно и болит

сердце, что наши отступают. Но все же живу надеждой, что враг будет уничтожен. Кроважадный зверь, тебе нет места на земле русской.

Жара ужасная, пишу на террасе. Вспоминаю свою дорогую Одессу и Черное море. Скупаться в Черном море — какое наслаждение. Море, море, когда же я еще тебя увижу. Вчера купались в речке. Вода идет со снеговых гор мутная и очень мелко. Ну, купалась и не почувствовала, ничуть не освежилась. Это не Черное море. Как теперь мы тебя ценим и как болит сердце, что враг там хозяйничает. Когда же мы его сгоним с родной земли?

21 июля. Идут упорные бои, но немец все же медленно продвигается вперед.

22 июля. Ночь почти не спала, болело сердце и ноги. Утро ничего хорошего не принесло. Базар, очереди, страшная жара.

24 июля. Очереди большие за хлебом. Стояла с утра до 2 часов дня, страшно устала.

26 июля. Утром рано ушла на огород, полила капусту, сняла 12 штук помидор, огурцов, гороха немного, 6 штук кабачков. Как приятно свой труд собирать. По дороге домой зашла к Вите за хлебом и пошла в баню, но нести было очень тяжело. Еле дошла до бани и с большим трудом искупалась, стала еще слабей. Голова кружится, перед глазами сетка, сердце ужасно стучит. Всю дорогу отдыхала, еле дошла домой, и легла в постель. Пролежала до вечера, голова все еще болит. Аня уехала с Машей к ним в Кара-Балты. Маша пошила мне платье и белое переделала, спасибо ей.

28 июля. Сегодня опять радио принесло нам тяжелые известия. Ох, какие тяжелые известия! Опять сдали города, а какие чудные, особенно Ростов — богатый, красивый город. И так, 2 города — Новочеркасск и Ростов. Что же такое будет? Все сдаем, уже забрали всю Украину, Донбасс, Дон и сейчас он идет на Баку. Забрал самые богатые и красивые места. Бедная наша армия бьется одна против 14. Кровь льется рекой, погибло очень много наших лучших людей. Дорогой мой Ваня, жив ли ты, или тоже погиб в числе храбрых за дорогую Родину, свободу и честь. Не могу писать, рука дрожит, сердце болит, слезы закрывают глаза.

4 августа. Что писать? Ночи не сплю, положение на фронте тяжелое, идут кровопролитные бои. Наши войска отступают. Немец уже ползет со своими танками на Кавказ. Неужели он еще возьмет Кавказ? Какой ужас. Где же второй фронт? Наши союзники только обещают открыть второй фронт, а когда же это будет. Наши герои бьют его, подлого, а он все новые да новые силы подтягивает. Когда я слышу по радио, что наши отступают, сердце обливается кровью. Опять во Фрунзе

прибывают эшелоны с беженцами из Саратова, Ростова, с Дона. Какое горе. Раненых тоже много привезли. Ищу своих, но никого нет — ни раненых, ни здоровых. Неужели все погибли?

Сегодня ровно год, как ушел мой дорогой Ваня на одесский фронт. Год ни слова о себе. Мой добрый друг, неужели, неужели я тебя больше не увижу. Ночь думала о тебе, дорогой, любимый. Под утро немного задремала, а ты мне и не приснился. Хоть бы увидеть тебя во сне. Больше писать не могу, сердце страшно болит и глаза плачут, не высыхая. Куда денуть со своей тоской?

9 августа. У нас новые радости и переживания. Утром в воскресенье мы переехали на новую квартиру. Жили на Алма-атинской, 101, а сейчас — Горького и Кагановича, 124. Район грязный, нет асфальта, базар далеко — 10 кварталов. Но зато комната отдельная, большая, 2 окна, высокая, сухая, светлая. В комнате плита с духовкой, есть небольшой светлый коридор, тоже с плитой. Правда, наружной двери, ступенек и света нет. Пока без двери и электричества тяжело, но все постепенно устроится. Зато никто не ходит через нашу комнату, сами хозяева. Двор чудный, есть немного фруктовых деревьев и цветов, калитка закрывается. Жорик гуляет свободно и мы за него спокойны, все мы рады, что, наконец, имеем свою комнату. Спим еще на полу — я, Лена и Витя. Жорик и Аня на кровати. Но все устроится постепенно. Лена просила у Клавдии Антоновны продукты, кровать, но она не продала. Ее ошеломило, что мы так неожиданно выбрались. Спасибо Тоне, она устроила нам комнату. Клавдия Антоновна жалеет, что мы выбрались, провожала она нас очень любезно. Ане сказала, если нужна будет комната, пожалуйста, приезжай к ней. Но мы рады, что выбрались.

18 августа. Итак, мы уже вторую неделю живем на новой квартире. Очень хорошо, спокойно, сделали дверь и крыльцо. Еще надо свет, побелить квартиру и тогда можно будет спокойно готовиться к зиме. В коридоре есть погреб, очень удобно. Жорик хорошо загорел, целый день на дворе, здесь воздух чудный. Жорик очень хорошо кушает и спит. Да и мы все хорошо кушаем и спим, да беда в том, что нечего есть и не хватает хлеба. Самое главное — хлеб, его не хватает, но мы еще прилично едим. В эту неделю достали 1 кило мяса по 35 руб, сварили на 3 дня мясной обед — дешево, сытно. Аня принесла 8 штук бараньих ног, варю холодец. Витя принес огурцов, помидор, картофеля, все дешево. Аня тоже принесла помидор по 2 руб. кило и 200 граммов масла. Кушаем много овощей. Я ходила на базар 2 раза, не так далеко, как казалось. Все улицы засажены деревьями, чудные аллеи. Здесь езды почти нет и потому нет пыли.

15-го я с Тоней ходили в Русский театр, пьеса «Трактирщица». Сидела в театре, а все мысли были о родном городе и о дорогих мне людях. Аня принесла 2 билета бесплатно. Меня театр нисколько не развлек. Как можно сейчас развлекаться, когда такое тяжелое положение. Страна стонет, кровь рекой льется, враг идет и не можем его остановить. Он уже на Кавказ пришел, взял Минеральные Воды, идет на Грозный и Баку. Наши героини грудью защищают дорогую землю. Ужасно болит сердце. Что же будет дальше? Когда будет второй фронт? Опять много беженцев. Страдает наш народ. Будь проклят, кровожадный зверь!

19 августа. Сегодня по старому стилю 6-е, большой праздник — Спас. В старое время в церкви святости яблоки и мед. Это христианский праздник, очень красивый, особенно для детей. Идут в церковь, несут в белых салфетках яблоки, мед, виноград, всякие фрукты. Священник освятит, приходят домой из церкви, кушают. Моя мать всегда ждала Спаса и не ела яблок, пока не освятит. Ну, в первую очередь угощала детей и нищих. Красивый летний праздник. В церкви рядами стоят фрукты, а на базаре — возами, и целые горы разных сортов яблок и меду. Яблоки по 2–3 копейки фунт, а самые лучшие по 4–5 копеек. Фунт меду 10–12 коп.²⁵. Ну и священникам был доход, когда святости, народ приносил целые горы яблок. Сейчас здесь тоже есть яблоки, недорогие — 12, 15 и 20 руб. кило, а мед 120 руб. кило, но сейчас не до меду и яблок. Был бы хлеб, а его не хватает. Но мы еще хорошо живем. Здесь, у кого есть деньги, все можно достать, а вот в оккупированных местах, где немец, там наши люди гибнут от голода и зверств немца. Вчера Витя читал газету про нашу дорогую Одессу — один ужас. Дорогие мои соотечественники, как вы страдаете. Бедный мой отец, ты не хотел уехать со мной. Что с тобой сделали звери, и не знаю. Уехали ли Маруся, Нила, Дуся и Гриша, где они, что с ними. Мы писали в центральное бюро справок по всем беженцам, ответили — их нет.

Эту ночь совершенно не спала, вспоминала своих, и вдруг в 2 часа ночи Витя стал ужасно стонать. Мы все проснулись, встревоженные. Витя не может открыть глаза, страшно болят глаза, не открываются. Леночка с трудом ему влила капли, очень жгло, но на утро он смог открыть глаза. Мы обрадовались, но глаза красные. Он присутствовал при электро-сварке без очков, это отразилось на глазах. Не знаю, чем еще кончится. А я до утра не спала, так тяжело на сердце. Витя сейчас работает старшим инженером. Он не хотел, его все же поставили. Работа очень ответственная, честных людей мало, а он хочет работать только честно. Страна переживает тяжелое время, нужно самоотверженно работать, а

врагов много. Все равно наше правое дело будет торжествовать. Сегодня пришли проводить свет, поставили столб во дворе, и телефон будет.

24 августа. Вот уже 2 недели живем на новой квартире. Сделали дверь, крыльцо, свет провели, еще осталось телефон и побелить, и как будто все. Тихо, спокойно у нас. Хозяйка очень хорошая женщина. В двух квартирах всего один взрослый мужчина — Виктор, и еще Жорик, а женщин 6 человек. Казалось бы, можно отдыхать спокойно. Обувь тоже запасли. Варин папа достал 3 пары подметок очень дешево, по фабричной цене. Мне, Вите и Лене поставили подметки туфлям на каждый день. Для грязи обувь есть в чемодане, ну и всем по паре новой обуви достали. Лена туфли черные сама заказала, стоят 135 руб., а мне, Вите и Жорику Витя достал на службе. Для Вити туфли черные за 135 руб., мне черные туфли на низком каблуке 100 руб. и Жорику черные ботиночки 30 руб. Все обуты на пару лет, но вопрос, сколько проживу. Сейчас люди как мухи живут — сегодня жив, а завтра тебя нет. Я вечером очень часто желаю лечь и утром не встать. Это было бы для меня очень хорошо — не видеть страданий человеческих и не страдать самой.

Ежедневно радио передает тяжелые известия. Враг идет без остановки и забирает наши лучшие земли, города. Прошое лето вся Украина перешла к нему, это лето вся Донская область и уже идет на Кавказ. Краснодар пал, идут ожесточенные кровопролитные бои. Он спешит на Баку, наши герои грудью защищают каждый клочок земли родной. Чем это кончится, просто ужас берет. Никто, никто нам не поможет. Англия и Америка пока ждут, а мы выбиваемся из сил. Вчера вечером к нам пришел Витин знакомый, принес письма от друзей. Говорит, в Красноводске и по дороге опять очень много беженцев. Опять положение ужасное. К нам тоже приезжают беженцы, но мало, все едут в Сибирь. Что будет, радости никакой, сердце ужасно болит, ничего не интересно. Все мысли там, где кровь рекой льется. Единственное утешение — это Жорик. Он чудный, так быстро развивается, что мы поражаемся. Он всеобщий любимец и радость наша. Что его ждет в будущем, боюсь подумать. Сейчас он спит, а я пишу и на душе тяжело-тяжело.

30 августа. Сегодня воскресенье, настроение ужасно плохое. Ночь плохо спала, 3 сна снились. Снился дорогой город и люди.

Первый сон: мои родные и знакомые дежурили на бульваре Фельдмана, на лестнице, что ведет к морю, чудная каменная лестница²⁶. Не знаю, кто именно там дежурил, но знаю, что кто-то из моих близких. Было очень холодно, я нагрела электроутюг, и послала им к морю греть руки.

Второй сон: мы — я, Лена, Витя, Вера, все мы шли издалека, не знаю откуда, но страшно устали. Я несла Жорика на руках, и у Жорика на руке был золотой браслет Верин. Вдруг браслета не стало, я думала, что потеряли, но потом он оказался на руке Жорика, и я взяла мешок с мукой, и мы все пошли дальше, но идти было очень тяжело, пыль ужасная.

Третий сон — тоже родной город Одесса. Я и Манечка шли на Слободку и несли большое ведро с водой на гору. Тяжело было нести, да и тротуар был очень узкий, идти вдвоем тесно. Я взяла сама ведро и пошла под мост на гору, а Маня шла сзади. Тяжело очень было идти.

На этом я проснулась. Сегодняшние сны меня ужасно расстроили. Рада, что хоть улицы родного города увидела и Манечку. Болит душа ужасно, что с ними, моими дорогими и любимыми, жив ли, кто там остался? В душе теплится надежда, что живы. Хотя бы что-нибудь о них узнать, а как узнать и где? Враг будет разбит, и мы пойдем в родные края. Здорово его на калининском фронте побили, 47 дивизий разбили, и приостановили на Южном фронте, а он все силы направил на Баку. Смерть и гибель, подлый кровожадный зверь. Жорик спит, и в доме тихо-тихо. Хочется плакать без конца.

5 сентября. Итак, лето прошло, уже сентябрь. Хоть здесь еще страшная жара, но все же дело идет к осени и зиме. Трудная зима будет. Топлива нет и негде его достать. Все страшно дорожает: мясо — 120 руб. кило, мыло — 160 руб. кусок 200 граммов, картофель 15 руб., масло — 300 руб., сало — 400 руб. кило, хлеб с рук — 35 руб. кило, мука — 60–70 руб. кило, дыни, арбузы — 8–9 руб. кило. Пока еще есть овощи и фрукты, а когда они закончатся? Запасов на зиму не запасаем, нет денег. Сегодня я ходила на толчок, хотела продать свитер, полотенце, портсигар и спичечницу, обменять на продукты. Никто не хочет серебро, только вещи. Ничего не продала и не обменяла. Продать дешево, а купить дорого. Мне очень жаль портсигар. Это мой подарок Ване в 1939 году 17 мая в 15 лет нашего юбилея. Как мы были счастливы! Нас чудесно чествовали, много подарков и цветов, много гостей было. И одновременно чествовали Витю с окончанием института. Как мы были рады и счастливы, что отец и сын инженеры. Мне кажется, что я была самая счастливая мать и жена. Мои дети и все друзья наши радовались и веселились. И как мы все сейчас несчастны. Нет моего дорогого Вани и моей веселой танцоры Верочки. Где вы, мои любимые? Пишу эти воспоминания и горько плачу. Ох, как тяжело. Будь проклят коварный враг, разлучил и разбил наше счастье. Когда же будет ему конец. Пишу, в комнате тихо, Жорик и Аня спят, Вити еще нет. Но вот пришел Витя с работы, принес картофель и виноград. Он часто приносит картофель, кости,

колбасу. Мяса мы не покупаем, дорого, ну мы и рады, что Витя приносит. Мы сейчас едим сытно, только хлеба не хватает, немного подкупаем. Можно со всем мириться, только бы скорей уничтожить врага. Он все забирает наши города, уже под Грозным. Сердце болит, что будет?

6 сентября. Сегодня воскресенье. Радио передало, в Новороссийске кровопролитные бои. Да неужели не будет гибель врагу? Он только несет горе и опустошение, как злой ураган, что все сносит с земли. Будь проклят кровожадный зверь. Идешь по городу и видишь молодых, красивых, но они, бедные, изуродованы, калеки без руки или ноги, а есть совершенно без ног или рук. Какой ужас! А сколько сирот! Жорик сейчас бегаёт по комнате, играет, мы радуемся, он еще счастливый ребенок, у него есть мама и бабушка, и еще дома папа. Но долго ли будет это счастье? Что нас всех ждет? Будущее мы не знаем. Страшно.

9 сентября. Сегодня уже месяц, как мы живем на новой квартире, но еще не убрались. Печи уже почистили, нужно еще побелить. Завтра придет штукатур, побелит, уберемся, и будет чисто. Надоело сидеть в грязи. Ничего не мило — на фронте дела плохие.

11 сентября. Новороссийск сдали, немец все идет вперед. Как тяжелы эти известия. Ночи не сплю, все думаю, когда же увижу своих дорогих и любимых. Сердце и ноги ужасно болят. Тоска ужасная.

13 сентября. Сегодня воскресенье. Аня работает на канале, а Витя, как уехал на машине утром за 25 километров на станцию, так вот уже 12 часов ночи, а его еще нет. Мы с Леной страшно беспокоимся, не случилось ли какого несчастья. Аня и Жорик спят. Жорик чудный, все понимает, все предметы знает, но говорит только мама, папа, бабушка, тетя и еще много фраз, которые мы только понимаем. Хорошенький, черные глаза, а волос, как лен беленький. Хохоchet очень заразительно. Он у нас единственная радость.

В 2 часа ночи, наконец, приехал Витя. Полomalась машина, и они долго чинились. Привез 3 больших арбуза. За все лето мы съели 5 арбузов. На базаре арбузы по 5–7 руб. кило, мы не покупаем, денег нет. Те, что достали Аня и Витя — по твердой цене. Разбудили Аню и втроем в 2 часа ночи съели 2 арбуза. Пошли спать в 3 часа ночи. Были довольны за арбузы, и что Витя благополучно вернулся.

20 сентября. Снова воскресенье. Долго не писала, ужасно тяжело на душе. На фронте положение тяжелое. Наши герои все отступают, бьются как львы, а враг все ползет, как саранча. О втором фронте англичане замолчали. Много обещали, а на деле ничего. Витя получил 7 писем от

товарищей из Краснодарска. Черноморпроект распадается, нет работы, все просят, чтобы Витя их принял и устроил на работу. Все они хорошие работники, а здесь нужны именно хорошие работники, но это очень трудно. Сейчас вызовы запретили, а без вызова не разрешают въезд. Витя беспокоится, что предпринять и как помочь товарищам.

Народ бежит из оккупированных мест, спасаются, не хотят быть у врага рабами. Положение беженцев ужасное. Идет зима, куда деваться. Я хорошо помню прошлую зиму, как мы страдали. Хочется от души помочь людям, но как, не знаю. Всю ночь не спала, думала о любимых Верочке и Ване, сестрах и братьях. Я так ослабела духом, что теряю надежду, когда-либо увидеть их. Ежедневно ложусь спать и думаю о них. Хотя бы приснились, все же мне было бы легче. Но никто не снится. Где же вы, мои любимые, неужели в неволе? Сердце разрывается от боли. Больше писать не могу, слезы не дают, да и что писать? Мысли не вяжутся.

1 октября. Что писать? Тоска ужасная, сердце болит. День с трудом дохожу. Все кости тоже болят. За день ни минуты не присядешь. Без конца работа, уход за Жориком, а ночью бессонница, отдохнуть не могу. Наутро встаю разбитая, больная, и опять суета и заботы. А радио ничего хорошего не приносит. Идут кровопролитные бои. В городе Сталинграде бьются за каждый метр, за Дон страшно дерутся. Льется рекой пролетарская кровь за правое дело. Вчера был день рождения моей дорогой Верочки. Как мы в этот день были всегда счастливы. На именины собирались мои друзья, и Верочка всегда приезжала к 30-му к нам. Весело и счастливо мы проводили этот день. Где же теперь моя дорогая доця, жива ты или погибла? Как ужасно болит мое сердце, слезы не дают писать.

17 октября. Суббота. Долго не писала, да и что писать. Настроение ужасное. На фронте положение тяжелое, помощи ни от кого нет. Англия и Америка не выполняют договора о поставке нам нужного снаряжения. Обещают много, а не делают ничего. Наступает зима, страшно делается. Кто эту зиму переживет, будет долго жить. Осень здесь красивая и тепло эти дни. Я еще в своей жизни не видала так много листьев. Осыпаются огненные листья, очень, очень красиво. Тишина немая, ветров нет, красиво и грустно, что лето так быстро прошло. Очереди, суета, заботы, и не заметила, как лето прошло. Так и старость подкралась неожиданная. Кажется, так еще недавно я была молодая и жизнь радостная, а погляжу — уже старуха, больная, разбитая. Опять не сплю, ужасно болит сердце, руки, ноги, работать не могу. Правда, по хозяйству целый день вожусь и Жорику надо уделить внимание. Мотаюсь без отдыха, все делаю через великую силу. Но ничего не поделаешь, все сейчас много

работают. Молодежь превратилась в стариков. Конечно, мы, истинные патриоты, верим и надеемся, что враг будет уничтожен и этому все свои силы отдаем, а паразиты наживаются. Да и предателей много, потому так тяжело, но все до времени, им все равно гибель.

Днями ходила продавать свою шубу на толчок, зашла в комиссионный магазин, приценилась — давали всего две с половиной тысячи, а на толчке больше трех тысяч не давали. Простояла до вечера и не продала, пошла домой. Все продают, а покупать некому. Ужас, что творится на толчке. Все страшно дорогое. На другой день пошла Лена продавать шубу. Я ей сказала, за четыре тысячи может продать, но ей повезло, она продала за пять с половиной тысяч. Очень хорошо. Купил тот, у кого было много денег, да и вещь нужна. Конечно, шуба новая, чистая. Я уже никогда не буду такой иметь, да и кто мне ее купит, когда у меня нет мужа. Ваня хотел, чтобы я была хорошо одета, чтобы я имела шубу. Ну и не пришлось поносить. В 1940 году купила, а в 1941 уже война, так и не пришлось носить. Она мне стоила 800 руб., тогда это были деньги, а сейчас 5 тысяч 500, и ничего на них не купить. Но все же спасибо моему другу Ване за шубу. Больше у меня нет ничего ценного из вещей, и пальто нет хорошего. Есть старое-старое пальто, которое ношу с 1930-го года. Если удастся его переделать, то переделаю, а нет, то так и будет. Но когда Лена принесла мне деньги и сказала, что продала шубу, мне было больно и жалко. Значит, жизнь кончена. Правда, Витя ни за что не хотел, чтобы я продавала шубу, а я решилась, ведь нужны деньги, да и куда я ее буду надевать, она только слежится. Ну, две тысячи пятьсот дала Лене. Витя принес талон на пальто Лене, стоит 300 руб., и воротник каракулевый 600 руб. Если пошьют удачно, то будет у Лены приличное пальто. Прошлую зиму, когда я приехала к ним в Ростов, то тоже купила Лене пальто за 660 руб., но очень неудачное, короткое, материал плохой. А сейчас, может, будет более удачное.

Еще решили купить муки, а мука уже 1500 руб. пуд, и масла или сала на 500 руб. С нашего огорода мы собрали 5 пудов картофеля, и если бы не украли, то было бы пудов 10, но мы и за 5 пудов рады. Конечно, этого на зиму не хватит. Мы уже половину ее съели, и все время едим, хорошо нас она спасает. Витя приносит с завода кости, мы варим хорошие крепкие супы, борщи. Ну и Витю прикрепили к закрытому магазину. За октябрь месяц получил 2 кило мяса, 800 г постного масла и коровьего кило, сыру кило, колбасы кило и 10 кило картофеля, бураков, огурцов, капусты — всего понемногу. Если бы так было всю зиму, то было бы чудно. Сейчас и хлеба нам хватает, есть что кушать. Ну и Витя привез машину торфа. Конечно, это не топливо, но мы и за это рады. Можно поголодать и

померзнуть, только бы поскорей прогнать врага, вот тогда можно зажить спокойно. А пока он на нашей земле, покою не бумдет.

18 октября. Сегодня очень плохо спала, страшно ломило руку, и сердце болело. Была у врача, ну и что? Я и сама знаю, что нужен покой и отдых. Да еще новая болезнь — грыжа. Конечно, это последствия ношения тяжестей. Еще в Махач-Кале я много носила воды далеко на гору. И здесь тоже далеко приходилось носить. А на новой квартире хоть и близко, да я уже не в состоянии носить. Состояние паршивое. Пишу, слезы невольно льются. Дома тишина, Жорик спит. Он уже берет хлыст, садится на палочку верхом и едет и кричит — не-не. Чудный мальчик. Если бы не он, то совсем жизнь моя — ничто. Единственная радость и счастье. /.../

21 октября. Эту ночь спала хорошо. Жорик всего один раз просыпался. Мне снился мой дорогой Ваня. Я с ним под руку пришла в какой-то клуб. Ваня попросил у меня немного денег, я достала из кармана мелочь, и он тоже достал и говорит — не нужно, Дашенька, у меня хватает. Подошел к столу и уплатил партвзносы, ну, зарегистрировал партийный билет. Взял меня под руку, и мы вышли на улицу. В эту же ночь снилась мне Аня, моя приятельница. Позвала меня, и мы с ней пошли в тот же клуб, что с Ваней ходила. Она тоже зарегистрировала свой партбилет. Я удивилась, что она партийная. Конечно, сон был очень приятный. Весь день все мысли были о нем, моем дорогим любимом друге. Как будто бы это был не сон, а действительность. Опять у меня теплится надежда. Как я хочу его видеть!

25 октября. Ночь не спала. Телефон звонил до утра. У Вити на гидростанции была авария, ну и никому не пришлось спать, а Витя аж охрип, так много говорил по телефону. Утром вышли на двор — о, ужас, зима, все покрыто снегом, как в январе месяце. Цветы печально смотрели из-под снега, но к вечеру снег растаял, осталась грязь. Здесь, в солнечной Киргизии, это нередкое явление. Зато на нашей дорогой Украине раньше декабря снегу не бывает. Увижу ли я еще свою золотую Украину? Уже второй год, как враги ее эксплуатируют и терзают наш народ. Болит душа, когда вспоминаешь, как мы были счастливы, живя на своей родине в Одессе.

Сегодня моя голова не варит, настроение ужасное, пасмурно, сыро, холодно, топить нечем, да еще Жорик уже месяц болеет желудком, понос. И как он еще держится на ногах, играет, бегаёт, правда, похудел и побледнел. Все делаем, а остановить понос не удастся. Чудный мальчик, я его безумно люблю. Сегодня Лена первый день работает с 7 часов утра до 11 вечера, 16 часов без обеденного перерыва. Но зато один день 16 часов отработала, следующий день свободна. В общем, через день.

Только тем плохо, что далеко и поздно ходить. Это около 12 часов ночи возвращаться домой, да еще пешком. Света нет, грязь, зимой очень будет тяжело, да и опасно, разденут. Нужно ее встречать, а кто будет встречать? Только один Витя может, да и он тоже за день набегається, еле ноги тянет. Не знаю, как будет, но я считаю, это очень тяжело, да и жалование мизерное — 200 руб. Обувь больше порвет. Долго выбирала работу, ну и выбрала — ни уму, ни сердцу. Витя страшно не хотел, чтобы Лена работала, но сейчас военное время, даже стыдно не работать. Все должны работать, чтобы победить врага. Я эти строки пишу, а все мысли — где же мои дорогие Ваня и Верочка, живы ли они, увижу ли я их. Сейчас 11 часов вечера. В квартире тишина, Аня и Жорик спят. Лены и Вити еще нет с работы, они придут в 12 часов. Витя с работы пойдет за Леной, а я их жду с обедом и ужином. В общем, погано, тоска ужасная жлоет сердце, да и слезы мешают писать.

1 ноября. 9 часов вечера. Сделала Жорику клизму, грелку и укачала спать. Понос не прекращается у Жорика. Держали его на строгой диете — не помогает. Похудел и побледнел. Сегодня капризничал, я его много носила на руках, да и сама совершенно больна. На левой руке указательный палец ужасно болит. Рубила кости и проколола палец. Не нарывает, но уже третья неделя — распух, почернел и болит. Была у врача, сказал не мочить и класть компрессы. Но как я могу не мочить? Целый день руки в воде — стираю Жорика штанишки и пеленки, у него же понос. Итак, на левой — палец, а правую руку от плеча до кисти ужасно ломит, особенно ночью. За день ее натружу, ну и ночью ужасно болит, будто точит кость. Лена каждый вечер мне растирает, но ничего не помогает. Работать нужно, а я калека, совершенно больна. Что будет со мной дальше, не знаю, только хочу одного — вечного покоя. Каждый вечер ложусь спать и прошу, чтоб наутро не встать, умереть быстро, никому не надоедать. А долго болеть я боюсь. Ухаживать некому. Нет моей Верочки и Вани, которые досмотрели бы меня. Правда, Лена и Витя внимательны, особенно Лена, но сейчас все работают, заняты, некогда возиться с больными, нужны здоровые люди. Война требует работать и работать, а на фронте дела очень и очень плохие. В доме тишина, Вити еще нет с работы. Аня пошла встречать Лену. Кончаю, очень болит рука.

6 ноября. Сегодня — канун праздника Великого Октября. Весь день с тяжелым сердцем и тоской. Вечером Витя принес радио, слушала речь Сталина и много докладов. Глаза распухли от слез, весь день проплакала, особенно когда Сталин говорил речь. Чудные и правдивые его слова. Музыка я не могу переносить, плачу без конца. Ночь не спала, все думала

о дорогих сердцу и любимых. Где они, живы или погибли. Все мысли о них. Вспоминаю 1940 год, все были вместе, весело, радостно и счастливо проходили праздники. Как будто бы это было вчера. Второй год их не вижу и ничего не знаю о них. Еще счастье, что Витя с нами, да и материальное положение приличное, комната хорошая, у нас есть кровать, свет, радио, телефон, немного топлива. Прикрепили к распределителю, получаем хорошие пайки. К празднику получили 2 кило баранины, по кило масла сливочного, колбасы, сыру, селедки, рису. Конфет кило, картофеля 10 кило и полкило кетовой икры. Все это дают на месяц. Вот уже три месяца, как мы получаем пайки. Это счастье, можно жить. Если всю зиму так будет, то будет чудно. Но это не все. Окружающее горе и нужда меня гложет, я не могу спокойно есть то, что у нас есть, я половину раздаю, раздаю и все равно мне, да и всем нашим больно. Мы не привыкли — у нас есть, а у других нет. Очень тяжело, кругом горе и слезы — это наше горе и слезы. Радость и счастье будут тогда, когда враг будет прогнан с нашей земли, только тогда я буду спокойно кушать, спать, работать, а сейчас нет мне покоя, тоска безысходная.

7 ноября. Сегодня праздник 7 ноября, 25 лет Великой социалистической революции, свободной жизни. 25 лет тому назад я была молода, красива, здорова и счастлива, а сейчас старая, больная, без мужа и дочери. Да, старость тяжелая, особенно без друга. Дорогой мой Ваня, если бы ты меня увидел, то не узнал бы свою Дашу. Моя дорогая доця Верочка, всегда к этому празднику ты приезжала к нам, и как мы были счастливы. Дорогая моя Манечка, Яша, вы всегда тоже были у меня в этот день, весело и счастливо проводили время. Мои дорогие сестры и братья, где вы? Если в неволе, то это большое горе. Будьте прокляты, подлые кровожадные звери, разбили и разлучили нас с дорогими родными. Ох, как тяжело, слезы не дают писать. Витя ушел утром на правительственную трибуну приветствовать демонстрацию, и мы — я, Лена и Жорик тоже пошли посмотреть парад. Но как мало людей, бедно и грустно. Армии мало, она вся на фронте. А какие чудные и блестящие были военные парады и какая красивая была демонстрация, все были счастливы, все веселые. Сейчас пишу, тишина, Жорик спит. Лена, Аня и Витя пошли в театр, я одна, а все мысли о дорогой и любимой Одессе. Не могу больше писать, страшно болит рука.

15 ноября. Воскресенье. Еще 5 дней назад выпал снег и стал мороз, а сегодня потеплело. Старожилы города говорят, что эта зима очень ранняя. Мы мерзнем, а как наши бедные герои на фронте? Сколько обмороженных, простуженных, калек. Как подумаешь, ужас берет. Страшная война.

17 ноября. Опять выпал снег. Холодно. Я с Жориком ежедневно хожу гулять на двор во всякую погоду, ношу его на руках. У него нет пальто и галош. Пальто некому пошить, а галоши на Жорика стоят 1000 руб. На такого малыша — 1000 руб., ужас! Ну, эту зиму обойдемся без галош.

18 ноября. Сегодня мне снился мой дорогой друг Ваня. Как я рада, что хоть во сне его видела. Но сон страшный. Ваня ужасно изуродован, его лицо — подбородок, зубы, щеки, рот — все изуродовано. Одет он был — носки и галоши без ботинок, пальто на нем женское, рваное, ужасный вид. Я прошла мимо него и не узнала, но мне сказали — вот твой Ваня. Я его узнала только по его серым добрым глазам, страшно обрадовалась, стала его целовать и плакать, а он прячет лицо и говорит, я не похож на человека, так проклятые немцы меня изуродовали. Я его успокаивала, целовала, а у самой сердце кровью обливалось — что проклятые немцы сделали с моим дорогим Ваней. От страшного волнения проснулась. Сейчас опять живу надеждой, а может, он жив? У нас радио ежедневно передает письма с фронта и на фронт. Слушаю и переживаю, а вдруг и мне кто-нибудь из моих дорогих передаст весточку, но нет. Я всюду писала, искала — ни слова о них. Где же вы, мои дорогие, любимые, неужели погибли? Как болит сердце за вас. Кончаю, страшно устала, болит голова и руки. Да я уже и не знаю, как держусь, работа весь день, не присядешь.

29 ноября. Сегодня год, как мы приехали во Фрунзе, а из дому уже год и три месяца. Уезжали на пару месяцев, а сколько еще лет скитаться, не знаю. Но надежда теплится, что все же будем в родной любимой Одессе. Сейчас на сердце легче и настроение хорошее. Немца бьют здорово, освобождают наши земли и города. Наши герои, Красная Армия и Флот перешли в наступление. Много убитых и раненых, взяты в плен даже ихние генералы. Целиком окружены дивизии, много трофеев. Ему не так легко, как было раньше, здорово его наши бьют. Довольно ему, зверю, поганить и уничтожать наш народ. Ну, больше писать не могу, страшно болит рука.

10 декабря. Давно не писала, нет времени. За день так намотаюсь, что не могу ничего вечером делать. Болят обе руки, и еще новая болезнь — грыжа паховая, очень меня беспокоит. Страшно болит поясница и нога, ничего тяжелого не могу носить, даже ведра воды не могу принести. Тяжело мне. Сейчас вся работа легла на меня. Обед готовить, убрать квартиру, на Жорика постирать детское и пеленки — весь день кружусь, ни минуты отдыха. А Жорик такой шкода, только и смотри за ним, ужасный шалун и проказник. Но я его люблю безумно. Чудный мальчик — глаза карие, бархатные, волос белый. Отошел после болезни,

опять румяный, веселый, редко когда плачет, но зато упрямый. Если бы не Жорик, то и свет немил. Он — единственное утешение. Лена сейчас работает на новой работе, уходит в 7 утра и приходит в 6 вечера, и Аня тоже, а Витя очень поздно приходит. А я вдвоем с Жориком весь день. Как ни устаю, на душе легче и настроение хорошее.

На фронте наши дела идут успешно, бьют подлого немца, очищают наши родные земли. Потому на душе легко. Уже несколько раз мне снились дорогие моему сердцу родные и знакомые. Снилось сестра Маруся, несколько раз Александра Савельевна и Шура, Елизавета Ивановна. И еще снилось Черное море — была с компанией в дорогой Одессе на берегу моря, делали маевку. Штормило, море было страшное и красивое, а берег был покрыт белой пеной. Когда я проснулась не у моря, то стало страшно жаль и больно. Когда же, когда же мы будем у нашего моря? Пишу эти строки, а Жорик сидит у меня на коленях. Я плачу, а он своими пальчиками растирает слезы, и я больше не могу писать, слезы и Жорик не дают.

15 декабря. Сегодня спала очень хорошо, и приснился чудный сон — моя дорогая Верочка. Я с ней ехала на извозчике. Подъехали к магазину мануфактуры, Вера сошла с извозчика, а мне велела подождать. Она вошла в магазин, я ее очень долго ждала, а ее нет и нет. Тогда я тоже вошла в магазин, ищу ее, но ее нигде нет. Я спросила приказчика, не видел ли он мою Веру? Приказчик ответил, что она ушла с директором, а куда, он не знает. Я походила по магазину — очень много мануфактуры на полках: шелка, сукна, полотна. Я удивилась, что всего много, все можно купить, а покупателей мало. И на этом проснулась. Очень жаль, что это сон, а не действительность. Где же ты моя дорогая и любимая Верочка, увижу ли когда тебя? Весь день напряженно ждала, а вдруг получу весточку от тебя, моя доця. Но напрасно, день прошел — ничего я не узнала о тебе. Болит сердце. Кто залечит мою рану?

17 декабря. Сегодня день рождения моего любимого Вани. Второй год без тебя, мой дорогой друг, защитник нашей любимой красавицы Одессы и дорогой Родины. Жив ли ты, мой любимый? Я всю ночь и весь день прождала у радио, а вдруг ты пошлешь нам весточку? Но все напрасно. Как тяжело прошел сегодняшний день для меня, и описать не могу. Даже Виктор забыл меня поздравить с именинником, а он всегда был внимательным. А сейчас все забыли, все заняты. Витя много работает и ему приходится ходить пешком очень много и далеко. А послезавтра он уезжает в командировку в Москву. Он не особенно хотел ехать, да и мы чего-то тревожимся его отъездом. Ну, все спят, а я вспоминаю, как мы

отмечали этот день раньше. Я с любовью пекла пироги, готовила вкусные блюда, собирались наши друзья, родные, весело и отрадно проходил вечер, а сегодня тоска и тоска. Самое главное, что о тебе нет весточки. Я уже опять потеряла надежду увидеть тебя. Ох, как тяжело.

18 декабря. Сегодня та же тоска, ничего не могу делать, даже квартиру не убирала. Поставила варить обед, Жорик спит. Радио передает радостные известия. Наши войска здорово бьют немца. Смерть и проклятья подлым врагам! Они нас разлучили с любимыми.

Ночь эту тоже не спала. Жорик капризничал, не спал, я его брала к себе в кровать. Он уснул, мне тоже хотелось уснуть хоть на час, и чтобы приснились мне мои дорогие любимые Ваня и Верочка. Но уснула только утром, и никто не снился. Мои дорогие Верочка и Ваня, как вы мне нужны. Пришлите мне весточку о себе. Любящая вас мама и жена.

21 декабря. Итак, Витя уехал 19-го. Стоит описать его отъезд. Волнения много было, но и смеху не меньше. Должна была приехать машина к 4 часам, а поезд уходил в 5 часов. Но машина поломалась и не приехала, а уже без десяти минут пять. Билет в кармане, он стоит 400 руб. Мы все ужасно волновались и решили уже, что Витя не поедет, как вдруг прислали бричку и пару хороших лошадей из Наркомата и велели догонять поезд на ближайшей станции, там поезд стоит 20 минут. Поехала Лена провожать Витю. Ехали, вернее, скакали за поездом, и успели, приехали за 5 минут до отхода. Все благополучно обошлось. Без Вити только 2 дня, а скучно.

Сегодня радио передало приятные известия. Бьют немца по всему фронту, много трофеев и пленных. Настроение хорошее, у всех людей легче на душе, что бьют подлого врага. А наши колхозники и рабочие жертвуют много денег на танки и самолеты — по 20 тысяч и 30 тысяч, чтобы уничтожить врага.

25 декабря. Мы сегодня празднуем 25-летие Советской Украины. Как мы были счастливы в цветущей Украине! Наша солнечная Одесса и Черное море, сейчас там подлый враг хозяйничает, но ему уже недолго осталось пить кровь русскую, его сейчас здорово бьют. Радио нам приносит радостные известия: очищают города, села и наш народ от лютого зверя немца. Трофеев и пленных очень много. На душе стало легче, что бьют и гонят зверя.

Снился мне мой друг Ваня. Ехали мы, не знаю откуда и куда, но остановились в гостинице. Наутро поднялись, я Ваню торопила скорей одеваться, и на том проснулась. На этой неделе Ваня мне снился уже два раза. 22-го снилось, что он умер, я страшно плакала и проснулась, но все

равно рада, что он стал мне часто сниться. Дорогой друг, жив ли ты, хотя бы весточку получить о тебе. Это была бы для меня большая радость.

Здесь зима со снегом и небольшими морозами, но сыро и промозгло. Мы очень мерзнем, да и топливо плохое. Эта зима без дров. Топим торфом. Торф не горит, и я страшно мучаюсь. Целый день топлю и еле суп успеваю сварить на вечер, а больше ничего. А я вся в пыли, в грязи, руки мои ужасны, не отмываются. Я никогда не видела торфа, а теперь пришлось топить. Все мы мерзнем. Но Жорика мы одеваем тепло: ботиночки и шерстяные чулки, лифчик байковый, кофточка байковая, рейтузы и сверху ватничек. Да и он все время в движении. Шалун ужасный, каждые 5 минут что-то натворит, рассыплет, разольет или разобьет, только и смотри за ним. Но я его люблю.

31 декабря. 11 часов ночи, последний час 1942 года. Все ушли встречать Новый, 1943 год. Лена с Тоней — в военную академию, а Аня ушла к своим знакомым. Витя в Москве. Уложила Жорика спать, в доме тишина. Пишу и слушаю по радио последние известия. Немца здорово бьют, взяли город Котельниково на Украине. Наши войска уже под Миллерово. Недалеко и до родной Одессы. Какая будет радость, когда Одесса опять будет нашей. Второй год я без дорогих сердцу людей. Дорогой и любимый мой Ванечка, все мысли о тебе. Может ты ранен или болен? Ты часто болел желудком, и я всегда старалась облегчить страдания, а сейчас ничего не могу сделать, не знаю, где ты, дорогой друг.

1943 год

1 января. Пишу эти строки, а по радио поздравляют с Новым 1943 годом. Что нам 1943 год принесет, радости или печали? Еще так недавно я своим детям убирала елку. А сегодня убирала елку Жорикю, уже не сыну, а внуку. Он подавал игрушки, а Лена их вешала. Он прыгал и радовался. Елку принесла Аня и еще пакетик конфет. Аня очень любит его и балует, и я его безумно люблю.

5 января. Итак, уже 1943 год. Время быстро бежит, а старость еще быстрее приближается. Ничего не поделаешь, закон природы. 1 января мы с Леной понесли Жорика в филармонию на елку. Чудную сделали детям елку. Был кукольный театр и спектакль был, дарили подарки, конфеты, пряники и игрушки. Жорикю подарили картинку — кошечку, он очень рад был, внимательно на нее смотрел, а когда кукольный театр играл, он страшно хохотал. Дети веселились и радовались, о них думают и заботятся, а какие несчастные дети в оккупированных немцами городах, у

них нет тех радостей, что были. Проклятые немцы, как вспомнишь об их зверствах, то сердце кровью обливается. Жорик наш особенно счастлив, ему к Новому году много подарков: Аня — елку, автомашинку и книгу с картинками, Тоня — игрушки на елку, Лидия Николаевна перчатки связала ему, Машенька пошила ему пальто, Лена купила костюмчик, только я ему ничего не подарила. Хотела ему купить лошадку, да нет в продаже. Ну, я ему пожелала счастья, и чтобы он никогда не видал ужасов войны.

1-го вечером к обеду пришли Израиль Маркович, Анин знакомый, и еще их знакомая Вера. Все пообедали и даже выпили наливки, ее принес Израиль Маркович. Обед был хороший для теперешнего времени: закуска — капуста, наливка, суп мясной с рисом, жаркое с пюре и чай с конфетами и пряником, сытно и вкусно. Но было грустно, все были чужие, и каждый думал и говорил о своем. Праздники раньше для меня были радостью, а теперь тоска и горе. Сегодня заходили ко мне Александра Ивановна с Нонной. Обедали, вспоминали и делились своим горем. Сейчас я одна, гости ушли, и Лена с Аней ушли в театр. Жорик спит, уже не качаю его, он сам засыпает. Все понимает, но обидно, что еще не говорит. Получили телеграмму из Москвы от Вити. Приехал благополучно и живет у Тюриных. Что-то Витя от них узнает о гибели брата Виктора и его семьи?

6 января. Сегодня Сочельник, завтра, по-старому, Рождество. Когда-то весело и красиво проходили эти праздники. Дети ходили со звездой, колядовали. Сочельник на Украине торжественно проводили: вечером — ужин, кутья, узвар, пирожки, рыба, ну все постное и вкусное. Сегодня я тоже делала кутью, Лена просила. Ну, пшеницы нет, я сварила из риса и белого мака. Лена и Аня пришли с работы, сели ужинать. Ужин был хороший и сытный: селедка, фасоль, борщ, мясо, пюре и кутья. Очень вкусно поужинали, но скучно и грустно, вспоминали о дорогих сердцу людях, где они и что с ними. Мы в настоящее время живем хорошо и сытно. Витю прикрепили в магазин Совнаркома, получаем ежемесячно по 5 кило муки белой, 3 кило мяса, 3 кило масла коровьего, 3 кило селедок, кило сахара и конфет, кило сыру, колбасы, чай, капусту, пряники кило. Все это дешево, по твердым ценам. Мы на базаре ничего не покупаем, только с закрытого питания. Хлеба хватает. Лена тоже получает полкило масла и два кило мяса. Ну и Витя со своего предприятия тоже приносит кости, ноги и головы. Так что мы живем сытно и жирно в настоящее время. Но что-то гложет нас всех. Витя, Лена и я страшно похудели, тоска и тяжелые думы сушат нас. Покоя нет, тревожимся за наших, что с ними, где они? Конечно, сейчас радуют наши победы, но сердце болит, сколько гибнет наших братьев, сестер, друзей и товарищей.

Сегодня, 6 января, радио принесло хорошие вести. Наши доблестные войска бьют подлого немца. Уже освободили Великие Луки и много других городов. Ну и вся страна откликнулась, шлет деньги, хлеб, всякие продукты для фронта. Очень много денег собирают, миллионы, все для армии, для уничтожения врага. Все, кончаю, страшно болит сердце и рука, все спят.

12 января. На душе все легче, радио приносит приятные и радостные известия. Немец отступает, наша доблестная армия наступает и здорово бьет подлого зверя. Уже Северный Кавказ очищается, освобождены курорты Минеральные воды, Ессентуки. Большие трофеи берут и пленных много.

13 января. Скучно, Вити нет, да и писем нет от него. Была одна телеграмма из Москвы, что приехал благополучно и все, беспокоимся, не случилось ли что-либо с ним. Анины именины прошли очень хорошо и сытно на теперешнее время. Было 13 человек, 3 мужчины и 10 женщин.

Немца бьют и очищают наши земли. Но он еще силен. Весь наш трудящийся народ откликнулся на призыв помочь Армии. Десятки миллионов собирают на танки, самолеты, чтобы окончательно уничтожить подлого врага. И враг будет уничтожен!

27 января. Давно не писала. В доме была тревога, Жорик тяжело болел, ангина и бронхит в тяжелой форме. Температура 39 и 40, думали, воспаление легких, но все прошло благополучно. Врач ежедневно приходила, очень хороший, опытный врач. Сегодня Жорик уже бегаёт по комнате, правда, похудел и побледнел. Лена сегодня уже ушла на работу, я одна дома.

На сердце легко. Радио ежедневно приносит нам радостные вести. С Ленинграда снята блокада. Под Сталинградом 22 немецких дивизии разгромлены, очищены 20 городов и тысячи населенных пунктов, много пленных и трофеев. Оставшиеся в живых наши братья и сестры с радостью встречают Красную Армию, нашу освободительницу от фашистского гнета. Недалек тот час, когда будет наша дорогая Украина очищена от подлого врага.

28 января. Ужасная неприятность — отключили радио, мол, неправильная проводка. А пока они переделают, пройдет месяц. Ужасно тяжело не слушать последние известия. Витя должен приехать на днях из Москвы, он все наладит.

30 января. Снился мне мой дорогой друг Ваня. Мы были в Одессе в своей квартире и шли кого-то хоронить из знакомых. Я его торопила, а он говорит, ты иди, я тебя догоню. Но я не пошла сама, ждала его, говорю, бери скорей замок и закрывай квартиру. Так и проснулась, не знаю, ушли вместе или нет.

Катала Жорика на санках. Было так хорошо — солнце, немного снега, маленький мороз. А горы какие чудные — великаны, покрытые снегом, бесподобная красота.

3 февраля. Сегодня ждали Витю из Москвы. Лена машиной поехала на вокзал, а он не приехал. Я приготовила хороший обед, Жорика одели в белый костюм, он был чудненький, ждал папу. Лена приехала, разочаровала меня.

4 февраля. В час ночи разбудил телефонный звонок. Лена слушает, говорит, Витя приехал. Ему подали машину. Приехал Витя в два часа ночи, мы все были рады ему, поднялись. Привез нам всем подарки, правда, очень бедные, но и Москва сейчас бедная, ничего нет. Мне, Лене, Ане суконные туфли на деревянной подошве — впервые я буду носить деревяшки, мне безрукавку, и все, зато Жорику много игрушек и книжек с картинками и костюмчик белый трикотажный. Мы все сели за стол, выпили и закусили, присидели до 6 часов утра.

Для Вити лично поездка неудачная. Его обокрали. Брился в парикмахерской, ну и разделся, а когда пошел одеваться, оказалось, что шинель, шапку, перчатки украли. Единственная шинель, и ту украли. В Москве морозы 20–25 градусов, а он, бедный, остался без пальто и шапки. Приехал в чужом пальто. Очень жаль, голого обкрадывают. Ну и Аня дала Вите на дорогу термос — и термос в Москве разбили. Словом, не повезло Вите с поездкой в Москву, зато он много сделал для производства.

15 февраля. Долго не писала, но сегодня в 2 часа ночи большую радость узнала. Радио передало, наши войска заняли города Ростов-на-Дону и Ворошиловск. Когда я услышала, мое сердце чуть не выскочило от радости, разбудила всех, слушали и радовались, что подлого немца гонят с нашей земли.

16 февраля. Сегодня я пострадала. Пошла заверить карточки хлебные, и маленькая собачонка сильно укусила меня за левую ногу. Укус глубокий и болезненный, ходить не могу. Жорик спрашивает: «баба вава?» Чудный он.

Какой тяжелый день. Витя принес письмо от моего брата Тимоши. Он пишет, что с конным заводом ушел в Саратовскую область, семья Тимошина тоже выехала, но немец быстро наступал, и Таня с детьми Алешей и Валец, как видно, попали немцу в лапы. А Витя, его сын, ушел в армию и пропал без вести. Итак, бедный брат пишет, остался один, без семьи, какой ужас! Наша семья Дубовских была 32 человека, а осталось двое — я, старуха, и Тимоша, а остальные погибли от кровожадного зверя.

Неужели, неужели род Дубовских кончился? Не могу примириться, все же теплится надежда, что кто-то да останется в живых. Как болит сердце за Тимошину семью, у него были чудные хлопцы.

17 февраля. Всю ночь не спала, ужасно болело сердце. А в 3 часа ночи радио передало — Харьков наш. Красная Армия победоносно вступила в Харьков. Какая радость! Я всех наших разбудила и уже мы не спали до утра. Радовалось сердце, на Украине Харьков наш, Ростов наш, Сталинград наш. Ура, ура, слава и честь нашим доблестным войскам.

10 марта. Давно не писала. Завертелась, все некогда. Семья увеличилась, еще двое приехало — Анина невестка Гита с Шурой, мальчиком 8 лет. И так, нас 7 человек в одной комнате. Когда ложимся спать, то негде пройти, но все это не беда, в тесноте, да не в обиде. Было бы согласие да мир, я работы не боюсь. Несмотря на мои годы преклонные, я стараюсь вести все хозяйство и ухаживать за двумя ребятами, всем услужить и угодить. За день так устаю, что приходит ночь, и я не успеваю отдохнуть, наутро подымаюсь, все кости болят. Шура большой и ужасно непослушный. Его мать Гита, хорошая женщина, помогает мне по хозяйству, но 13-го она пойдет на работу. Мне будет тяжело готовить обед на 7 человек, убирать, стирать, и еще двое ребят-сорванцов. Но все это не страшно, было бы здоровье. На базар я не хожу, все продукты приносят, так что справлюсь.

Самое главное — победа на фронте. Но сегодня радио принесло опять грустные известия. Наши войска под натиском 25 дивизий немцев оставили 8 городов. Лозовая очень близко от Харькова. Неужели опять немцы возьмут Харьков? Берет ужас, что кровожадный зверь сделает с людьми нашими. Настроение подавленное, голова и сердце отказываются работать.

15 марта. Радио ничего хорошего не передает. Ожесточенные бои в районе Харькова. Враг большие силы и технику подтянул. Неужели опять возьмет Харьков? Это будет ужасно. В том, что враг будет с нашей земли прогнан, сомнений не может быть. Но сколько гибнет людей! Ваня, мой дорогой и любимый друг, хотя бы пару слов о тебе, узнать, что ты жив, я была бы счастлива. И моя дорогая доця Верочка, где ты? Было бы большим счастьем узнать, что жива. Мои дорогие, любимые, все мысли о вас.

8 марта Леночка мне подарила комнатные туфли и ножнички, Аня 2 пары чулок и гребень, а Витя вязаную кофточку. Спасибо им. Но это все не радует. На душе тоска ужасная, почти не сплю. Опять болит нога и рука, сердце не дает дышать.

16 марта. Сегодня тяжелые известия. Харьков опять наши отдали. Бедный Харьков, что сделали с городом, одни развалины. А с людьми? Сердце стынет от ужаса, что зверь-немец учиняет расправу над нашим народом. 25 дивизий притгнал немец на Харьков. Как можно было устоять от такой силы и техники. Но как он ни старается, все же ему придется очистить наши земли и города — гибель ему неизбежная, подлому людоеду. Настроение поганое, да и погода поганая. Сыро, мокро и холодно. Половина марта, а тепла нет. Топлива уже нет. Погано.

27 апреля. Вот уже полтора месяца не писала. В течение этого времени много пережито и преболели тяжело, особенно Жорик. Я с 23 марта первая заболела, острый ревматизм правой руки, жуткая боль, день и ночь кричала 10 дней. Еще не успела поправиться, как заболела Лена и почти одновременно заболел Жорик. У Лены нашли туберкулез, а у Жорика грипп. Витя врачей созвал, и профессоров, эвакуированных из Харькова. Все говорили разное. Лене сделали два рентгенснимка, установили сухой плеврит. У Жорика ничего точно определить не удалось, а температура 40 градусов. Взяли все анализы, сделали рентген, два раза был консилиум лучших врачей, решили, что воспаление желез, по ихнему — детский туберкулез. Мы пришли в ужас! Врачи помочь ничем не могут, мы пытаемся что-то делать, а ребенок горит и тает на глазах. С 5-го по 26-е температура держалась от 39 до 40,4. От здорового, цветущего Жорика остались кожа да кости. Такой слабенький, что стоять на ногах не может. Я его с рук не спускаю, болит сердце за него. Сегодня, 27-го, первый день температура упала до 36. 22 дня в таком ужасном положении был наш любимый Жорик, да и мы все тоже исстрадались. Но опять новая тревога — кашляет, боимся, чтобы не коклюш. Весь город Фрунзе знает, что Лена и Жорик тяжело болели. Многие советовали, помогали. Витю любят, он пользуется высоким авторитетом и уважением. Сегодня спокойней на душе. Жорик поел и хорошо спит. А я так измоталась, что еле ноги тяну.

9 мая. Очень редко пишу, нет времени, да и здоровья тоже нет. Рука болит, Лена уже работает, она тоже еще плохо себя чувствует — болит бок и худеет. Жорик до сих пор еще болеет, уже месяц и 5 дней. Он очень и очень плохо поправляется, температура то падает, то повышается. Ходить не может, так ослабел, ужасно похудел и побледнел, одни глаза блестят. Стал капризный ужасно, я с ним день и ночь, с рук не спускаю. Признает только меня, «бабу», да и он у меня единственное утешение.

Жорик 1 мая был именинник, ему 2 года. Испекли 2 торта, пряник и крохкого печенья, чай и легкая закуска, выпили по рюмке. Собрались знакомые. Скучные были именины и бедные, да и близких и родных

никого не было, все были чужие, тяжело ужасно. Какая была бы радость, если бы мы были дома. Дедушки и бабушки, тети, где они, увижу ли я их еще? Дорогие мои Ваня и Верочка, сестры, братья, отец, друзья — Манечка, Яша, Аня, как я много о вас думаю, ежедневно, ежечасно вспоминаю. Так хочется всех вас увидеть, обнять и расцеловать. Но когда, когда этот радостный день наступит? Правда, надежда есть, что скоро наших врагов изгоним с нашей земли.

Опять сердце радуется, что наша доблестная Красная Армия здорово бьет немца. Всюду авиация бомбардирует его, и в Харькове, и в Днепрпетровске, не дает немцу спокойно жить на Украине. Да и ихние германские города наши здорово бомбят. Пусть они на своей шкуре почувствуют нашу грозу и месть за поругание наших земель, детей, стариков, за кровь русскую, пролитую невинно. За все они ответят, подлые звери. Смерть оккупантам!

13 мая. Сегодня снилась моя дорогая Верочка. Принесла подарок папе на именины — черную маленькую вышитую подушечку ее работы, очень красивая работа. Верочка хотела передать почтальоном, чтобы никто не знал, от кого, но я узнала ее голос, вышла и говорю, Верочка, почему ты не заходишь? Она стала страшно плакать, говорит, я хотела папе сделать хороший подарок, да у меня нет денег, ну хоть подушечку вышила, а сама ужасно плачет. Тут и проснулась. Я рада, что Верочка мне приснилась, но сердце болит от неизвестности. К чему этот сон, к хорошему или плохому? Где вы, мои дорогие, любимые, кто даст мне ответ на мою печаль?

27 мая. Я стала очень редко писать. Страшно устаю — дом, огород, Жорик, все на мои руки, а руки ужасно болят. Хозяйка наша дала нам кусочек земли, сто метров квадратных. Посадили картофель, кукурузу, горох, фасоль, помидоры, редиску, клубнику, огурцы, ну, всего понемногу. Все хорошо взошло, клубника уже дала ягоды, редиска тоже уже есть. Приятно иметь под рукой огородик, приятно кушать от своего труда, но много надо поработать. Самое главное — полив, а вода далеко на улице, приходится носить ведрами с улицы и поливать. Очень тяжело, я все ноги и руки оторвала. День еле дотягиваю, ну и ночью не успеваю отдыхать. Встаю утром, все кости болят. Ничего не поделаешь, работать надо, чтобы быть сытым. Сейчас все — мал и стар — все должны работать. Наша страна большие трудности и недостатки переживает. Подлый враг нарушил наш покой и жизнь. Конечно, я уже никогда не буду так счастливо и красиво жить, как жила со своим дорогим Ваней. Где ты, мой добрый друг, старость без тебя тяжела. Одно утешение — Жорик. Он после своей тяжелой болезни поправился, питали его хорошо, но сейчас у

нас с продуктами туговато, ничего нет. Но хлеба хватает, и за это спасибо. Сейчас мы живем одни. Аня, Гита и Шура выбрались от нас. Ане служба дала комнату, и мы остались своей семьей. Тишина, чисто и спокойно. Правда, душевного покоя никогда нет. Как вспомнишь, что наши люди гибнут в немецкой неволе, то совсем отчаиваешься. Все мысли там, где наши дорогие любимые сражаются и защищают дорогую Родину. Живем надеждой, что враг будет уничтожен. Заканчиваю, рука онемела.

5 июня. Сегодня 3 года женитьбы Виктора и Леночки. Какой это был счастливый день! Мой сын женился на хорошей девушке, всем по сердцу она пришлась. Гостей много было, кушать и пить тоже много было. Родовались, веселились и не думали, что нас ждет разлука, страшные переживания, скитания по белому свету, потеря дорогих и близких сердцу людей. Мои любимые брат Витя и невестка Оля, вы даже приехали из Москвы к нам. Где вы теперь? Пишу эти печальные строки, а Жорик бегаёт вокруг стола. Чудный мальчик, уже много говорит. Это наша радость и утешение, а еще утешение, что Витя пока с нами, не знаю, надолго ли?

21 июня. Сегодня тоска страшно давит, весь день плачу, завтра 22 июня, два года, как подлый враг нарушил нашу мирную и счастливую жизнь. Мои дорогие, любимые Верочка и Ваня, два года ничего о вас не знаю. Где искать вас? Куда письмо не пошлю, один ответ: такие не числятся в списке убитых или пропавших без вести. Неужели в неволе у подлого врага? Ужас берет меня. Два года льется кровь русская, и дорогая Украина стонет от фашистской погони. Дорогая любимая Одесса, Черное море, как я вас безумно люблю!

23 июня. Сегодня ужасно неприятный день. Я разбила зеркало.

3 июля. Итак, я осталась одна. Все уехали. Витя вернется дня через 4, он повез Лену и Жорика в санаторий. Лучший во всей Киргизии, называется «Койсара». Нужно лечить Лену и Жорика, она очень плохо себя чувствует, особенно после аборта, совсем зачахла. Да и Жорик имеет осложнение на ноги после своей тяжелой болезни. Путевку достали бесплатную, правда, Витя много нервов и здоровья потратил, пока получил путевку. За свои деньги мы не смогли бы иметь санаторий. Дорога бесплатная, санаторий бесплатный, а на расходы и еду 1000 руб. пришлось собрать. Продала пару Витинового белья за 500 руб. и Ленино платье за 300 руб., но пришлось купить Лене балетки за 300 руб. Заняли у Тони, не знаю, чем буду отдавать и что продавать, но ничего, понемногу всем и все отдадим. Я с Витей будем экономить, да мы всегда экономим. Всего 3 часа, как уехал Жорик, а пусто и скучно. Он целый день щебетал: «Бабушка, а можно

Зёзи, а малина, а вишня, можно Зёзи?» Страшно любит фрукты. У Лидии Николаевны маленький сад: пару вишен, один урюк, один персик, одна яблоня и несколько кустов малины. Конечно, все ему, все его балуют и любят. Его нельзя не любить, он чудный ребенок. Не могу представить жизни без него. Вот сейчас его нет, а скучно ужасно, но я все же с этим мирюсь. Я сама страшно хотела, чтобы они поехали поправить здоровье. Поздно вечером пришла Аня узнать, уехали ли, и все ли благополучно. Ну, мы попили чай, Аня ушла, а я иду спать, 12 часов ночи.

4 июля. Итак, я одна. Тишина. Почти не спала, вспоминала, что 25 июня снилась мне моя дорогая Верочка, что у нее две большие косы, заплетенные голубые ленты. Что с ней, где она?

В 5 часов утра меня разбудили поливать огород. С водой для питья очень трудно. На нашей улице нет уже целый месяц воды, носим за 6 кварталов. Ужасно тяжело. Ну и полива тоже нет, огород гибнет. У нас все взошло — картофель, огурцы, помидоры, горох, фасоль, кукуруза. Пока в нашем водопроводе была вода, я поливала, все зацвело, чудесно было, а сейчас воды нет, все горит, пожелтело, ужасно больно. Сегодня немного полила с чужого арыка, ведер 100 принесла воды, ну а картофель не полила. Да его нужно поливать заливом, земля как асфальт, жара 50 градусов. Устала ужасно, сердце болит, и руки болят. Полежала с компрессом, хотела уснуть, но не вышло. Получила радостное письмо от брата Тимоши, что в его семье все живы, даже сохранили корову, что сейчас ценный источник питания. Вернулись на старое место в Мечетинскую, а Тимоша с конным заводом еще сидит в Саратовской области. Я рада, что хоть одна семья Дубовских уцелела, даже их сын Витя жив, нашелся на фронте. Да, это большая радость. Напишу Тане письмо, пусть она подробно сообщит, как спаслись от немцев.

5 июля. Ночь не спала. Гнали воду и поливали соседи. Сегодня нам полив с 8 до 9 вечера, один час, не знаю, удастся полить, или как в прошлый раз, одну сторону огорода полила, а другую нет. Жара ужасная, 50 градусов воздух, а земля, как раскаленная печь. Босой ногой нельзя стать, будет ожог. Сегодня пошла за керосином, давали 2 литра, всего стоит 135 руб., а на базаре 1 литр — 60 руб. Сижу без денег. Пошла на толчок продать косынки и полотенце Лидии Николаевны. Очень трудно продать, все продают, а покупателей нет. Но все же одну косынку продала за 100 руб. и продала свои 2 пачки спичек за 30 руб. Но даром мне не прошло. Еще на толчке мне сделалось дурно. Женщина дала мне воды и проводила домой, я еле дошла. Легла в постель, обложила компрессами, стало легче. 3 часа полежала. Хочется есть, а хлеба нет. Сегодня еще ничего не ела. Суп

есть, а хлеба нет, только в 8 часов вечера принесут хлеб, тогда уже будет завтрак, обед и ужин, все вместе. Сижу одна, тишина немая. Жорика нет и работы нет. Ужасно скучно без Жорика. Хоть бы скорее приехал Витя, он расскажет, как они доехали и как устроились. А все же есть хочется.

Радио передает, что на фронте ничего существенного не произошло, но наша авиация здорово бомбит немца, да и партизаны здорово беспокоят, не дают ему передышки. Ожидается что-то грозное.

6 июля. Сегодня жуткая жара, 60 градусов. Заболела наша Аня, я пошла ее проведать, еле дошла домой. Сердце стучало, как молоток, голова кружилась. Легла в постель, положила холодный компресс, пролежала до вечера. Ноги страшно болят, вторую ночь не сплю. Эту ночь поливала свой огород, было что-то ужасное. Гнали воду в наш арык всю ночь 5 человек, мучились, а по дороге ее крадут соседние дворы, и наши не все полили. Легли спать в 5 ночи, а на утро опять стали поливать ведрами. Ужасно болят руки, устала страшно. Все тело горит. Сердце такую жару не переносит. Витя еще не приехал и скучно без Жорика.

Радио принесло известия из-под Курска. Немец сделал наступление, вклинился в нашу оборону. Наши уничтожили 6 тысяч солдат, 500 танков и 250 самолетов. Бои идут ожесточенные, здорово немцу дали!

7 июля. Ходила проведать Аню, у нее сыпной тиф. Температура 41,2 градуса, состояние тяжелое. Завтра отвезут в больницу. Сегодня жара 67 градусов, ужас, я шла от Ани, думала, что голова расколется пополам. Воздух огненный, все огороды и сады горят. Ужасно больно, садили, работали, а все гибнет, воды нет ни поливать, ни для питья.

Передают сводку: немец большими силами, наступает на Курском и Воронежском направлениях, но его бьют наши доблестные воины. Смерть оккупантам!

8 июля. Пишу эти строки, может уже в последний раз. Ужасно плохо себя чувствую. Болит голова и сердце, какой-то ком под ложечкой и в горле, и страшная тошнота. Боюсь, что у меня тоже сыпной тиф. Аня уже была нездорова, когда приходила к нам и лежала на моей постели, да и я ходила к ней, ухаживала за ней. Если у меня будет сыпняк, конечно, я не выдержу, а хочется еще пожить, увидеть победу над врагом и конец войны. Может, из моих кто-нибудь уцелел. Дорогой друг Ваня, как ты мне сейчас нужен, как тяжело без друга.

Вчера в 7 часов вечера приехал Витя, рассказал, как довез Лену и Жорика на курорт «Койсара». Там прекрасная обстановка и питание. Жорик превосходно себя чувствует, я за них от души рада. Еще Вите нужно было бы отдохнуть и полечить здоровье, оно у него очень плохое. Сегодня утром

Витя дал лошадь с бричкой, я отвезла Аню в больницу, а домой еле добралась. На фронте идут ожесточенные бои. Ух, не могу больше писать.

9 июля. Вчера вечером выпила чашку чаю с вишней и все вырвала, плохо себя чувствовала, но все же ночь хорошо спала. Снился мне чудный сон. Я со своим Ваней ехала на извозчике по Одессе. Навстречу нам шла Аня со своей мамой. На Ане вышитая украинская сорочка. Поздоровались мы очень холодно, она показала, где живет — двухэтажный дом, там квартира с балконом. Я думала, что она живет на улице Гоголя. попрощались тоже холодно, и я с Ваней уехала. Проснулась — легче стало на душе, опять надежда затеплилась. Может, мой друг Ваня жив? Какое было бы счастье, дорогой друг, хотя бы слово о тебе услышать. Неизвестность и тоска ужасная. Верочка, моя дорогая доця, где ты, где тебя искать. Ответа нет, тоска и скорбь.

Утром сделала клизму, казалось, что стало легче, но съела яблок тушеных, и опять плохо себя чувствую. Лежу весь день, скучно без Жорика.

10 июля. Ночь не спала, плохо себя чувствую, все болит, но сегодня нет температуры и нет рвоты. Был врач, нашел, конечно, желудочное заболевание. Сегодня машина едет в «Койсару», я передала 10 штук яблок, 2 стакана сахару и 2 конфеты Жорику и Леночке. На курорте нет сахара, чай пьют пустой. Радио передает, что бои идут ожесточенные. Наша доблестная Красная Армия под Белгородом, Орлом, Курском, отбивает бешеное наступление обезумевшего врага. У него танки «Тигр» весят 60 тонн, представляешь, ужас! Но как он ни рвется опять в Курск, его здорово бьют. Уничтожено 30000 солдат и офицеров, 1539 танков, сбито 649 самолетов. Это только за 3 дня. Не могу больше писать, болит ужасно голова.

11 июля. Опять ночь плохо спала. Витя пришел домой в 3 часа ночи. У них на станции было торжество — включили новую электростанцию, которая прибавила света для города и производства. Строилась силами города и района. Люди положили много здоровья, энергии и сил, это большая радость. И мне передалась эта радость, потому я не спала, ждала Виктора. Он пришел веселый, поделился впечатлениями. Наш русский народ не покладая рук работает для уничтожения подлого врага, и на фронте его бьют здорово. Бои идут ожесточенные. Он успеха не имеет, теряет технику и живую силу. Честь и слава нашим воинам-героям.

Голова и желудок все еще болят, плохо я поправляюсь. Но не выдержала, была вода в арыке, рано утром поливала огород. Болит душа, все сохнет. Ведер 50 принесла воды, что полила, то ожило. Картофель, горох, фасоль, кукурузу не смогла полить, не хватило сил. Устала ужасно, пришлось лечь, руки, ноги ломит. Зато на душе легко, что немного полила.

12 июля. Сегодня спала ночь хорошо, а как поднялась, стала болеть голова. Потом опять разболелся живот, сердце, пришлось лечь в постель. Положила холодный компресс. По солнцу не могу ходить. Лежала до 3 часов дня. Солнце спряталось, стало прохладней, я встала, пошла на огород, подвязала 70 кустов помидор на палки. Помидор много, уже розовеют. Я не могу дождаться, когда они поспеют. Огурцов еще очень мало, но уже 5 штук сняли, скоро будет много, будем прекрасно питаться. Мы с Витей живем впроголодь, да еще я болею. Хочется чего-то вкусного, а денег нет, и ничего не купишь. Хорошо, что нет Лены и Жорика, они там хорошо питаются. К их приезду поспеют фрукты и овощи. Но все же без Жорика очень скучно и пусто. Пришел Витя, пообедали, вернее, поужинали, мы едим 2 раза в день. Это еще очень хорошо. В настоящее время хлеба нам хватает, даже хлеб меняю на молоко, когда есть лишний. Ну и костей немного оставляю нам, а остальное продаю. Сегодня продала на 30 руб. костей, купила капусту и морковь за 20 руб., и 2 стакана кислого молока. У нас сегодня с Витей пир: сварила из костей борщ, но без картофеля, тоже вкусный борщ. Картофель 60 руб. кило, помидоры 50 руб. кило, нам это дорого. Скоро будут свои помидоры.

13 июля. Ночь спала хорошо. Витя принес воды, я немного постирала белья и уже погладила, но опять болит живот и сердце, нужно лежать с компрессом. Не знаю, когда буду здорова.

16 июля. Вчера поливала огород. Нам повезло, «Зеленстрой» гнал воду, и нам дал полить. Всегда мы поливаем ночью, а этот раз хорошо, полили днем. Конечно, я страшно устала, весь день по воде пробегала. Легла спать и не могла уснуть, ноги и руки судороги сводили, все растирала и так досиделась до передачи последних известий.

О, радость какая! Радио передает, что наша доблестная Красная Армия перешла в наступление и заняла 50 населенных пунктов. Много трофеев, 50 тысяч пленных и наступление продолжается. Немец уже обороняется, но ему скоро будет конец. На душе стало легко и радостно. Мы с Витей уже не спали до утра, смотрели по карте и делились впечатлениями.

Утром вышла, а огород мой тоже радуется, от полива позеленел. Птички звонко поют, деревья — персик и урюк — кивают своими спелыми плодами. Настроение хорошее. Сегодня идет машина в «Койсару». Лидия Николаевна с Витей нарвали фруктов и овощей для посылки Леночке и Жорику: персиков 20 штук, урюка и яблок 30 штук, 4 огурца, 8 помидоров с нашего огорода — это первый сбор, и еще Жорику сыру голландского, он его любит. Я готова им послать все сады и огороды, только бы они поправились.

26 июля. Долго не писала, замоталась. 20-го привезли из санатория Жорика, а Лена еще осталась, ей еще 14 дней. С Жориком она не могла поправиться, он капризничал и беспокоил отдыхающих. Пришлось его забрать. Он немного поправился, загорел, подрос и разбаловался. Мне теперь трудновато с ним, не слушается, ужасно упрям. Ну, мне не пришлось и одного дня отдохнуть. Сама болела и болела Аня, мне пришлось за ней пару дней поухаживать, теперь она уже поправилась. Я верчусь с 6 утра до 12 ночи. А ночи тоже плохо сплю, ужасно болят руки и ноги. Утром поднимаюсь разбитая, и когда будет мне отдых, не знаю. Думаю, получу вечный отдых уже в могиле, когда сложу кости, а сейчас отдыхать некогда. Сегодня настроение хорошее, хотя спала всего два часа за ночь. Был у нас полив огорода до 4 утра, хорошо полили, все позеленело. Помидоры спеют. Пару дней отдохну от полива, а самое главное, что радует и прибавляет настроения, так это хорошие известия с фронта, там наша доблестная армия бьет подлого немца и продвигается вперед. Только убитых 70 тысяч, много пленных и трофеев. Он уже не наступает, а обороняется, а мы все вперед и вперед. Главнокомандующий Сталин вынес благодарность героям и всей армии за успешное наступление и победу над врагом. На душе легко, и забываешь свои болезни и недостатки. Жорик не дает писать, капризничает. Сейчас мне тяжелей с ним, он очень упрям.

27 июля. Сегодня ночь хорошо спала, а поднялась — все кости болят. Пошла на свой огород. Собрала 14 штук крупных, красивых помидор и 3 огурца. Радость моя большая была. Приятно за тяжелый труд получать урожай. Ну, мы с Жориком позавтракали помидорами хорошо и вкусно. Угостила соседку помидорами и огурцом. Она тоже была довольна, у нее нет помидор. Сегодня опять жара 60 градусов, я выкупала Жорика и сама искупалась. После обеда легла спать, но не уснула. Жара, сердце стучит как молоток, хожу с холодным компрессом. На улицу, в город, без холодного компресса нельзя выйти.

Сегодня радио передало про отставку Муссолини, друга Гитлера. Италия на пути краха, проживем — увидим, чем кончится эта каша, заваренная Гитлером. Он ее и будет расхлебывать.

29 июля. Сегодня снился мне чудесный сон. Мы в дорогой Одессе и в своей квартире. Мой Ваня в военной форме ходит по квартире, а я спешу готовить обед. Ваня подходит ко мне и просит дать ему рюмку водки. Его знобит, боится, что простудился. Я, конечно, быстро иду к шкафу дать ему просимое, ну и на этом просыпаюсь. Не знаю, что значит этот сон, но рада, что хоть во сне мужа увидела. Проснулась и до утра уже не

спала. Где ты, мой любимый друг, жив ты или уже тебя нет на свете? Как ты мне сейчас нужен, мой дорогой любимый Ванечка. Дела на фронте хорошие, и как хочется с тобой поделиться радостью и успехами нашей доблестной Красной Армии. Да и у меня тоже есть радость. Конечно это Жорик. Он почти все говорит. Красивый и чудесный ребенок. С ним забываешь все горести. Аня наша опять заболела. Я сегодня ходила к ней, ее опять привезут к нам. У нас покой и тишина. Жара, голова трещит, сердце задыхается.

6 августа. Ночью радио передало, что наша доблестная Красная Армия 5-го августа в 24 часа заняла города Орел и Белгород. Я от радости до утра не спала, проплакала. Утром 6-го поздравили друг друга, а Москва вечером салютовала 12-ю артиллерийскими залпами из 120 орудий. Немец почувствовал нашу мощь и силу. Слава погибшим защитникам Родины!

16 августа. Сегодня снилась моя младшая сестра Нила. Сон такой был, что Нила разрешила курицу на 4 части и стала варить суп. А я была недовольна, что она разрешила курицу. Когда снятся мои близкие, я не нахожу себе места. Вот уже два года, как мы в разлуке, два ужасных года. Доживу ли до лучших дней? Сердце ужасно болит.

10-го августа приехала Лена с курорта «Койсара», выздоровела, хорошо загорела, поправилась и окрепла, отдыхала полтора месяца. Мы с Витей за нее рады. Сегодня она пошла на работу. Вите тоже нужен отдых. Он сильно похудел и плохо выглядит, желтый, как лимон, нога болит и плохо себя чувствует. Севастополь на нем глубоко отразился, да и работа ужасно нервная. Мы ему говорим, что нужно сходить к врачу и полечиться, а он и слушать не хочет. Говорит, сейчас не время, вот кончится война, тогда и будем себя ремонтировать и отдыхать, а пока нужно работать и работать.

На фронте наши дела хороши, бьют и гонят немца. Жорик сейчас спит. Он уже все говорит, я им живу и безумно его люблю.

22 августа. Сегодня 2 года, как я проводила своего Ваню на фронт. Он защищал родной город Одессу, и с тех пор не знаю, где он, неужели погиб? Ох, как тяжело старость доживать без друга. Ваня, мой любимый, хочу хоть слово узнать о тебе. Кто же мне доставит эту весточку? Последнее время ужасная бессонница, тоска и одиночество так гложат, что не знаю, что с собой делать, плачу без конца.

23 августа. Витя и Леночка пошли в оперетту, а в 10 часов вечера радио передало радостное известие, что Харьков взят. Пришли из театра счастливые, рассказывают, что в театре играла харьковская труппа, так

ее вся публика приветствовала, поздравляла, устроила овацию. Все радовались. Мы дома только и говорили о нашей дорогой Украине. Ждем скорого ее освобождения от подлых захватчиков.

25 августа. Пишу для памяти разговор в 2 года и 3 месяца с Жориком. Он на кукурузу говорит «кукулюзя», а на велосипед — «лясипед». Собаку зовут Шарик, а он — Шалики, самолет — ляплан, помидоры — папидори, мотоцикл — матацик, на танк — таник.

31 августа. Сегодня утро было холодное, как глубокой осенью, пришлось одеваться потеплей, а днем тепло. Вот и конец лета, как оно быстро прошло, и не заметила. Опять идет зима долгая и холодная. Переживу ли эту зиму — не знаю, очень плохо себя чувствую. Сердце не дает жить, все делаю через великую силу. Встаю в 6–7 утра и ложусь в 11–12 ночи, не раньше. Конечно, страшно устаю.

Вчера в 10 часов вечера радио передало, что Таганрог наш. Родная земля очищается от подлого врага. Немец уже ничего не берет, а только отдает и несет большие потери. Я весь вечер проплакала от радости. Представляю, когда Одессу освободят, боюсь, что мое сердце не выдержит такого счастья. Скоро, скоро наша дорогая и любимая Украина будет нашей.

Снился сон, что я, сестра моя Маруся и Яша, Манин муж, и еще много людей, мне незнакомых, мы все ехали в Одессе на машине, я волновалась, что поехали не по дороге, а по полотну железной дороги, и просила Яшу вернуться на мостовую, и проснулась.

2 сентября. Снова радость, взят город Ельня и много маленьких городов. Большие трофеи, 5 тысяч пленных взяли только под Таганрогом, 30 тысяч убитых, много вооружения и склады запасов. Бьют здорово немца. Украина с юга и севера очищается. Слава нашим героям! Пишу, а Жорик зовет — идем, бабушка, домой. В комнату идти он называет «идем домой».

4 сентября, суббота. Сегодня 2 года, как я уезжала под бомбежкой, через пожары, под канонаду орудий из любимой Одессы. Колоссальный пароход «Днепр» увозил 20 тысяч человек. Тяжело и горько было оставлять родной город, дом, в котором я жила 30 лет. Счастье, радость, дружба — все ушло. Потеряла дорогих любимых людей. Отец-старик не хотел уезжать. Он не верил, что немец Одессу возьмет. Два брата — Гриша с семейством и Вася с семейством, три сестры — Маруся с двумя мальчиками, Нила с семейством, Дуся с семейством, все они должны были выехать с заводами, на которых работали. Подруга Манечка, с которой дружили и жили душа в душу 40 лет, горе и радость переживали вместе,

любили друг друга и тяжело расстались. Она должна была тоже уехать с мужем Яшей с последней группой рабочих Январского завода. Так и не знаю, успели они уехать или остались. Стало очень трудно уезжать. Одесса была окружена со всех сторон, осталось только Черное море, но и морем не все могли уехать. Аня, моя вторая подруга, с которой я дружила 20 лет, тоже хотела уехать, но ее старики не хотели, пришлось остаться. Живы или погибли? И дочь моя, Верочка, потерялась, всюду писала, искала ее, но ничего о ней нет. Она жила в Вознесенске, от нас 300 км. Мы с мужем собирались уезжать с его заводом и по дороге ее хотели взять, но железная дорога была уже занята немцами, а муж ушел добровольцем в армию защищать Родину. Он в 1914 году тоже был на войне, и в 1917 году защищал Советскую власть, но тогда он был молод и судьба его хранила. А сейчас вот уже больше двух лет вестей от него нет, и не знаю, где он свои кости сложил. Ох, как тяжело. Будь проклят, подлый зверь, ты разлучил нас и разбил нашу счастливую жизнь.

Ежедневно радостные вести — немца бьют и освобождают наши города, Украину очищают, взяли город Сумы, много мелких городов. За наши слезы, за нашу кровь смерть подлому немцу!

6 сентября. Вчера было воскресенье. Я ходила к Александре Ивановне, хорошо у нее отдохнула, пообедали, поговорили, пошли в кино. Смотрели американский фильм «В старом Чикаго». Домой пришла в 11 часов вечера. Лена выходная была дома, и я позволила себе отдых. Да, что-то с Леной творится неладное. Как приехала с курорта, дом, семья ее не интересуют. Виктор болеет, нога у него болит. Он страшно измотался, еле ноги тянет, работа нервная, приходит домой, а дома тоже ни ласки, ни внимания. Лена как деревянная, держит себя вызывающе. Говоря откровенно, она как пришла к нам в дом, не была особенно нежной женой, но все же была внимательна и заботилась о Викторе и Жорике. А сейчас придет с работы, все сварено, убрано, Жорик сыт, досмотрен. Она пообедает и только сидит у телефона, ничто и никто ее не интересует в доме. Я и Витя говорим ей, что нет для ребенка сахара. Нужно подумать, идет зима, что-нибудь продать и купить сахару, а она — у меня нечего продавать, и все. Я не знаю, что ей надо, ужасно переживаю.

10 сентября. Победы почти ежедневно. Взят город Бахмач, много маленьких городов и районов. Да и город Сталино взяли и очистили от немцев 180 населенных пунктов вокруг. Гоним врага, много пленных, большие трофеи, сердце радуется. Италия капитулировала. Немчуре это не понравится. Ну, скоро, скоро наша многострадальная Родина будет очищена от зверя кровожадного. Доживу ли я до того дня, когда моя

любимая Одесса будет освобождена? Пишу эти строки, а сердце стучит, как молоток и слезы радости не дают писать.

24 сентября. Долго не писала. Вчера мы были на именинах у Тони, нашей соседки. Всех было 10 человек, в том числе и Жорик. Немного выпили, закусили, настроение было хорошее, да еще радио принесло нам большую радость. Взятые города Полтава, Углич, Брянск и еще много городов, которые я не запомнила. Все мы были счастливы, кричали ура нашим доблестным войскам. Такая радость! Быстро очищают наши земли. Скоро будет освобожден Киев, дойдет очередь и до Одессы — красавицы. Слезы от пережитого горя и радости не дают писать. Мне кажется, что я не доживу до того счастливого дня, когда враг будет с позором изгнан с нашей многострадальной Родины. А как хочется увидеть опять свой народ и свою Родину свободной и счастливой! Ваня мой дорогой, когда мы с тобой прощались, ты меня успокаивал, говорил, наше дело правое и победа будет за нами. Ты прав, любимый.

30 сентября. Сегодня посвящаю день моей дорогой дочери Верочке. Сегодня день ее именин, ей 33 года. В 33 года самый расцвет жизни, расцвет красоты, энергии и счастья человека. В этот день 4 именинницы — Вера, Надя, Люба и Соня. Как было чудесно! В городе суета, шумно, весело, все несут подарки, море цветов, особенно хризантем. Вечером уже не достанешь цветов, все раскуплено. А у нас весело и радостно, собирались все друзья. Как была счастлива я и вся наша семья. А сейчас единственно чем могла отметить — нарезала букет цветов и поставила на стол в честь твоих именин, моя дорогая доця. Если ты жива, то твое сердце будет чувствовать мое горе и переживания. Тоска гложет о дорогих и любимых сердцу людях. Но живу надеждой и верой, что опять счастье на нашу Родину придет. Хочу много написать, но слезы не дают. Плачу все дни. Один Жорик меня успокаивает. Верочка, взяты города Ростовль и Смоленск. Тебе они знакомы, ты много лет жила в них и была счастлива. Много городов очищены от немцев. Наша доблестная Красная Армия и Флот бьют и гонят подлого врага.

12 октября. Сегодня мне снился сон, что я в Одессе и в своей квартире. Во дворе приготавливают столы, иконы, будут служить молебен о здравии. Принесли из церкви подсвечник и большую свечу, но кто-то сказал, что священник к нам не придет, нужно идти к соседям, там будет общий молебен. Ну, на этом я проснулась, никого не видела, ни родных, ни знакомых. Проснулась ночью, грустно и тяжело стало.

14 октября. Сегодня по-старому 1 октября. Сегодня большой праздник православный — Покров. Лето было страшно жаркое — 50–60 градусов

жары, а осень теплая, дождя ни одного, страшная засуха, пыль ужасная. Быстро прошло лето, огороды уже все сняли. Мы много садили, а собрали плодов очень мало. Только помидоры были чудные. Ели вволю, угощали знакомых. Еще были бы, да сегодня утром встаем, а уже все покрыто снегом. Деревья, еще совершенно зеленые, снег своей тяжестью пригнул к земле. Грустно, но и красиво. Помидоры из-под снега видны — красные, зеленые. Я сейчас же собрала все помидоры, красные оставила для еды, а зеленые посолила 3 ведра. Капусты Витя привез, тоже посолила 1 ведро. Вот и все, что заготовила — капусту, да зеленые помидоры. Картофеля нет, даже томату не приготовила, ждала, что помидоры доспеют, а вышло, что Солнечная Киргизия засыпала снегом, и стало довольно холодно. Вчера ходили босиком и в платях, а сегодня в теплом пальто. Резкая перемена на здоровье плохо отражается. Уже простудилась — ломит кости и ужасно болит голова. Не могу ходить, а лежать нельзя. Все уходят на работу, остаемся мы с Жориком, а ребенка нужно покормить и досмотреть. Тяжело.

18 октября. Опять радость — взяли город Запорожье, и наша Красная Армия уже переправилась через Днепр на правый берег, бьет и гонит подлого немца. Легко и радостно на душе, что дорогая Украина освобождается от врага, скоро, скоро освободят Киев, и красавицу Одессу, и всю Украину. Боюсь, что не доживу до освобождения Одессы. Все мысли об оставшихся там дорогих сердцу людях. Жорика спрашиваем, где ты родился, он отвечает: «В Одессе. Бабушка Лиза и дедушка Ваня и Эдик, и тети Аня и Вера, и дядя Жора — все они живут далеко-далеко в Одессе, и я поеду к ним». Он говорит, а мое сердце кровью обливается. Умный мальчик. Сейчас опять поправился, кушает очень хорошо. Два дня лежал снег. Деревья, кусты и цветы примерзли. Днем солнышко, а ночью морозец. В квартире холодно, топить нечем. Я нездорова, все время дрожу. Вчера Витя ездил в Беловодское по делам, ну и по пути поохотился. Убил одного фазана, привез домой. Очень красивая птица. Масло, молоко привез, я давно такого чудного масла и молока не ела. Мы с жадностью набросились на масло. Фазана еще не жарила, не знаю, какой будет на вкус. Кончаю, ужасно болит голова.

29 октября. Долго не писала. 10 дней болела. Один врач сказал, что закупорка вен на правой ноге, а второй сказал, что ревматизм. Конечно, я согласна со вторым диагнозом. Мое сердце не выдержит закупорку вен. Ревматизм — тоже тяжелая болезнь. Ужасная боль рвет без передышки, бедное сердце не успевает сделать передышку, страдание ужасное. Леночка взяла на заводе отпуск на 8 дней, ну и ухаживала за мной очень хорошо, спасибо ей. Иногда она бывает очень дерзкая, но когда я больна, то отдать ей справедливость — очень добрая и хорошо ухаживает. Ну и Витя всех

врачей готов созвать. Жорик — и он меня жалел, подавал кушать, а когда стону, то меня дразнил, повторял мои слова: «Ой, боже мой, болит нога». Подойдет ко мне и говорит: «Не плачь, бабушка, я тебя лубу». Целует меня, сядет на кровать и повторяет: «Я тебя, бабушка, лубу, не плачь». Конечно, от такой детской ангельской ласки, кажется, и боли утихают. Чудный Жорик, как я его люблю. Он наша радость. Но еще большая радость, когда наши доблестные войска берут город за городом — взяли Мелитополь, Днепропетровск, Днепродзержинск. Радость большая-пребольшая. Моя дорогая Украина очищается, и до моего родного города Одессы очень близко, всего 300 км осталось. Конечно, хочется жить, как никогда, и увидеть своих, если остались живы. Все мысли там, в родном городе, где дорогие сердцу люди. Скоро, скоро настанет час — нам радость, а врагу гибель.

4 ноября. Сижу одна. Жорик спит. Лена и Витя ушли на вечер к Лене на завод. Тоска ужасная, третий раз праздник Октябрьской революции без тебя, дорогой друг. Сегодня ты мне снился, очень ясно с тобой разговаривала, ты мне сделал примус, очень хорошо горел примус. Еще снились Вася и Гриша. Часто стали сниться мне мои родные.

Ежедневно победы приносят нам все новые радости. Бои идут уже близко от дорогой Одессы — в Николаевской области, у самого Херсона. Здорово бьют немца. Если мои любимые живы, они, наверное, имеют вести о победах Красной Армии и Флота и о приближении освобождения от немецкого ига и рабства. Скоро-скоро настанет радостный день свободы и счастливой Советской жизни. Сейчас радио передает ужасы немецкого зверства над советскими людьми. Сердце стынет от ужаса. Смерть и гибель немецким зверям!

7 ноября. Сегодня праздник Октябрьской социалистической революции, чудный праздник. И особенно радостно, потому что вчера, после двух лет оккупации, наши доблестные войска взяли, сердце и столицу Украины, чудесный Киев. Слушали речь Сталина. Настроение очень хорошее. Москва салютовала освободителям. Народ ликует, враг бежит, несет большие потери. Украина очищается от подлого кровавого зверя. И я не могу передать своей радости. Всю ночь не спала, думала о своих дорогих родных и друзьях

На дворе холодно, настоящая зима. Глубокий снег и мороз. Солнечная Киргизия подкачала, уже третий раз сыплет довольно сильный снег. Жорика ежедневно катаем на санках. Сегодня у нас обедали Аня, Шурик и Гита. Кушали суп, жареное мясо с макаронами, соленую рыбку с помидорами, маринованную рыбу и чай с коржиками. В настоящее время это шикарно. Конечно, все продукты мы получаем по твердым ценам.

Витя прикреплен к закрытому магазину. Получаем 5 кило 400 грамм муки, 2 кило масла коровьего, 5 кило круп, 10 кило мяса или рыбы, 1 кило сахара. Это на месяц, но мясо редко берем, а больше консервы, делаем запас на черный день. Если бы не этот паек, то мы голодали бы, как в прошлом году. С базара жить невозможно, цены безумные. Пора спать, болит ужасно нога. Но уснуть не удалось, в 11 часов вечера радио передало о взятии города Фастова. Слушали салют Москвы и восторг людей наших. Честь и слава Красной Армии, ура, ура.

25 ноября. Сегодня я весь день одна с Жориком. Вечером Витя, Лена, Аня с работы пойдут к знакомым на обед, придут, наверное, поздно. Я отдыхаю. Вообще здоровье мое очень и очень плохо, ноги болят, сердцу трудно переносить здешний климат. Одышка ужасная, быстрюю ходьбу, движение тяжело переношу, не знаю, уедем ли мы когда-нибудь отсюда. Со старой работы Виктора — Черноморпроекта, который сейчас в Сухуми, было два вызова, но Витя один не поехал, да его и не отпустили с Фагэса. Если он сам уедет, то мы отсюда без него не уедем. Витя написал в Сухуми, чтобы послали вызов на всю семью, но они уже больше ничего не присылают. Сейчас Вите предлагают ехать в Харьков со всей семьей. Очень тяжело с выездом, да и не всем разрешают, и потому Витя нас не хочет оставлять. Многие уже выехали отсюда. Академия почти вся выехала в Москву. 30 ноября последние уезжают, и Тоня тоже с ними в Москву. Тонин муж убит на фронте. Она работает в Академии и, кажется, выйдет замуж за академика. Я завидую тем, кто едет в Москву. Туда трудно попасть.

Да, забыла, вчера, мой Виктор был именинником, вернее, был его день рождения. Ему исполнился 31 год. Вчера собирались свои: Аня, Гита, Тоня со своим женихом. Ничего, интересный мужчина. Немного закусили, выпили, потом чай с пирогом, попели и разошлись. Аня сделала подарок Вите — серебряную рюмочку и бутылку ликеру. Мы его сейчас же распили. Хороший подарок. Больше никто ему не преподнес подарков — я немного денег, да и Лена тоже. Итак, вторые именины прошли в Киргизии. Не знаю, где следующие именины будем встречать? Мне кажется, что я не доживу до времени, когда моя любимая Одесса будет нашей. Очень часто стали мне снится мои знакомые и родные. Снился мне сон, что я хотела поехать к моей дорогой Верочке, пришла на вокзал, подошла к кассе, хотела взять билет, но забыла город, где жила Вера. Поезд отошел, а я и не вспомнила, куда ехать. Проснулась, тоска ужасная. Где же моя дорогая Верочка, жива ли, или погибла от лютого зверя. Если жива, то наверное, почувствовала, что вспоминаю о тебе. Папа любил твои, Витины и мои именины. Мы так душевно в кругу родных и друзей проводили этот

день. Ваня, дорогой мой друг, если ты жив, то тоже, наверное, чувствуешь день 24 ноября. Любимый друг, хотя бы весточку получить от тебя. Мой любимый, я пишу эти строки, а тоска и слезы гложут сердце. Жорик играет около меня. Взял свое ружье и бегаёт вокруг стола — поет за Родину, за Сталина, вперед, вперед. Чудный мальчик, все говорит. Я плачу, а он: «Бабушка, чего ты плачешь, не плачь. Дедушка Ваня приедет, не плачь, я тебя люблю». Единственная радость — Жорик, он уже стихи говорит. Заканчиваю, Жорик не дает писать.

29 ноября. Итак, сегодня 2 года, как я и дети живем в Киргизии. Сколько пережито за эти 2 года. Фрунзе все ж таки нас приютил. Не знаю, когда мы отсюда уедем, а хочется уже двигаться поближе к своим родным берегам. Когда же мы тебя увидим, грозное и ласковое Черное море? Твоя соленая вода лечит и окрыляет человека. Как хочется еще раз окунуться и погреться на твоих скалистых и песчаных берегах. Доживу ли я до такого счастливого дня? Тоска ужасная, сердце ужасно болит, вообще здоровье никуда не годится в этом году. Осень очень холодная, сыро, холодно. Снег, дождь беспрерывно, просто ужас.

6 декабря. Сегодня снился мне чудный сон. Мой дорогой Ваня снился. Я шла с работы, а он сидел в каком-то коридоре, ждал меня. Я его увидела — сидит в серой гимнастике, такой хорошенький. Я решила пошутить, и, прячась за проходившую публику, прошла мимо него, хотела войти в свою комнату, но какую дверь ни открываю, все чужие комнаты. Так и не нашла своей комнаты. А мы жили в гостинице. Ну, решила вернуться к Ване, но когда пришла на то место, где он сидел, его уже не было. Искала-искала, так и не нашла. Проснулась — тяжело на душе. Дорогой мой друг, жив ли ты или погиб. Все мысли и думы всегда о тебе. Как болит сердце.

7 декабря. Итак, последний месяц 43 года. Сегодня снился мне сон. Я с большой компанией людей, в том числе моя подруга Манечка. Она, мне кажется, снится впервые за 2 года разлуки. Приехали поездом в какой-то чужой город и шли пешком, страшно устали, хотелось отдохнуть, а Маня все нас тянет вперед, к морю, говорит, идем, идем, скоро будет море, выкупаемся, отдохнем. Ну, наконец, дошли. Маня кричит — море, море и первая вошла в воду, говорит, вода теплая. Я сняла туфли и тоже вошла в воду, а вода очень холодная. Смотрю, это не море, а узкая речка, можно переплыть на другой берег. Я была недовольна, а Маня мне говорит: «ты, Дашенька, не беспокойся, на том берегу наша Одесса. А мы сейчас находимся в Румынии». Я очень обрадовалась, что наш город так близко. Ну,

решили отдохнуть, и зашли в пустой домик на берегу. Я разделась, пришла хозяйка этого домика, мы разговорились, увлеклись разговорами, а моя компания куда-то ушла. Я вышла на берег, звала, кричала — Маня, Жорик, Лена, Вера — никого, все ушли. Я в ужасе, что делать — в чужом городе и всех потеряла. Проснулась, погано на душе. Я что-то стала верить в сны.

16 декабря. Сегодня у меня большое событие. Витя пришел с работы и принес плоскогубцы с маркой «Одесский местпром» и «Завод Красный октябрь», город Вознесенск. Это меня страшно взволновало — Вера на этом заводе работала в ОТК, и эти плоскогубцы были в Вериных руках. Когда я взяла в руки плоскогубцы, мне казалось, что держу Верины руки. Все вспоминала живую и общительную, добрую мою Верочку. Всю ночь не спала. Где ты, моя доця?

17 декабря. Моему другу Ване. Сегодня твой день рождения. Третий год, любимый друг, этот день без тебя. Где ты, что-то с тобой? Если ты жив, то тоже будешь вспоминать этот чудесный день. Весь день плачу, страшная тоска, а Жорик говорит: «Не плачь, бабушка, дедушка Ваня придет завтра». Меня так трогает этот лепет детский, я беру его на руки и плачу истерически, но дорогое дитя меня успокаивает, на душе делается легче. Он поет песенки, говорит стишки, которым я его научила. Только мне говорит стихи, если его кто-то попросит, он ничего не расскажет. Чудный мальчик, красивый, глаза бархатные, черные, лицо и волосики белые, прелестный ребенок, моя отрада. Дорогой Ваня, какое было бы счастье, если бы ты его увидел! Полюбил бы так же крепко, как я его люблю. Пишу эти строки, а все мысли, с тобой. Где же ты, мой дорогой любимый друг. Хотя бы услышать пару слов о тебе. Ох, как болит душа. Что-то со мной неладное, болит голова, наверное, заболела. Кончаю, мой дорогой друг, целую несчетно раз, твоя Даша.

1944 год

7 января. Итак, уже новый, 1944 год. Давно я не писала, тяжело болела. Первая заболела Леночка 18-го декабря — плеврит, она лежит, а 20-го и я заболела, крупозное воспаление легких, температура 39, кашель ужасный. Лена поднялась, но прибавились три новых болезни — плеврит, грипп и ангина, температура 40 градусов. А 23-го заболел Жорик, температура 40 градусов. Лежим все трое. Что делать? Витя кое-что утром сделает и бежит на работу, приходит домой в 3–4 часа дня, мы все стонем — пить, кушать, а Витя не приспособлен к кухне, суетится, с ног сбивается. Словом, положение тяжелое. Наше счастье, что готовим на

двух электроплитках — быстро, чисто, и тепло. Еще нас спасает электропечь от которой тепло и чисто. Понемногу стали поправляться. Встала Лена — уже легче, но некому пойти в закрытый базар. Витя один раз сходил, принес мяса, икры, мы немного подкрепились. Но часто ходить Витя не может, он, как главный инженер, должен быть на своей станции. Там часто аварии из-за снега и мороза, почти через день. Конечно, мы его уже не беспокоим. Я тоже поднялась и 31-го пошла в закрытый базар, но ничего не достала, страшные очереди. Но остаток за декабрь нужно было получить, а то пропало бы. Пошла 1-го января, весь день простояла в очереди, получила мяса, колбасы круг. Домой пришла в 5 вечера, еле-еле дошла, и как легла, так пролежала еще 6 дней — температура, страшно болела голова, в груди кашель. Тут и Витя свалился 1-го, тоже грипп. Ужасно, вся семья. Грипп валит людей, эпидемия. Но Витя болел всего 3 дня, поднялся, вернее, его подняли, не дали полежать. Беспеременно телефонные звонки с работы. Очень слабый, но работает. Мы с Леночкой тоже уже ходим, но очень слабые. Жорик здоров.

27 января. Долго не писала. За это время случилось много новостей и крупных событий. Наша доблестная Красная Армия уже бьет немца под Ленинградом. Очищены Петергоф, Царское Село, взяты большие трофеи, много пленных. Немец все бросает и бежит. Слава и честь нашей армии! И у нас в доме тоже событие. Витя правительственную визу получил. Москва требует командировать инженера Гергая в Черноморпроект для восстановления Черноморских портов. Витю не отпускали, но он настоял, получил пропуск, и мы зашевелились. Нужны деньги на дорогу, а дорога далекая и тяжелая — 4 пересадки. Мы с Леной бегаем по базарам и толчкам, мелочи уже все продали, из мебели — стол, табуретки, шкафчик для посуды, кровать железную продали, еще остался мой топчан и Жорика кроватка. Быстро и дешево распродалось. Это все мы здесь приобрели. Жаль оставлять квартиру, светлая, чистая, теплая, электропечь отапливает квартиру, и на электроплитках варим обеды. Конечно, таких привилегий с электричеством и удобств мы уже не будем иметь. Жилось хорошо здесь, но климат нас съел. Мы все тяжело болели, особенно Лена и Жорик, да и у Вити ужасный вид. У него было здоровое сердце, а сейчас никуда не годится. Я страшно хочу уехать, но вчера Витя принес пропуска, и мне как-то стало тяжело, я струсилась, ночью просыпаюсь и думаю, как мы доедем? Зима, ребенок, да еще морем ехать. Ну, будем надеяться, что все обойдется благополучно.

7 февраля. Итак, мы едем 9-го февраля. Не верится. Когда сяду в поезд, тогда только скажу, что едем к родному Черному морю. Все готово —

пропуска, вещи уложены, билеты заказаны, еда на дорогу приготовлена. Все мы страшно замотались, особенно Витя. У него много дел, забот, он ужасно похудел и страшно нервный, а еще не все сделано, еще обшивать ящики и чемоданы. 3 ящика пойдут в багаж и 10 мест будут с нами. Страшно подумать — 4 пересадки, но не падаю духом — едем к Черному морю.

20 марта. Долго не писала. Мы выехали из Фрунзе 9-го февраля 1944 года. Дорога длиной 5 тысяч километров, 4 пересадки. Страшно было подумать, такая даль, но все благополучно, приехали 20 февраля в Сухуми. Немного переболели — я, Жорик и Лена, а Витя пострадал серьезней, ему в дороге дверью прибило 3 пальца. Уже полтора месяца, а все еще один палец болит. Но по сравнению с другими мы все же удачно и благополучно приехали.

Теперь по порядку. После Фрунзе первая пересадка — Ташкент. Город не понравился. Вторая пересадка — Красноводск. Только сошли на берег, нас встретили Витины сослуживцы и друзья, очень хорошо и ласково нас приняли, предложили ночлег в конторе. С 4 вечера до 7 утра мы могли спать, кушать, мыться, всю ночь топили печь, тепло и спокойно. Днем уходили к знакомым и на базар. В Красноводске очень вкусные и дешевые были соленые и копченые селедки, 30 и 50 руб. кило. Мы наелись селедок и взяли с собой на 1000 руб. Пароход мы ждали 3 дня. Виктора правление взяло нам второй класс. Места очень хорошие. Ехали сутки, на пароходе отдохнули, выспались. Приехали в Баку утром и в 2 часа дня уехали. Баку прекрасный город-великан, очень понравился мне. Хлеб белый 280 руб. кило. В Тифлис приехали утром. Вокзал очень красивый. Город чудесный, благоустроенный, чистый. Пошли на базар — горы всего лежат, орехи разных сортов, мандарины — 40 руб. кило, апельсины — 70 руб. кило, сало, масло — 500 руб. кило, мясо — 200 руб. кило, картофель и капуста — 20 руб. кило. Красиво и всего много, настоящий восточный базар. Публика одета шикарно, город утопает в зелени, пальмы, кипарисы, мандариновые и апельсиновые деревья. В 10 вечера уехали в Сухуми, приехали в 2 часа дня. Нас никто не встречал. Мы остались на вокзале, а Витя и Романов пошли в город искать Колю. Да, мы же ехали не одни, а с семьей Романовых — Витиным товарищем. Семья из 5 человек, глава семьи Борис Иванович, его жена Нора, дочь Муся, сестра Алла и мать Анна Андреевна²⁷. Вся семья очень симпатичная. Ехали мы весело и дружно. Витя встретил Колю на улице, а Тамары, Колиной жены, не было, она уехала в Тифлис²⁸. Приехали на квартиру к Коле, а Романовым он достал гостиницу. Коля и Тамарина сестра Ксения нас принимали. Мы смертельно устали и хотели только поскорей лечь отдохнуть. Я с трудом помылась и легла спать с Жориком на мягком диване, Лена и Витя на другом диване. Я так устала,

что уснула мертвым сном — 11 дней в пути и без нормальной постели. Наутро приехала Тамара с Коки, их сыном. Тамара поставила Лене и Вите кровать, а я с Жориком спала на диване.

Дом Колин в центре города, маленький, но хорошенький домик — 2 комнаты, прекрасная стеклянная веранда, и кухня с коридорчиком, хорошо обставлены. Мы прожили у Коли ровно месяц. Здесь очень трудно достать комнату, а если и находили, то за городом, и 500 руб. платить в месяц, а чем жить? Помог Колин приятель, он имел квартиру из двух комнат жилкомовскую и не жил в ней, уступил нам на 6 месяцев, пока мы себе найдем. Нам дорога стоила 5 тысяч: носильщикам платили при посадке и высадке по 400–500 руб., ну и приехали без денег. Витина служба всего дает 2 тысячи подъемных, и то не все разом, а понемногу. Мы этого не ведали. Сейчас живем отдельно, едим фасоль и мамалыгу два раза в день, мясо ни разу не покупали, нет возможности. Все нужно купить с базара, все дорого на Витино жалование. Ежедневно ходим на толчок, продаем вещи. Ну, насколько нам хватит вещей? Ценного ничего нет, все ерунда. Нас заедает керосин — ежедневно литр керосину 30–35 руб. Очень тяжело. Мы ужасно похудели, у Жорика ножки, как палочки. Зато у него есть цвет лица, и я со своим больным сердцем дышу легче.

Город Сухуми маленький, чистенький, асфальтирован, утопает в зелени, много пальм и кипарисов, с одной стороны Черное море, а с другой стороны зеленые горы. Здесь воздух чудный, замечательно красивая природа. Пишу, Жорик спит, тишина. Тоска ужасная на сердце, ночи не сплю, все думаю, где же моя Верочка? Город Вознесенск уже освободили. Послала открытку по старому адресу. Надежда слабая, что Вера жива. Ох, как тяжело, плачу без конца, не могу писать.

1 апреля. Сегодня день моего рождения. Какой тяжелый для меня день, и какой счастливый этот день был в 1941 году. Мы — Ваня мой, дети, родные, друзья смеялись, веселились. Где же вы теперь, мои дорогие? Три года я одна, без друга. Ваня, не знаю, жив ли ты, увижу ли когда тебя. Верочка, моя единственная доця, где же ты, неужели я должна и тебя потерять? Как тяжело.

Наши успехи на фронте прекрасные. Доблестная Красная Армия и Флот гонят и уничтожают врага, берут большие трофеи. Смерть оккупантам!

Сегодня Витя пришел и сообщил мне радость, что его посылают в Одессу. Не сегодня, так завтра Одессу освободят от немецких и румынских зверей. Так Витя сразу должен будет быть там. Не знаю, как мое сердце выдержит, когда Одессу освободят. Сейчас я не сплю совершенно,

все мысли там, в родном городе. Пишу, тишина, я одна, Жорик спит. Лена уехала с Тamarой, Колей и Илюшей в Зугдиди, на похороны. Умер 5-летний крестник Илюшин и родственник Колин. Они купили гроб, за 2 тысячи и 4 венка, ну и всякие расходы, так им эти похороны обойдутся тысяч в 10 рублей. Для живого они столько не делают, как для покойника. Ну, кончаю, не могу писать, плачу и плачу, сердце ужасно болит.

3 апреля. Итак, день моего рождения прошел. Мне стукнуло 52 года, а наружность показывает 72 года. Так это тяжелое время глубоко на мне отразилось. Стала сгорбленная старуха, горе и переживания гнут к земле, единственное утешение — это Жорик. Чудный мальчик, говорит без конца, поет песни, стихи. Когда я плачу, он мне говорит: «Не плачь, бабушка, дедушка Ваня приедет, он в Одессе, я ему сейчас напишу письмо. Давай мне бумагу и карандаш». Чудный мой внучек. Скоро, скоро будет наша Одесса свободной. Наши войска у порога Одессы. Витю собираем в дорогу, 7-го должен уехать. Что и кого он увидит в Одессе? Мое сердце холодеет. Живы ли мои отец, сестры, брат, подруги и друзья, Ленины родные.

9 апреля. Сегодня проводили Витю в Одессу. Хотя еще Одесса не взята, но бои идут очень близко. Пришли мы с вокзала, скучно, тоска. Жорик без умолку говорит: «Папа уехал в Одессу». Рано легли спать, но я всю ночь не спала. Сейчас мы живем без часов, без радио, без света, ничего не знаем. А во Фрунзе все было, первые известия по радио мы слушали. В этом доме ни у кого нет радио и света, живут как дикари. Но ничего не поделаешь, я думаю, что это все временно. Закончится война, и мы опять будем жить культурно. Только было бы все благополучно и все здоровы. Мы здесь ужасно похудели, питание плохое, едим мамалыгу и фасоль, да и то два раза в день.

10 апреля. Сегодня какая радость, сердце чуть не выскочит. Пришла соседка и сказала, что Одесса взята! Слава и честь нашей Красной Армии и Флоту! Я плачу от радости. Мы трое — я, Лена и Жорик, целовались, поздравляли друг друга. Вышли на террасу, смотрели на море и мысленно посылали приветы в Одессу. Ваня, мой дорогой друг, ты защищал любимый город. Где ты, что с тобой? Если жив, то откликнись, а если погиб, то слава тебе и честь, верному патриоту Родины. Дорогая Верочка, моя единственная доця, ты тоже, как и вся наша семья, верная патриотка. Верочка, Одесса наша! Жива ли ты, моя родная?

11 апреля. Ходила в контору Черноморпроекта. Все поздравляют, радуются. Да, радость безграничная.

15 апреля. Сегодня страстная суббота, завтра Пасха. Еще недавно, три года назад, мы были все вместе, а сегодня нас трое — я, Жорик и Леночка. Витя уехал, и как без него скучно. Мы стараемся друг друга успокаивать, но все мысли там, в Одессе. Где и что с нашими, живы ли? Вчера читали в газете статью про дорогую Одессу. Немцы расстреляли мирных жителей 54 тысячи. Ужас, 54 тысячи только при отступлении, а сколько погибло за время оккупации? Расстреливали, топили в море, душили, вешали, издевались, подлые изверги. Сердце кровью обливается, когда читаешь газету. Я хожу, как пьяная, что делаю, забываю, все мысли там, в Одессе. Не могу дождаться, когда Витя сообщит, что с нашими. Смотрю на Черное море и мысленно шлю привет дорогой многострадальной Одессе и ее жителям. Не хочется ни спать, ни есть, какая-то пустота в душе. Я плачу, а Жорик мне говорит: «Не плачь, бабушка, дедушка Ваня придет, я ему и дедушке Эдику напишу письмо, они придут». Чудный мальчик, с ним притупляется горе.

Крым очищают от немца, и Бессарабию тоже. Враг бежит, все бросает. Вечером пришли Коля, Тамара и Кока, принесли мяса полкило, 5 штук яиц и бутылку вина. Это нам подарок на Пасху, и Жорику Коля дал 100 руб. на орехи. Посидели, мы их угостили вином и пирогом. Коля очень добрый.

17 апреля. Сегодня второй день Пасхи. Ну, а вчера, на первый день Пасхи пришли, Романовы, 4 человека. Мы их угостили вином и пирогом, больше нечем было. Посидели, поговорили, словом, душу отвели. Мы очень рады, что они пришли. Проводили гостей, пошли спать, но я всю ночь не спала. Все мысли и думы были в родном городе, с милыми сердцу людьми. Утро грустное, дождь лил всю ночь и весь день. Скучно ужасно, тоска гложет.

19 апреля. Сегодня день рождения Леночки. Я испекла 4 мамалыжных коржа, сделала заварной крем, намазала коржи и как будто бы торт сладкий. Кажется, вкусно. Мы так давно не ели вкусные вещи, что и позабыли вкус. Но неважно, кончится война — все будет, только бы были все здоровы и живы. Сегодня не знаю, куда себя деть. Ужасная тоска. Вити нет, в доме пусто, Лена тоже скучает, а Жорик беспрерывно спрашивает: «где мой папа?», а мы говорим, что уехал. «А в Одессу уехал?» Первую открытку получили только вчера, из Баку, а когда же получим из Одессы и что он напишет о наших дорогих? Ждем с нетерпением.

2 мая. Вчера было 1 мая, Жорика день рождения, 3 года ему. Пришли знакомые с детьми, принесли подарки: Романовы — чудную книжку и повозку, конфеты, Коля — 100 руб. дал Жорику. Попили чаю с пирогом,

немного вина выпили. Дети пели, говорили стихи, танцевали, а мы на них смотрели и радовались. Именины прошли без папы. Скучно без Вити, и ничего он не пишет, беспокоимся.

12 мая. Писем нет от Вити, страшно беспокоимся, не случилось ли чего с ним?

14 мая. Мы уже на новой квартире, третью меняем. Надоело перетаскивать вещи и убирать чужую грязь, но эта квартира хотя бы светлая, хотя без всяких удобств. Света нет, мусорного ящика нет, воды нет. Нам с водой не везет. Как уехала из Одессы, где ни жила, а воду приходится носить несколько кварталов. Но ничего не поделаешь, люди еще хуже нас живут.

15 мая. Сегодня у нас большая радость — получили письма: от Вити 2 письма, от Лениной мамы и от моей дорогой дочери Верочки. Ну, радость и горе. Все живы — мои сестры, отец, знакомые, только нет моего дорогого Вани. Он защищал Одессу и выехал из Одессы с войсками 14 октября 1941 года в Севастополь. Там он, видно, и погиб, если бы он был жив, то нас нашел бы. Сколько мы его не искали, нам отвечали: такой не числится ни раненым, ни убитым. Пропал без вести мой дорогой друг. Витя пишет, что все меры примет, будет разыскивать отца, но я уже потеряла всякую надежду. Почти все знакомые живы, только нет моего друга, а я не могу без слез его имени произносить. Опухла от слез. Как тяжело на старости лет остаться без друга, а какой был чудный друг. Ваня, мой дорогой, слава тебе и всем нашим защитникам любимой Родины!

Еще получила от сестер письма. Маруся и Нила пишут про страшные вещи. 15 октября 1941 года вошли немцы, а 23-го все площади и базары были увешаны трупами наших людей²⁹. По улицам нельзя было ходить, хватали и вешали. Да, бедняги, какие ужасы пришлось пережить. Антон Миронович, мой сосед, 30 лет мы жили вместе, умер от разрыва сердца. Не мог пережить немецкого террора над мирным населением. Ну и зять мой, Марусин муж, тоже погиб, защищая Родину. Брат Гриша сидел 8 месяцев в кандалах у румын за связь с партизанами, но удалось удрать, и когда пришла Красная Армия, он ушел добровольцем в армию. Брат Вася тоже в армии, не знаю, жив ли он. Брат Виктор, орденосец Финской войны, погиб с семейством в 1941 году. Брат Тимоша не знаю где. Ну а как отличилась подруга моего детства Мария Ивановна Цыпкина! Мужа своего Яшу, братьев Жоржа, Сережу и еще двух мужчин замуровала за какой-то стеной. Они были в плену у румын, но удрали, а она их спрятала. Это настоящая русская женщина, большой патриот своей Родины, честь такой и хвала. А когда пришла освободительница Красная Армия, все они ушли на защиту родной земли.

22 мая. Не знаю, что с собой делать. От Вити и Веры нет писем, беспокоюсь. Одессу бомбят немцы. Конечно, они будут бомбить от злости, да и близко Румыния. Но им все равно гибель, скоро, скоро стонят их, подлых зверей, очистят нашу родную землю. Ох, как болит сердце. Здесь тоска ужасная.

Много мы скитались по свету во время войны, много городов объездили, были в Средней Азии, в Киргизии. Из Одессы выехали 4 сентября в Ростов-на-Дону, потом Махач-Кала, потом в Красноводск, потом во Фрунзе, теперь в Сухуми. Так устала, хочу покоя, и где его искать? Нет моего Вани, и не будет мне покоя до смерти.

22 июня. Большой перерыв, не могла писать. Итак, три года войны. Море горя, реки крови льются. Немца здорово бьют и гонят с нашей родной земли. Смерть им, подлым зверям.

От Веры получаю письма. Она, бедная, пишет, много пережила во время оккупации. Вера не могла ходить по улицам, на нее указывали, что ее отец и брат партийные и видное положение занимают. Ей приходилось прятаться, но она знала и верила, что Красная армия придет и освободит родную землю. Имела связь, слушала подполье и знала, что делается.

8 июля. Каждый день приказ в честь новой победы — наша доблестная Красная Армия берет города, очищает нашу землю от врага. Немец все бросает, бежит, много пленных и большие трофеи наши берут. Сердце радуется, гибель подлым зверям, смерть им.

9 июля. Мы с Леной тревожные дни пережили. Лена в воскресенье пошла на море с Жориком, искупала его и долго держала на солнце. Пришли домой, он уснул немного, проснулся вяленький и опять лег. Померили температуру — 37,7 градусов, а вечером появилась рвота, это нас встревожило. Очистили желудок, но на другой день температура 39. Вызвали двух врачей, сказали — воспаление желез. Это его старая болезнь, он прошлый год болел целый месяц, температура до 40,3 градусов. Очень тяжело болел, но поправился. А сейчас Вити нет, собираемся в дорогу, и вдруг Жорик снова заболел. Слава богу, всего неделю поболел и поправился, но похудел и стал ужасно капризный.

Мы рады, что он поправился. Питаем его, чем только возможно, но он плохо ест. Приходится его кормить с ложечки, но ничего не поделаешь, только бы кушал. Витя и Вера пишат. Вера приготовила мне подарок — туфли, а Жорику — клубничное варенье. Как здесь надоело! Мы не можем дожидаться, когда уедем в нашу дорогую Одессу и увидим дорогих сердцу людей. Я ужасно устала. Ежедневно на толчке продаю наши вещи, готовим деньги на дорогу, уже собрали 6 тысяч. Если в этом месяце не уедем, то

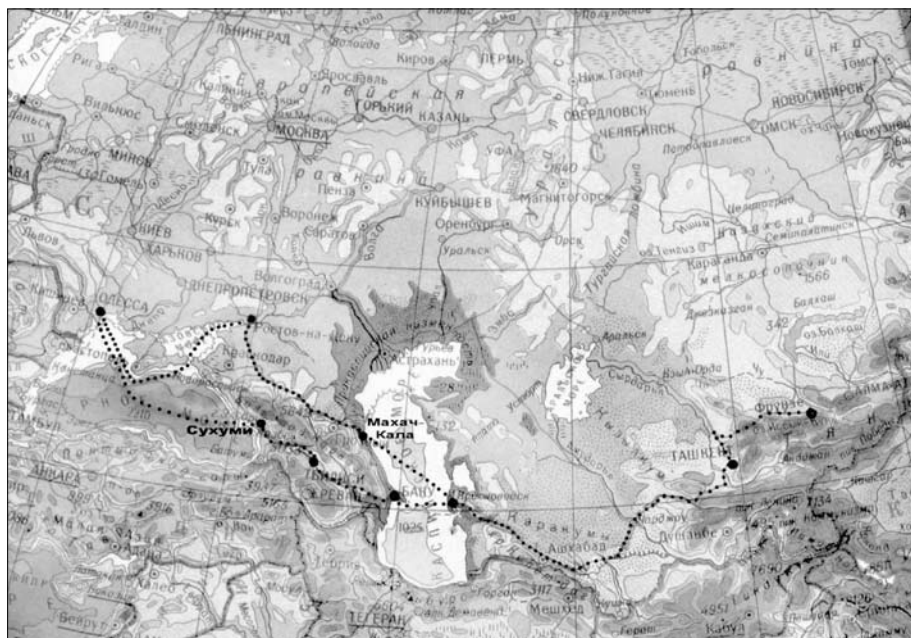

деньги проедим, а продавать уже нечего. Жизнь очень дорогая: персики, яблоки, груши по 40 и 50 руб. кило, масло коровье 500 руб., а постное 300 руб. кило, картофель 30–40 руб. кило, свинина 300 руб., воловье мясо 250 руб. кило. Хлеба нам мало по 300 граммов, ежедневно варим мамалыгу из кукурузной муки. Пеку чурек, едим два раза в день, похудели.

21 июля. Собираемся в дорогу, в конце месяца думаем, что уедем. Но опять тревога, Лена заболела, распухли железки шейные, есть температура. Меня это очень беспокоит, чтобы не было осложнения. У Лены острое малокровие, легкие тоже не в порядке, плеврит. Когда все это взять в кучу, плохо конечно, нужно сильное питание, а его нет. Хотя бы скорей уехать, будем вместе, будет легче.

Наши доблестные войска бьют и очищают наши города от немецкого нашествия. Уже под Львовом немец бежит. Сегодня радио сообщило, что было покушение на Гитлера, но он остался жив, только легкие ожоги. Какая досада, из-за него, подлого убийцы, разорителя городов, кровь рекой льется. Но он никуда от народного суда не денется, все равно смерть ему!

30 июля. Все вещи упаковали, продукты купили, сегодня или завтра должны выехать из Сухуми. Не могу дождаться, когда буду в Одессе.

30 августа. Здравствуй, родная Одесса. Как я рада, что опять вижу тебя. Но как ты глубоко изранена, глубокие и тяжелые раны подлый враг нанес тебе. Я не могу спокойно смотреть, страшные разрушения, болит сердце, как много пережили люди, мирные жители гибли, как мухи.

10 сентября. Пишу о нашей дороге в Одессу. 2-го августа мы с квартиры в Сухуми приехали на товарный вокзал, и просидели там до 7 августа. Днем жарко, ходили купаться, на кострах варили обеды, а ночью лил дождь, холодно. Спали на вещах, вернее, дежурили, стерегли вещи. Жизнь цыганская, было и плохо, и весело, деньги были, и кушать было что. Яблок очень много дешевых. Сухуми оставил о себе хорошее впечатление. Когда уезжали, Коля и Илюша дали Жорику подарок — 300 руб., а Володя 200 руб. дал Жорику, еще Вере Илюша передал 300 руб. За 7 месяцев нашей жизни в Сухуми Коля и Илюша Гергая много раз денег Жорику давали. Большое внимание они нам уделяли, особенно Коля, спасибо им. Да и вина много попили, и на дорогу тоже дали вина.

Наконец, 8 августа ночью мы выехали из Сухуми товарным поездом. Нас перевозила Витина контора Черноморпроект. Людей было 60 человек, все свои, семьи служащих, в трех теплушках разместились. Каждый вез свои вещи, вещей было больше, чем людей. Ехали хорошо, по дороге много и дешево покупали продуктов, но тяжело было смотреть на страшные разрушения. Подлый Гитлер разорил наши земли и города. Дорога была грустная. Ехали мы 18 суток и страшно устали. Приехали 25 августа вечером на станцию Одесса-Застава. Нас встречала вся контора. Подали машину, и кто с детьми, развозили домой, а вещи и дежурных оставили до утра в вагонах. Мы приехали к Лениным родным на 2-ю станцию Фонтана в 10 часов вечера. Радость была и горе. Всю ночь проговорили и проплакали. У Лены сестру Аню немцы угнали в Германию, а мой муж Иван Васильевич пропал без вести. Нас выкупали, накормили, хорошо приняли Ленины родные. Жорик быстро познакомился с дедушкой Эдиком и бабушкой Лизой, полюбил их, и они его³⁰. Жорика нельзя не любить, он чудный мальчик. Правда, страшно упрямый, я думаю, что перерастет.

15 сентября. Ходили на новую квартиру, что Вите дали на Маразлиевской (Энгельса) № 5. Квартира шикарная, 3 комнаты, все удобства³¹. Убирали и понемногу переносили посуду, вещи, но живем у Лениных родных.

16 сентября. Всех родных и знакомых проведала, все живы, но много пережили в румынской оккупации. Отец очень старый, все мои сестры и знакомые страшно постарели за 3 года. А я думала, что только я стала старухой.

10 декабря. Долго не писала. Я очень пострадала. Поехала к Вере в Вознесенск, проведать ее за 3 года. У Веры радости не было конца, говорили, плакали, и опять говорили. Ее муж Митя ушел в армию. Хорошо у Веры отдохнула и даже поправилась. Собралась я уже домой, Верочка меня усадила в поезд, нагрузила продуктами. Ехала хорошо. Не доезжая до Одессы контролер проверял документы. У меня не было пропуска, меня оштрафовали на 300 руб., я очень нервничала, но заплатила. Когда сходила с поезда, ушибла правую ногу о ступеньку вагона. Нога очень болела. Я не обращала внимания. На пятый день температура, нога страшно болит. Вызвали врача, определил рожистое воспаление. Я день и ночь кричала, так болела голова и нога. Витя пригласил нашего светилу профессора Наливкина. Он приезжал несколько дней, но помощи никакой. Профессор сказал, что рожистое воспаление дало осложнение — закупорка вен. Боль ужасная. Так я пролежала в постели 6 недель. Лена, спасибо, ухаживала хорошо. Еще нога плохо сгибается и, когда похожу, очень болит.

Была на Январском заводе, где работал мой Ваня. Нашла его товарища, который рассказал, что он с моим мужем уезжали из Одессы вместе и воевали в Феодосии, Севастополе, Новороссийске и с боями отошли на Кубань. Там они расстались в 1942 году в мае месяце, и больше он не знает, где делся Ваня. Дал нам адрес части, где они были вместе. Мы послали в часть, чтобы ответили, где делся Иван Васильевич Мартынов, но ответа нет. И так, моего друга нет и нет. Я думала, когда буду в Одессе, то разыщу его, но никто ничего не знает. Все Ванины друзья есть, живы, только нет моего друга. Как больно.

22 декабря. Домашние дела наши плохие. Нет топлива, покупаем на базаре у спекулянта. Керосин от 40 до 70 руб. литр, ведро угля 100 руб., 10 щепочек 10 руб. Ими обед не сварить. Да и с питанием нелегко, все с базара по высоким ценам. Пайков никто не получает. Кушаем два раза в день, и то впроголодь, ложимся спать голодные. Недоедание ужасное, очень хочется хлеба, а его нет, денег тоже нет, вещи очень дешевые и трудно продать, но я думаю, что трудности переживем. Я рада, что Верочка живет с нами. Витя послал ей вызов, и она уже месяц, как приехала, но не работает. Тяжело найти работу по ее здоровью, но обещают. У нее язва желудка и сухой плеврит, тяжести носить не может.

25 декабря. Вера уже работает в столовой, получает полкило хлеба, там обедает и завтракает, нам уже легче.

26 декабря. Приехал из Вознесенска Сеня — хозяин дома, где Вера жила, привез полтора пуда нашей пшеничной муки и подарок — литр

постного масла, немного бураков и капусты. Еще купил нам 10 кило кукурузной муки и литр постного масла за 550 руб. Итак, у нас праздник — есть два литра постного масла, мука. Варим ежедневно мамалыгу, хлеба хватает, мы сыты.

29 декабря. У нас пир. Витя получил паек — белый хлеб вместо черного, будет белый хлеб, и получил костюм рабочий на меху, стоит 700 руб.

30 декабря. Сегодня большая радость. Витя получил шикарный паек: кило сахару, кило маргарину, пуд картофеля, 3 банки консервов рыбных, 2 кило мяса. Мы рады, Новый год будет сытный.

31 декабря. Конец старого года. Я сварила суп мясной, бефстроганов и пюре, винегрет, хрустиков нажарила. Витя принес 4 литра вина и водки бутылку, Лена принесла 4 литра вина и Вера 2 литра вина, все по твердым ценам. Праздники будут хорошие, мы немного подзапаслись.

1945 год

1 января. С Новым годом, с новым счастьем. Что нам Новый год принесет — радость или горе? Лена и Витя под Новый год гуляли на свадьбе, и там же встречали Новый год. Пришли утром, хорошо провели время. А я с Верой легли спать, но я всю новогоднюю ночь не спала, проплакала до утра. Лена с Витей выспались и опять ушли, к Лениным родным, там ночевали, а я как сторож, не могу никуда уйти, всегда должна стеречь квартиру. Мне так больно и очень тяжело без мужа. С Верой даже поссорились, ни она, ни я никуда не ходили, да Вере и не нужно никуда выходить, она с температурой, кашляет, насморк ужасный. Ей нужно полежать, а она не хочет идти к врачам. Обе мы без мужей, и нам кажется все обидным.

2 января. Я эту ночь совершенно не спала, почему-то мне было страшно. Казалось, что кто-то открывает двери и тихо входит, что кто-то стоит и дышит. Я не из трусливых, ничего не боюсь, но мне эта ночь была кошмарная. Веру не хотела будить, она нездорова, еле дождалась утра. Вера ушла на работу, а я осталась одна. Тоска ужасная на сердце, ничего не делаю, хожу по комнате и плачу, да и в квартире страшно холодно, топить нечем.

Утро принесло печальные известия. Пришел племянник Коля, и сказал, что сегодня умер мой отец в 6 часов утра. Ну, моя тоска и страхи оправдались. Жаль старичка, ему 76 лет. Оккупацию пережил, а до окончания войны не дожил. Всего болел 3 дня, еще довольно бодрый и красивый старик, у него борода и голова, как серебро блестящие. Борода большая, до груди. Очень большой и красивый лежал в гробу. Он вообще был

красавец в молодости. Мне было больно и обидно, что я не присутствовала при его смерти. Хоронили только мы, дочери — я, Маруся и Нила. Дуся уехала, из сынов один Гриша живет в Одессе, но он ушел в плавание. Остальные три сына потерялись, не знаю, живы ли. Больно было, 4 сына и ни одного не было на погребении. Похоронили, пришли домой, а тут приехал Гриша, прямо с парохода к нам, страшно плакал, что не застал отца. Очень тяжело родных людей терять.

2 февраля. Сегодня у меня тягостный день. Пришла подруга Маня со своим большим горем. Ее сына Колю убили. Ему было 22 года, капитан, 4 года на фронте. Его послали в Москву в Академию учиться, но по дороге он потерял или украли удостоверение офицера, и его вернули обратно в часть. 25-го приехал, а 26-го был убит, пуля попала в сердце. Эти печальные вести привезла его жена, Дуся, которая была с ним 3 года на фронте, а теперь беременна, и ее демобилизовали. Какой ужас — вернулся Коля на смерть.

15 февраля. Очень часто, вернее, каждый день получаем от Вериного мужа Мити письма. Митя пишет, что они в Венгрии бьют врага, отступают немцы, но бои ожесточенные. Хотя бы Митя остался жив.

25 февраля. Еще ужасно холодно. Топлива нет, питание плохое, я часто болею, только Жорик здоровенький. Бегает, ездит на велосипеде, у него нет ни ботинок, ни валенок, только шерстяные чулки и лосевые туфельки, и то рваные, и есть боты. Когда идет на двор, одевает боты. Детскую обувь невозможно купить — две тысячи, полторы тысячи, мы не имеем таких денег. Так и проходит зиму в туфлях, а вообще Жорик тепло одет — пальто, шапка, перчатки, белье, костюмчики, все теплое. Самое главное, что Жорик здоров. С ним все горе забываешь.

1 марта. Весна, легче на душе. Скоро солнышко нас согреет. Ах, как хочется тепла и покоя.

1 апреля. Сегодня день моего рождения. Утром рано поздравила меня Лена и подарила на юбку черного сатина. Витя поздравил, подарил ситцу на платье. Вера поздравила, подарила гребешок и фиалки. Мой Ваня и Витя всегда мне дарили на мои именины первые фиалки, и сейчас Витя принес мне фиалки. Где же мой дорогой друг Ваня? Как тяжело без тебя, мой любимый друг.

2 апреля. Вчера у меня гостей было 13 человек. Я никого не приглашала, но мои друзья, подруги, сестры пришли поздравить. Мне было приятно и тяжело. Я весь день и ночь проплакала. Самого главного не было — моего Вани. Ох, как тяжело. Александра Савельевна тоже была одна — ее муж

умер от разрыва сердца в 1942 году, не мог перенести зверства немцев, а сына Женю убили в 1945 на фронте. У Мани тоже горе, Колечку убили, у каждого свое горе. Я сварила простой обед — суп с фасолью, котлеты с кашей, кисель, консервы и чай. Пирога не пекла, нет денег, да и нет духовки. Посидели, поплакали, вспомнили прошлое хорошее время и своих дорогих людей, которые за Родину и счастье сложили свои головы, пали героями. Слава вам, мои дорогие, и честь, а немцу — погибель.

19 апреля. Сегодня день рождения Лены. Я сделала два торта «Наполеон», утром ее поздравила с тортом, другого у меня не было подарка, да и денег у меня никогда нет, я уже почти все вещи свои и Ванины продала. Лена, уходя на работу, сказала, что никто не придет к ней, она никого не приглашала. Но она ошиблась — ее друзья все пришли вечером поздравить, и папа ее пришел. Мама Ленина к нам не ходит. Она какая-то странная женщина, ни разу не пришла посмотреть, как ее дочь устроилась. А отец ходит. Ну, я сделала обед — рыбные консервы, чай с тортом, посидели и разошлись. Не то, что до войны, как мы тогда радовались и веселились на наших именинах! Будь они прокляты, эти немцы, кровожадные звери. Сколько горя нашему народу!

28 апреля. От Мити нет писем. Нас беспокоит Вера, с 1 апреля не работает, страшно нервничает. Хотя бы Митя остался жив.

1 мая. Сегодня наш дорогой Жорик именинник. 4 года ему исполнилось. Пошили ему костюм, кепи, одели, такой хорошенький. Витя получил билет на трибуну и Вера пошла с Жориком. Сидели на трибуне рядом с леди Черчилль, смотрели парад, пришли очень довольные.

2 мая. Вчера на именинах Жорика гостей было 4 человека деток и 14 взрослых. Я детям сделала отдельный стол. Шикарный стол — много было закусок и сладостей, и много Жорику принесли подарков. Танцевали, пели, веселились от души. Я очень рада, не всегда же плакать.

3 мая. От Мити нет писем. Вера получила письмо из Вознесенска. Ее друзья намекают что-то о Мите. Мы беспокоимся, думаем, что пришло извещение в город Вознесенск в военкомат, что Митя убит, но никто не говорит правду.

8 мая. Тревожно на душе. Писем от Мити нет уже два месяца. Из Вознесенска сегодня прислала письмо Верина знакомая, что ее муж пишет с фронта, что, Васю убили, а Митю он не видит уже несколько дней. А Вася был рядом с Митей, значит, наш Митя погиб. Ох, как тяжело. Я плачу, не могу себя остановить, а Вера сердится, она ни за что не хочет смириться, что Митя убит.

В 8 часов вечера вдруг стали гудеть пароходные гудки. Люди выбежали на улицу, спрашивают друг и друга, что случилось? Побежали в порт, там все корабли освещены, гудят, пускают ракеты, все кричат — мир, мир, а радио дает сводки, что идут ожесточенные бои, освобождают города. Берлин взят еще 23 апреля. Когда радио передало, что Берлин взят, враг сломлен, я не могу передать, что со мной было. Берлин наш, наше знамя развевается над городом, дорогие родные воины-герои идут по Берлину. Спасибо вам, многострадальные, терпеливые, сильные русские войска. Слава и честь вам!

9 мая. До часу ночи не спали, сидели у радио. Радио передавало — идут ожесточенные бои. Я, Вера и Лена легли спать, а Витя дежурил у радио. И вот в 2 часа ночи передают радостное известие. Мир, враг разбит, сдался и просит мира. Лена и Витя вбегают ко мне и Вере, будят нас, кричат скорей подымайтесь, радость большая, ура, 9 мая — праздник Победы. Мы от радости целовались, плакали, поздравляли друг друга. Витя разбудил соседей наших сверху, военного прокурора Андрея и его жену Шуру. Прибежали к нам, целовались, поздравляли друг друга. Шура и Андрей, их фамилия Князевы, они, мы и еще инженер с семьей, и полковник с семьей накрыли столы, появилась закуска, выпивка. Поздравляли друг друга, стреляли из револьвера, пускали ракеты. Город не спал, всюду стреляли, летали ракеты, и мы до 6 часов утра веселились, танцевали. В 7 утра Витя и Лена ушли на службу.

В городе всюду митинги, никто не работал. Народ ликовал. Наконец-то враг сломлен, стал на колени. Кровь перестала русская литься. Наши все из дома разбежались, я осталась одна, радовалась и плакала. Вечером пришел Витя, еле держится на ногах, рассказывает, что его качали, поздравляли, целовали — такая у людей радость.

11 мая. Пришла к нам Митина мама, плачет, что три месяца нет от Мити писем. Я, как могла успокоила ее, а сама волнуясь. В Вознесенск Митины товарищи по части пишут, что Вася убит, а Митю и еще 20 человек минами разорвало, что и собрать их нельзя было. Жаль Митю, молодой, честный специалист, красивый, и таких много³². Вечная память вам, дорогие герои, спасибо вам. Вы спасли нас от немецкой каторги и неволи.

12 мая. Дорогой мой друг, любимый Ваня. У нас великая радость — победа над врагом. Если бы ты был жив, мой друг, мне было бы еще больше радости, и ты бы радовался, истинный патриот своей Родины. Ты в 1941-ом ушел в армию, и когда наши отступали, говорил: «ничего, все

равно враг будет разбит, наше дело правое». Так и стало — враг разбит, наше правое дело восторжествовало. Ты своим сердцем понимал, что победа за нами. Ты и много миллионов таких героев, как ты защитили грудью и кровью своей нашу дорогую Родину. Честь вам и слава. Пишу и понимаю, что с войны все живые не приходят, но все же плачу и плачу без конца. Болит сердце. Мне говорят, что ты, возможно, в плену, а я помню, как ты говорил — в плен не пойду никогда. Из плена едут через наш город, много тысяч, а тебя нет и нет. Я давно примирилась, что тебя нет, но почему-то плачу и плачу, хочу, чтобы ты мне хотя бы приснился, а ты, дорогой друг, и не снишься. Ох, как тяжело, иметь двух хороших мужей и на старость быть одной.

14 мая. Смотрю на свою Веру, какая она жалкая, больная, еле передвигает ноги, одна тень. Она свое горе переносит замкнуто, печаль за-таила, вся сжалась, ничего не видит и не слышит. Ходила без работы два месяца, не могла найти такую работу, чтобы себя прокормить. Были работы на 200 руб. в месяц, да разве на них проживешь? Спекулировать и воровать она не может, а честным людям нет ни работы хорошей, ни жизни хорошей. Тем более, когда нет мужа. Я это на себе испытала. Наконец, устроилась в военный санаторий в конце Малого Фонтана. Очень далеко, трамваем ехать 40 минут, и на трамвай нужно 80 копеек каждый день. Устроилась подавальщицей, уходит в 6 часов утра и приходит в 11 часов ночи. Работает 16–17 часов, все на ногах. Кормят очень плохо, жалования 200 руб., всякие вычеты и за стол вычет, на руки получает 60 руб., даже на трамвай не хватает. Она приходит такая усталая, пришибленная, жаль смотреть, и я и Витя ничем не можем ей помочь. Я что имела, все продала, да и Витя тоже все продал, в доме нет ни гроша, только и думаешь, что готовить, и где достать. Витя получает паек, нам на 5 человек только хватает на 10 дней, а остальные 20 дней впроголодь. Продаем всякую мелочь копеечную. Не знаю, как зиму проживем, продавать больше нечего.

КОММЕНТАРИИ:

В публикуемом тексте в (...) даны слова, взятые в скобки автором дневника. В [...] скобках приводятся пояснения публикаторов. Все цитаты и тексты печатаются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

1. **Дарья Васильевна Мартынова** (1892–1975), фамилия по второму мужу (девичья фамилия — Дубовская, по первому мужу — Гергая). Украинка, родилась и умерла в Одессе. Была старшей среди девяти братьев и сестер. Училась в

- церковно-приходской школе. Работала портнихой, а после замужества и до конца жизни — домохозяйкой. Перед войной проживала с семьей во 2-м Артиллерийском пер., № 5 (3-я ст. Б. Фонтана).
2. «...**Мой друг, Ваня**» — Иван Васильевич Мартынов (1895–1942), второй муж Дарьи Васильевны. Русский, родился в с. Пощупово Рязанской губернии. Участник Гражданской войны, член ВКП(б) с 1919 г. Долгое время работал в Одесском арт. училище им. М. В. Фрунзе. С 1936 г. — начальник отдела 3-да им. Январского восстания, откуда в июле 1941 г. мобилизован в Красную армию. В период обороны Одессы — политрук истребительного батальона, боец Одесского Коммунистического полка. Вместе с частью переброшен в Крым — воевал в Керчи, потом на Кубани, где пропал без вести. Согласно извещению, умер на фронте в 1942 г.
 3. **Виктор** — Виктор Николаевич Гергая (1912–1988), сын Дарьи Васильевны от первого брака. Грузин, родился и умер в Одессе. После семилетки окончил Автомобильный техникум, Одесский Институт Водного транспорта. Работал инженером в Черноморпроекте. Мобилизован во флот в сентябре 1941 г., а уже в декабре по состоянию здоровья демобилизован и направлен к месту эвакуации семьи в г. Фрунзе. Работал на ФОГЭСе (Фрунзенское объединение государственных электростанций), начав с должности сменного механика, дослужился до главного инженера. В феврале 1944 г. отозван в Черноморпроект и в его составе сразу после освобождения Одессы вернулся в город. В Черноморпроекте проработал до 1986 г. Член КПСС с 1943 г., в послевоенные годы — секретарь парторганизации Черноморпроекта. Член Общественного Совета футбольной команды «Черноморец». Почетный работник Морского флота, награжден орденом «Трудового Красного знамени».

Лена — Елена Эдуардовна Гергая (1918–1977), жена Виктора, невестка Дарьи Васильевны. Девичья фамилия Литхенгауз, немка, родилась и умерла в Одессе. После войны работала старшим лаборантом в Сельскохозяйственном институте, затем медсестрой в Психоневрологическом диспансере.

Жорик — Георгий Викторович Гергая, внук Дарьи Васильевны, родился в 1941 г. в Одессе. С 16 лет работал на Одесском СРЗ № 2, затем окончил Одесский Институт инженеров морского флота. Работал в г. Советская Гавань (Хабаровский край), а с 1968 г. в Черноморском ЦПКБ (ЮЖНИИМФе). Сейчас пенсионер. Многие годы является президентом Одесской областной федерации спортивного туризма, судья всесоюзной и национальной категории.

Вера — Вера Николаевна Байрон (1910–1978), дочь Дарьи Васильевны (девичья фамилия — Гергая). Украинка, родилась и умерла в Одессе. Перед войной жила в Вознесенске, работала на заводе «Красный техник». После войны вернулась в Одессу.

 4. Завод тяжелого краностроения им. Январского восстания, на котором производились краны и товары народного потребления.
 5. **Маня** — Мария Ивановна Цыпкина, подруга Дарьи Васильевны. Муж **Яша**, братья **Жорж** и **Сергей**. Жили на ул. Канатной, № 2 в старом особняке.
 6. **Дуся** — одна из трех сестер Дарьи Васильевны, по профессии зубной врач. Родилась и умерла в Одессе.
 7. **Тимоша** — один из четырех братьев Дарьи Васильевны, занимался племенным разведением скаковых лошадей на Военных конных заводах в Ростовской обл., где и умер.

- 8–10. Причину отсутствия некоторых фрагментов дневника поясняет ее внук Георгий Гергая: «Я помню, как папа несколько раз упрекал бабушку, что она записала то, что не надо было, и как она обещала эту запись убрать. Что же такое запретное было на этих страницах? Ответ я нашел в рассказе тети Ани, записанном мной перед ее смертью. Она рассказала, что при посадке в эшелон пароходства для отправки в эвакуацию мою маму, как немку, сняли с поезда вместе со мной, младенцем, и отправили в бараки с советскими немцами для высылки в Казахстан. А отцу за сокрытие национальности жены угрожали какими-то санкциями. Бабушка Даша нашла нас в бараках и, поскандалив в военкомате, как жена «полковника» (что было неправдой) добилась нашего освобождения. В эвакуацию мы отправились 12 июля 1941 г. пароходом «Ленин».
- Конечно, молодому поколению трудно понять, что из-за какой-то записи в дневнике у людей могут быть неприятности. Но тогда рядом с нами витал страх и в первую очередь — страх за семью из-за репрессированных родственников. Страх вылезал из темных углов под неразборчивый шепот родителей, приходил вместе с подругой мамы, которая, боясь ареста, прятала у нас ценные вещи, зависал вместе с неожиданной тишиной в классе после «политической ошибки», допущенной в ответе у доски моим товарищем — третьеклассником».
11. Записи без дат, вероятно, по памяти.
12. **Дубовский Василий Макарович** — отец Дарьи Васильевны (1869–1945). Украинец, родился и умер в Одессе. Работал слесарем. Жил на Слободке. Три сестры Дарьи Васильевны родились и умерли в Одессе: **Маруся** (домохозяйка), **Нила** (домохозяйка) и **Дуся** (зубной врач) — жили на Слободке. Четыре брата Дарьи Васильевны родились в Одессе: **Витя** (военный, жил с семьей в Москве, погиб в начале войны), **Тимоша** (разводил племенных лошадей в Ростовской обл., где и умер), **Вася** (сведений нет) и **Гриша** (плавал в малом каботаже, работал на заводах Одессы, умер в Одессе).
13. **Маня и Яша** — см. № 5.
14. **Аня** — Анна Эдуардовна Шмидт (1916–1997) — сестра Лены, невестки Дарьи Васильевны. Девичья фамилия Литхенгауз, немка, родилась и умерла в Одессе. В ноябре 1937 г. вышла замуж за Адольфа Шмидта, которого через год арестовали. За нежелание отказаться от репрессированных брата и мужа была исключена из комсомола и Одесского Индустриального института. В годы оккупации работала в Портовом холодильнике, потом на Бисквитной фабрике. Крестила дворовых еврейских детей, спасая их от гетто. В 1945 г. по доносу и сфабрикованному обвинению осуждена на 10 лет концентрационных лагерей, реабилитирована в 1989 г. После возвращения в Одессу в 1963 г. работала старшим агрономом в РСУ зеленого строительства. В 1990-е годы надиктовала правозащитному обществу «Мемориал» более десяти кассет воспоминаний о лагерной жизни на Колыме.
- Шмидт Адольф Яковлевич (1913–1938) — муж Анны. Немец, работал школьным учителем в селе Гросслибенталь (ныне Большая Долина). Арестован в июле 1938 г., расстрелян по сфабрикованному обвинению в Одессе в октябре 1938 г., реабилитирован в 1958 г.
15. **Оля и Федя** — Ольга Ильинична и Федор Константинович Глуховы с детьми Женей и Милой — друзья Веры и Виктора Гергая, детей Дарьи Васильевны. Жили в 5-ом Бассейном пер., № 3 на Сахалинчике.

16. **Александра Савельевна и Антон Миронович Граб** — друзья и соседи Дарьи Васильевны по дому № 5 во 2-м Артиллерийском пер.
17. **Зоя, Нонна (ее дочь), Александра Ивановна (ее мать) Турбаевские** — семья одесситов, с которыми семья Дарьи Васильевны познакомилась в эвакуации и дружила после войны. Глава семейства, **Кирилл Иванович**, военный моряк, капитан первого ранга. Жили в Одессе в Обсерваторном пер., № 6.
18. **Аня (г. Фрунзе)** — Анна Григорьевна Литхенгауз (девичья фамилия Кан) — жена Жоры, родного брата Лены, невестки Дарьи Васильевны. После его ареста Аня была сослана в г. Фрунзе. В годы войны семья Гергая получила направление к месту эвакуации именно к ней, как к родственнице.
Жора — Георгий Эдуардович Литхенгауз (1912–1938). Немец, родился в Одессе. После окончания в 1932 г. Одесского Энерготехникума был направлен в Ленинград на 1-ю ГЭС. Там женился на Анне Кан. После неожиданного увольнения в 1937 г. работал на заводе «Фармакон». Арестован в декабре 1937 г., расстрелян по сфабрикованному обвинению в Ленинграде в январе 1938 г., реабилитирован в 1957 г.
19. **«...Олина сестра и Виктор, погибший в августовских лесах»** — Виктор — брат Дарьи Васильевны, Ольга — его жена.
20. **Елизавета Ивановна Литхенгауз (1888–1967)** — мать Лены, невестки Дарьи Васильевны. Девичья фамилия Хаджи-Папа, гречанка, родилась и умерла в Одессе. В молодости работала швеей, потом — домохозяйка. **Тетя Аксюта и сестра Валя** — родственники Дарьи Васильевны.
21. **Тетя Аксюта и сестра Валя** — родственники Дарьи Васильевны.
22. **Мать и тетя Аксюта** — то же.
23. **«...Верочка с Митей»**. Митя — Дмитрий Федорович Байрон (1909–1992) — муж Веры, дочери Дарьи Васильевны. Украинец, родился в селе Гниляково (ныне Дачное) под Одессой, умер в Одессе. Работал слесарем, был изобретателем. Воевал пулеметчиком в 10-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии, был в плену, после плена служил в армейском трофейном батальоне, демобилизован в октябре 1945 г. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу». После войны работал мастером производственного обучения в ОМУ ММФ и ОИИМФе.
24. **Коля** — Николай Иванович Гергая (1882–1921) — первый муж Дарьи Васильевны. Грузин, крестьянин села Ноджихеви Зугдидского уезда Кутаисской губернии. После службы в царской армии работал в Одессе тренером скаковых лошадей. Воспитал известного наездника Михаила Лакса, который на жеребце Грог-второй в 1913 г. в Санкт-Петербурге выиграл Всероссийское дерби. После революции работал извозчиком на собственной лошади. Умер в Одессе от сыпного тифа.
25. Пуд = 16 кг. Фунт (гирия) = 0,4095 кг
26. **Бульвар Фельдмана в Одессе** — ныне Приморский бульвар.
«...Чудная каменная лестница» — ныне Потемкинская лестница.
27. **Романовы Борис Иванович, жена Нора, дочь Муся, сестра Алла и мать Анна Андреевна** — семья коллеги сына Дарьи Васильевны — Виктора Гергая — по Черноморпроекту. В 1970-е годы эмигрировали в США.
28. **Коля и Илюша** — Николай Несторович и Илья Несторович Гергая — двоюродные братья сына Дарьи Васильевны — Виктора.

- Тамара и Коля (Кока) — жена и сын Николая Гергая. Ксения Дарсания — сестра Тамары. Все проживали в Сухуми.
29. В данном случае в дневнике неточность. Фашистские войска вошли в Одессу 16 октября 1941 г.
22 октября было взорвано бывшее здание УМГБ на ул. Маразлиевской, где разместились штаб румынских войск. В те дни говорили, что взрыв осуществили партизаны, однако уже после войны стало известно, что здание было заминировано войсками Красной армии перед уходом из Одессы и взорвано с помощью дистанционного устройства. Этот взрыв стал знаковым для всех одесситов, с него начались массовые репрессии против населения.
30. **Эдуард Иванович** Литхенгауз (1887–1963) — отец Лены, невестки Дарьи Васильевны. Немец, родился и умер в Одессе. С детства работал в типографиях Одессы, в основном во 2-й хромолитографии (бывшая Фесенко). В годы оккупации отказался принять «фольксдойче» (немецкий паспорт). Спрятал важные части оборудования типографии, что помешало запустить ее на полную мощность, а затем спас типографию от уничтожения накануне освобождения Одессы. Проживал с семьей в пер. Слепнева, № 1.
«Мама Лены...» — см. № 20
31. «...Ходили на новую квартиру, что Вите дали на Маразлиевской № 5». Получая ордер на квартиру, сын Дарьи Васильевны поинтересовался о старых жильцах и ему ответили, что в эту квартиру уже никто не вернется.
32. Причина, по которой мужа Веры — Митю считали погибшим, был плен. В конце марта 1945 г. в Венгрии, во время атаки немцев он был контужен. В бессознательном состоянии попал в плен и помещен в лагерь для военнопленных, откуда был освобожден 2 мая 1945 г. Из воспоминаний Георгия Гергая: «Дядя Митя вернулся с войны неожиданно, накануне 7 ноября 1945 г. Все ушли на торжественный вечер, а я с бабушкой был дома. Света в тот вечер не было. Мы сидели при коптилке. Кто-то постучал в дверь, я подошел и спросил: «Кто там?» Из-за двери мужской голос спросил: «Здесь живут Гергая?» Я подтвердил. «А ты — Жорик?» Я подтвердил. «А я дядя Митя». И, пока бабушка вставала и шла с коптилкой, я приставил к двери табуретку, влез на нее и открыл замок. Из темноты вошел большой человек с вещмешком. Бабушка заплакала. Потом мы сели пить чай, бабушка расспрашивала дядю Митю и чем-то угощала. Тут пришли остальные, грустная тетя Вера прошла мимо нас на кухню, а мама присмотрелась и радостно закричала: «Это же Митя!» На крик с кухни прилетела тетя Вера, и началось! Так в нашу жизнь вошел дядя Митя.
У него были «золотые руки». С войны он привез слесарный инструмент и охотничьи ружья. Многим охотникам и стрелкам-стендовикам поколения 1960–80-х гг. он делал приклады к ружьям. На водной станции ОДО в Отраде держал шаланду. Был заядлым охотником и рыболовом, и это очень помогло нам в голодные послевоенные годы».

А. Н. Полторацкая

**«АРИСТОКРАТ ПО ДУХУ БОЛЬШЕ,
ЧЕМ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ...»
(А. Л. Казем-Бек)**

Статья продолжает начатые в четвертом и пятом выпусках «Дома князя Гагарина» публикации из архива Н. А. Полторацкого¹.

В 1988 он получил письмо от французской журналистки Мирей Массип с просьбой поделиться сведениями о главе младороссов А. Л. Казем-Беке. Незадолго до смерти Н. А. Полторацкий не только написал письмо, но и наговорил (на французском языке) на диктофон воспоминания о Казем-Беке. В 1992 г. оба текста перевела его жена Н. Ф. Полторацкая. Машинопись автобиографии была передана Н. А. Полторацкому вдовой Казем-Бека Сильвой для работы над статьей памяти А. Л. Казем-Бека, позднее опубликованной в «Журнале Московской Патриархии» в 1979 г.

Публикация и комментарии А. Н. Полторацкой.

Почему я взялся за перо

Русский, по происхождению немного француз, я родился в 1909 г., и в 1925 г. уехал из России во Францию для получения части наследства, доставшегося мне от бабушки со стороны отца (французженки), которая скончалась в Ницце в 1916 г.

Обосновавшись в Париже с матерью и бабушкой с материнской стороны, я закончил там среднюю школу и высшее учебное заведение. Хотя я никогда не занимался политикой и активно участвовал только в жизни Русской Церкви во Франции, мне посчастливилось наблюдать и даже встречаться со многими политическими деятелями русской эмиграции. Среди них особую роль играл Александр Казем-Бек², ставший впоследствии моим большим другом.

После Второй мировой войны, во время которой я принимал участие в движении «Сопrotивление», я, как и Александр Казем-Бек, вернулся в СССР. В Москве наша дружба стала еще крепче. В 1977 г. Казем-Бек скончался.

Три года тому назад я получил письмо из Франции от мадам Мирей Массип, в котором она мне сообщила, что собирается написать книгу о Казем-Беке, и просила рассказать ей все, что касается его личности. Познакомилась она с ним в США, когда он там жил.

Я не выполнил ее просьбы, и вот два месяца тому назад она позвонила мне из Москвы и снова просила сообщить ей все, что я знаю о Казем-Беке.

Поскольку по телефону сделать это было невозможно, я решил написать не только то, что касается Казем-Бека, но и восстановить политическую и общественную атмосферу, которая его окружала.

*Николай Полторацкий
Одесса, 5 мая 1991 г.*

Н. А. Полторацкий. Воспоминания о Казем-Беке

Вскоре после моего приезда во Францию и устройства в Париже в 1926 г., в возрасте 16 лет, я постепенно погрузился в жизнь русской эмиграции. В то время в ней существовало множество политических движений, начиная с крайне правых до крайне левых, граничивших с квази-советизмом³.

Все эти движения, или большинство из них, создали свои политические партии, ставшие последователями существовавших до Октябрьской революции, и возглавили их такие лидеры, как Петр Струве⁴, Павел Милюков⁵, Александр Керенский⁶ и другие.

Экстремистов с обеих сторон было не много, умеренные имели больший авторитет, но все эти партии оставались малочисленными.

Во главе право-умеренных стояла высокопоставленная и глубоко нравственная личность, которая и вдохновляла их действия: это был великий князь Николай Николаевич⁷, дядя царя Николая II⁸.

Крайне-правые, которых было очень мало, монархисты-легитимисты, признали великого князя Кирилла⁹ законным претендентом на царский престол; он был двоюродным братом Николая II.

Во главе лево-умеренных, демократов, стоял Павел Милюков, известный историк и бывший министр иностранных дел Временного правительства. Более левых возглавлял сам Александр Керенский, а еще более левую позицию занимала группировка, которая представляла

собой скорее философско-историческое движение, чем политическую партию в буквальном смысле слова, и назывались они «евразийцами»¹⁰; ее приверженцами были известные профессора, князь Трубецкой¹¹, Савицкий¹² и другие. Они частично стали продолжателями позиции славянофилов, считая, что Российская Империя была особой страной, полувосточной и полуазиатской. Их крайне левое крыло признало, в конце концов, чисто большевистскую доктрину.

Нужно ли еще раз подчеркивать, что все эти перечисленные партии, за исключением евразийцев, в известной мере продолжили политику своих предшественников.

И вот, на этом широком и в то же время однообразном фоне появилось совершенно новое и очень оригинальное движение, движение младороссов.

Если все перечисленные партии, за исключением последней, резко осуждали Октябрьскую революцию, считая ее исторически ненормальным явлением, то младороссы называли себя ее продолжателями, вышедшими из ее недр, и заявили, что считают себя второй советской партией, желая тем сказать, что они намерены сохранить все ее вклады и достижения, начиная с установления института советов.

В то же время они, несомненно, были монархистами-легитимистами, и даже до такой степени, что уже заранее провозгласили великого князя Кирилла императором. По их мнению, монарх нужен был для того, чтобы сохранить внутренние связи империи.

Во главе этого движения, ставшего уже вскоре партией под названием «Союз младороссов», стоял молодой человек, красивый, умный и энергичный, обладавший к тому же особым обаянием.

Это был Александр Казем-Бек, перс по происхождению, принадлежавший в то же время к русскому дворянству и имевший родственные связи с семьей Льва Толстого. Он получил прекрасное воспитание и образование, говорил на нескольких языках. Глубоко одаренный, эрудит, но не педант, он был еще и талантливым художником, его акварели могли бы занять достойное место в салонах.

Аристократ по духу больше, чем по происхождению, сочетавший аристократизм с демократизмом, деликатность с простотой в лучшем смысле слова, он быстро завоевал особое уважение среди своих единомышленников, став их вдохновителем, организатором, и даже кумиром. И к тому же он был прекрасным оратором, умевшим зажигать массы.

В послевоенные годы во Франции наступила эпоха, насыщенная духом демократизма со всеми его крайностями. Стала ощущаться определенная усталость от парламентской говорильни, от беспрерывных смен кабинета министров, от бездействия. К тому же добавилась опасность коммунизма, нервирующая людей.

Германия находилась в отчаянном положении, униженной Версальским договором и готовящейся к гитлеровскому реваншу.

Муссолини, в ореоле славы Древнего Рима, появился как носитель идеалов национального возрождения и примирения, провозгласивший примат государства над политическими партиями путем преодоления классовой борьбы и возвращения к Средневековью для возрождения корпоративной солидарности.

И вот тогда-то молодой Казем-Бек, опьяненный немного этими идеями раннего фашизма, в то время еще не дошедшего до расизма и антисемитизма, основал свой Союз младороссов с очень русским лицом, вдохновляемый глубиной русской философской мысли и национальными традициями. Эта концепция истории принадлежала Льву Тихомирову¹³ и пришлась по вкусу младороссам.

Обратившись к патриотическим чувствам второго поколения русских эмигрантов, в большинстве своем оказавшихся во Франции, а также и в других странах Европы, Азии и Америки, и поддерживаемый группой своих ближайших сотрудников, среди которых надо назвать, прежде всего, Кирилла Иелита-Вильчковского¹⁴, Казем-Бек сумел организовать целую сеть отделений, центров и ячеек своего Союза.

Само собой разумеется, попечителем Союза стал великий князь Кирилл.

Если другие перечисленные партии не смогли привлечь к себе большого количества единомышленников, то партия Казем-Бека не переставала расти, привлекая в свои ряды все возрастающее число людей из всех уголков русской диаспоры и из всех слоев общества.

Интеллектуалы, заводские рабочие, водители такси, мужчины и женщины, люди молодого и среднего возраста, обеспеченные и даже богатые пополнили ряды Союза, движимые бескорыстным чувством любви к своей Родине.

Талант, если не дар, Казем-Бека заключался в том, что он умел внушать всем дух добровольной дисциплины.

Незыблемым правилом Союза была солидарность, взаимопомощь. Искусство заставлять себе подчиняться, полюбить себя, даже обожать было его врожденным качеством.

Благородство, великодушие, отсутствие всякой мелочности, злословия и злопамятности были его основными достоинствами.

И ко всем этим качествам надо добавить еще умение обходиться без посторонней помощи в повседневной жизни. Будучи в юности начальником скаутов, он умел разводить костер в лесу, ставить палатки, убирать лучше любой женщины и, самое главное, прекрасно готовить не хуже лучших поваров мира. Искусство кулинарии было его любимым занятием.

Чтобы материально обеспечить всю эту организацию Союза младороссов с центром в Париже и большой сетью во всех отдаленных уголках мира, нужно было располагать значительными средствами; был создан фонд, в который поступали членские взносы и пожертвования симпатизирующих богатых и обеспеченных людей.

Для пропаганды Союз использовал разные средства, организуя как в Париже, так и других городах конференции, курсы, клубы, кружки, дружеские встречи, торжественные банкеты, на которых председательствовал великий князь Кирилл Владимирович или его брат великий князь Андрей Владимирович¹⁵.

Периодически также устраивались и открытые собрания. Для этого снимались большие залы, как зал «Ваграм» в Париже. Организованные со всей тщательностью, они отличались присутствием большого числа людей и безупречным порядком.

Младороссы, в синих рубашках, повязкой на левой руке с изображением эмблемы Союза, обеспечивали порядок, нарушить который никому не могло и прийти в голову.

Наконец, в определенный момент, появлялся Глава, которого все ждали с нетерпением. Его встречали овациями и приветствовали вытянутой рукой. Он твердым шагом направлялся к трибуне и спокойно поднимался на нее.

Будучи хорошим оратором, он умел говорить убедительно, твердым и энергичным голосом, употребляя краткие и отрывистые фразы. Выраженные в такой форме его идеи находили отклик, и нескончаемые овации иногда переходили в иступленный восторг.

Такая партия не могла обойтись без своей прессы. И она не замедлила появиться. Был раздобыт типографский станок, на котором, когда Ленин был в эмиграции, печаталась ленинская «Искра», которая затем доставлялась в Россию и подпольно там распространялась.

Младороссы, которые считали себя второй советской революционной партией, думали, что добьются большего успеха, если используют тот же станок, и они начали издавать газету почти с тем же названием: «Младоросская искра». Это любопытная и курьезная деталь. Но, увы! Вопреки всем ожиданиям, ленинский типографский станок и заимствованное название не принесло им успеха. «Младоросская искра» была некоторое время центральным органом партии и, насколько я помню, выходила еженедельно. Затем стала издаваться еще одна газета «Младоросская бодрость», которая носила более локальный характер и была меньше по объему. По примеру «королевских молодчиков», продававших «Аксъон франсэз», или ревностных французских коммунистов, продававших «Юманите» на перекрестках улиц, у выхода из кино, театров, церквей и т. д., эти газеты продавались и распространялись уличными газетчиками возле русских церквей и в других местах, где собирались наши соотечественники.

Центральное управление младороссов во главе с Казем-Беком размещалось в предместье Парижа ле Везине.

Несмотря на настойчивые предложения младороссов вступить в их партию, несмотря на всю мою симпатию к ним и лично к Казем-Беку, я, тем не менее, не совершил этого шага по принципиальным соображениям не примыкать ни к каким политическим партиям.

Итак, не вступив в «Союз младороссов», я, тем не менее, сохранил с ними добрые отношения. Если в то время мои отношения с Казем-Беком не были столь близкими, какими они стали позже, после нашего возвращения в СССР; я поддерживал дружеские связи со многими членами Союза, среди которых были выдающиеся его представители, как, прежде всего, инженер-мукомол Александр Угримов¹⁶, который, находясь в Дурдане, во время германской оккупации, играл важную роль в Соппротивлении. Как участник Соппротивления, в эту группу Угримова входил и я.

Во время Холодной войны Александр Угримов, как и многие другие, был выслан из Франции за свои патриотические просоветские идеи, и насильно репатриирован в СССР, несмотря на то, что был награжден военным Французским крестом за участие в Сопротивлении. В СССР он был арестован и сослан в концентрационный лагерь, из которого был освобожден после смерти Сталина. Умер он в Москве в 1981 г.

Другим моим большим другом, который занимался финансами Союза, был Кирилл Шевич¹⁷. Он был арестован в начале войны и отправлен в лагерь Верне ле Бен, откуда был позднее освобожден. После же освобождения Франции его не выслали, как других членов этой группы. Будучи глубоко верующим, но не ханжой, после освобождения Франции он принял монашество под именем Сергия, затем был посвящен в иеромонахи, а позднее в архимандриты. На протяжении 40 лет был настоятелем православного прихода в Ванве. Умер он в 1987 г.

Третьим из самых ярких личностей, среди младороссов, который не был моим другом в строгом смысле слова, но который по поручению Союза поддерживал со мной отношения, если не дружеские, то и не официальные, а скорее полуделовые (он давал приглашения на банкеты, заседания партии, торжественные встречи и т. д.), был князь Владимир Красинский¹⁸, сын великого князя Андрея и знаменитой балерины императорских театров в России Матильды Кшесинской¹⁹. Дожила она до глубокой старости (98 лет) и оставила интересные мемуары, написанные на французском языке и изданные накануне Второй мировой войны²⁰.

Князь Красинский возглавлял парижский центр Союза младороссов и именно в этом качестве он со мной общался. Умер он в Париже около 20 лет тому назад.

Будучи в основе своей светским, Союз младороссов, тем не менее, руководствовался идеями русских философов и мыслителей, связанных с Православной Церковью, и отнюдь не отошел от нее.

Однако с самого начала Церковь в эмиграции разделилась на две отдельные юрисдикции, а потом и на три, по основным мотивам положительного или отрицательного отношения к подчинению Московскому Патриархату.

Во главе первой их двух стоял митрополит Евлогий²¹, подчинившийся Московскому Патриархату, а во главе другой, т. е. Русской Церкви за рубежом, — митрополит Антоний²², не признавший юрисдикции Московского Патриархата под тем предлогом, что она не

была свободной, потому что находилась под властью большевиков. Позже, в 1930 г., митрополит Евлогий по этим же причинам также ушел и из юрисдикции Московского Патриархата.

В результате второго раскола появилась третья юрисдикция, в главе которой стоял епископ Вениамин²³, сохранявший верность Московскому Патриархату.

Среди оставшихся верными Московскому Патриархату были священники отец Афанасий (Нечаев)²⁴, отец Стефан (Светозаров)²⁵, отец Феодор (Текучев)²⁶, впоследствии епископ, и некоторые другие. А среди светских это были Николай Бердяев²⁷, Владимир Лосский²⁸, Леонид Успенский²⁹, Григорий Круг³⁰, Мария Калаш (М. Курдюмов)³¹, Федор Пьянов³² и другие, среди которых были Александр Казем-Бек и я. Мы основали новую церковную общину в честь Трех Святителей. Епископ Вениамин, ставший митрополитом, вернулся в Россию и умер в 1961 г.

С годами политическая атмосфера в Европе становилась все более мрачной. Мюнхен и все, что затем последовало, почти не оставляли сомнения в близкой гитлеровской агрессии против восточных стран и особенно СССР.

И именно тогда русские, эмигрантские партии во Франции, независимо от их политических взглядов, заняли позицию «за» или «против» защиты Отечества, оказавшегося в опасности, и стали использовать все имеющиеся у них средства.

По инициативе Казем-Бека был создан «Круглый стол», объединивший сторонников защиты Отечества.

Он вскоре распустил свою партию, призвав ее членов встать на защиту родной страны.

После гитлеровского нападения на восточные страны в 1939 году и заключения знаменитого пакта Риббентропа—Молотова сочувствующие Советскому Союзу, включая французских коммунистов, были объявлены германофилами, прогитлеровцами и даже вражескими агентами.

Так и Казем-Бек не избежал этой участи; как и некоторые другие члены Союза, он был арестован и интернирован в концентрационный лагерь в Верне ле Бен, в Восточных Пиринеях.

Война против СССР, так называемая Великая Отечественная война, не заставила себя долго ждать и разразилась в 1941 г., что было тяжким испытанием для нашей уже исстрадавшейся страны.

Благодаря своим связям в высоких политических кругах Казем-Бек был освобожден в разгаре войны из концентрационного лагеря и отправился в США.

Обосновавшись в Нью-Лондоне и начав преподавать в колледже, он не прекратил своей деятельности в защиту находящегося в беде Отечества, используя для этого все имеющиеся у него средства, выступая в печати и на разных конференциях.

Что касается меня, то я работал тогда в большом школьном издательстве «Либрари Атье», в которое поступил вскоре после окончания католического института (ЭССЕК), и в то же время безвозмездно исполнял обязанности ответственного секретаря Благочинного Совета Русской Православной Церкви во Франции, подчинявшейся Московскому Патриархату. Я ушел из издательства «Атье», чтобы избежать быть отправленным на работы в Германию, став, таким образом, рефрактером (уклонившимся от отправки на работу в Германию) и затем резистантом (участником Сопротивления).

После окончания войны я получил приглашение от Московского Патриархата возвратиться в Россию и занять должность переводчика Отдела Внешних Церковных Сношений и совмещать эту работу с преподаванием в Московской Духовной Семинарии.

Приехав в Москву в 1948 г., я с удивлением узнал о моем назначении в Одесскую Духовную Семинарию преподавателем сравнительного Богословия и делать переводы для Московского Патриархата.

Эта последняя работа требовала от меня частых отлучек из Одессы в Москву и заставляла проводить там много времени. И именно тогда, находясь как-то в Отделе, я случайно прочел в православном религиозном журнале «Единая Церковь», выходявшем в Нью-Йорке, статью «Памяти Николая Бердяева», подписанную Казем-Бекком. Комментируя эту статью, мои коллеги по переводческому отделу Патриархии сказали мне, что Казем-Бек совершенно отошел от политической деятельности и полностью посвятил себя делу служения Церкви.

Через несколько лет, в 1956 г., приехав в Москву и остановившись, как всегда, у моего друга, «бывшего парижанина» Льва Любимова³³, я имел удовольствие снова встретиться у него с Казем-Бекком, недавно вернувшимся на Родину. Он был назначен заведующим переводческого отдела Патриархии и специальным секретарем митрополита Никодима³⁴, председателя Отдела Внешних Церковных Сношений.

Если Казем-Бек уехал из США, где он имел интересную работу преподавателя, то сделал он это из чисто патриотических чувств, которые взяли верх над его прежними монархическими убеждениями. Этот акт стоил ему тяжелого морального испытания, потому что, приехав в Москву, его заставили подписать открытое письмо-заявление, напечатанное в «Правде», в котором он признавался в «политических преступлениях и правонарушениях», которых никогда не совершал.

Это открытое письмо привело к разрыву с его прежними друзьями по Союзу младороссов, которые обвинили его в нравственной трусости и их компрометации, нарушивших солидарность их партии.

Мой друг Лев Любимов, известный до войны во Франции русский журналист и публицист, был выслан из Франции в 1947 г. за свои просоветские взгляды, несмотря на то, что раньше он относился к умеренно-правому крылу и сотрудничал в его органе «Возрождение».

И у него-то я снова встретил, как говорил выше, Казем-Бека. Через некоторое время после своего приезда в Москву Любимов женился на разведенной женщине, у которой была дочь от первого брака, Сильва.

Вскоре Александр Казем-Бек и Сильва полюбили друг друга, несмотря на большую разницу лет; они поженились и прожили вместе до его смерти в 1977 г.

Поступив на работу в Патриархию, Александр Казем-Бек очень скоро завоевал большой авторитет благодаря своим знаниям и глубокому уважению, которое он всегда вызывал у всех, кто его знал.

Таким образом, будучи друзьями, мы стали и коллегами, и я всегда встречался с ним, когда приезжал в Москву. Наша дружба еще больше укрепилась, и не только со мной, но и со всей моей семьей: с моей матерью, которая еще была жива и которую он очень уважал, с моей женой, дочерью, которая выросла на его глазах, потому что он часто приезжал в Одессу, и, наконец, с моим зятем.

Как я уже сказал, мои частые и длительные приезды в Москву заставляли меня проводить в ней большую часть своего времени, пока я окончательно не обосновался в Одессе в 1964 г.

Моя жена часто приезжала со мной в Москву, и наши отношения с Александром и Сильвой становились все более тесными. Мы совершили вместе даже несколько путешествий, посетив Владимир и Псков и, конечно же, их храмы и Псково-Печерский монастырь и Святые горы, а один раз даже встречали вместе Новый год.

Восшествие на Святой Престол блаженной памяти Папы Иоанна XXIII³⁵ явилось началом совершенно новой эпохи в истории Римской Церкви, коренным образом отличавшейся от той, что была раньше. Состоялся Второй Ватиканский Собор. Это была полная перемена отношения к Православной Церкви, ко всему и ко всем. Папа Павел VI³⁶, несколько более осторожный, хотя и не менее смелый, пошел по пути своего знаменитого предшественника, продолжив его усилия.

Это не замедлило отразиться и на всех действиях, на всех уровнях. Прежде всего, это была встреча Папы Павла VI с Вселенским Патриархом Афиногором³⁷ и снятие анафемы с обеих сторон. На более низком уровне это привело к всякого рода контактам и дружественным обменам, которые открыли путь к укреплению наших отношений. Начался диалог между Православной Церковью и Католической.

Эта счастливая эпоха, столь обещающая вначале, — увы! продолжалась недолго из-за возникшего позже злосчастного конфликта с западноукраинскими униатами.

Именно в этот период митрополит Никодим был назначен председателем Отдела Внешних Церковных Сношений. Это был молодой, умный и энергичный иерарх, обладавший ясным и широким кругозором, оставаясь очень русским по своему умунастроению и семейным традициям, очень укорененный в родной почве Святой Руси. При этом он был проникнут подлинно православным церковным сознанием, считая Церковь Единой, Святой, Соборной и Апостольской, — такой, как она сформулирована в Никейско-Константинопольском Символе Веры. А также благодаря своим собственным усилиям именно он первым начал диалог с Римской Церковью и умножил контакты и дружественные обмены, очень часто сам посещая Рим и католические монастыри.

По этому поводу надо вспомнить случай, когда кардинал Вилли Брандс³⁸, председатель Понтификального секретариата по содействию христианского единства, приехал в Ленинград, чтобы совершить мессу на престоле храма Духовной Академии, а митрополит Никодим отправился в Рим, чтобы отслужить Святую Литургию в базилике Святого Петра и благословил присутствующих на ней римо-католиков.

Надо отметить, что эта новая тенденция, — начало которой митрополит Никодим положил в лоне Русской Церкви, все эти перемены осуществлялись главным образом благодаря Казем-Беку, который смог убедить митрополита, насколько важна роль Ватикана не только

с точки зрения чисто религиозной жизни, но и с точки зрения политической и социальной, — не преминула вызвать благоприятное отношение со стороны советских компетентных органов, которые всегда во все вмешивались.

Эта роль Казем-Бека в сближении наших двух Церквей была высоко оценена Папой Павлом VI, который лично его принял, когда Казем-Бек посетил Францию и Италию в 1976 г.

Здесь надо подчеркнуть, что в силу своих религиозно-национальных традиций Казем-Бек особо почитал Св. Серафима Саровского, святого по существу сугубо русского, но благодаря своей подлинной духовности преодолевавшего все национальные барьеры. И поэтому сам Казем-Бек был в самом глубоком смысле православным.

По своему воспитанию и дворянским традициям он был глубоко укоренен в русской культуре. Это был просвещенный патриот, чуждый всякой националистической узости.

И именно эта широта взглядов, это полное принятие универсальных идей определили его отношение к экуменизму, о котором я говорил выше.

Этот русско-универсальный дух разве не был присущ Пушкину, о котором сказал Достоевский в своей знаменитой речи по случаю открытия памятника великому поэту.

Хотя Казем-Бек жил в XX веке, он во многих отношениях был человеком XIX века. И каждый раз, когда я его видел, он всегда заставлял меня вспоминать Пушкина или его окружение. В связи с этим встает вопрос: как мог он себя чувствовать по возвращении на Родину, окунувшись в советскую жизнь?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо начать с того, что Казем-Бек не смог принять всего стиля американской жизни, к которому испытывал глубокое отвращение и который по своем возвращении сильно критиковал в прессе, даже сгущая краски, что вызвало едкую и ироническую реплику со стороны Ильи Эренбурга в «Литературной газете».

Впоследствии он быстро понял, что стиль советской жизни был не лучше американского, так как имел все его недостатки, без всяких его преимуществ. Но, тем не менее, это была Россия, его дорогое Отечество, и с ностальгией было покончено!

Он, конечно же, страдал, соприкасаясь с действительностью, и находил утешение в сознании своего служения Церкви и через нее в

равной мере и России, которую он не терял надежды увидеть духовно возрожденной и счастливой.

Чтобы достичь такого состояния духа, надо было, чтобы такой политик, каким был Казем-Бек, стал церковным человеком. Но не в клерикальном смысле слова, а в смысле церковного сознания.

Приехав в СССР после смерти Сталина, но в период глубокого, брежневского застоя, как был бы он счастлив дожить до нашего времени «перестройки», несмотря на все ее издержки, и увидеть религиозное возрождение, возвращение отнятых храмов и монастырей, как и обретение свободы, хотя еще и не полной, всех прав, и среди них особенно печати!

Через некоторое время после своего возвращения из поездки во Францию и Италию, он мне признался, что теперь он выполнил свой долг. Вскоре, после второго инсульта, — первый он пережил во время своего путешествия, — он скончался в полном сознании и умиротворенным, причастившись Святых Тайн, 21 февраля 1977 г. в Москве.

Перевод с французского Н. Ф. Полторацкой

Н. А. Полторацкий — мадам Мирей Массип

Одесса 17 июня 1991 г.

Дорогой друг,

После Вашего телефонного звонка, когда я уже закончил писать изложенное выше, я решил тотчас же ответить на Ваши вопросы, в том порядке, как Вы их поставили.

1. Описывая предвоенное время, я сказал, что перед угрозой гитлеровской агрессии некоторые партии и группировки русской эмиграции, и особенно Союз младороссов во главе с Казем-Бекем, решили встать на защиту своего Отечества, используя для этого все имеющиеся у них средства. Так, незадолго до этого был создан «Круглый стол», о котором я говорил выше.

И с этого момента все, что раньше считалось «советским», потеряло теперь в их глазах одиозный характер и, следовательно, основание для своего существования. Что касается генерала Игнатьева³⁹, семью которого (мать, сестру и брата) я хорошо знал в Париже, а лично с ним познакомился только по своему возвращении в Россию, и это знакомство впоследствии переросло в дружбу, то его никак нельзя было заподозрить в причастности к советским секретным службам.

Просто, будучи военным атташе во Франции во время I Мировой войны и имея в своем распоряжении два миллиона франков золотом, он, титулованный дворянин, по чисто патриотическим соображениям и совершенно бескорыстно «вернул» их советскому правительству, тогда как мог их присвоить или пожертвовать на какую-нибудь эмигрантскую акцию. Он поступил так, потому что считал советское правительство законным правительством своей страны. Сделал же он это не без колебаний и, пережив глубокую внутреннюю драму, но убежденный в том, что политические режимы проходят, а Россия остается.

И именно это побудило его принять решение перейти на службу России, ставшей Советской, но он не отказался от своих религиозных убеждений, которые продолжал всегда открыто исповедовать. Все это он хорошо описал в своей книге «Пятьдесят лет в строю».

Распустив свой «Союз младороссов» или, может быть, собираясь это сделать, Казем-Бек, как я сказал выше, призвал его членов встать на защиту своей Родины, оказавшейся в опасности, и было совершенно естественно, что он, их вождь, искал возможности завязать контакты с каким-нибудь видным представителем своей страны. Так, выбор не мог не пасть на такую личность, как генерал Игнатьев, собиравшийся в то время ехать в Москву. Во время их встречи Александр Казем-Бек, как он позже мне сам говорил, попросил генерала взять на себя миссию довести до сведения маршала Ворошилова⁴⁰, в то время министра обороны СССР, что если понадобится, то члены Союза младороссов готовы вступить в ряды Красной армии.

2. Написать некролог о Казем-Беке было поручено мне редакцией «Журнала Московской Патриархии» не без колебаний, учитывая его политическое прошлое, о котором решено было умолчать, что я и сделал. Но до опубликования этого некролога, во время моего отсутствия, в редакцию поступил на работу молодой талантливый журналист Валентин Никитин.

Этот молодой журналист, не знавший лично Казем-Бека при его жизни, после его смерти довольно быстро стал его ревностным поклонником и захотел также во что бы то ни стало написать статью, посвященную Казем-Беку. Не желая ему отказывать, редакция позволила ему написать эту статью и соединила мою и его в одну. Но, так как в статье Никитина, хотя и в завуалированной, но хвалебной форме о политическом прошлом Казем-Бека все-таки было сказано,

наша общая статья была полностью переделана и появилась с большим опозданием.

3. Что касается личной оценки Казем-Бека своего возвращения в Россию в 1956 г., то я достаточно подробно сказал об этом выше и здесь мне остается мало что добавить. Но, чтобы лучше понять, что он сам об этом думал, надо начать с общего в то время настроения всех репатриантов. Я об этом также достаточно подробно рассказал выше и здесь снова хочу подчеркнуть это же самое.

Именно война против России вызвала полное и радикальное изменение в умах почти всех эмигрантов, и именно она определила все их дальнейшее поведение.

И она же заставила большинство русских эмигрантов, оказавшихся во Франции и других странах, забыть все прошлые обиды.

И опять она, сразу же и еще сильнее, чем раньше, напомнила им, что, прежде всего, они являются русскими. Совсем как Шарль де Голль, который сказал: «Франция — прежде всего!»

Такую же твердую позицию занял и генерал Антон Иванович Деникин⁴¹, что было очень важно. Бывший главнокомандующий Белой армии во время Гражданской войны (1917–1920) на юге Российской Империи, включая Украину, и в то время правитель этих территорий, он жил во Франции, покинув Родину после своего поражения и поражения своего преемника, барона генерала Петра Врангеля⁴².

В середине 30-х годов мне довелось побывать у него дома в Ван-ве в качестве генерального секретаря Союза русских студентов во Франции. Целью моего визита было пригласить его на бал в пользу туберкулезных студентов, который должен был состояться в гостинице «Лютеция».

Он принял меня очень приветливо, но весьма сдержанно, и я не позволил себе задать ему деликатный вопрос о его исторической роли, которую он играл в ту эпоху, и о причинах его поражения. Я только передал ему приглашение и удалился.

В эти несколько минут, которые я пробыл у него, меня больше всего поразило то, что он был, может быть, единственным из своих бывших соратников, оказавшихся во Франции, кто носил прежнюю генеральскую форму, но без эполетов. Несколько лет спустя, уже накануне Второй мировой войны, я еще раз увидел его. Это было на большом собрании в зале «Ваграм», где произошла встреча генерала

Деникина с его бывшими офицерами. Зал был заполнен и состоял почти исключительно из его прежних соратников.

Там-то я еще раз увидел генерала Деникина. Под бурные овации он поднялся на трибуну и произнес следующие слова, которые я привожу по памяти:

«Политический горизонт, господа, все более сгущается. Над нами собираются тяжелые и мрачные тучи. Со всех сторон и почти повсюду подписываются всевозможные договоры и искусственные пакты, которые остаются только бумажками, не имеющими никакой ценности, а война оказывается неизбежной, и особенно против нашей страны. Некоторые думают, что Красная армия не выдержит! А может быть, господа, она выдержит! Но каково бы ни было наше отношение к советской власти, Вы должны помнить, господа, что она защищает священные рубежи нашей Родины и что путь агрессора никогда не может стать нашим путем и враг никогда не найдет среди нас попутчиков».

Эти слова были приняты почти всеми с восторгом.

Если генерал Деникин не возвратился в Россию, то он никогда и не хотел сотрудничать с немцами, в противоположность генералам Краснову⁴³ и Шкуро⁴⁴, как и советскому генералу Власову⁴⁵. Он умер в США в годы войны.

На вопрос, чувствовали ли мы себя чужими по возвращении в свою страну, невозможно ответить одним словом — да или нет. Это же касается и Казем-Бека, как и многих других.

А между тем для некоторых, кто по возвращении был арестован и отправлен в концентрационные лагеря и освобожден только после смерти Сталина, утвердительный ответ взял верх.

Поразительным и драматическим примером является случай Игоря Кривошеина⁴⁶. Сын бывшего русского министра перед революцией, который сыграл большую историческую роль, он стал эмигрантом во Франции и, закончив высшую школу, работал там инженером. Когда разразилась война, он принял активное участие в Соппротивлении. Был арестован и интернирован в концентрационный лагерь Бухенвальд, где чудом избежал смерти. Здесь надо отметить, что он был удостоен ордена Почетного Легиона. После освобождения Франции, движимый просоветскими патриотическими идеями (за которые заплатил еще до войны против СССР, будучи арестован, как и все другие участники «Круглого стола»), он был избран председателем «Союза советских

патриотов». За это во время «Холодной войны» указом французского правительства он был выслан из Франции. Пройдя через фильтрационный лагерь в Германии, он, наконец, приехал в СССР, и был снова арестован по ложному доносу о шпионаже и интернирован в концентрационный лагерь, где пробыл семь лет и был освобожден после смерти Сталина. Его сын Никита за то, что отправил письмо в газету «Ле Монд», был также арестован и, отбыв свое наказание в лагере, в конце концов возвратился во Францию, где он родился. Его родители, оставшиеся одни, через несколько лет поехали к нему и там умерли.

А его мать, Нина Кривошеина, успела перед смертью написать свои воспоминания, напечатанные в «Эдитер Реюни» в Париже под названием «Четыре трети нашей жизни», которые вскоре появятся на русском языке в Москве. Я думаю, что эту книгу надо перевести на французский. В эпических, но хватающих за душу выражениях, она описала все трагические перипетии, обрушившиеся на ее семью, и подчеркнула, что эта несчастная судьба была уделом не только ее и ее семьи, но и других репатриантов.

Я Вам советую обратиться к ее сыну Никите Кривошеину, проживающему в Париже (Париж (13), 13, рю Гандон). Он может Вам дать прочитать если не всю книгу своей матери, которая еще не переведена на французский, то хотя бы некоторые уже переведенные из нее отрывки. Во всяком случае, знакомство с ним будет Вам полезно во всех отношениях.

Среди репатриантов самой трагической была, бесспорно, фигура нашей великой поэтессы Марины Цветаевой⁴⁷, возвратившейся в Россию перед самой войной.

Будучи исключительно русской по своей натуре, всему своему поведению, своему мощному таланту, к тому же москвичкой, происходившей из высокообразованной семьи, получившая прекрасное воспитание и образование, превосходно владевшая французским языком настолько, что перевела несколько стихотворений Пушкина, во время Гражданской войны она оказалась по другую сторону баррикады, в лагере Белой армии, которой посвятила свою знаменитую поэму «В лагере белых лебедей».

Позже, оказавшись во Франции, она испытывала мучительную тоску по Родине, которую выразила в своих стихах. Все ее произведения очень русские по содержанию, исключительно русские по вдохновению и еще и еще раз русские. Она всегда оставалась, и не могла не остаться,

только русской, ни изменить своего поведения. В ней всегда преобладала русская стихия, и часто это была стихия, не знающая границ.

Живя в Кламаре, пригороде Парижа, где жили Бердяев, Бальмонт⁴⁸, Карсавин⁴⁹ и другие великие русские мыслители, она была почти что моей соседкой. Ее я также часто встречал, хотя близко не знал. Я лучше знал ее мужа Сергея Эфрона⁵⁰. Во время Гражданской войны он также оказался в лагере белогвардейцев и даже занимал большой пост при штабе генерала Деникина, отвечая за идеологическую работу.

Мы довольно часто встречались в одном вагоне трамвая из Кламара в Париж. Во время наших поездок и в ожидании трамвая у нас было достаточно времени для разговоров о России и проблемах, связанных с нашим возможным возвращением на Родину.

Сергей Эфрон советовал мне как можно скорее возвратиться в Россию, чтобы участвовать в восстановлении нашей страны, построении социализма. Я не возражал, но решил сделать этот шаг в более подходящий момент.

Дело в том, что Сергей Эфрон примыкал к левому крылу евразийской партии, о которой я говорил выше, полностью разделявшей, марксистско-ленинское учение в целом и в его сталинском выражении. На практике эти теории иногда претворялись в совершение террористических актов за границей.

Принимая активное участие в таких актах, которые были давно описаны в советской прессе, Сергей Эфрон должен был с семьей бежать в СССР и оказался в Москве.

Но, так как Лаврентий Берия, коварный и кровавый шеф советской секретной службы того времени, всегда ликвидировал свидетелей и исполнителей своих гнусных дел, Сергей Эфрон был вскоре по своему возвращении арестован и несколько позже расстрелян.

Его дочь Аля⁵¹ была заключена в тюрьму, его обожаемый сын, Мур⁵², баловень и любимец родителей, нашел приют у дальних родственников; и бедная Марина Цветаева оказалась совершенно одна. Брошенная, всеми оставленная, всеми избегаемая, без определенного места жительства и постоянной работы, напрасно искавшая какой-нибудь работы, хотя бы судомойки, впавшая в отчаяние, она покончила собой, повесившись у себя дома.

Говоря о патриотизме русских эмигрантов во Франции и других странах, нельзя не сказать о группе резистантов (участников

Сопротивления). Я только ограничусь такими именами, как Борис Вильде⁵³, сотрудник музея Человека (именно он придумал название «резистанс», принятое впоследствии всеми) и княжна Вики Оболенская⁵⁴, казненная нацистами вместе с другими, не пожелавшая ходатайствовать о помиловании.

Особо надо выделить русскую монахиню мать Марию Скобцеву⁵⁵, которую имел честь я близко знать, как и хорошо знал ее семью. О ней и ее подвигах уже много написано. Широко образованная, сменившая светскую одежду на монашеское одеяние в тридцатые годы в Париже, она посвятила себя благотворительной работе, основав в Париже «Православное дело», помогавшее бедствующим и голодающим русским как морально, так и материально. Во время войны она прятала в своем центре евреев и бежавших из немецких концентрационных лагерей узников. Интернированная в лагерь Равенсбрюк, она погибла, добровольно пойдя в газовую камеру вместо одной из советских заключенных.

Возвращаясь к Казем-Беку и ко мне лично, надо сказать, что мы оказались в лучших, и иногда значительно лучших, условиях жизни, чем другие репатрианты. Но главное — это то, что нам посчастливилось избежать репрессий.

Если Вы были дома у Сильвы, то видели, какая у нее большая и удобная квартира. Квартира, в которой Казем-Бек жил с Сильвой, была меньше, но столь же удобная, расположенная почти у самого берега Москва-реки, на другом берегу которой находится парк имени Горького.

Итак, жаловаться на судьбу в этом отношении Казем-Бек не мог. К тому же в то время Москва находилась в лучшем положении по сравнению с другими городами СССР, и с точки зрения снабжения в ней было все.

Не так сложилась судьба сестры Александра Казем-Бека, Марии Казем-Бек, жены князя Михаила Чавчавадзе. На волне возвращения на Родину в 1947 г. она вместе со своим мужем и детьми вернулась в СССР. Она и муж были арестованы и затем интернированы в концлагерь и освобождены после смерти Сталина. Оба они уже умерли, Михаил Чавчавадзе 20 лет тому назад, его жена — пять. Их сын Зураб живет в Москве, и я связан с ним тесными узами дружбы.

Когда сразу же после войны во Франции началось движение за возвращение на Родину, а затем последовал советский указ от 14 июня 1946 г., дававший право гражданства всем бывшим русским

подданным, оно быстро нашло отклик как в русской парижской прессе, так и разного рода собраниях.

И именно тогда Николай Бердяев написал статью под названием «Надо снова пережить судьбу русского народа», которая была напечатана в газете «Русские новости», появившейся в то время в Париже; в этой статье он призывал всех русских эмигрантов возвратиться в родную страну, выполнив тем свой нравственный, патриотический долг. Сам же он должен был воздержаться сделать этот шаг, потому что не мог печатать там своих книг.

Просоветские патриотические взгляды Бердяева не помешали ему позже напечатать в этой же газете резкую критическую статью по поводу знаменитого осуждения Ждановым⁵⁶, секретарем Центрального Комитета КПСС по идеологии, советских журналов «Звезда» и «Ленинград» за напечатание некоторых произведений Анны Ахматовой⁵⁷ и Михаила Зощенко⁵⁸, как не соответствующих советской идеологии.

Статья эта называлась «О фабрикации человеческих душ» со ссылкой на указание Сталина, что «писатели должны быть инженерами человеческих душ».

Я также вспоминаю адмирала Вердеревского, бывшего военноморского министра Временного правительства во время Керенского, который обратился к своим друзьям со следующими словами: «Надо возвращаться в Россию, даже если Вас ждет там трагическая судьба!» Ее, к сожалению, немногие из нас избежали.

И опять же он, адмирал Вердеревский, был инициатором создания в Париже нового журнала социально-политического направления под названием «Кабе де ла Нувель Эпок». Печатавшийся на французском языке, этот журнал рассматривал философско-социальные и политические проблемы, касающиеся ситуации, создавшейся после Второй мировой войны и поражения фашизма. Ориентированный на победоносную новую Россию, этот журнал отмечал признаки, знаменующие собой новую эру. Частичное возвращение церковей, мужских и женских монастырей, восстановление таких забытых исторических имен, как Александр Невский, Суворов, Кутузов, казалось, позволяли верить в осуществление этих надежд. Ориентированный исключительно на новую Россию, этот журнал в то же время считал необходимым извлечь некоторые нравственные уроки, которые не вредно было бы учесть и усвоить Западному миру, который сам очень изменялся.

С другой же стороны, отбросив всякую патриотическую эйфорию, даже французы допускали, что советская власть смягчит свою политику, основываясь на исторических прецедентах. Увы! То, что последовало, доказало лишь обратное. И именно скептики, а ни в коей мере оптимисты, оказались правы. Но в тот момент патриотические чувства брали верх.

В редколлегию журнала «Каёе де ла Нувель Эпок», кроме адмирала Вердеревского, входили Николай Бердяев, Кирилл Элита-Вильчковский, М. Филиппото (французский министр в то время) и некоторые другие. Я также принимал участие в этом журнале, но как технический секретарь редколлегии и сотрудник Отдела по проблемам, главным образом, религиозным и даже церковным. В первом номере журнала была напечатана моя статья о религиозном положении в СССР.

Что же касается внешнего вида журнала, то обложка его была оформлена известным художником-иллюстратором начала XX в. Юрием Анненковым⁵⁹. Между прочим, это он иллюстрировал первое издание стихотворений Блока⁶⁰.

Не случайно я упомянул среди сотрудников журнала имя Кирилла Элита-Вильчковского, потому что до войны он был генеральным секретарем Союза младороссов и близким другом Казем-Бека. Умный, в высшей степени образованный, он обладал журналистским талантом, и его можно отнести к разряду профессионального журналиста-публициста, писавшего на двух языках, французском и русском. По происхождению поляк, как указывает его фамилия, он разделял крайне прокатолическо-римские взгляды; он сотрудничал с иезуитами из «Аксьон популер» и особенно с отцом Бардом. Внешностью и манерами он не был столь блестящ, как Казем-Бек. Во время их сотрудничества в младоросской партии они были неразлучны. Приняв решение возвратиться на Родину, и перед своим отъездом в Москву, Казем-Бек ездил попрощаться со своим другом и соратником в Швейцарию за несколько лет до его смерти.

С одной стороны, в порыве общего патриотизма все прошлые политические обвинения были забыты, а с другой — все ожидали смягчения советского политического режима; но, как я сказал выше, эти ожидания впоследствии не оправдались,

В то время патриотический порыв охватил таких официозных представителей эмиграции, как бывший посол Временного правительства

России Василий Маклаков, адмирал Кедров⁶¹ и другие высокопоставленные фигуры, и заставил их предпринять соответствующие шаги.

Они отправились в Советское посольство, чтобы выразить послу Александру Богомолу свои патриотические чувства от имени всех русских эмигрантов, проживавших во Франции.

Так как во время войны Николай Бердяев занимал патриотическую позицию, посол Александр Богомол выразил желание встретиться с ним и пригласил его в посольство. Это приглашение было передано через меня, поскольку в то время я был ответственным секретарем Благочинного Совета Русской Православной Церкви во Франции и техническим секретарем Религиозно-философской Академии, президентом которой был Николай Бердяев.

Приняв это приглашение, Николай Бердяев, которого я сопровождал, был хорошо принят в Советском посольстве, где имел долгую беседу с послом Богомолым. Во время этой беседы Бердяев рассказал о своих ностальгических чувствах и выразил желание служить Родине, выступая в печати или каким-либо иным способом.

Итак, ни в коей мере нельзя упрекать Казем-Бека за его встречу с генералом Игнатьевым (уже советским), которая только опередила встречи советского посла с бывшим послом Маклаковым, адмиралом Кедровым и другими высокопоставленными фигурами, как и встречу Бердяева с советским послом.

Единственное, чем отличалась встреча Казем-Бека с генералом Игнатьевым от других указанных встреч, было то, что она состоялась перед войной, когда Россия находилась в опасности, тогда как другие произошли в то время, когда Россия уже была победительницей.

Именно в таком расположении духа и состоянии души, которые можно назвать эйфорией, русские эмигранты поспешили вернуться на Родину. Приезд митрополита Николая⁶² из Москвы в Париж в 1945 г., его зажигательные проповеди оказали сильное влияние на это решение.

Советское консульство организовало много эшелонов, направившихся в СССР.

То, что произошло во Франции, через некоторое время произошло в Бельгии, Югославии, Болгарии и других европейских странах, где проживали русские эмигранты. Этот патриотический порыв русских

эмигрантов, оказавшихся во Франции, не мог не найти отклика в Азии и Северной и Южной Америке.

Как я уже сказал, Казем-Бек много выступал в печати и других средствах массовой информации. Его статьи в газете «Новая заря» не прошли незамеченными.

Здесь надо отметить, что, работая по возвращении в Россию в лоне Церкви, Казем-Бек и я оказались в привилегированном положении.

Октябрьская революция, которая ликвидировала все институты старой России, оставила только один, и это была Церковь.

Итак, приехав в Россию, мы оказались в своей стихии и не чувствовали себя чужими. Это было единственным местом, где не надо было исповедовать марксистско-ленинское учение, и где можно было сохранять и проявлять религиозную свободу.

Еще одной привилегией в этом смысле для Казем-Бека было то, что, находясь под покровительством Церкви, он мог не только работать в своей среде, но еще и служить своему идеалу, которым для него был экуменизм. Я уже говорил об этом выше, и хочу добавить здесь еще несколько слов.

Господь наш Иисус Христос заповедал нам в Своем Евангелии сохранять единство Церкви, которая действительно оставалась Единой в первое тысячелетие своего существования. Она состояла из двух отдельных частей: Западной, в которую входила Римская Церковь, возглавляемая Папой Римским, и Восточной, в которую входили: Константинопольский Патриархат, затем Александрийский и Иерусалимский и, наконец, другие Автокефальные Церкви (сейчас их имеется 16, возглавляемых патриархами или митрополитами, если это маленькие Церкви, состоящие из небольшого числа верующих).

Это единство, различающееся только по языку и обрядам, было, к сожалению, нарушено Великой Схизмой в 1054 г. с анафемами с двух сторон, разделившей Вселенскую Церковь на две части: Западную, или Римскую, и Восточную, или Православную. И оставив в стороне вопрос, которая из этих двух была права или неправа, Папа Римский Николай Первый⁶³ или Константинопольский Патриарх Фотий⁶⁴, единство это действительно было нарушено из-за взаимных грехов, что очень горестно. За Великой Восточной Схизмой 1054 г. последовала Западная в 1520 г., которая произошла под влиянием

Мартина Лютера⁶⁵, основоположника Реформации; и, наконец, в 1533 г. откололась Церковь во главе с Жаном Кальвином⁶⁶, а в 1534 г. — Церковь Англии.

Таким образом, христианский мир оказался расколотым на три великих конфессий: православие, католичество и протестантство.

Но, несмотря на это разделение, каждая из Церквей никогда не переставала молиться о восстановлении Единой Церкви, добиться которого не так легко, потому что каждая конфессия защищает свои догмы и традиции, появившиеся и выработанные после разных схизм.

Что же касается взаимоотношений между Православной и Римско-Католической Церквами, то постепенно в каждой из них сознание вселенскости упало до такой степени, что Католическая Церковь признает только латинские обряды и литургический язык, а Православная Восточная Церковь, в свою очередь, признает только восточный обряд и национальные языки.

И надо было только восшествия на Святой престол Папы Льва XIII⁶⁷, чтобы было признано «достоинство Восточных Церквей» и произошли изменения в отношениях между этими двумя Церквами. А в Православной Церкви Московский Патриарх Сергий⁶⁸, в то время местоблюститель патриаршего престола, в 1936 г. признал действительность западного обряда.

Сама же идея сближения церквей родилась в протестантских Церквах. Эта идея привела впоследствии к образованию движения экуменизма в середине XIX в., а в 1918 г. был образован Всемирный Совет Церквей.

Главными инициаторами этого движения были д-р Мотт и д-р Виссерт Хуфт; последний стал генеральным секретарем движения и был большим другом Казем-Бека.

Все Православные Церкви сразу же примкнули к этому движению, за исключением Русской Церкви, которая сделала этот шаг только в 1954 г. Римско-Католическая Церковь, хотя и не вошла во Всемирный Совет Церквей, сотрудничает с ним в этом направлении и создала при Ватикане Понтификальный секретариат по содействию христианского Единства. Именно Папа Иоанн XXIII⁶⁹ дал новый импульс этому движению со стороны католиков, о чем я уже говорил выше. Эти усилия продолжил Папа Павел VI, а в наши дни Папа Иоанн-Павел II⁷⁰.

В заключении надо сказать, что всякого сознательного и добросовестного христианина, а таким именно был Александр Казем-Бек, не могут не волновать проблемы объединения Церквей, и он должен во всем этому содействовать.

* * *

В моем изложении идей и исторических фактов на разных уровнях, надо отвести особое место Франции и ее роли в жизни Казем-Бека.

Страна, которая всегда притягивала к себе русскую элиту до Октябрьской революции, стала убежищем для массы русских эмигрантов. И именно она дала им возможность заработать себе на жизнь, дать образование своим детям на равных правах с французами и пользоваться всеми правами свободы, начиная со свободы печати, собраний, вероисповедания и т. д.

И, несмотря на некоторые трудности, которые им пришлось пережить в начале Второй мировой войны и также во время «Холодной войны» из-за разного рода исторических недоразумений, это исключительно щедрое гостеприимство французов никогда не могло быть забыто теми, кто его сам познал.

Для Казем-Бека Франция сыграла особую роль. Именно там он смог основать свою партию, и именно из Франции он смог руководить всеми разветвлениями своего Союза младороссов и чувствовать себя в безопасности.

Он глубоко ценил ее за ее высокую культуру и ее цивилизацию, ее гуманистическую литературу, искусство, как и на другом уровне, за «умение жить». Всего этого ему так не доставало у нас, а это он еще находил в Италии и в Швейцарии. Он не смог принять американского образа жизни, как и образа жизни современной Индии, в которой несколько раз был и которая ему не очень понравилась.

Для русских эмигрантов, долго проживших во Франции, и для оставшихся там, не говоря уже об их детях, которые там родились, Франция стала второй Родиной, и она осталась таковой для тех, кто покинул ее, чтобы возвратиться на свою первую Родину.

Н. Полторацкий

Перевод с французского Н. Ф. Полторацкой

А. Л. Казем-Бек. Автобиография

Я родился в Казани 2 февраля 1902 года. Мне, следовательно, исполнился 71 год.

Уже с 1904 года в Вильне, затем от 1907 по 1910 год в Калуге и с 1910 по 1914 год в Ревеле (прежнем названии города Таллина). В детском возрасте я переезжал из города в город с родителями из-за службы отца, работавшего по Министерству земледелия. Последняя его служба до войны 1914 года была управляющим крестьянским и дворянским поземельным банком в Прибалтике. В те же годы я много ездил по России со своими родителями и бабушками, а лето проводил либо в имениях отца, либо у бабушек (в Казанской и Тульской губерниях). Также ездил с родителями и бабушкой за границу (во Францию, в Италию, в Швейцарию, в Германию и в Австрию). В Ревеле я поступил для изучения немецкого языка в старинную немецкую Гимназию (Дом-шULE). Французский и английский языки я еще до того усвоил дома.

Когда началась Первая Мировая война, отец мой ушел добровольцем в действующую армию и провел всю войну до конца 1917 года на фронте. Так как он ушел на войну в гражданском чине действительного статского советника, вернувшись самым старым корнетом гвардейской конницы в лефский полк (Уланский императрицы Александры Федоровны), последовало предложение моей матери работать в полковом лазарете военного времени в Царском Селе, где был развернут этот лазарет. Моя семья переехала поэтому в Царское Село, где мы прожили все военные годы.

Я поступил в четвертый класс Царскосельской гимназии, в которой к началу Революции закончил шесть классов.

Лето 1917 года мы провели как обычно в своем казанском имении (ныне затопленном рекой Камой). В ноябре 1917 года мы с матерью и сестрой переехали в город Казань, куда с фронта к нам приехал отец. Всем семейством мы выехали через Москву на Кавказские Минеральные воды, где прожили до июня 1918 года и выехали в Одессу. Оттуда мой отец поехал в Киев, рассчитывая проехать в Ревель. Мы же с матерью переехали в Ростов-на-Дону и затем в Екатеринодар (нынешний Краснодар). В мае 1919 года отец мой получил назначение уполномоченным Красного Креста на Сочинский район, и лето

1919 года мы провели в Сочи-Мацесте. Я схватил там малярию и был послан лечиться в Кисловодск. В ноябре 1919 года был мобилизован. В армии оставался до декабря того же года, когда заболел заражением крови от прививки против сыпного тифа. После трехнедельного лечения в Екатеринодарском военном госпитале был эвакуирован в Новороссийск, где находилась моя семья.

19 февраля 1920 года был эвакуирован на пароходе «Иртыш» вместе со всей семьей за границу (через Константинополь и Салоники) — в Белград, куда прибыл в середине марта. В мае 1920 года выдержал организованные при гимназии в гор. Панчево экзамены на аттестат зрелости. В сентябре того же года поступил в Белградский университет. А за время пребывания в Югославии овладел сербохорватским языком и работал переводчиком в Комитете по делам русских беженцев в Белграде. В мае 1921 года переехал в гор. Печ, который после плебисцита отошел к Венгрии. Несколько месяцев провел в Будапеште и в ноябре уехал в Польшу (на Волынь) для заключения первого брака (со Светланой Александровной Эллис). В декабре выехал с женой в Мюнхен для завершения своих учебных занятий, где и поступил в политехникум (на факультет политической экономики). Условия бурной инфляции в Германии позволяли в то время жить исключительно дешево на иностранную валюту, что вызвало большой наплыв иностранных студентов в немецкие города.

По тем же причинам в феврале 1923 г. в Мюнхене был созван по почину русского студенчества университетов и институтов, до войны находившихся на русской территории (как Виленский, Рижский, Гельсингфорский, и славянских, как Пражский, Карлов и Белградский), съезд зарубежной русской молодежи, в котором мне довелось принять участие. На съезде мне довелось выступить с речью о том, что гражданская война в России кончена и что ее не может быть в будущем. Эта речь была вызвана глубоким убеждением в невозможности исходить из позиций вчерашнего дня и вызвала для меня неожиданно широкий отголосок. Большинство участников съезда обратились ко мне с просьбой возглавить будущий центральный орган, оставленный съездом для руководства дальнейшей работы по объединению русской молодежи вне пределов России. Несмотря на мою неготовность последовать подобному почину, я оказался избранным более чем тремя четвертями голосов съезда. В конечном

счете, когда за меня проголосовал единогласно весь состав съезда, мне ничего не оставалось, как принять это решение.

Решение первого (и единственного) съезда объединенной русской молодежи определило всю мою дальнейшую жизнь до Великой Отечественной войны. После закрытия съезда я остался в Мюнхене с несколькими людьми из местных представителей союза русской молодежи. Руководство союзов молодежи на Балканах и на юге Франции в дальнейшем продолжало оказывать мне содействие, но со времени моего избрания я оказался во главе обширной организации, лишенной средств. Вскоре нам пришлось переехать из Мюнхена во Францию, так как немецкую марку (цены на которой достигли миллиардов за проезд в трамвае!) стали стабилизировать (под названием «реигенмарк»), отчего стоимость жизни в Германии сразу стала дорогой для иностранцев, живших ранее на 10–15 долларов в месяц.

Перебравшись в Париж, я столкнулся со всеми трудностями жизни. Первые годы в особенности были сложными. Приходилось учиться, ведать делами организации и зарабатывать себе на жизнь. В конце 1925 года я сдал экзамены в высшей социальной и политической школе в Париже. Мне было предложено место начальника отдела размена иностранных валют в единственном Монакском банке в Монте-Карло (Монакский Фондовый кредит, выпускавший разменные деньги Монако и имевший право на скупку иностранной валюты в монте-карлском казино). С конца 1925 года до начала 1929 года я провел, таким образом, в Монте-Карло.

В конце 1939 года мне пришлось возвратиться в Париж, где мое участие требовалось для более интенсивного руководства общественными начинаниями. В тридцатых годах я стал главным образом журналистом и публицистом. Надвигавшаяся Вторая Мировая война выдвигала грозные проблемы для всех русских. Перед самым наступлением военного периода сигналом бедствий прозвучало поглощение Германией Чехословакии. По моей инициативе были созваны в Париже собеседования «круглых столов», в которых приняли участие большое число русских общественных деятелей, высказавшихся за объединение всех русских в случае, если Гитлер занесет руку на нашу Родину. Когда началась война на Западе, я публично доказывал, что в нее будет втянут и Советский Союз. Телеграммами главам французского и британского правительств мною было указано, что мы

представляем себя в распоряжение их стран для содействия отпору германскому империализму и что этим мы признаем себя выполняющими свой долг перед нашей собственной страной.

Когда началась русско-финская война, в нашей парижской газете «Бодрость» я печатал статьи, доказывающие, что это отнюдь не означает выступления Советского Союза на стороне Германии и что именно он явится главным объектом германской агрессии. Перед самым крушением Франции французская цензура стала проявлять истерические настроения. Французский главнокомандующий генерал Гамелэн впоследствии признал в своих мемуарах, что Франция предполагала перед своим разгромом высадить войска в Петсамо (Печенге) для поддержки воюющей с Советским Союзом Финляндии. Поскольку наша газета была единственной во Франции, выступавшей в этот момент против финнов, не приходится особенно удивляться тому, что весной 1940 года свыше тридцати моих руководящих сотрудников были заключены во французские концлагеря. Лично я был арестован на рассвете 3-го июня 1940 года, менее, чем за две недели до капитуляции французской армии.

После заключения перемирия Франции с Германией и образования правительства в Виши немцы стали активно вмешиваться в судьбу интернированных во французских концлагерях иностранцев, у нас возникли серьезные беспокойства за нашу дальнейшую судьбу. Вопрос выдачи нас Германии был основан на прецедентах выдачи германским комиссиям австрийских эмигрантов (как мэр города Вены и других австрийских деятелей, которые были расстреляны). Депутатам и присяжным поверенным, жившим в Виши, удалось, однако, добиться нашего освобождения. Семья моя была эвакуирована из Парижа как раз накануне моего ареста и отходила на юг страны перед приближением немцев. Перемирие застало ее в неоккупированной зоне Франции. Оттуда почта позволяла сноситься с нейтральной еще Америкой. Мои сотрудники в США приняли отчаянные меры для получения нами американских въездных виз и обеспечения нас билетами через океан. Британское и швейцарское посольства оказывали им содействие. Значительные затруднения возникли у нас с получением португальских транзитных виз. Португальские власти попросту отказали нам в проезде через Португалию из-за нашей солидарности с Советским Союзом. В разгар наших усилий по переезду

в Америку свершилось 22 июня 1941 года нападение гитлеровцев на нашу Родину. Вся моя семья была арестована в конце июня вишйскими властями, как и все выходцы из России. Американские визы были выданы нам в Лионском Американском консульстве за несколько дней до того. Только благодаря этим документам проверочная комиссия выпустила нас на свободу под условием, что мы воспользуемся ими.

С трудностями, которые продолжались до нашей погрузки на последний испанский пароход, уходивший в США через Барселону и Кубу, мы в сентябре 1941 года смогли, наконец, выйти в море из Европы. По пути наш пароход («Вилла де Мадрид») остановился на день в Лиссабоне. Из всех пассажиров парохода мы были единственными, не допущенными выйти в город, и даже моей собаке, которая с выхода из Барселоны отказывалась совершать свои естественные надобности на пароходе, португальские часовые не позволили выйти на цепи с трапа (тащить ее обратно по высокому трапу на судно после трех дней полного воздержания представляло настоящую проблему). У европейских берегов несколько раз всплывали немецкие подлодки, но, узнав от капитана, что до 600 евреев, для которых было задержано большинство кают, не получили выездных виз и остались на Ривьере, отпускали испанский пароход без осмотра (который был затруднен для них вообще из-за присутствия британских военных судов на всем маршруте через океан). Так после целого месяца перехода через Атлантический океан мы, наконец, высадились в Нью-Йорке 4 октября 1941 года.

В день моей высадки в Америке (который был раздут газетами) я получил телеграмму из ее противоположного конца — из Сан-Франциско на Тихом океане, в которой издатель газеты «Новая Заря» Г. Т. Сухов предлагал мне впредь печатать все на русском языке в его газете и рассматривать этот печатный орган как мою газету. Это предложение меня устраивало не только потому, что у младороссов в Соединенных Штатах не было своего собственного печатного органа, а мне было многое что сказать о ходе Второй Мировой войны. К тому же газета «Новая Заря» была ведущим русским органом тихоокеанского побережья и была перенесена через Тихий океан из Манчжурии, где в русской черте она в свое время издавалась как коммерческое издание без определенной политической окраски и завоевала широкое признание живших в Манчжурии русских.

В дальнейшем, обосновавшись на атлантическом побережье Америки, я постоянно (в особенности в военные годы) писал в «Новой Заре» большие статьи журнального формата, занимавшие целые страницы этой газеты. Издательство принимало все мной написанное без изменений или какой-либо редакторской корректуры, так что, действительно, «Новая Заря» могла называться моим органом.

В этой газете появилось несколько сот моих статей, в которых я неукоснительно вел русскую линию. Для жителей западной части США я оказался как бы корреспондентом с советского фронта. Меня читали охотно и с нетерпением ожидали появления моих статей. Некоторые из них переводились на английский язык в Вашингтоне, так как многие из них получали подтверждение в успехах нашего оружия, что первоначально, при немецком наступлении, встречало сомнение, если даже не прямое сопротивление в головах видных военных и штатских американцев. Я решительно утверждал, что ни Москва, ни Ленинград, ни Сталинград взяты немцами ни в коем случае не будут. В частности, моя статья «Чудо Сталинграда», напечатанная в «Новой Заре» в первые дни сентября 1942 года (помнится, 9-го сентября), наделала, по мере того как шли недели и месяцы знаменитого сражения до его конца и сдачи Паулюса нашим войскам 3 февраля 1943 года, достаточно много шума, о чем свидетельствовали многочисленные письма, полученные мной даже от американских генералов. Впоследствии посетивший меня в Нью-Лондоне генеральный секретарь постоянного представительства Советского Союза при Объединенных Нациях Емельянов сказал мне, передавая ответ на мое письмо М. Маленкову с просьбой о предоставлении мне возможности возвращения на Родину: «Ваши статьи во время войны мы зачитывались. Мы увеличили наш спрос на «Новую Зарю» и читали тогда Вас, как мы говорили, «как зарубежного Эренбурга».

Хочу только еще добавить, что в начале февраля 1942 года я провозгласил в Детройте на совещании членов Союза младороссов, съехавшихся из главных городов США, роспуск этой организации во всем Мире, дабы дать полную возможность каждому из ее членов проявить по крайнему разумению свой патриотический долг в отношении воюющего Отечества нашего. Оставшиеся в Европе и на Дальнем Востоке младороссы во всех оккупированных странах примкнули к движениям сопротивления. Многие из них (как Павел Эйсерман и

Александр Иванов-Тринадцатый героически погибли во главе значительных отрядов французского сопротивления), например, известный наш партизан. Другие (как Флейшер, оба брата и внука Л. Н. Толстого Владимир и Илья Толстые) после борьбы с оккупантами в Италии и в Югославии репатриировались в Советский Союз, где и умерли за последнее десятилетие. В Харбине и в Шанхае десятки младороссов пали жертвой от рук японских палачей в военные годы.

Тысячи участников Союза младороссов, которые составляли авангард «незамеченного поколения» (как выразился один из бывших...).

В марте 1942 года жену мою устроили на работу в Толстовскую ферму, заведовать там птицефермой. За это и я с моими детьми имел право на жительство на территории Толстовской фермы. Когда об этом стало известно, один из попечителей Толстовской фермы Сергиевский, бывший летчиком-испытателем авиационной фирмы И. И. Сикорского, заявил протест и потребовал, чтобы «такой большевизан», как Казем-Бек, был с фермы выселен. Графиня А. Л. Толстая передала мне об этом и заявила, что она не может из-за моих убеждений оставить меня на своей ферме. В итоге я на дальнем автобусе выехал на тихоокеанское побережье, где мне было обещано место на серебряной шахте под Портландом в штате Орегон. Я прожил больше месяца в Портланде, но работа моя не устроилась, так как владелец ее заболел раком горла. Младороссы Тихоокеанского побережья устроили меня заведующим бензинной заправочной станцией в Санта-Роза. Дело это было для меня новое и несимпатичное, и я перешел на работу в Сан-Франциско заведовать кассой в одном из отделений банка «Бэнк оф Америка». В 1944 году меня пригласили работать преподавателем русского языка в Йельский университет (в гор. Нью-Хэвен, на Атлантике, по другую сторону Америки). С начала академического года 1946–1947 освободилось место заведующего кафедрой русского языка и литературы в Коннектикут Колледж в Нью-Лондоне (также в штате Коннектикут). Это место было предложено мне. В Коннектикут Колледже я пробыл ровно десять лет, зарабатывая сначала 450 долларов в месяц, а в конце моего пребывания — дойдя до 850 долларов.

После нашей победы в Великой Отечественной войне положение в Америке становилось все более тягостным и невыносимым. Начался период, известный под названием «Холодной войны». За одним моим телефоном в Нью-Лондоне наблюдение вели пять

различных разведок (Федеральное бюро расследований, военная разведка, военно-морская разведка, военно-воздушная разведка и Комитет по антиамериканской деятельности!). Мои контакты с советскими представительствами (при американском правительстве и при Организации Объединенных Наций) становились все затруднительными. Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций г-жа Пандит, сестра Джавахарлала Неру, приехавшая для произнесения речи в наш Коннектикут Колледж, узнав, что бабка моя принадлежала к семье Толстых, пригласила меня открыть курсы русского языка в Нью-Дели. Я получил академический отпуск в своем Колледже, и мне удалось под таким предлогом получить обратную американскую визу (в которой мне обычно неоднократно отказывалось), а без наличия коей невозможно было лицу, лишенному гражданства, получить визу куда-либо. Так в 1954 году я попал в Нью-Дели, откуда и послал пространное письмо Советскому Правительству с пространной своей биографией, прося о восстановлении меня в правах гражданина Советского Союза.

По возвращении в Соединенные Штаты я получил от тов. Емельянова, бывшего в ту пору секретарем Советского постоянного представительства при Объединенных Нациях (рискнувшего для этого приехать в Нью-Лондон из Нью-Йорка со своим сотрудником Ягодкиным без необходимого американского разрешения), благоприятный ответ на мое заявление, посланное из Нью-Дели в Москву. Мы уговорились, что я буду всеми способами стараться получить выезд из США в Швейцарию и, добравшись до Берна, снесусь там с Советским посольством для заключительных мероприятий по возвращению на Родину.

Таким образом, я получил в 1956 году визу (по медицинскому свидетельству о необходимости удалить мне тонзиллиты горла — операцию, запрещенную в Америке в летнее время из-за опасности полиомиелита) и, наконец, в июле месяце 1956 года выехал из США в Швейцарию, где наше посольство снабдило меня временным Советским паспортом и направило через Прагу (где я пару дней пребывал под дружественной опекой Л. И. Федотова, к тому времени состоявшим уже генеральным консулом в Праге, а ранее бывшем консулом в Нью-Йорке, где мы с ним там уже обсуждали мой отъезд на Родину).

После ряда переговоров с представителями нашей государственной власти было решено, что я буду приносить самую значительную пользу, работая в Русской Православной Церкви (так как за последние годы во Франции и все 15 лет пребывания в Америке я приобрел значительный опыт в Экзархатах Московского Патриархата). Я писал много статей в «Журнале Московской Патриархии». В 1962 году я был определен работать в Отделе Внешних Церковных Сношений, в котором и состою поныне старшим консультантом.

Я написал несколько статей об Америке в «Литературной Газете». Мне приходилось продолжать писание статей и для «Журнала Московской Патриархии».

- 13 -

После ряда переговоров с представителями нашей государственной власти было решено, что я буду приносить самую значительную пользу, работая в Русской Православной Церкви (так как за последние годы во Франции и все 15 лет пребывания в Америке я приобрел значительный опыт в Экзархатах Московского Патриархата). Я писал много статей в «Журнале Московской Патриархии». В 1962 году я был определен работать в Отделе Внешних Церковных Сношений, в котором и состою поныне старшим консультантом.

Я написал несколько статей об Америке в «Литературной Газете». Мне приходилось продолжать писание статей и для «Журнала Московской Патриархии».

Примечания

1. Полторацкий Николай Алексеевич (1909–1991) — видный общественный и церковный деятель, реэмигрант. О нем см.: Полторацкий Н. А. «Ловец людей, их спутник и учитель...» // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. — Вып. 17. — Одесса: Друк, 2004.
Панков А. А., Полторацкая А. Н. «Ловец людей, их спутник и учитель...» // Дом князя Гагарина: сборник научных статей и публикаций. — Вып. 5. — Одесса: ЗАО «Пласке», 2009.
Полторацкая А. Н. «Ну вот, допрыгался» (Николай Полторацкий) // Дом князя Гагарина: сборник научных статей и публикаций. — Вып. 5. — Одесса: ЗАО «Пласке», 2009.
2. Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) — журналист, лидер движения младороссов во Франции.
3. Квази (лат.) — нечто вроде, как будто, как бы, псевдо.
4. Струве Пётр Бернгардович (1870–1944) — экономист, историк, социолог, издатель, активный участник политической жизни русской эмиграции в Западной Европе.
5. Милоков Павел Николаевич (1859–1943) — министр иностранных дел Временного правительства во время Февральской революции, видный деятель русской эмиграции во Франции, редактор парижской газеты «Последние новости».
6. Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства, Верховный главнокомандующий во время Февральской революции, видный деятель русской эмиграции во Франции.
7. Романов Николай Николаевич (1856–1929) — Великий князь, генерал-адъютант (1904). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командующий Кавказским фронтом (1915–1917 гг.). Одновременно с подписанием акта об отречении, Николай II назначил Н. Н. Романова Верховным главнокомандующим; он был уволен со службы и отстранён от должности, так и не приступив к обязанностям. Жил в Крыму. В 1919 г. эмигрировал.
8. Романов Николай Александрович (Николай II) (1868–1918) — последний российский император (1894–1917).
9. Романов Кирилл Владимирович (1876–1938) — Великий князь, сын Великого князя Владимира Александровича, видный деятель русской эмиграции во Франции. В 1924 г. самозвано провозгласил себя «Главой Императорского Дома Романовых», передав этот титул своему сыну Владимиру Кирилловичу (1917–1992).
10. «Евразийцы» — представители идейно-политического и философского течения в русской эмиграции 1920–30-х гг. Началом стал выход сборника «Исход к востоку» (София, 1921) молодых философов и публицистов Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского и П. П. Сувчинского. Историко-философская и геополитическая доктрина евразийства во всём противопоставляла исторические судьбы, задачи и интересы России и Запада и трактовала Россию как «Евразию», особый срединный материк между Азией и Европой и особый тип культуры. На первом этапе евразийцы осуществили ряд плодотворных историко-культурных разработок; однако затем движение приобрело политическую окраску, наследуя «сменовеховству» в

- признании закономерности русской революции и оправдании большевизма. Эта тенденция, усиленно проводившаяся левым крылом евразийства (П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, П. С. Арапов, Т. П. Святополк-Мирский и др.), сочетавшаяся с проникновением в движение агентуры ГПУ (Н. Н. Лонговой, С. Я. Эфрон и др.), вызвала протест другой части евразийцев, и после ряда расколов на рубеже 20–30-х гг. движение пошло на убыль.
11. Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — один из наиболее универсальных мыслителей русского зарубежья, лингвист, филолог, историк, философ, политолог.
 12. Савицкий Пётр Николаевич (1895–1968) — экономист, географ, философ. Лидер пражских евразийцев.
 13. Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) — народник, публицист. Член кружка «чайковцев», «Земли и воли», исполкома «Народной воли», с 1882 г. представитель исполкома за границей. С 1888 г. отошёл от революционной деятельности и подал прошение о помиловании. По возвращении в Россию (1889) стал монархистом.
 14. Иелита-Вильчковский Кирилл — секретарь Союза младороссов, эмигрант.
 15. Романов Андрей Владимирович (1879–1956) — Великий князь, сын Великого князя Владимира Александровича; с 1921 г. женат на знаменитой балерине Мариинского театра Матильде Кшесинской (См. примечание 19).
 16. Угримов Александр Александрович (1906–1981) — агроном, переводчик. В 1922 г. семья выслана из РСФСР. Участник французского Спротивления, награждён Военным Крестом, именной грамотой от генерала Эйзенхауэра. В 1947 г. выслан французскими властями за просоветскую деятельность. В 1948 г. получил советское гражданство и переехал в Москву. В том же году арестован и осуждён на 10 лет по обвинению в антисоветской деятельности. В 1954 г. освобождён и реабилитирован. Работал переводчиком во Всесоюзной торговой палате. В 1960-е гг. работал над мемуарами «Из Москвы в Москву через Париж и Варшаву». В 1966 г. познакомился с А. И. Солженицыным, переправлял за границу «Архипелаг ГУЛАГ».
 17. Шевич Кирилл (1903–1987) — настоятель Свято-Троицкого храма в г. Ваиз (Франция) в юрисдикции Московского Патриархата; эмигрант.
 18. Романовский-Красинский Владимир Андреевич (1902–1974) — светлейший князь. Внебрачный сын великого князя А. В. Романова и М. Кшесинской. Младоросс. Был арестован гестапо, узник фашистских концлагерей.
 19. Кшесинская Матильда Феликсовна (Мария-Матильда Адамовна-Феликсовна-Валериевна Кржезинская) (1872–1971) — балерина. В 1892–94 г. была фавориткой цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II). В 1921 г. вышла замуж морганатическим браком за Великого князя Андрея Владимировича. В 1929 г. открыла балетную студию в Париже.
 20. Ошибка, мемуары Кшесинской были изданы в Париже в 1960 г.
 21. Митрополит Евлогий (Георгиевский Владимир Семенович) (1868–1946) — управляющий русскими православными приходами в Западной Европе (1921–1946), член Учредительного комитета Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, ректор института (1925–1946). Председатель Содружества святого Албания и преподобного Сергия. Доктор богословия *honoris causa* (1943). Эмигрант.

22. Митрополит Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) (1863–1936) — богослов, философ. С мая 1919 года фактически возглавлял Высшее Церковное Управление Юга России на территориях, подконтрольных белому движению. В 1920 эмигрировал в Югославию, где в 1920–1921 гг. провёл Первый Заграничный («Карловацкий») Собор. До своей кончины в 1936 г. возглавлял Русскую Православную Церковь за границей.
23. Митрополит Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич) (1880–1961) — епископ армии и флота на юге России (1914–1920). Эмигрировал в Константинополь. В 1923 г. принял участие в работе первого организационного съезда Русского студенческого движения (РСХД), профессор и инспектор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1925–1927, 1929–1931). До 1933 г. служил в храме Трёхсвятительского подворья в Париже. Архиепископ в Северной Америке (1934–1947). После возвращения в СССР в 1945 занимал кафедры в Риге, Ростове-на-Дону, Саратове.
24. Архимандрит Афанасий (Нечаев Анатолий Иванович) (1886–1943) — настоятель Трёхсвятительского подворья в Париже юрисдикции Московского патриархата (1933–1943). Первый духовный наставник митрополита Антония Сурожского. Участник движения Сопротивления, эмигрант.
25. Архимандрит Стефан (Светозаров) (сконч. 1969) — первый настоятель Трёхсвятительского подворья в Париже юрисдикции Московского патриархата (1931–1932). После окончания второй Мировой войны член епархиального совета Русского западно-европейского православного экзархата Московского патриархата. Вернулся в Россию в 1947 г.
26. Епископ Фёдор (Текучев) (1908–1985) — настоятель православной церкви в г. Виши (Франция), епископ Аргентинский, Сан-Францисский и Калифорнийский (США). Вернулся в Россию в 1956 г.
27. ердяев Николай Александрович (1874–1948) — философ, писатель. Избран профессором философии Московского университета (1917). При большевиках лишен звания профессора (1918). Выслан из России (1922). Стоял во главе Религиозно-философской Академии сначала в Берлине (1922–1926), а затем в Париже. Редактор журнала «Путь» (1925–1940).
28. Лосский Владимир Николаевич (1903–1958) — философ. В 1922 г. семья Лосских была выслана из России. Учился в Сорбонне. Один из руководителей Свято-Фотеевского братства и Содружества святого Албания и преподобного Сергия. С 1945 по 1953 гг. декан института св. Дионисия в Париже. Стараниями В. Н. Лосского был открыт первый франкоязычный православный приход на улице Сен-Женевьев в Париже. Один из начальников Свято-Фотиевского Братства.
29. Успенский Леонид Александрович (1902–1987) — видный богослов и иконописец. Основатель иконописной школы. Совместно с Григорием Кругом принимал участие в росписи храма Трёхсвятительского подворья Московского патриархата в Париже. Член Свято-Фотеевского Братства.
30. Инок Григорий Круг (1906–1969) — иконописец, член Свято-Фотеевского братства в Париже, преподаватель института св. Дионисия. Особенно выделяется расписанный им иконостас церкви в Нуази-ле-Граи, основанный матерью Марией (Скобцовой).

31. Калаш Мария Александровна (урожд. Новикова; псевдоним «Курдюмов») (1886–1955) — журналистка, активный деятель церковной жизни в эмиграции.
32. Пьянов Федор Тимофеевич (1889–1969) — один из руководителей русского студенческого христианского движения (РСХД) сначала в Германии (1927–1935), а затем во Франции (1927–1935). Один из инициаторов создания кружка русской культуры в Париже (1933). Секретарь церковной организации помощи русским эмигрантам «Православное дело», основанного матерью Марией в 1930 г. Участник движения Сопротивления во Франции, узник фашистских концлагерей.
33. Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) — журналист. В годы эмиграции жил в Париже, работал в газете «Возрождение». В 1940-х годах был выслан из Франции за просоветскую деятельность. В 1957 г. написал книгу об эмиграции «На чужбине». Резидент
34. Митрополит Никодим (Борис Георгиевич Ротов) (1929–1972) — председатель Отдела внешних церковных сношений. Активный участник экуменических и миротворческой деятельности.
35. Папа Иоанн XXIII (Гиовани) (1881–1963) — Папа Римский с 1958 г. Стремился модернизировать католическую церковь в связи с изменившимися в мире условиями. В 1962 г. созвал 2-й Ватиканский собор.
36. Папа Павел VI (Джованни Батиста Монтини) (1897–1978) — Папа Римский с 1963. При нем были внесены существенные изменения в римский миссал (богослужебную книгу, содержащую последования Мессы с сопутствующими текстами): разрешение использования национальных языков, разрешение священнику совершать мессу лицом к народу. Были также внесены изменения в общий римский календарь святых. Впервые посетил все пять континентов, получил прозвище «папа-пилигрим».
37. Вселенский Патриарх Афиногор (Аристоклес Спиру) (1886–1972) — 268-й Святейший Архиепископ Константинополя и Нового Мира и Вселенский Патриарх. Содействовал примирению христианских церквей Востока и Запада.
38. Кардинал Вилли Бранс — возглавил делегацию папского престола в Москве 1 ноября 1990 г.
39. Игнатьев Алексей Алексеевич (1887–1954) — граф, генерал-майор (1917). После Октябрьской революции жил во Франции; в 1925 г. передал советскому правительству находившиеся в его распоряжении российские денежные средства; работал в советском торгпредстве. С 1937 г. жил в СССР.
40. Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — военный и государственный деятель, маршал Советского Союза.
41. Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант. Один из главных руководителей белого движения во время Гражданской войны.
42. Врангель Пётр Николаевич (1878–1928) — российский военный и политический деятель, один из руководителей белого движения. Вошёл в конфликт с Деникиным и был выслан за границу; обосновался в Бельгии.
43. Краснов Григорий Андреевич (1883–1933) — российский государственный деятель, экономист. Арестован, расстрелян в 1933 г. в Новосибирске.
44. Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947) — кубанский казак, генерал-лейтенант Добровольческой армии. Во время Второй мировой войны сотрудничал с немцами, был генерал-лейтенантом войск СС. Казнен в 1947 г.

45. Власов Андрей Андреевич (1901–1946) — генерал-лейтенант. В 1942 г. в должности командующего 2-й ударной армии добровольно сдался в плен. Вёл активную антисоветскую деятельность, возглавил Русскую освободительную армию (РОА). Казнён в 1946 г.
46. Кривошеин Игорь Александрович (1899–1987) — штабс-капитан лейб-гвардии Конной артиллерии, инженер. Эмигрировал в 1920 г., окончил Сорбонну. Активный деятель масонских организаций в эмиграции. Участник движения Сопротивления, в 1944 г. был арестован, узник Бухенвальда и Дахау. Награждён Медалью Сопротивления. В 1947 г. — один из основателей общества «Русская помощь», председатель учредительного съезда Союза советских граждан. В 1947 г. арестован за просоветскую деятельность, выслан в СССР. В 1949 г. арестован, приговорён к десяти годам лишения свободы. Находился в заключении вместе с А. И. Солженицыным и Л. З. Копелевым. В 1974 г. выехал во Францию, возобновил членство в масонских организациях.
47. Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) — поэтесса, прозаик, переводчик.
48. Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт-символист. Эмигрант.
49. Карсавин Лев Платонович (1882–1952) — русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт, знаток религиозных учений европейского Средневековья. Выслан из РСФСР в 1922 г. Жил в Германии, Франции, был «евразийцем». С 1928 г. жил в Литве, в 1949 г. арестован, приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.
50. Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941) — эмигрант, член русской студенческой организации Союза русских писателей и журналистов. Разочаровался в белом движении, стал сотрудником иностранного отдела ОГПУ в Париже; замешан в похищении генерала Миллера. В 1937 г. вернулся в СССР; арестован НКВД в 1939 г. Расстрелян в 1941 г.
51. Эфрон-Цветаева Ариадна Сергеевна (1912–1975) — журналистка, реэмигрантка. В 1939 г. арестована НКВД в Москве. Реабилитирована в 1955 г. Автор воспоминаний о Марине Цветаевой
52. Мур — Эфрон Георгий Сергеевич (1925–1944), сын М. Цветаевой и С. Эфрона.
53. Вильде Борис (1908–1942) — лингвист и этнограф в Музее человека в Париже, участник движения Сопротивления, один из основателей и редактор газеты Resistance («Сопротивление»). Арестован гестапо, расстрелян в 1942 г. Генерал Де-Голь наградил его медалью Сопротивления, согласно следующему приказу: «Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления с 1940 г. Будучи арестован чинами гестапо и приговорён к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения».
54. Оболенская Вера (Вики) Аполлоновна (урожд. Макарова) (1911–1944) — семья Оболенских эмигрировала во Францию в 1920 г. В 1940 г. стала членом Organisation Civile et Militaire (ОСМ — «Гражданская и военная организация») во Французском Сопротивлении, была генеральным секретарем организации, принимала активное участие в разведывательной работе, организации побегов военнопленных. Арестована в 1943 г., в 1944 г. гильотинирована в Берлине.

55. Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (урожд. Пилипенко, по второму браку Скобцева, в монашестве — мать Мария) (1891–1945) — поэтесса, писательница, иконописец. В 1919 г. эмигрировала. В 1932 г. приняла постриг. Была избрана местным секретарём Русского студенческого христианского движения (РСХД) во Франции; с 1933 г. — секретарь Центрального секретариата РСХД по миссионерской и социальной работе. Основала благотворительную и культурно-просветительную организацию помощи русским эмигрантам «Православное дело». Участник движения Сопротивления. В годы оккупации укрывала евреев и бежавших советских военнопленных. Арестована гестапо в 1943 г., отправлена в лагерь Равенсбрюк. По одной из версий в марте 1945 г., пошла в газовую камеру вместо одной из отобранных администрацией лагеря женщин. В 1985 г. мемориальным центром Яд Вашем Матери Марии посмертно было присвоено звание «праведник мира». Канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица в 2004 г.
56. Жданов Андрей Александрович (1886–1948) — государственный и партийный деятель, генерал-полковник. Был одним из организаторов массовых репрессий 1930–40-х гг. Во время ВОВ — член Военного совета Ленинградского фронта. С 1946 г. возглавил кампанию по усилению партийного контроля за интеллектуальной жизнью страны, вошедшую в историю как «ждановщина», вел борьбу с «появлением новых идей и иностранных влияний, подрывающих дух коммунизма». Жданов пустил в ход термин «низкопоклонство перед Западом», насаждая националистические настроения и рассматривая культуру как «приводной ремень» в деле воспитания и пропаганды.
57. Ахматова Анна Андреевна (1889–1961) — поэтесса.
58. Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) — писатель-сатирик.
59. Анненков Юрий Павлович (1889–1974) — живописец, график, художественный оформитель.
60. Блок Александр Александрович (1880–1921) — поэт, драматург.
61. Кедров Михаил Александрович (1878–1945) — участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1920 г. назначен Командующим Черноморским флотом. С 1930 г. второй заместитель председателя Русского Обще-Воинского Союза во Франции.
62. Митрополит Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич) (1892–1961) — проповедник и богослов. Митрополит Крутицкий и Коломенский. Первый председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (с апреля 1946). Член комиссии по расследованию немецких преступлений на оккупированных территориях. Участник встречи руководителей русской церкви с И. В. Сталиным в сентябре 1943 г., на которой фактически было восстановлено патриаршество. Решительно выступил против активизации антицерковной политики Н. С. Хрущёва, был лишён всех церковных постов и отправлен на покой. Существует версия, что его смерть была устроена спецслужбами по указанию Хрущёва.
63. Папа Николай I (Великий) (820–867) — Папа Римский с 858 г., после смерти был канонизирован. При нем впервые была последовательно сформулирована идеология папской теократии, произошло первое столкновение папизма с православием.

64. Фотий, свт. (820–891) — византийский церковный деятель и богослов, патриарх Константинопольский. Был активным поборником церковной независимости Византии. Его столкновение с Римом привело к первому Разделению христиан Востока и Запада.
65. Мартин Лютер (1483–1846) — богослов, политик, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык.
66. Жан Кальвин (1509–1564) — богослов. Один из лидеров Реформации, основатель кальвинизма. Кальвин развил учение о безусловном предопределении.
67. Папа Лев XIII (Джиокано, граф Печи) (1810–1903) — Папа Римский с 1878 г. Он опубликовал 60 энциклик, намного больше, чем любой из его предшественников или премников. Открыл неосхоластическое движение, призвав католиков быть на уровне динамизма светской науки, культуры, политики. Одна из энциклик заложила основы социального учения Церкви, подвергнув критике несправедливую оплату труда наемных рабочих.
68. Патриарх Сергей (Страгородский Иван Николаевич) (1867–1944) — 12-й Патриарх Московский и всея Руси. Известен своими богословскими трудами. К 1917 г. был одним из наиболее авторитетных иерархов Православной церкви. В 1923 г. перешёл на сторону мирообновленцев — подконтрольного большевикам движения в русской православной церкви. Подписал «меморандум трёх», в котором признал каноничность обновленческого высшего церковного управления. Вскоре покаялся за участие в обновленчестве. В 1927 г. выступил с «Декларацией», в которой сформулировал позицию лояльного отношения церкви к советскому строю. Это послужило началом административного разрыва между Церковью в Отечестве и её заграничной частью. С марта 1924 г. митрополит Нижегородский. В 1943 г. собором русских иерархов был избран патриархом Московским и всея Руси.
69. Папа Иоанн XXIII (Анджело Джузеппе Ронкалли) (1881–1963) — Папа Римский с 1958 г. Выступал за мир и мирное сосуществование государств с различными социальными системами. Стремился модернизировать Католическую церковь в связи с изменившимися в мире условиями. Инициатор созыва XXI Вселенского собора (1962). Работа собора концентрировалась вокруг двух важнейших пунктов папской программы: обновления церковной жизни и объединение с другими христианскими церквями.
70. Папа Иоанн Павел II (Кароль Юзеф Войтыла) (1920–2005) — в 1978 году стал первым Папой Римским неитальянского происхождения с 1523 г., одним из самых молодых понтификов в истории и первым папой славянского происхождения. Полиглот, бегло разговаривал на десяти языках. Активно шёл на контакты с представителями других конфессий, говорил о непонимании и вражде, которые существовали ранее в отношении христиан и мусульман, призывал к установлению «мира и единства между людьми и народами, составляющими на Земле единое сообщество». Принял решение открыть архивы Святой инквизиции (1998). Признал вину католической церкви в массовом уничтожении протестантов во Франции во время Варфоломеевской ночи. Публично покаялся в грехах католической церкви, признал вину Церкви за восемь грехов: преследование евреев, раскол церкви и религиозные войны, крестовые походы и оправдывающие войну теологические догматы, презрение к меньшинствам и бедным, оправдание рабства (2000).

АДРЕС ДЛЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ

По следам домашнего архива
С. А. Бондарина

*Ц*ель публикации — ввести в научный оборот некоторые малоизвестные документы и факты одесского детства и юности будущего московского писателя Сергея Александровича Бондарина, уроженца Одессы (14 января 1903, по старому летосчислению, Одесса — 25 сентября 1978, Москва).

Интерес к теме возник давно, с лета 1980 года, но поиски достоверных материалов затянулись надолго, и даже сегодня, к 2011 году, когда возрастной «поезд» исследователя уже уходит, их нельзя признать исчерпывающими.

Начнем с краткой биографической канвы главного персонажа.

Учился в гимназии (с. 268), затем, с марта 1921-го — «работник Государственных производственных мастерских» (с. 273) (по современной терминологии — студент художественного училища), позднее — юридический факультет Института народного образования (так был переименован после революции Новороссийский университет).

Писал стихи, публиковал их в местной периодике. Был активным членом одесского литературного объединения «Юголеф». Неоднократно посещал Харьков, первую столицу советской Украины.

В 1928-м перебрался в Москву.

В 1931 году Бондарин женился¹. Верной спутницей, до последних дней его трудной жизни, стала Генриетта Савельевна Адлер (23.06.1903, Харьков — 20.01.1997, Москва). В Одессе жила с шести лет. В начале 1920-х посещала девичью студию «Коллектив художников»², с которым дружили многие начинающие одесские литераторы. Профессиональной художницей не стала, но в трудные военные и послевоенные годы подрабатывала, расписывая, к примеру, дамские косынки.

Москва, 1938

Харьков, 1926

Москва, 1934

Москва, 1940

Ил. 1. С. Бондарин. Ранние фотографии*

В 1931 году в Детгизе (Москва) вышла из печати книжка Бондарина для юношества: «Дындып из долины Дургун-Хоток», 96 с. — повесть о жизни монгольского мальчика, попавшего в Москву. В 1934-м отпечатали второе издание тиражом 30 000 экземпляров, а в 1935-м — третье, еще 40 000 экз.

За ними последовали другие книги молодого прозаика.

С началом войны, в 1941 году, писатель становится военным корреспондентом, как и многие его коллеги. Посещает, в частности, осажденную Одессу.

Неожиданно ему выписали срочную командировку с фронта в Москву, а по приезде, 3 марта 1944-го, тотчас арестовали. После

* Все фотографии и документы (кроме особо оговоренных) — собрание С. Лущика.

долгих допросов он оказался в ГУЛАГе... Свои девять с лишним лет провел в Восточной Сибири: восемь — в лагерях, затем — «ссылно-поселенцем». В письмах «оттуда» жене он писал, что **суда над ним не было!** (*Но срок дали!*) Домой вернулся летом 1954-го.

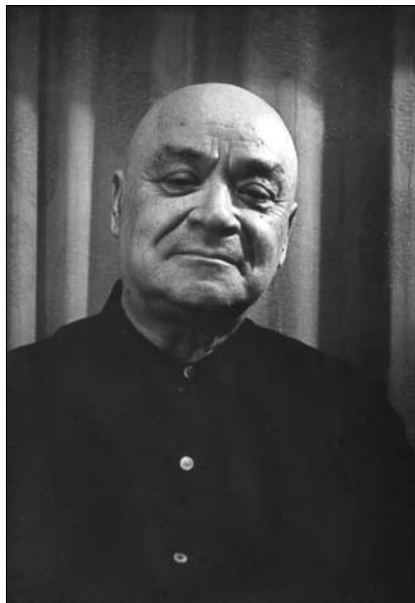
Вскоре вышла из печати, впервые после реабилитации, новая книга писателя:

С. Бондарин. *Мы идем в десант*. М.: ДОСААФ, 1955.

Опального автора, бывшего «зэка», милостиво «простили»...

Бондарин много писал, в том числе и «в стол». Часто печатался в периодике, готовил и публиковал книгу за книгой.

Уезжал в длительные творческие командировки, вплоть до Дальнего Востока. Время от времени наведывался в родную Одессу. Бывал за рубежом. Осенью 1967-го, в Канаде, семь дней провел на выставке в Монреале.

Ил. 2. С. Бондарин и Г. Адлер у себя дома. Москва, март 1974.

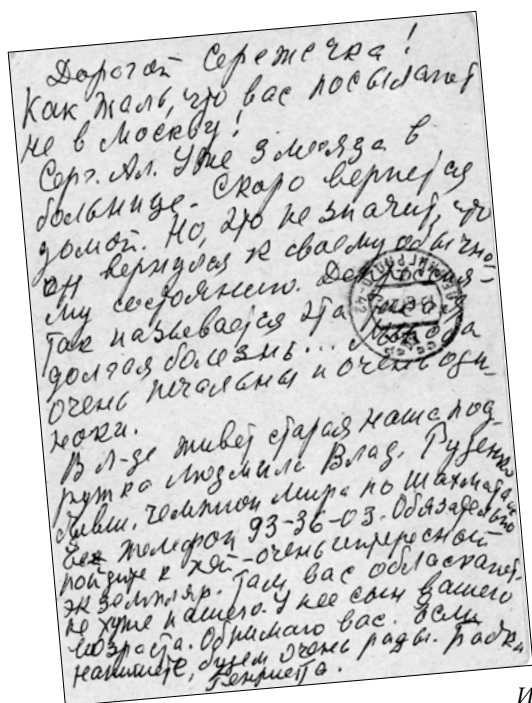
Фото С. Калмыкова

В июне 1971-го был подписан к печати в Москве очередной сборник Бондарина «Парус плаваний и воспоминаний», в феврале 1973-го последовала книга «Прикосновение к человеку» (автору этих строк удалось купить ее лишь в августе 1974-го, приехав на семинар в Ригу).

Примерно в те же годы иные внимательные читатели стали иногда замечать некоторые повторы в новых публикациях писателя, путаницу в датировках и адресах описываемых событий, искажения в цитатах... Ситуация стала понятнее, когда до Одессы дошла информация о тяжелом состоянии здоровья автора, о потере им работоспособности.

Генриетта Савельевна, жена С. Бондарина, сообщила С. Калмыкову³ о болезни мужа лаконичной почтовой открыткой из Москвы, но направленной не в Одессу, а в Ленинград, где тот находился в длительной стажировке:

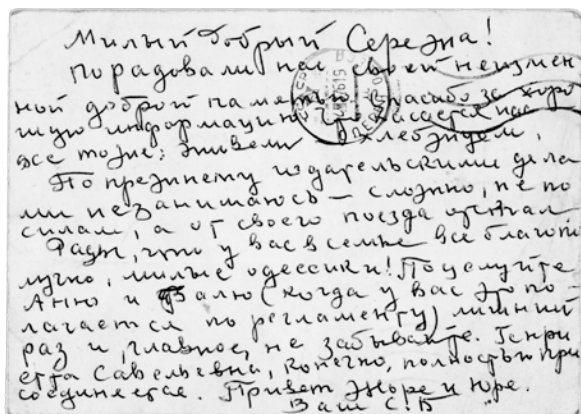

Дорогой Сережечка! Как жалко, что вас посылают не в Москву! Серг[ей] Ал[ександрович] уже 3 месяца в больнице. Скоро вернется домой. Но это не значит, что он вернулся к своему обычному состоянию. Депрессия — так называется эта такая долгая болезнь... Мы оба очень печальны и очень одиноки. <...>

Ил. 3. Почт. открытка Г. Адлер к С. Калмыкову. 12.6.72

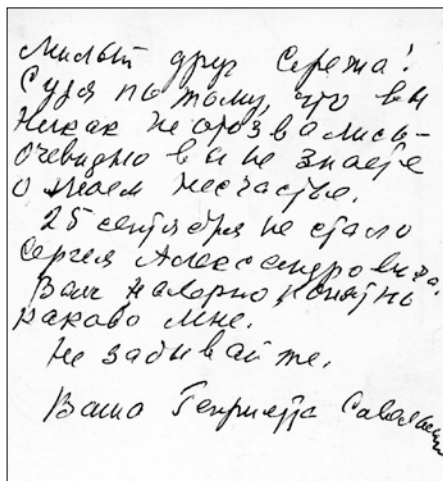

Еще раз тема здоровья косвенно промелькнула в аналогичной краткой почтовой открытке из Москвы в Одессу, от самого Бондарина:

Ил. 4. Почт. открытка С. Бондарина к С. Калмыкову. 11.3.76

Милый, добрый Сережа! Порадовали нас своей неизменной доброй памятью. Спасибо за хорошую информацию. Что касается нас — все то же: живем — хлеб жуем. По прежнему издательскими делами не занимаюсь — сложно, не по силам, а от своего поезда отстал. Рады, что у Вас в семье все благополучно, милые одессики! <...> Ваш С. Б.

Последняя, трагическая открытка пришла с большим опозданием:

Милый друг Сережа!
Судя по тому, что вы никак не отозвались — очевидно вы не знаете о моем несчастье. 25 сентября не стало Сергея Александровича. Вам наверно понятно каково мне. Не забывайте. Ваша Генриетта Савельевна

Ил. 5. Почт. открытка Г. Адлер к С. Калмыкову. 10.11.78

Некролог в «Вечерней Одессе» был опубликован 7 октября, в московской «Литературной газете» — 18 октября (в обоих случаях — без указания даты смерти).

Забегая несколько вперед, объясним: автор данной статьи познакомился с вдовой С. Бондарина в мае 1980-го, проездом через Москву, благодаря рекомендации С. Калмыкова. Рассказывая о муже, Генриетта Савельевна отметила, в частности: *последние восемь лет жизни Бондарин тяжело болел, работать над рукописями не мог, не писал. Врачи говорили, что это результат психической травмы — ссылки. Как мало времени суждено ему было творить как писателю, сколько лет пропало: годы войны, более девяти лет ГУЛАГа, восемь лет болезни!..* [Запись беседы от 21.05.1980].

Весной 1978 года, незадолго до кончины писателя, его посетили сотрудники только что созданного в Одессе Литературного музея с просьбой поделиться какими-либо материалами для комплектования будущей экспозиции. Сергей Александрович встретил гостей весьма доброжелательно, щедро выдал много интереснейших реликвий. Помнится, по возвращении домой музейщики с гордостью демонстрировали их на специальном заседании Секции книги Одесского Дома ученых, созванном в еще ремонтирующемся здании музея.

При повторном приезде в Москву посланцев из Одессы, уже после смерти писателя, вдова передала музею почти весь его литературный архив, с авторскими рукописями и перепиской, в Одессу увезли семь ящиков с документами. Генриетта Савельевна остереглась лишь отправлять далеко от Москвы «сомнительную» с точки зрения тогдашней идеологии семейную переписку периода ГУЛАГа и рукописные воспоминания писателя о том времени (как бы не выбросили или не сдали в КГБ!). По ее словам, она позднее подарила оригиналы в московский РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства), доверив Одессе лишь копии.

По окончании инвентаризации в музейном фонде Бондарина оказалось к концу 1979 года 1747 «единиц хранения». Это было самое крупное одновременное пополнение с момента организации музея⁴.

Документальные богатства материалов из архива С. Бондарина, скопившиеся в Одесском литературном музее и частично в неко-

торых местных частных собраниях, стимулировали появление в нашем городе ряда печатных публикаций. Напомним некоторые из них:

*Городецка*⁵ Н. Дотик до часу // Комс. Искра. — Одеса, 1980. — 5 лют. — С. 4. — Укр.

Бондарин С. У трех колодцев / Публ. Е. Голубовского⁶ // Веч. Одесса. — 1981. — 7 сент. — С. 3. Авторская публ. фронтового репортажа из осажденной Одессы летом 1941 г.

Голубовский Е. Непрерывающееся путешествие: Заметки о писателе С. А. Бондарине и его книге «На берегах и в море» // Веч. Одесса. — 1982. — 11 янв. — С. 3.

*Кохрихт*⁷ Ф. Парус плаваний и воспоминаний: К 80-летию С. А. Бондарина. — Знамя коммунизма. — Одесса, 1983. — 19 марта. — С. 4.

Бондарин С. Ты ждешь меня — и в этом моя сила / Публ. С. Калмыкова // Веч. Одесса. — 1990. — 12 июля. — С. 3. Публ. фрагментов из писем С. Бондарина жене из тюрем и лагерей. 1945–1952.

Бондарин С. Капкаринские записки: Тетрадь первая, 1952 г. / Публ. Е. Голубовского. [Отрывки из воспоминаний] // Веч. Одесса. — 1992. — 21 апр. — С. 3.

Калмыков С. Адлер *Генриетта Савельевна...* // Одес. евр. газета. — 1996. — № 6. — Сент. — С. 5. — [Биогр. вдовы С. Бондарина].

*Мисюк*⁸ А. А. Капкаринские записки Сергея Бондарина. — С. 192–194; *Бондарин С. А.* Капкаринские записки: Тетрадь первая. 1952 г. — С. 195–222 // Одес. гос. лит. музей. — «Дом князя Гагарина...»: Сб. ст. и публ. — Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 192–224.

*Катаев*⁹ В. Уже написан Вертер; *Луцкич С.* Реальный комментарий к повести. — Одесса: Optimum, 1999. — С. 204–212. В ГУЛАГе. [О работе С. Бондарина в лагерном театре, о дружбе с заключенным художником В. А. Федоровым].

* * *

13 марта 1979 года молодой Литературный музей, еще в разгаре грандиозного ремонта, среди строительных лесов и разрухи, организовал на своей территории «выездное заседание» — встречу с коллегами-библиофилами из Секции книги Дома ученых. Демонстрировались некоторые недавно привезенные из Москвы экспонаты, преимущественно изобразительного искусства, для создаваемого в музее фонда

С. Бондарина. Вела заседание Н. Городецкая, ранее принимавшая участие в поездке в Москву.

Были показаны, в частности, юношеские рисунки самого Бондарина, будущего писателя (ведь он когда-то учился живописи), а также портрет Бондарина работы московской художницы М. Синяковой¹⁰.

Особое внимание аудитории вызвал еще один небольшой портрет Бондарина карандашом на листке бумаги, размерами примерно 18×13 см, датированный сентябрем 1947 года, с надписью на обороте почерком Бондарина: «Рисовано Вик. Александровичем Федоровым, сыном писателя А. Федорова».

Иные из гостей уже были наслышаны о его жизненном пути: офицер-артиллерист, участвовал в боях Первой мировой войны, при отступлении «белых» застрял в Одессе, бежал через Днестр в Румынию, стал одним из ведущих театральных художников Бухареста, был арестован советскими войсками после следующей, Отечественной войны, отправлен в ГУЛАГ, познакомился там с осужденным Бондариним, в 1948 году умер в заключении.

Завязалась полемика. Н. Городецкая добавила, что в домашнем архиве Бондарина видела еще несколько разных лагерных рисунков Федорова и Бондарина.

Обсуждение неожиданно прервала реплика директора музея, случайно проходившего через комнату с гостями: «Кто разрешил показывать **такой** портрет посторонним?..»

Автор этих строк возвращался после заседания с одной мыслью — непременно увидеть остальные лагерные рисунки Федорова и Бондарина!

Прошло более года, пока появилась возможность попасть в Москву. Обратился за советом к С. Калмыкову, тот связался с вдовой Бондарина, получил согласие на встречу с приезжим из Одессы, снабдил московским адресом и телефоном.

Знакомство состоялось 21 мая 1980 года. С первого взгляда потрясла почти полная слепота Генриетты Савельевны: очень толстые стекла очков, сквозь которые, по ее реплике, она видит лишь силуэты собеседников. Уже не читает вовсе, пишет только «на ощупь». Но, как оказалось, оживленно ведет беседу на разные темы, легко отвечает на вопросы, много рассказывает сама. Добавила, что окончательно испортила зрение постоянными слезами после смерти мужа.

У стен небольшой ухоженной квартиры стояло несколько изящных этажерок (явно изготовленных по заказу) с книгами. Рукописей не было замечено — весь творческий архив писателя уже, очевидно, распределили по разным хранилищам (Генриетта Савельевна не раз высказывала беспокойство, успеет ли «устроить» все наследие до прихода полной слепоты).

В одной из комнат бросился в глаза портрет маслом молодого Бондарина работы такого же молодого художника Наума Соколика¹¹, поначалу — одесского, позднее — московского, не вернувшегося с фронта. Другую комнату украшали два «левых» рисунка московского новатора Василия Чекрыгина¹², трагически погибшего в Подмоскovie под поездом.

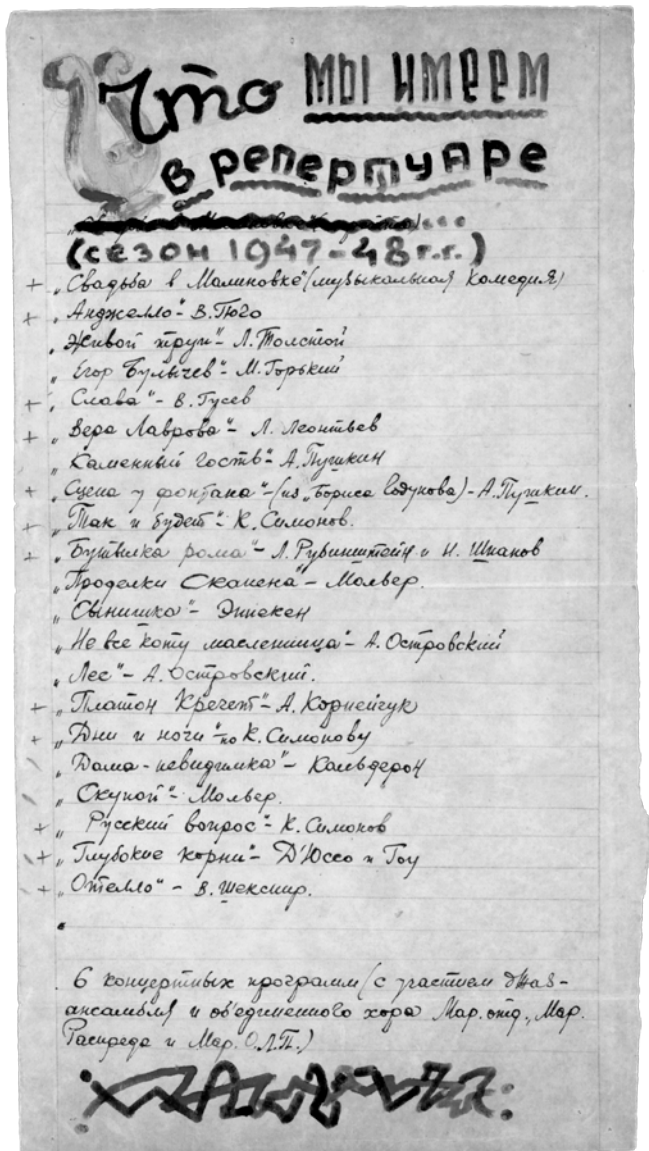
Генриетта Савельевна долго, с интересными комментариями, демонстрировала большую коллекцию книг, созданных мужем-писателем. Скорбно упоминала о его болезни.

Принесла папку с рукотворными программами лагерного театра, сохраненными Бондариним, с упоминанием даже его фамилии в общем списке «В ролях...». Там же отмечался и Федоров как «Главный художник театра». Извинилась, что еще один лист — автопортрет В. Федорова — она после смерти Сергея Александровича подарила своей младшей приятельнице Эмме Константиновне Соломатиной. Уловив восторженную реакцию гостя, небрежно протянула папку — «возьмите в свою коллекцию, я все равно их уже не вижу...»

Забегая вперед, добавим: осенью 1997 года в Одессе готовилась к печати книга по истории ГУЛАГа. Будущий ее автор обратился к Э. Соломатиной с просьбой прислать фотокопию портрета Федорова для репродуцирования в книге. Вместо этого в Одессу был передан оригинал работы с любезной просьбой передать этот портрет в подарок в коллекцию С. Луцкича для издания.

Книга вышла из печати в сентябре 1999 года тиражом 2000 экземпляров¹³. Часть рисунков С. Бондарина и В. Федорова были воспроизведены в цвете.

Учитывая безусловную уникальность и историческое значение этих документов большевистского террора, позволим себе воспроизвести их повторно (но, по техническим возможностям издательства, лишь в черно-белом исполнении).

Ил. 6. [Бондарин С. А.] Что мы имеем в репертуаре. Сезон 1947–48 гг. Рукопись, 1 с. Бумага светочувствительная для копирования чертёжей, чернила, акварель. 29,5×16 см

Ил. 7. [Бондарин С. А.] Константин Симонов. Русский вопрос. 1948 г. Рукопись, 3 с. Бумага светочувствительная, чернила, акварель. 20,2×10,9/10,6

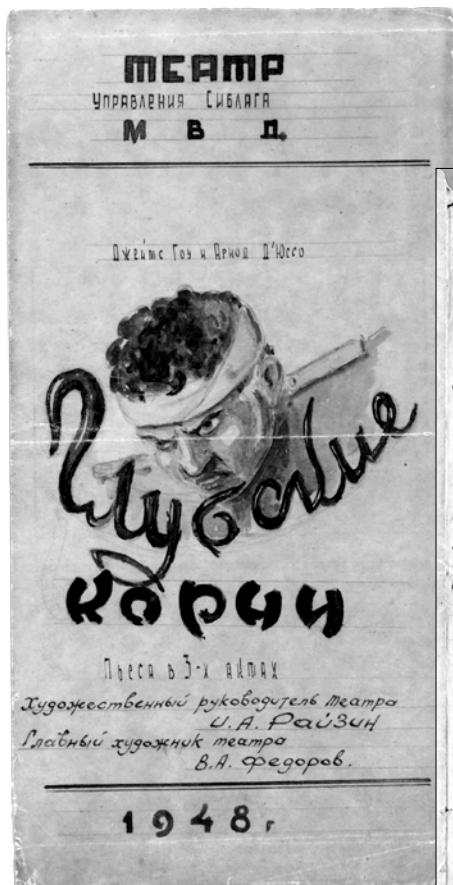
Хочется надеяться, что где-то, в любом месте нашей необъятной территории, кто-то из родных (а также исследователей!) прочитает в этих самодельных афишках знакомые имена среди жертв того времени.

Действующие лица и их исполнители:

- Макферсон - хозяин и редактор крупной Нью-Йоркской газеты - Райзин И. А.
 Губль - один из редакторов газеты Макферсона - Любимов П. И.
 Смит - корреспондент газеты Макферсона - Духовской М. В.
 Престон - редактор иностранного отдела газеты Макферсона - Ананько В. А.
 Харди - репортер газеты Макферсона - Черкасов Б. Э.
 Мерфи - корреспондент одной из газет Херста - Матюхин Г. Ф.
 Кесслер - издатель - Крживяковский Ю. К.
 Вильямс - редактор левой газеты - Веденягин Я. П.
 Джесси - секретарь Макферсона - Миневич С. К.
 Мег - стенографистка - Альфредова Е. А.

Заняты в пьесе: Муррэ, Маршалйтес, Франкич, Ползикова, Бондарин, Тартаковский и весь джаз-оркестр театра.

*постановка:
 художественного руководителя театра И. А. Райзина.
 Декорации:
 П. л. художника театра В. А. Федорова.*

Действующие лица и их исполнители:

Гоней Тернер-негритянка, горничная — Миневич С.К.
 Белла Чарльз-негритянка, экономка Эдмо Лэнгдона, мать Брейта. — Бодянова Ж.Д.
 Элсуорт Лэнгдон-сенатор — Веденяпин А.П.
 Аженевра Лэнгдон, его младшая дочь. — Мурашева В.П.
 Эйлис Лэнгдон, его старшая дочь. — Альфредова Е.А.
 Гоуард Меррик-писатель-Духовской М.В.
 Рой Максвелл-розетбонник Лэнгдонов, юрист. — Любитов П.И.
 Бретт Чарльз-негр, ветеран второй мировой войны — Раузин И.А.
 Сэркин-шериф. — Черкасов Б.Э.
 Чак Горрен — Ефанкин А.
 Боб Аизи — Бишев Г.М.

постановка:
 художественного руководителя театра
 И.А. Раузин.

Декорации:
 Гл. художника театра
 В.А. Федорова

антракты после 1го и 2го актов.

Ил. 8. [Бондарин С. А.] Джеймс Гоу и Арнод Д'Юссо. Глубокие корни. 1948 г. Рукопись, 3 с. Бумага светочувствительная, чернила, акварель. 20,1×11,0. На с. 4 притиска карандашом почерком С. Бондарина: Видишь — я тоже был почти худож-ник (как вышло: ник) [очевидно — адресовано жене]

Видишь —
 я тоже
 был почти худож-
 ник
 (как вышло: ник)

В. Федоров

Ил. 9. [Федоров В. А.]. [На фоне чахлой природы фигура заключенного, мимо несется тройка лошадей.] На об. ст. справа внизу аккуратная подпись: «В. Федоров». Бумага, акварель. Лист 12,5×17,5; изображение 11,5×16,0 см

Осенью 1980 года встретился с Екатериной Гавриловной Довгань, урожденной Бовшик (1904–1987), педагогом, представительницей пятого поколения семьи Бовшик (Бовшек), владеющей с дореволюционных времен участком земли на так называемой «Даче Ковалевского», бывших соседей и друзей писателя Александра Митрофановича Федорова (1868–1949).

Рассказал о своей удаче — нескольких афишах лагерного театра, с фамилией Виктора Федорова, полученных в подарок от вдовы писателя Бондарина.

В ответ Екатерина Гавриловна начала рассказывать свой вариант **той же истории**, который по возвращении домой тотчас же был занесен в картотеку. Вот резюме этого рассказа.

Помнит, в 1960-х годах у нее на даче появился незнакомый приезжий, искал «кого-нибудь из семьи Бовшик». Представился — писатель С. Бондарин из Москвы. Рассказал о встречах с художником Виктором Федоровым в лагере, об их жизни там, о смерти Федорова. Сказал, что должен выполнить его последнее предсмертное поручение — передать жене Федорова в Бухарест фотографию их маленького сына, которая была с ним в лагере.

Повторила рассказ С. Бондарина: театр, в котором работали они с Федоровым, был «крепостной театр». Там собрались хорошие силы. Они развлекали начальство. Их часто возили на грузовиках по разным местам, где они давали спектакли. Их заставляли все время давать новый и новый репертуар.

С. Бондарин показал небольшой рисунок В. Федорова — его автопортрет: Федоров с седыми волосами, его увлекает тройка красных коней. Очень красивый рисунок! (См. ил. 9).

Рассказывала, что Федоров умер в лагере от сердечного приступа. В других условиях его можно было бы спасти.

Бондарин как-то принял участие в «литературном вечере» у них на даче, устроенном ее сестрой, — читал отрывки из своих воспоминаний о Ю. Олеше. Она потом прочитала их в книге, но в сокращенном виде. Подарил ей свою книгу — перевод Кешокова.

Новые одесские знакомые Бондарина познакомили его с какими-то актерами, которые уезжали на гастроли в Бухарест. Те взяли с собой фотографию мальчика, привезенную Бондариним, чтобы передать родным Федорова. Было ли выполнено это поручение, Бондарин не знал.

Думается, эту трогательную историю о посещении Бондариним Одессы для передачи в Бухарест фотографии сына погибшего В. Федорова, никто никогда не публиковал. Из собеседников вечеров на даче Бовшик никого уже нет. Пусть же такой нетривиальный эпизод станет известен читателям хотя бы в конспективном переложении.

В той же папке оказались еще три реликвии последнего периода, ссылки Бондарина после лагеря:

Трудовая книжка, начатая 14 марта 1952 года с тремя записями: о зачислении на работу в Заводовский Химлесхоз в качестве вздымщика; о переводе 19 апреля 1952 года в ОРС при Заводовском Химлесхозе в должности сторожа; об увольнении 5 июня 1954 года в связи с выездом в другое место жительства (через несколько дней Бондарин оказался дома в Москве!).

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причины)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	1952	III	14	Заводовский ХЛХ Принят в заводовский химлесхоз в качестве вздымщика 1. Директор Л.И.К. [Stamp]	Заводовский ХЛХ вздымщик 1. [Stamp]	Тр. № 86 от 31/III-1952.
2.	1952	IV	19	Переведен в ОРС при заводовском химлесхозе в должность сторожа 1. Директор Л.И.К. [Stamp]	в парашюта ОРС при заводовском химлесхозе 1. [Stamp]	Тр. № 101 от 31/IV-1952.
3	1952	IV	19	Принят в ОРС заводовского химлесхоза в должность сторожа 1. Директор Л.И.К. [Stamp]	ОРС заводовского химлесхоза в должности сторожа 1. [Stamp]	Тр. № 845. от 19.4.52.
4	1954	VI	5	Уволен из ОРС в связи с выездом в другое место жительства 1. [Stamp]	в связи с выездом в другое место жительства 1. [Stamp]	Тр. № 111. от 5/VI-54.

Трудовая книжка

Фамилия Бондарин

Имя Сергей

Отчество Александрович

Год рождения 1903

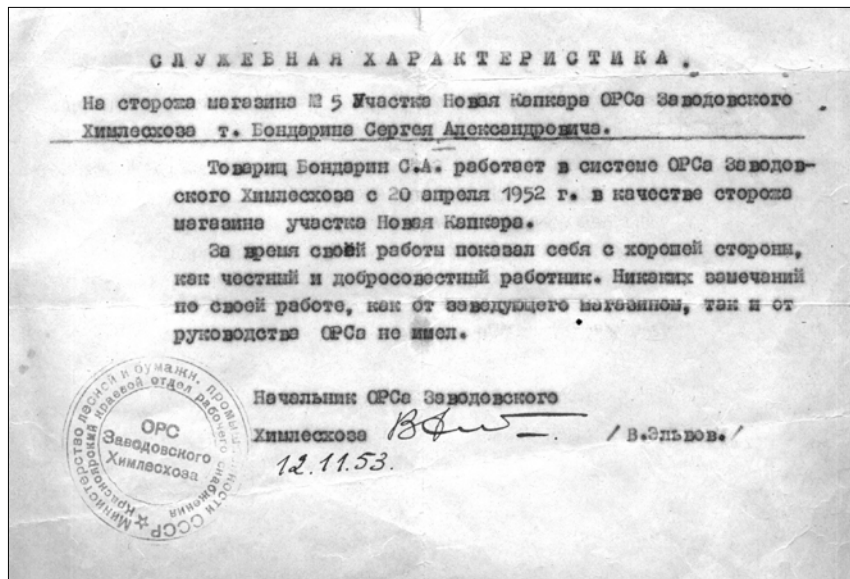
Образование: начальное, среднее, высшее (подчеркнуть)

Профессия Экономист-управленец

Подпись владельца Трудовой книжки Бондарин

Дата заполнения Трудовой книжки 17. Апрель 1952г.

Ил. 10. Трудовая книжка (с. 1-4)
С. Бондарина. Март 1952 — июнь 1954

Ил. 11. Служебная характеристика. Ноябрь 1953

Ил. 12. С. Бондарин в ссылке после ГУЛАГа. Весна 1954.
5,2×5,2 см

Фотография 5,2×5,2 см, с надписью на об. ст. «Капкары. Весна 1954». Служебная характеристика на сторожа магазина № 5 участка Новая Капкара ОРСа Заводовского Химлесхоза т. Бондарина... с датой «12.11.53».

К завершению довольно долгого визита гость попросил на память традиционный литературный сувенир — книгу писателя с его дарственной надписью. В доме нашелся подходящий экземпляр, которого еще не было у просителя: С. Бондарин. *Парус плаваний и воспоминаний*. М., 1971, с рукописным посвящением редактору книги Н. С. Хехловской. Почему книга не попала по первоначальному адресу — неизвестно, может быть, по состоянию здоровья Бондарина. Генриетта Савельевна добавила и свои несколько слов (см. ил. 13).

Ил. 13

Таким получился своеобразный отчет о многом увиденном, услышанном и полученном в бесценный дар при первом посещении жилища Бондариных в Москве 21 мая 1980, через полтора, примерно, года после смерти писателя.

Оставались еще неизученными пока лишь несколько фотографий, полученных тогда же от Генриетты Савельевны, но без всяких комментариев (см. ил. 14). Ощущалось, что они могут содержать ценную информацию, требующую привлечения ряда документов и цитат из первоисточников. Было принято решение выделить их в отдельную главу.

* * *

Итак, перед нами две однотипные фотографии стандартного формата 9×12 см (точнее, 8,9×11,8 и 11,8×8,9), безусловно выполненные в одно время, одна вслед другой. На обеих легко узнаем облик московского писателя Сергея Александровича Бондарина в зрелом возрасте.

На первом из снимков писатель стоит на улице перед старинными

каменными, вросшими в землю, воротами, полуприкрытыми металлическими створками нового изготовления. Слева над головой виден современный номерной знак дома «1 Чкалова», а правее — табличка с лозунгом: «Жильцы дома борются за образцовый дом».

На другом снимке Бондарин уже прошел через ворота, оказался внутри территории, оперся на ветхий штахетный заборчик, окружающий палисадник с несколькими старыми деревьями, где сохнет на веревках постиранное нижнее белье.

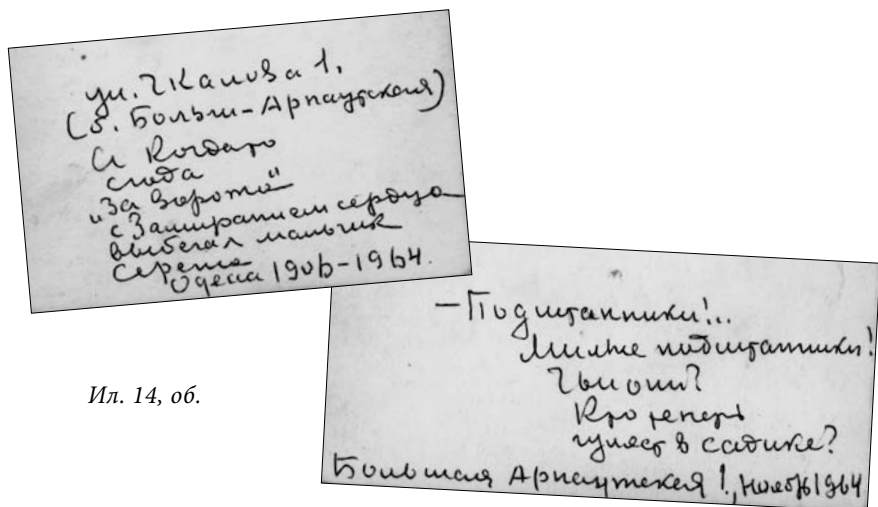
Ил. 14

Над «подштанниками» видна нижняя часть двухэтажного дома с застекленными окнами жилых помещений первого и второго этажей.

Комментарии Бондарина на оборотных сторонах обеих, пока еще загадочных, фотографий, свидетельствуют о его домашнем адресе в раннем детстве, что, видимо, не публиковалось в печати. Факт, заслуживающий введения в научный оборот.

Ил. 14, об.

Вернувшись из Москвы, новый владелец фотографий поспешил показать их С. Калмыкову. Сергей Викторович мгновенно опознал собственную работу и продемонстрировал в своем архиве аналогичные отпечатки.

Да, это мои работы, я снимал Сергея Александровича на прогулках по городу в начале декабря 1964 года, сразу же после завершения конференции «Литературная Одесса 1920-х годов». За 5 или 6 дней было отснято множество литературных сюжетов — памятные Бондарину места одесского детства и юности. Не все из разыскиваемых объектов сам писатель сумел опознать, иные виды исчезли за давностью лет.

Бондарины уехали из Одессы 6 декабря, автор фотографий принялся за обработку негативов, которая заняла несколько месяцев. Что и кому дарилось — уже не восстановить и не собрать. В коллекцию автора этой статьи постепенно поступило десятка два эпизодов.

Думается, следовало бы восстановить по возможности полно всю эту интересную серию 1964 года по старым негативам из фотоархива Калмыкова и сохранить в фондах Одесского литературного музея как свидетельство той конференции.

* * *

Необходима пауза, чтобы разобраться с топонимией вокруг того небольшого района, где фотографировали С. Бондарина в 1964 году.

Главной магистралью здесь была Большая Арнаутская улица, известная по литературе еще с 1834 года. Ее переименовывали несколько раз: летом 1921-го — в улицу Герша Леккерта, забытого нынче революционера; в сентябре 1946-го — в улицу В. Чкалова, прославляемого тогда погибшего летчика. Наконец, в августе 1994-го ей вернули исконное название — Большая Арнаутская¹⁴.

Перпендикулярно к Большой Арнаутской проходила часть Старопортофранковской улицы, отделявшей когда-то город от морского обрыва с пустынными хуторами. Они постепенно застраивались, в 1902 году улица была переименована в нынешнюю ул. Белинского¹⁵.

Участки земли и выстроенные на перекрестках дома зачастую числились в разных документах двояко, под разными адресами: то, как «Большая Арнаутская, 1», то «по Белинского, № 12». Иные справочники тех лет ухитрялись, не проверив, одновременно упоминать их по обоим адресам, как разные объекты.

В 1891 году городскими властями было выстроено новое двухэтажное здание очередного народного училища на углу Большой Арнаутской и Старопортофранковской (еще не переименованной в Белинского). Руководил строительством сравнительно молодой талантливый архитектор С. Ландесман, недавно назначенный на должность городского архитектора¹⁶.

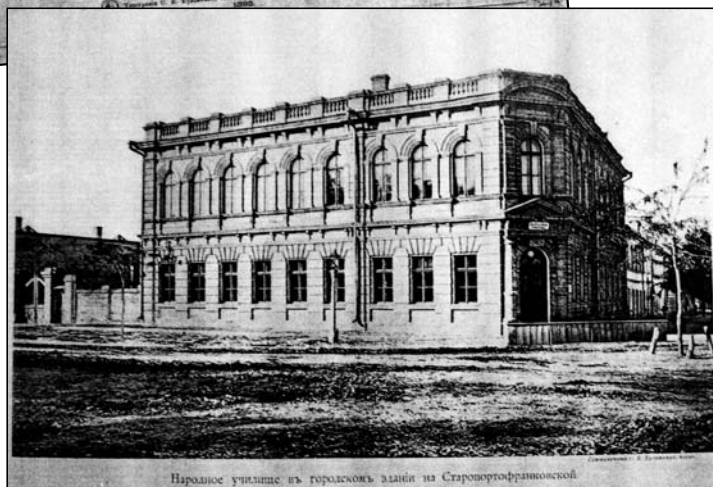
Судя по откликам печати, новое сооружение произвело самое лучшее впечатление на современников. В разных справочниках появились его фотографии и описания, и не только в Одессе. 1893-м годом, к примеру, датирован рекламный альбом, напечатанный в киевской типографии С. В. Кульженко. В нем четыре фотографии интерьеров и краткое описание:

Народное училище на Большой Арнаутской улице. 3-х классное училище с отдельным рукодельным классом и рекреационным

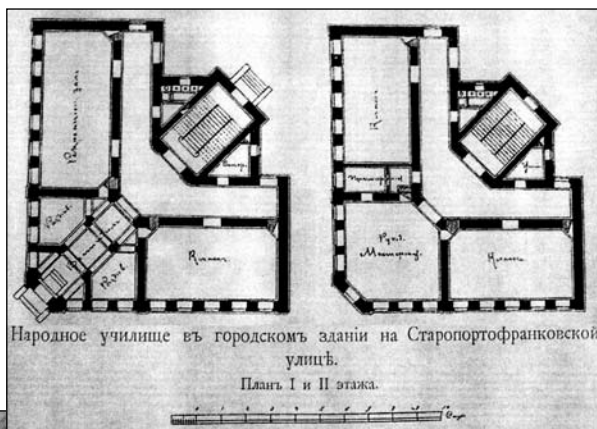

залом. *Квартиры учителей в отдельном, прилегающем к училищу, городском доме* (Вспомним фотографию С. Бондарина 1964 года у каменных ворот этого «отдельного дома» — см. ил. 14). *Классы рассчитаны на 40 учеников каждый.* <...>¹⁷

Экземпляр этого редкого издания предоставлен из домашнего собрания известного одесского краеведа Т. Е. Донцовой, ранее находился в собрании известного краеведа В. А. Чарнецкого (1914 — апр. 2000). Искренняя благодарность обоим.

Ил. 15.1. Общий вид Народного училища на Большой Арнаутской улице, № 1. Собр. Т. Е. Донцовой

Ил. 15.2. Интерьеры Народного училища на Большой Арнаутской улице, № 1

Интересующая нас тема нашла отражение в служебной переписке Торгового и Строительного отделений Одесской Городской Управы. Ограничимся лишь несколькими цитатами из многословных докладов разных чиновников, чтобы выявить суть событий (см. ГАОО. Ф. 16. Оп. 78. Д. 343. Л. 1–5).

Л. 1. В строительное отделение Городской Управы. Справка. По книге докладов Торгового отделения по просьбе помощника делопроизводителя этого отделения А. П. Бондарина, о предоставлении ему квартиры в городском доме № 1 по Большой Арнаутской улице, состоялось следующее постановление Городской Управы 18 сентября за № 35: «Относительно квартиры в Лермонтовском доме передать на усмотрение Строительного отделения. 22 января 1902 года. Делопроизводитель <...>»

Л. 2. Имею честь доложить, что помощник делопроизводителя Торгового отделения А. П. Бондарин занял квартиру в д. № 1 по Б. Арнаутской улице с 1-го февраля [1902 г.] Квартира эта оплачивалась по двадцать семь рублей в месяц <...> просить Ваших указаний: на каких условиях, денежных, будет жить г. Бондарин. 6. III. 1902. Смотритель городских зданий <...>

На документе (Л. 2) появились три дополнительные надписи:

- (1) Как мне известно, г. Бондарин в виду исключительно плохих материальных обстоятельств лишен возможности платить по крайней мере в этом году более 8 руб. в месяц. И. д. делопр. <...>
- (2) Пригласить г. Бондарина 3. III.
- (3) Поставить в доход по 240 руб. в год <...>

Ил. 16. Дело Одесской Городской Управы «Об отплате Г-ну Бондарину квартиры в городском доме на Б-Арнаутской ул.». ГАОО

- Л. 3. Строит. Отд. Г. Заведующему <...>. Вследствие доклада от 6 марта с. г. за № 113 Городская Управа имеет честь сообщить Вам, М. Г., что квартира, занимаемая г. Бондариним в городском доме на Б. Арнаутской ул. должна быть оплачиваема с 1903 г. по 20 р. в месяц. 9 нояб. 1902. <...> Чл. Упр.
- Л. 3, об. <...>
- Л. 4. 1903, 19 апр. Г. Члену Строительного отделения <...> Основываясь на <...>, имею честь просить побудить помощника Делопроводителя торгового отделения г. Бондарина внести в кассу Городской Управы восемьдесят (80 р.) рублей квартирных денег за занимаемую им квартиру в доме № 1 по Б. Арнаутской улице <...> 19 IV 1903.
- Л. 4, об. <...>
- Л. 5; Л. 5, об. Подшиты черновики отрывков аналогичного неотправленного письма от 2 мая 1903 года, с припиской: «В настоящее же время смотритель городских зданий А. Петров сообщает, что г. Бондарин не вносит плату за квартиру».

На этом переписка обрывается, дело закончено.

Можно предположить две версии дальнейшего развития событий: либо г. Бондарин оставил жилье, не расплатившись, либо заплатил сполна и продолжал жить на старом месте.

В первом случае — продолжилась бы переписка о ликвидации задолженности, которая была бы отражена в последующих листах. Во втором варианте, с получением кассой денег, необходимость в продолжении переписки автоматически отпала, что, видимо, и произошло. Косвенным подтверждением благополучного разрешения событий служит и надпись на оборотной стороне фотографии 1964 года: «<...> с замиранием сердца **выбежал** мальчик Сережа» (ил. 14, об.), т. е. достигший уже достаточного (для такого слова) возраста...

По официальным данным (см. далее), будущий писатель Сергей Александрович Бондарин, сын А. П. Бондарина, родился 14 января 1903 года. Судя по изученной переписке, 2 мая того же года семья еще продолжала жить по адресу «Б. Арнаутская, № 1», но не в здании самого Народного училища, а в соседнем корпусе со служебными квартирами, сохранившемся до наших дней при входных воротах.

Можно считать окончательно доказанным, что «адрес для мемориальной доски» сомнений не вызывает, независимо от того, когда и почему родители позднее меняли места жительства.

* * *

По случайному стечению обстоятельств будущий автор этой работы, а в 1935 году — десятилетний мальчик, надолго оказался постоянным посетителем обоих зданий по Большой Арнаутской улице № 1, ежедневно проходил через те же старинные ворота. Единственная разница — другим стало название улицы — Леккерта, 1. Здесь, вместо дореволюционного женского училища, была теперь обычная советская средняя школа-десятилетка № 23 с совместным обучением мальчиков и девочек. В августе 1935 года его сюда определили в четвертый класс, а весной 1941-го юноша здесь же перешел уже в десятый.

По сегодняшний день помнятся высокие потолки всех помещений, монументальная лестница на второй этаж, светлые классы с большими окнами, мастерская для уроков труда, широкие коридоры, где бегали на переменах, актовый зал для торжественных собраний...

Единственный недостаток — отсутствие необходимого числа классов для десятилетки, ведь женское начальное училище было когда-то всего лишь трехклассным. И при переходе к десятилетке пришлось ввести две смены: половина ребят училась утром, другая — после обеда. А в зимнее время со второй смены возвращались домой уже затемно.

Последний раз суждено было посетить родную школу 17 июля 1941-го. Кончался первый месяц войны, на Куликовом поле сооружали баррикады на случай вражеского десанта, а ученикам еще не успели оформить переводные аттестаты. Пришлось заглянуть в школу, получить хотя бы обычную справку о переходе в десятый класс.

Ил. 17. Справка. Кончался первый месяц войны 1941–45 гг.

После серии жестоких налетов вражеской авиации здание школы внешне сохранилось, но без стекол в окнах, с сорванными с петель входными дверьми. Когда случалось проходить мимо, создавалось

впечатление, что внутри никого уже нет. В первой декаде сентября в некоторых школах города пытались возобновить занятия, но нескольких оставшихся учеников 23-й школы направили неподалеку в 57-ю школу, так как 23-ей требовался слишком большой ремонт...

С приходом оккупационных войск и началом холодов (а зима 1941–42 гг. оказалась на редкость суровой) толпы замерзающих жителей ринулись к брошенным зданиям на добычу всего горючего: сначала срывали окна и двери, затем деревянные полы и перегородки, межэтажные перекрытия, стропила крыши...

К весне 1942-го от 23-й школы остался голый каменный скелет. Он простоял до конца 1940-х, а к началу 1950-х участок отдали для строительства нынешнего пятиэтажного жилого дома художников с их мастерскими.

* * *

Поиски информации об отце будущего писателя (не зная о нем почти ничего, даже отчества и года рождения) начали с листов Первой Всероссийской переписи населения 28 января 1897 года, хранящихся в Областном архиве. Поначалу предполагали, что он уже мог обитать при женском начальном училище на Большой Арнаутской, № 1, в боковом флигеле у ворот. Здесь были зарегистрированы обитатели шести квартир (и седьмой — дворницкой). В квартире № 1, заведующего училищем, учли даже прислугу. Но фамилии Бондарина не оказалось.

Самое раннее печатное упоминание, и даже с отчеством, нашлось в справочнике «Городское общественное управление в 1893 г. [Одесса] на с. 71:

Санитарные надзиратели. Бондарин Александр Петрович.

Более содержательная информация была дана в Адрес-Календаре Одесского Градоначальства на 1904 год:

Одесская Городская Управа <...> Делопроизводители управы и их помощники <...> Делопроизводитель Торгового отделения Владимир Павлович Куровский, помощник его — Александр Петрович Бондарин. Б. Арнаутская, 1.

Поначалу подумалось, что «помощник делопроизводителя» — должность самого мелкого чиновника, вроде писаря. Но когда ознакомились полнее с деятельностью делопроизводителя Торговой палаты, непосредственного начальника А. П. Бондарина, мнение изменилось.

«Делопроизводителем» оказался Владимир Павлович Куровский (1869–1915), известный общественный деятель, по совместительству — «хранитель художественного музея Общества изящных искусств» (с 1889 года до дня смерти), секретарь этого общества. Жил при музее на ул. Софиевской, 5. Был одесским приятелем писателя Бунина (будущего Нобелевского лауреата), осенью 1910-го путешествовали вдвоем по Европе. В конце июля 1915-го был призван в армию, заявил друзьям: «не хочу убивать!» и накануне отъезда застрелился. Гибель его вызвала множество откликов печати.

Думается, помощник должен был бы как-то соответствовать уровню своего начальника.

Еще одна неожиданная сторона деятельности отца будущего писателя открылась случайно в документах «Временного Комитета по делам печати в г. Одессе» за 1909 г.

<...> Ноября 3 дня 1909 <...> разрешено коллежскому регистратору Александру Петровичу Бондарину, под его ответственным редакторством, издавать в г. Одессе ежедневную газету «Хозяйка» <...> отдельный номер — копейка <...> (ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 43).

В следующем деле (Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 39), в отчете за 1909 год, в списке «Поименование изданий, на право выпуска коих в свет выданы установленные свидетельства, но которые в отчетном году не выходили» <...> значится эта самая «Хозяйка» как не состоявшаяся.

И последняя, устная информация 1980-х годов от вдовы писателя Генриетты Савельевны: отец С. Бондарина заведовал Детским садом, расположенным внизу, под Приморским бульваром, где до недавнего времени был Пионерский парк (думается, из давних разговоров самого писателя).

В заключение нужно сказать и об отрицательных результатах некоторых поисков.

В Областном архиве, среди дел Новороссийского университета, диплома об окончании университета Александром Петровичем Бондариним не обнаружено.

В Историческом очерке «50-летие Одесского коммерческого училища. Одесса, 1912», в «Академических списках» фамилия А. П. Бондарина не значится.

* * *

Продолжим рассказ о последующих встречах с Генриеттой Савельевой, вдовой С. А. Бондарина. После нашего знакомства в 1980 году (см. с. 239) удавалось посещать ее при каждом приезде в Москву.

Так, в 1981 и 1982 годах состоялись весьма содержательные беседы о ее личном участии в одесском неформальном объединении «Коллектив художников» голодных 1920-х годов. Об этом уже удалось прочитать в опубликованных ранее воспоминаниях С. Бондарина, но интересно было уточнить из первых уст многие подробности событий, расширить представление о четырех талантливых девушках, мечтавших стать художницами.

К следующей встрече, в 1982 году, Генриетта Савельевна подготовила приятный сюрприз: пригласила в гости свою давнюю приятельницу далекой одесской молодости, Раису Лазаревну Менделевич (р. 1904 г.), бывшую участницу того же содружества, ныне проживающую в Москве. Случилась редкая возможность услышать диалоги, а временами и полемику, двух свидетельниц и соучастниц тех событий 60-летней давности. Создалось впечатление, что для обеих то были их лучшие годы, несмотря на бытовые неурядицы.

К сожалению, затронутая тема не укладывается в рамки сегодняшней публикации.

Пребывание в Москве в 1984 году было осложнено необходимостью выступить на «Пятой всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения»¹⁸. Заседание затянулось, гость явился к Генриетте Савельевне с большим опозданием. Хозяйка дома была заметно взволнована. После полагающихся общих фраз и извинений протянула небольшой пакет с несколькими документами:

— Возьмите и сохраните. Я не могу их сжечь, но не хочу, чтобы они попали в чужие руки...

Там оказалось несколько подлинных уникальных документов, отражающих детство и юность Сергея Александровича, никогда, очевидно, не публиковавшихся. Особенно смущал Генриетту Савельевну первый из них (см. далее). Воспроизведем все полностью, по возможности с комментариями, в последней главе этой работы.

В последующие годы состоялись еще несколько встреч. Генриетта Савельевна была озабочена судьбой последних реликвий некогда

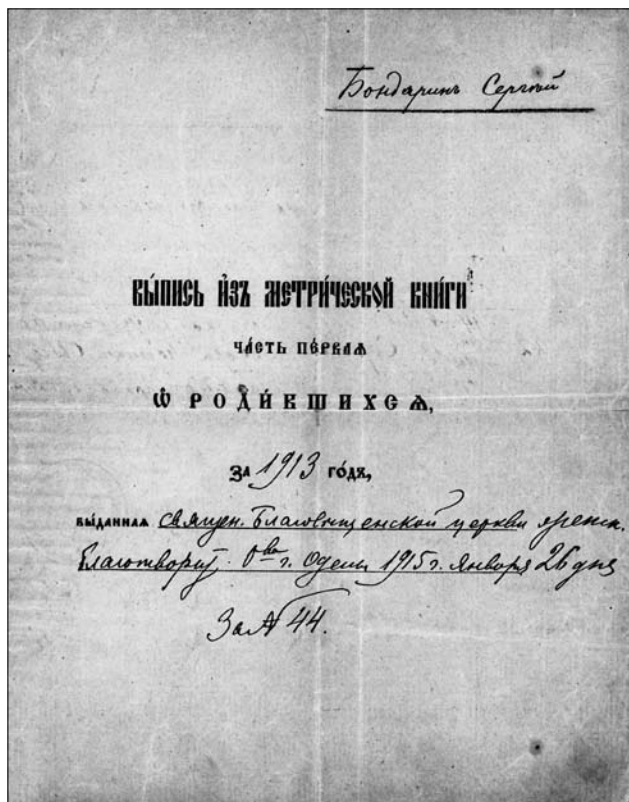
богатого семейного архива. В 1986 году, к примеру, передала в Одессу творческие материалы харьковского художника Наума Соболя¹⁹, его фотографию с шутливым автографом, каталог выставки, несколько снимков сценографии.

Тогда же Генриетта Савельевна попросила сохранить рукописную тетрадку юношеских стихов ее брата, Рувима Адлера, застрелившегося в Одессе в 1917 году.

* * *

Главным документом из поступления 1984 года можно считать «выпись из метрической книги» о рождении будущего писателя.

Воспроизводим его полностью (ил. 18), а также даем выписки из основных значимых частей текста, но с приближением к современной орфографии для облегчения работы.

Ил. 18.1

- [С. 1] *Выпись из метрической книги, часть первая, о родившихся, за 1913 год, выданная священ[ником] Благоещенской церкви женск[ого] благотворит[ельного] о[бщест]ва г. Одессы 1915 г[ода] января 26 дня. За № 44.*
- [С. 2] *Счет родившихся. Мужского пола 22
Месяц и день рождения — 14 янв[аря] 1903 года
крещения — Апрель 19 [1913 года — по названию книги — «за 1913 год»]
Имя <...> Сергій*
- [С. 3] *Звание, имя, отчество и фамилия родителей <...>
Дочь коллежского ассесора Неонила Сысоева Прохно, православленную [так в тексте]
Звание, имя, отчество и фамилия восприемников.
2 сибирского понтонного батальона поручик Владимир Евгеньевич Трегубов и жена капитана 1 разряда Анна Захариева Суворова.
Кто совершал таинство крещения.
Священник Евгений Клопотов.*
- Оттиск круглой печати:
«Печ[ать] благоещенской церкви при сиротском доме в Одессе»
Приклеена гербовая марка ценой «один рубль» с рукописной датой
«1915 года января 26 дня»

Первый же документ вызвал множество вопросов и не дал никаких ответов.

Мальчик родился 14 января 1903 года, крещен 19 апреля 1913-го, документ получен 26 января 1915-го. Отец не назван, мать — Неонила Сысоевна Прохно, православная.

Значит, первые десять лет своей жизни мальчик провел, не будучи даже зарегистрированным! Но и после крещения, еще два года, никто не позаботился получить этот уже готовый документ. Поразительное безразличие родителей.

Ребенок оформлен на фамилию матери, без каких-либо упоминаний об отце. Правда, наверху документа кто-то чернилами вписал, еще по старой орфографии: *Бондаринъ Сергей* и жирно подчеркнул.

Кем вписано, на каком основании — неизвестно.

Можно понять реакцию Генриетты Савельевны, которой было неприятно сознавать, что ее муж «незаконнорожденный»...

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ

70 тысяча девятисотых

ВѢТЪ РОДИВШИХСЯ.		МѢСЯЦЪ И ДЕНЬ		Имена родившихся.	Званіе, имя, отчество и фамиліа родителей, и какогогъ вѣроисповѣданія.
мужскаго пола.	женскаго пола.	рожд. мѣ.	крещ. мѣ.		
22	-	14 авг. 1903 года	19.	Сергій	Дочь коллежскаго ассесора Леонима Сысоева Траханъ, православногъ.

Завѣд. 26 авг.

Ил. 18.2

 <p>ПЕРВАЯ, У РОДИВШИХСЯ, ЗА 1913. ГОДА.</p> <p><i>тридцатый год</i></p>		
Званіе, имя, Отчество и фамилія коспріёмникшех.	Кто совершилъ тѣнство крещенія.	Ръкоприкладство скн- дѣтелей записи по же- ланію.
2 Сибирскаго полковника по баталіона поручикъ Владимиръ Евлевичъ Трещубовъ и зрѣна ками- тана Казаряда Анна Захаріева Суворова.	Священникъ Евгений Кирилловъ.	
Священникъ Александръ		

В попытках понять ситуацию С. А. Желясков разыскал в Областном архиве оригинал той метрической книги:

Метрическая книга Благовещенской женского благотворительного Общества церкви гор. Одессы, того же уезда, Херсонской епархии, данная из Херсонской Духовной Консистории для записи родившихся и умерших на 1913 год <...>

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1913				ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.			
Число рождений.	Место в доме.	Имя и отчество.	Родители, имя, отчество и фамилия родителей, и крестные отцы.	Имя, отчество и фамилия крестных отцов.	Вся совокупность численности.	Крестные отцы и матери.	
22	17	Сергей	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович	Железков Александр Иванович	
22	19	Сергей	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович	Железков Александр Иванович	
23	22	Ксения	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович	Железков Александр Иванович	
23	24	Евгений	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович и жена Мария Ивановна	Железков Александр Иванович	Железков Александр Иванович	

Ил. 19. Метрическая книга за 1913 г. ГАОО

В Метрическую книгу для записи родившихся на 1913 год был вклеен дополнительный лист, между основными страницами книги: типографская заготовка с титулом императора, заполненная от руки текстом разрешения Херсонской Духовной Консистории окрестить Сергея Прохно. Видимо, подобные случаи возникали достаточно часто, бланки для разрешений заказывались в типографии заблаговременно.

(См. ГАОО. Ф. 37. Оп. 13. Д. 756. Лл. 116, 116 об.)

Получ. 15 дек. 1912 г. Спешно

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Херсонской Духовной Консистории причту Благовещенской церкви, что при Сиротском доме гор. Одессы

По указу Его Императорского Величества, Херсонская Духовная Консистория, выслушав дело о крещении сына Неонилы Прохно 19 ноября (3 декабря), постановила и Его Преосвященство Преосвященный

Иоанн Епископ Слуцкий 3 декабря утвердил разрешить причту совершить таинство крещения над сыном Неонилы Прохно, которого она именует «Сергием», записав в метрические книги родительницей его «дочь коллежского ассесора Неонилу Сысоеву Прохно, православную», а временем его рождения указав 14 января 1903 г. О чем дается знать причту для распоряжения. г. Одесса Декабря 14 дня 1913 г.

Член консистории Свящ. Ст. Лобачевский

Прохно, православная, а временем его рождения указать 14 Января 1903
О чем даётся знать причте для распоряжения - г. Одесса Декабря 14 дня 1913
Членом Консистории Свящ. Ст. Лобачевский

1913/279

15 Дек 1913 116

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО изъ Херсонской Духовной Консисторіи

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Херсонская Духовная Консисторія

крестильница Неонилы Прохно, 14 Января (3 Декабря) крестильницамъ вое Крестильницамъ Неонилы Епископа Слуцкого утвердить разрешить причте совершить таинство крещения надъ сыномъ Неонилы Прохно, котораго она именуется Сергеемъ, записавъ въ метрической или въ родильной книгѣ его, дочь коллежскаго ассесора Неонилу Сысоеву

Ил. 20. Указ императора от 15 декабря 1912 г. ГАОО

На одной странице метрической книги поместилось семь записей новорожденных. Трое из них — без отцов. Двоих младенцев крестили тотчас после рождения, только для Сергея Прохно провели особое слушание в Духовной Консистории. Нужно думать — по необычной ситуации с десятилетним возрастом! История тянулась долго — с декабря 1912 до апреля 1913 года.

Исследователи, регулярно работающие с метрическими книгами разных церквей предреволюционного времени, давно заметили, что число «незаконнорожденных» обычно превышает десять процентов от общего числа родившихся. Видимо, это было тогда достаточно обыденным явлением, не вызывало особых волнений. Чаще всего матери со временем выходили замуж, новые мужья усыновляли детей жены и давали им свою фамилию. Автору статьи известны многие подобные случаи в творческой среде писателей, художников, актеров. Церковь спокойно крестила подобных детей, а общественное мнение не реагировало. Случай с Бондариним можно считать почти уникальным лишь по той причине, что родители по неизвестным нам обстоятельствам не побеспокоились окрестить младенца вовремя (скажем, в период совместного проживания на Большой Арнаутской, 1?).

О матери Сергея Александровича Бондарина, Неониле Сысоевне Прохно, нам известно очень мало. Семья их с отцом Бондарина не была официально оформлена и просуществовала недолго.

В Одесском областном архиве удалось разыскать лишь одно второстепенное дело с ее участием, за 1914–1917 годы, на 12 листах. До нас его никто не смотрел: листы не были ни сброшюрованы, ни пронумерованы (ГАОО. Ф. 42. Оп. 3. Д. 9105).

По материалам этого дела: Н. Прохно добивалась, чтобы ей присвоили звание «учительницы младших классов» (которого она, судя по письмам, так и не получила).

Из этой переписки с разными учреждениями мы узнаем дату ее рождения: 14 января 1876 года, православного вероисповедания. Значит, к моменту рождения сына Сережи ей было 27 лет.

Окончила «Педагогические курсы при Херсонской Мариинской Александровской гимназии» летом 1895 года (задолго до рождения сына в январе 1903). Состоит свыше двух лет учительницей Дубоссарского Карантинного начального училища.

К письму от февраля 1917 года приложена ее фотография — даме около 40 лет (см. ил. 21).

В письмах упоминались некоторые ее адреса:

Место постоянного жительства в 1916 году — город Дубоссары, предместье «Карантин» Херсонской губернии Тираспольского уезда.

С 1912 по 1913 год проживала в местечке Гроссулово Херс[онской] губ[ернии] Тирасп[ольского] уезда.

В 1914 году в г. Одессе по Тираспольской ул[ице] и по Болгарской ул[ице] д[ом] № 82 до 13 ноября. С 13 ноября 1914 г[ода] проживаю в г[ороде] Дубоссары.

См. ГАОО. Ф. 42. Оп. 3. Д. 4105.

В краткой машинописной автобиографии С. Бондарина, датированной ноябрем 1972 года, хранящейся в Одесском литературном музее, сказано, что отец с матерью разошлись. Мать — сельская учительница, жила в селе, умерла в 1932 году.

На всякий случай, укажем еще одесский адрес брата матери Бондарина, опубликованный в печатном справочнике «Вся торгово-промышленная Одесса на 1914 год», с. 16: «Отделения гор[одской] Управы <...> Военное отделение. Делопроизводитель: Мих[аил] Сысоевич Прохно, ул. Новосельского, 25».

* * *

Следующий документ, переданный Генриеттой Савельевной летом 1984-го, относится к событиям 1917 года. Он составлен Александром Петровичем Бондариним, отцом писателя, и заверен нотариусом в Одессе 18 января 1917 года, накануне Февральской революции. Попробуем его прокомментировать.

Отец Бондарина значился по дореволюционному «Табелю о рангах» коллежским регистратором и занимал там самое низшее четырнадцатое место. Он не имел офицерского чина, а когда началась война и его призвали в армию, получил должность «исполняющего обязанности младшего офицера» во вспомогательном рабочем батальоне. Кроме жалования, ему причитались «квартирные деньги и на наем прислуги».

Ил. 21. Неонила Прохно.
1917 г. ГАОО

Handwritten notes and signature:
1000 руб
24/1/17
[Signature]

Милостивый Государь,
АФАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Сыну моему ученику 4-го класса Одесской Гимназіи М.С.Панченко Сергѣю Бондарину, находящемуся на моемъ иждивеніи причитаются квартирные деньги и на наемъ прислуги по службѣ моей въ 19 рабочемъ баталіонѣ въ должности и.об. младшаго офицера; по сему уполномочиваю Васъ означенные деньги съ января мѣсяца сего 1917 года получать ежемѣсячно; для чего подавать прошенія, заявленія и другія бумаги, получать аттестаты, талоны, удостовѣренія и прочіе бумаги и документы, росписываться гдѣ слѣдуетъ и выполнять нужныя формальности, въ чемъ я Вамъ вѣрю, спорить и прекословить не буду.

Довѣренность эта принадлежитъ Афанасію Ивановичу Григорьеву. *Копируется*
Александр Петровичъ Бондаринъ
Тысяча девятьсотъ семнадцатаго года, января восемнад-

Ил. 22. Доверенность А. П. Бондарина

цатаго дня, довіренность эта явлена у меня, Дмитрія
Августиневича Тарасевича, Одесскаго Нотаріуса, въ
конторѣ моей, по улицѣ Кондратенко, въ домѣ под № 19,
Коллежскимъ Регистраторомъ /по заявленію/ Александромъ
Петровичемъ БОНДАРКНЫМЪ, лично мнѣ неизвѣст-
нымъ, представившимъ въ удостовѣреніе своей само-
личности билетъ выданный ему Командиромъ 19 рабо-
чаго баталіона 15 Декабря 1916 года за № 2953,
а въ своей законной правоспособности къ соверше-
нію актовъ, давшимъ мнѣ подписку, живущимъ въ г.
Одессѣ, по Пантелеймоновской ул. № 60, подписавшимъ
эту довіренность собственноручно. По реестру № 111

НОТАРИУСЪ

Тарасевич

Судя по нескольким почтовым открыткам, приходившим в Одессу к его сыну в течение 1916–1917 годов и сохранившимся до наших дней, «рабочий батальон» постепенно перемещался с запада на восток. Так, 7 августа 1916 года обратный адрес отправителя обозначен «местечко Черный Остров Проскуровского уезда Подольской губернии»; а 9 мая 1917-го пришла открытка из города Новороссийска Черноморской губернии.

Дальнейшая судьба отца остается загадочной. Письма прекратились... По неуверенным репликам Генриетты Савельевны (которая его никогда не видела) — «пропал без вести. Писали запросы — но безрезультатно...» Наступили смутные времена гражданской войны, «квартирные деньги», несомненно, отменили.

Публикуемый текст документа начинается словами «Сыну моему ученику 4-го класса одесской Гимназии М. С. Панченко *Сергею Бондарину...*» Такая формулировка противоречит записи в метрической книге (см. с. 265) о «*Сергее Прохно*». Когда и каким образом удалось отцу Бондарина передать сыну свою фамилию — не раскрыто. Надпись чернилами «*Бондарин Сергей*» (по старой орфографии) на «Выписи из Метрической книги о родившихся» (ил. 18) не подкреплена никакими известными нам юридическими документами. Впервые пришлось столкнуться с таким сочетанием слов в обратном адресе письма отца из армии к сыну в Одессу, отправленного 7 августа 1916 года: *Гор. Одесса. Суворовская ул. (М. Арнаутская) д. № 11. Квартира М. Н. Сомова. Сергею Бондарину.*

Адрес и личность М. Н. Сомова прокомментировать не удалось.

Но вернемся к письму Александра Петровича Бондарина к «Милостивому Государю Афанасию Ивановичу». Оно названо в тексте «Доверенностью» и адресовано Афанасию Ивановичу Григорьеву. В справочнике «Вся торгово-промышленная Одесса <...> на 1914 год» (Одесса, 1914. — С. 306–309), в разделе «Служащие», Одесская контора Государственного банка, на с. 307 список «Помощники контролера 1-го разряда» возглавляет Григорьев А. И., г. с. [губернский секретарь, 12-е место в «Табеле о рангах»], ул. Новосельского, 67.

В почтовых открытках отца Бондарина из армии трижды встретился этот адрес: *Одесса Новосельская 67 квар. № 16 Гг. [господ] Григорьевых Сергею Бондарину.* Самая ранняя дата — 9-V-1917.

Генриетта Савельевна не раз упоминала Григорьевых: Сергей Александрович тепло о них отзывался, прожил в их квартире

несколько лет, показывал мне их дом (почти напротив кирхи), а когда они уехали в Харьков, переписывался с ними. В 1957 году мы побывали в Харькове, заходили к ним в гости.

В январе 1917 года юноше Бондарину исполнилось 14 лет. В «Доверенности» он назван **учеником 4-го класса Одесской Гимназии М. С. Панченко**. Мы не знаем, с какого года он там учился, как долго, закончил ли? Но и сегодня придаем особое значение его пребыванию в этом частном престижном учебном заведении (по всей видимости, одном из самых дорогих в городе), с прекрасным подбором талантливых педагогов. И не будем забывать, что он остался, практически, сиротой, на попечении чужих людей.

Гимназия размещалась в собственном недавно выстроенном прекрасном трехэтажном здании на Большой Арнаутской улице, № 9. Директором был Михаил Семенович Панченко, приват-доцент Новороссийского университета. Иные из преподавателей позднее, уже после революции, стали известными одесскими учеными в области археологии, русского языка, физики. Историю учебного заведения пытаются воссоздать сотрудники 101-й школы, размещающейся ныне в том же здании. Задача усложняется тем, что архив гимназии Панченко утрачен.

К сожалению, это уже за пределами темы нашей публикации.

* * *

События, отраженные в последнем документе архива С. А. Бондарина, относятся к марту–сентябрю 1921 года.

Напомним ситуацию в Одессе: красные окончательно завладели городом в феврале 1920-го, лишь через три года после Февральской революции в Петрограде. Немедленно начались коренные преобразования и переименования во всех сферах общественной жизни. Не обошли и бывшее Художественное училище, куда собрался поступить молодой Сергей Бондарин.

Он тяготел к искусству, неплохо рисовал, дружил с художниками, в том числе и с девушками из «Коллектива художников» (с. 232, 259), посещал выставки.

В Одесском областном архиве достаточно полно сохранились фонды Художественного училища тех лет, но разобраться в них нелегко: одни и те же фамилии преподавателей и учащихся находим, зачастую, в разных папках, под разными шифрами и названиями:

- Высшее художественное училище (1918–1920);
- Свободная мастерская (1920);
- Производственная мастерская (1920–1921);
- Академия изобразительных искусств (1921 — май 1922);
- Институт изобразительных искусств (май 1922 — июнь 1924)...

Очень трудно, а иногда и просто невозможно разграничить по датам пребывание нужного персонажа в той или иной мастерской.

Одни студенты пытались добросовестно учиться, другие увлекались революционными лозунгами.

Вся чехарда с непрерывными переименованиями и реорганизациями начала успокаиваться лишь к 1923 году.

Особенностью мастерской, куда попал Бондарин, была ее крайняя левизна, точнее — псевдо-левизна: **студенты должны были работать, выполнять заказы (например, писать плакаты на актуальные сегодня темы), получать за это зарплату от заказчиков.**

Документ, сохранившийся у С. Бондарина, гласит:

У.С.С.Р.

«ВСЕУКРКОМИЗО»

Государственные Художественные
производственные мастерские

Марта 30 дня 1921 г. № 533

Удостоверение

Дано сие тов. Сергею Бондарину в том, что он действительно состоит работником в Государственных художественных производственных мастерских, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Справка: На основании статьи 2-ой пункт.[ов] 2-го и 17-го Положения о Государственных художественных производственных мастерских приравнены в правах студентов Высших Учебных Заведений.

Заведующий Государственными Художественными производственными мастерскими

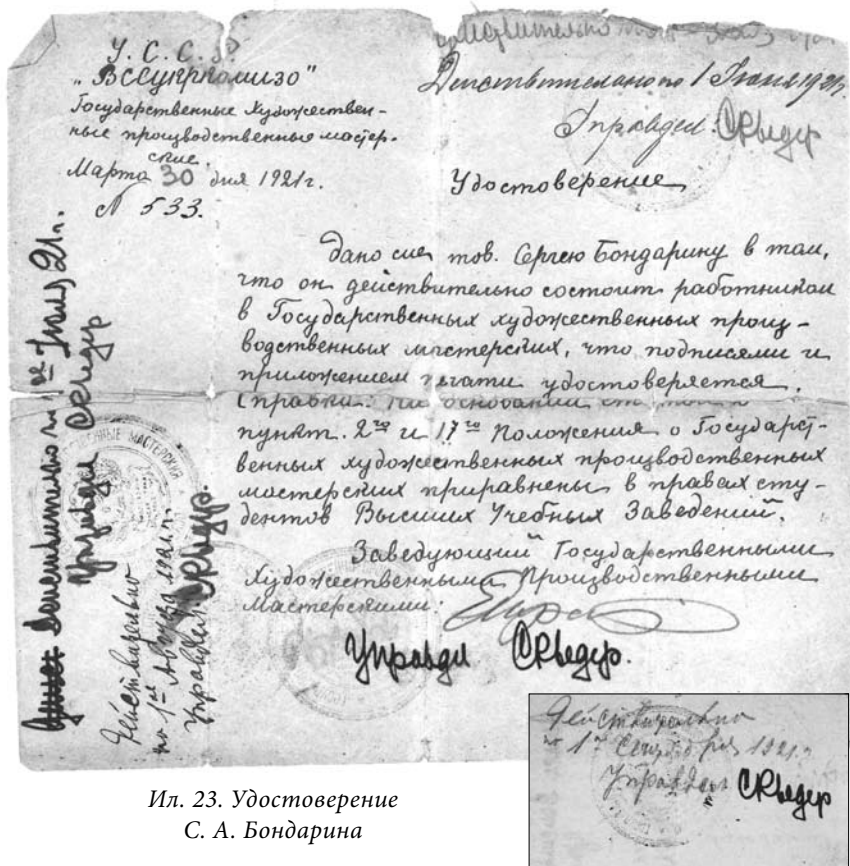
[Неразб.]

Управдел

Скведер

Р. S. Учитывая крайнюю ветхость документа 1921 года, воспроизводим его текст факсимильно и типографским набором.

Под текстом удостоверения стоят две подписи: первая неразборчива (карандашом), вторая — жирно, чернилами, а рядом бледный нечитаемый оттиск круглой печати. Каждый месяц на том же

Ил. 23. Удостоверение
С. А. Бондарина

удостоверении появлялись на полях дополнительные надписи чернилами типа «Действительно по 1е Июля 21 г. Управдел Скведер»

Когда края лицевой стороны заполнились, надписи о продлении продолжили на обороте документа. Последняя из них датирована сентябрем 1921 года.

Документ истрепан до предела. Видимо, его постоянно носили при себе в кармане, может быть — как пропуск в училище, сложенным в несколько раз (остались четкие потертости и надрывы).

Итак, в январе 1921 года Сергею Бондарину исполнилось восемнадцать лет. Он начинал самостоятельную творческую жизнь...

От автора

Так получилось, что некоторые важные документы из домашнего архива писателя стали поступать к автору этой работы уже после смерти их владельца, и не в хронологической последовательности. Соответственно, нарушилась и система их публикации — по мере поступления в собрание.

Автор выражает огромную благодарность коллегам-краеведам О. М. Барковской, Т. Е. Донцовой, С. А. Желяскову, С. В. Калмыкову, А. Л. Яворской за постоянную помощь в поисках дополнительной информации в первоисточниках.

1. Письмо С. Бондарина из Москвы одес. приятелю А. Дунаевскому. 28 авг. 1931. Фонды Одес. лит. музея.
2. Ильф А. Путешествие в Одессу. — Одесса: Пласке, 2004. — С. 94–100. [О «Коллективе художников»].
3. Калмыков Сергей Викторович (р. 1934). Инженер-океанолог. Краевед. Член Научной секции книги Одесского Дома ученых с 1969-го. С юности увлечен фотографией. Собрал (и продолжает собирать) огромный фотоархив: здания Одессы, события в Одессе, люди Одессы... Щедро делится фотографиями с исследователями, музеями, коллекционерами, краеведами. Участник многих выставок, заседаний... На конференции 1964 года познакомился и сблизился с четой Бондаринных, много их фотографировал в Одессе и в Москве, поддерживал переписку.
(Конференция 1964 года «Литературная Одесса 20-х годов»: Программа республиканской научной конференции: 21–24 ноября 1964 / Одес. гос. ун-т. — Одесса, 1964. — 16 с.; Литературная Одесса 20-х годов: Тезисы межвузовской научной конференции: Ноябрь 1964. — 64 с.)
4. Информация А. Л. Яворской, зам. директора Одес. лит. музея по науч. работе.
5. Городецкая Наталья Аркадьевна (Абрамовна). 1949 г. рожд. Ст. науч. сотр. Одес. лит. музея. Репатриировалась в Израиль в 1990.
6. Голубовский Евгений Михайлович (1936 г. р.). Одес. журналист, ныне — зам. редактора альманаха «Дерибасовская — Ришельевская».
7. Кохрихт Феликс Давидович (1939 г. р.). Одес. журналист, ныне — ред. альманаха «Дерибасовская — Ришельевская».
8. Мисюк Анна Александровна. Ведущий методист Одес. лит. музея.
9. Катаев Валентин Петрович (1897–1986). Уроженец Одессы. Моск. писатель. Один из самых известных мастеров одес. школы.
10. Синякова-Уречина Мария Михайловна (1890, Харьков — 1984, Москва). Живописец. С середины 1920-х жила в Москве.
11. Соколик Наум Клементьевич (1898–1944?). Одесса, Москва. Псевдоним «Соколини». Погиб на фронте.

12. Чекрыгин Василий Николаевич (1897–1922). Студент Московского училища живописи, ваяния и зодчества.
13. Катаев В. Уже написан Вертер; Лущик С. Реальный комментарий к повести. — Одесса: Optimum, 1999.
14. Майстровой Я. Улицы Одессы: Справочник по топонимии старой части города. — Курск, 1997. — С. 12, 171, 179.
15. Там же. — С. 18.
16. Ландесман Семен Андреевич (1860–1919?). Родился в Одессе, закончил Петербургский институт Гражданских инженеров. В 1890 году назначен городским архитектором Одессы.
«В 1890-е годы ему пришлось проектировать и строить значительное количество общественных зданий и, прежде всего, учебных заведений. <...> Покинул Одессу в 1919 году <...> смерть настигла его в Швейцарии». (Пилявский В. Зодчие Одессы. Второе изд. Одесса, 2010. — С. 119–121).
17. Одесское Городское Общественное Управление. Городские учреждения по народному образованию. — Киев, 1893. — Без пагинации.
18. Лущик С. З. Краеведческий аспект в библиофильстве («Одессика» в местных собраниях) // Пятая всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Секция теоретических проблем библиофильства: Тезисы докладов (10–12 апр. 1984 г.). — М., 1984. — С. 17–19.
19. Соболев Наум Федорович (1898–1967) — художник, начинал в Одессе в 1918–1919 гг. на выставках «независимых художников». Общался с С. Бондариним. Переехал в Харьков, увлекся театром, с 1938 — главный художник театра музыкальной комедии. В 1957-м встретился с Бондариним и его женой в Харькове.

С. В. Калмыков

Зеленая папка

Письма С. А. Бондарина к Г. С. Адлер 1945-1954 гг.

«В годы сталинщины погибло более 1300 писателей. И приблизительно 600 репрессированных литераторов выжили в лагерях». (Из ж-ла «Молодой коммунист» № 12 за 1989 год)

В числе выживших оказался и Сергей Александрович Бондарин, наш земляк, младший современник прославленной плеяды одесских литераторов двадцатых годов, двадцатого же века.

«Взяли» его 3 марта 1944 года, а на свободу он вышел лишь в конце мая 1954-го. И всё это время, чаще с почтой, а изредка, со счастливой оказией, шли в Москву письма, письма, письма к жене, Генриетте

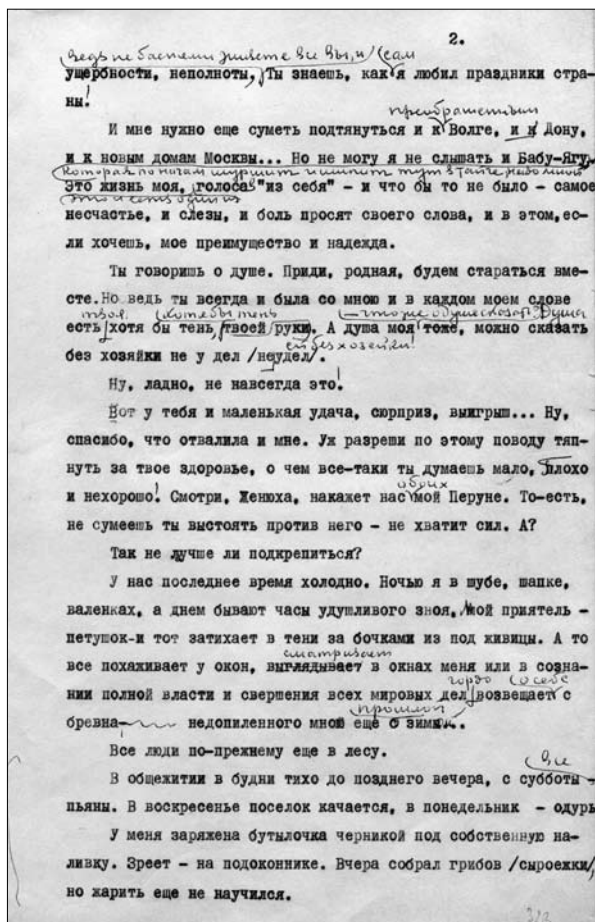

*Здесь они молоды и ничто не мешает им светиться от счастья. На обороте своей фотографии, сделанной Ильей Ильфом, Бондарин написал: «Это я тебя увидел!»**

* Все фотографии и документы — собрание С. Калмыкова.

Савельевне Адлер, которую С. А. называл «Женя, Женичка», иногда и «Женюха». Оригиналы полученных от мужа писем Г. С. после его смерти передала в ЦГАЛИ, но собственные уничтожила. В доме остались копии 126 писем из ГУЛАГа. В зеленой папке, озаглавленной «Бедные люди», более 320 машинописных страниц, причем письма автор отбирал и редактировал, что подтверждается, в частности, его многочисленными рукописными исправлениями. Зачем? — нам не узнать, но вряд ли он надеялся увидеть эти письма опубликованными.

Фрагмент машинописи с рукописными исправлениями и вставками

Папку «Бедные люди» Генриетта Савельевна передала мне много лет назад. Я перечитывал эти письма, временами спотыкаясь о темные места, и в один из последних визитов к Г. С. попытался прояснить и «кто есть кто», и что скрывалось за полунамеками, ведь письмам-то предстояло пройти сквозь лагерную цензуру...

Поэтому публикацию обширных фрагментов лагерных писем С. А. Бондарина я, где могу, сопровождаю краткими пояснительными курсивными вставками.

5/II-45.

Пока нахожусь в краснопресненской этапной тюрьме. Здоров. Всегда помню о тебе. Всегда получал все, что ты приносила из носильных вещей, не нуждаюсь ни в чем. Из продуктов избегай мокрое, неудобное. Самое нужное — сухари, лук, чеснок, соль, сало (нарезанное) или что-нибудь вроде этого, немножко сахару. Табак или махорку. Десятки людей благодарили тебя за твои передачи. Мне и благодарности говорить мало. Прости меня. <...>

Хорошо бы исправный чемоданчик, торбу. <...> Говорят, через нач. тюрьмы можно добиться свиданья.

18/XI-45.

<...> Из лагеря спишемся. Не теряю надежды. Возможен пересмотр дела, сокращение срока, общее прощение. Береги себя.

Если успеешь передать — из вещей не нужно ничего, пару теплых носков. <...>

26/XI

<...> Случилась не шутка. У меня осуждение по 58 ст. (п. 10 и 11), но надо, надо верить. Мы еще должны быть вместе. Однако пойми меня, это не смеет определять твою жизнь, если она сможет быть иной. <...>

Я сейчас нуждаюсь только в твоём слове. <...> У меня несчастье, а не обман. За свою вину я наказан. <...> Получила ли вещи по доверенности? <...> Из вещей со склада хорошо бы большую кружку и ложку, пару теплых носков, шарф, кус. мыла, а вообще повторяю, передача в этих условиях должна быть гораздо скромнее. Прижимаю, родная, крепко. Верь! Живи!

Москва. 22 Краснопресн. пересыльный пункт НКВД.

3/XII-45

Милая, родная! Мысли о тебе — моя защита. <...>

Дорога возможна ежедневно — и далеко и где-нибудь близко. <...> Возможен длительный перерыв в письмах. Да не нарушит это твоих

надежд и веры. Ты пишешь о помиловании. Об этом можно подавать после работы в лагере. <...> Если разрешают — пиши чаще. Обнимаю, отрада моя. <...>

(Следователи работали неторопливо, и не следует удивляться такому промежутку времени между арестом и высылкой.)

29/XII-45.

<...> По-прежнему силы мои в мыслях о тебе: ты ждешь, ты хочешь, ты веришь <...> — Пока что — я уже за 5000 клм от тебя в г. Мариинске, за Новосибирском, на местном пересыльном пункте, поэтому адрес мой еще не установлен. Случай свел меня здесь с одним прежним москов. знакомым, тоже заключенным, но работником пункта, и это дает мне возможность написать тебе, что я доехал здоровым и не обмороженным. Если бы не встреча эта, то не знал бы как и написать, — ни бумаги, ни карандаша, хотя вокруг сотни людей, а если и напишешь, то твое письмо раскурят. Все это сообщаю, чтобы ты хоть приблизительно представляла себе обстановку и не отчаивалась, если не будет писем, даже очень, очень долго. Когда же наладится, сюда можно будет и посылку и деньги. <...>

А Мариинское — это на ж.д. между Новосибирском и Красноярском на р. Кия и кроме сибирского неба и пересыльных барачков я пока еще здесь ничего не видел. Все сдвинулось во времени, и все, что было, это уже даже не воспоминания. Иногда картины жизни поражают свою реальностью до физической боли, иногда не в силах вспомнить знакомого имени. <...>

14/I-46

<...> Это только деловая записка. Я здоров. Доехал благополучно. Пока здесь и рассчитываю еще получить от тебя деньги, посылку. Деньги (любую сумму, сколько сможешь) пересылай на адрес Мариинск Кемеровской обл. Почт. ящ. 247/3а. <...> Посылку (жиры, сахарное, мыло, газеты, табак, нитки, иголки) ... удобное и конденсированное. <...> Лук, чеснок, пожалуй, сейчас замерзнут — не посылай — не посылай. <...>

(Без даты. Январь-февраль 1946)

<...> Идею посылки ты, конечно, поняла — экономно, рационально, концентрированно. Например, очень хорошо бы какого-нибудь экстракта — клюквенного, фруктового. Вес посылки, кажется, 8 кг, но в случае, если не принимают это в Москве, можно проделать напр. из Мытищ или другого пригорода. Это нужно узнать. Если же очень сложно — буду ждать денег, за деньги здесь тоже можно кое-что купить.

Мне пока добавить нечего. За 5.000 от тебя я пока вижу только барак, мастерскую, где начинаю работать, ограду и сибирское небо. <...>

(Посылки, действительно, приходилось отсылать из Мытищ, и в этом Генриетте Савельевне помогал чаще всего Николай Яковлевич Москвин, старый писатель, давний друг семьи.)

25/II-46 г.

Получил твое письмо от 11/II. С открыткой это четвёртое, 300 ру. получил своевременно. <...> Я чувствую себя гораздо крепче. Бытовая обстановка лучше. Я уже цеховой — прядильщик. Трудней и больней от ещё неукротенных чувств, от дум. <...>

Приговор по моему (нашему) делу исходит от ОСО (Особое совещание) при НКГБ СССР и вынесен в апреле 1945 г. В выделении моего дела было отказано, оно всё-таки рассматривалось, как групповое (участие в антисоветской группировке, занимающейся антисоветской агитацией во время войны). Так или не так — оснований для жалобы быть не может, а можно лишь снова просить о выделении дела, либо о помиловании, либо о смягчении наказания — именно в силу искреннего признания вины и, конечно, при том лишь условии, что с той стороны протянута благожелательная рука, т. е., именно органы, вынесшие определение по делу желали бы его пересмотреть. <...> Для всего этого нужно много сил, чувств, но не меньше и рассудительности. Где тебе получить совет, откуда опыт? Сколько нужно сил, сколько осторожности! Это не штурм, а осада, длительная осада, требующая большой обдуманности, продвижения вперёд шаг за шагом. Но — по главному безошибочному направлению, по кратчайшей линии. Как угадать этот путь, если бы даже и хватало сил!

От всего этого боль — с нею просыпаюсь, с нею засыпаю, она не оставляет по ночам, стоит только на минуту проснуться. Приучаюсь жить узкой, самой узкой жизнью — от потребности до потребности, и благодаря тебе, нахожу здесь маленькие радости и облегчение. <...>

Вскоре, вероятно, вышлю тебе заявление на имя начальника краснопресненской тюрьмы. И если у тебя ещё хватит на это сил, попытайся всё-таки получить вещи, которые я там сдал для хранения при отправке на этап. <...> Вещи были сданы 1-го или 2-го/XI <...> пара хромовых ботинок, байковое синее одеяло, тёплое бельё, шарф, носки, две простыни, наволочки, табак, мыло, чай и т. д. — всё в моём рюкзаке защитного цвета. Конечно, жаль, если всё это пропало. Ты пишешь, что из рукописей и записных книжек тебе всё вернули. Неужели и записные книжки в клеёчатых переплётках, фронтовые? Большую тетрадь в желтом

картонном переплёте и общую тетрадь с надписью «Сороковые годы», и маленькую синюю — «Москва 1943 г.»? <...>

(При аресте был упакован и увезен, по выражению Генриетты Савельевны, «чувал» рукописей, книжек и книг, и еще пишущая машинка, предположительно, для экспертизы шрифта. Но, спустя несколько месяцев, она всё это получила обратно.)

1/III-46

<...> Как-то тебе? Как понятны мне твои порывы. А я снова и снова повинен в такой твоей жизни, и как хотелось бы мне знать, что не всегда ей быть такой ущербной от горя, одиночества и невеселых трудов, которые я же возложил на тебя. Какая награда будет тебе за этот твой подвиг? <...>

<...> Здесь нужно простое, грубое, крепкое и так, чтобы жить по правилу: «все мое ношу с собою». А нужны здесь: крупы, сахар, специи, витамины, чай, кофе, нехимический карандаш, перо, бумага. Как лакомство — белые сухари или бисквит. Хороша сух. колбаса и сух. фрукты, но это, наверно, дорого. Табаку нужно немного, хочу бросить, да к тому же здесь есть махорка. Время от времени нужна пара-другая носков. Деньги можно присылать неограниченно, получение ограничено (200 р. в м.). <...>

(Тема посылок и денег — это гнетущий лейтмотив писем «оттуда». Задача власти, если не уничтожить физически, то изломать личность думающего, тем более, творческого человека. Почти по Шекспиру:

*«Что человек, когда еду и сон
Считает он ценнейшим в мире благом?
Животное, не боле».*

И разве не о том же строки юного заключенного ОЛП № 1 НКВД в Бескудниково Лазаря Шерешевского:

*«От всех моих бесчисленных желаний
Осталось два: наесться и поспать».*

Заключенного Бондарина тоже преследуют неотвязные мысли о еде. Причем нельзя забывать, что в послевоенные годы даже на воле прожить было очень и очень сложно. Можно ли представить, какими усилиями Г. С. поддерживала и спасала мужа?)

3/III-46

Вчера получил твои бандероли, всего 12 пачек, с последней датой газет от 11/II и книжку «Разные времена». <...>

Я не смею подавлять твои надежды и порывы, но еще раз скажу, что много трудов, а, может быть, и разочарований ожидают здесь каждого.

Нужно много чувства, но не меньше рассудительности, осторожности и настойчивости.

Не удивляйся, что письма идут как бы сериями, повторяя одно другое. Покуда не получишь ответ на эту серию — это неизбежно. <...>

Сколько трудов я возложил на тебя, родная! И все только отнимаю! Вот и посылки. Разве я не знаю, чего они тебе стоят... Но — видит бог — какое это утешение в моем существовании. <...>

(Многократные повторы одних и тех же фактов, вопросов и просьб сразу бросаются в глаза читающего, поэтому безболезненно опущены.)

24/III

<...> Посылка получена 6-го/III. <...> С тихой радостью вскрываешь и каждую бандероль, и каждый пакетик в посылке. Кроме прямой нужды во многом из посылки, самая большая нужда в душевном утешении. И по вечерам, когда в полутемном уголке мы тихо пируем, я чувствую тебя ближе — все это от тебя, все собиралось и укладывалось тобою, тут твои руки, мысли, чувства. <...>

Письма посылай мне почаще, нумеруй их. Не забывай, родная, что каждое твое письмо расширяет, укрепляет мое существование — даже несколько слов. <...> Ты — моя жизнь, ты — надежда, утешение. Верно, что ты моя теплая, тихая свечечка. <...> По-прежнему, я пряду. Думал ли кто, что я стану пряхой, а как выходит: вот где польза от меня. Я тяну и тяну ниточку и прикидываю, хватило бы ее уже до тебя? И даже начинаю видеть в этом свое значение <...>

Милая моя! Вера моя! Да благословит тебя справедливость!

5/IV-46

<...> Ты ждешь меня — и в этом моя сила. Так не забывай же этого и ты, родная моя! В конце концов, ни время, ни расстояние не помешали нам. Так будет и дальше. <...>

11/IV-46.

Последние твои письма были от 17-го и 19-го марта. Может, я избаловался, но теперь я жду с каждой почтой, и если нет письма — удручаюсь... Ты знаешь, как они мне нужны... А эти последние (да нередко и прежние) принесли мне самое лучшее, самое нужное — хорошие слезы. Не стыдно сказать об этом. Значит, еще не высохла душа, и вот сейчас ей опять просто хочется к тебе. <...>

Спасибо, спасибо за вещевой мешок и за трубку, спасибо за комплект вещей <...> больше из вещей ничего не надо, кроме (при случае)

гимнастерки или ковбойки. Имей в виду, что все, что не на мне — все уже и не мое. Из продуктов все оказалось очень нужно, очень вкусно, если будет еще, то пришли мне чаю, кофе. <...>

Куколка успела шепнуть мне все, что ты хотела. Можешь себе представить, какое она произвела здесь впечатление <...> *(Генриетта Савельевна, с одесских еще лет художница, теперь расписывала шелковые косынки и личики миниатюрных куколок. Это занятие давало желанный заработок в трудное, практически голодное, послевоенное время, но погубило ее зрение.)*

<...> Адрес пока остается прежний, непосредственная опасность отпала, а дальше... ничто не в нашей власти кроме веры друг в друга. Жду.

14/V-46

<...> Газеты ходят теперь худо, а вообще в этом деле хорошо следовать хотя бы такому правилу: отправлять, скажем, раз в 10 дней, или еще реже, но по возможности комплектно. Иногда «Правду», «Известия», «Лит. газету», какой-нибудь тонкий журнал. А главное — письма! Больше не скажешь, какая это отрада для меня каждое твое письмо и возможность написать тебе. <...>

...Я теперь уже не тяну ниточку, но зато, как говорит сказка, пеку колобок — работаю в пекарне. Сначала было немножко утомительно, теперь привык... <...>

21/V-46

<...> У меня не было суда и формально я не осужден. Я подвергнут адм. репрессии, репрессирован, у меня, строго говоря, не статья, а так называемая — литера АСА (что значит, антисоветская агитация) и моя судьба пришта к делу, остающемуся на компстанции ОСО (Особое совещание) при НКВД, ныне министерства Вн. дел СССР. <...>

(В нормальном судебном заседании могли всплыть искусственные «натяжки» следствия, в которые Особому Совещанию углубляться было несвойственно. Конвейер есть конвейер.)

<...> Итак, прошла ночь. Хлебы вынуты раз, и другой раз. Вымыто и подметено. Взошло солнце, и поезд скрылся по дороге на Москву. <...>

Милая, милая. Но мы же решили вытянуть, переплыть — не так ли?

25/V-46

<...> Я смогу посылать теперь, кажется, не больше одного письма в месяц, но ты, как будто, можешь писать по-прежнему. <...> Уже очень давно я не получаю бандероли и, правду сказать, я готов совсем от них отказаться, если от этого как-то зависит получение писем <...>

Посылка распакована, пьем сладкий чай с сухарями. Кофе, сало перетопили с луком и роскошно сдобриваем обед или картошку. <...>

Доверенности на машинку и медаль выслал, и ты, вероятно, их уже получила — напиши. <...>

13/VI-46

<...> За эти два с лишком года я не знаю ни одной минуты уверенности в следующей, и кажется, ни одного спокойного глотка, без чьего-либо голодного, либо хищного воровского взгляда. <...>

На днях, один здешний человек (а вполне здоровых здесь нет) осудил меня за то, что я никак не откреплюсь от фактов прошлой жизни и не способен всерьез принять факт настоящего. <...>

24/VI.

<...> С посылкой все в порядке. Спасибо, родная! Теперь кофе, чаю, какао, мыла накопился запас, а запас должен быть не здесь, а у тебя. <...>

Я работаю по-прежнему, все тоже. Благодаря тебе, имею все необходимое. Остальное от тебя не зависит, да едва ли зависит и от меня... Вот уж не могу сказать: чудо внутри нас. <...>

1/VII

<...> Посылку я получил, все в ней в порядке. <...> И я думаю, что ты не должна забывать о себе, посылать мне с таким ущербом для себя. <...> Здесь же всякий излишек обречен, а таких вещей, как какао, чай, мыло у меня уже есть излишек. А что в будущем попрошу — немного очищенной питьевой соды, растительного масла (не забыть хорошо закупорить, упаковать). <...>

9/VII

<...> Возвращение машинки — приятный сюрприз. Не ждал. Может, также передадут еще что-нибудь с Красной Пресни. Все-таки доход. Боюсь только, что если мешок и найдется там, то его не узнать — крысы уж постарались.

<...> Милая, как же твое здоровье? <...> Боже, боже! Как же мне уделить тебе сил и бодрости? <...> А вот как: (это я должен сказать сам себе) — будешь помнить, будешь верить, будешь беречь — спасешься. Нам нужно как-то успокоиться и приобрести способность к методическому, даже механическому существованию до самых лучших времен. Иначе — не хватит ни головы, ни сердца.

Ты спрашиваешь, как я выгляжу. А я и сам не знаю. Может быть, родимая, так, каким ты видишь меня в ватнике. До последнего почти

времени этот ватничек был при мне, но вот недавно его «увели» от меня. Шинель, однако, еще при мне. <...>

1/VIII-46

<...> Меня хотят взять лит. работником в местный театр, труппа которого состоит из заключенных. Это почти профессиональный, довольно солидный театр, играют и в городе и по лагерям. Жить почти тут же, ближе к городу, среди работников театра. Представляешь, насколько это меняет мое положение и состояние, надеюсь, к лучшему: перспектива и светлей и прочней. Конечно, кое-что ломается, кое-что теряется и грустно разлучаться с людьми, с которыми здесь сблизился. <...>

13/VIII

<...> Как-то я уже упоминал о борьбе противоположных сил — совести, достоинства и страха, правды и профессиональной софистики... Это разные вещи — то, что было на самом деле в жизни и то во что оно вылилось в результате профессиональной преднамеренности. А иначе быть не могло, и более, чем бесполезно, вредно, может даже опасно опровергать теперь результаты этой работы, обращаясь к той же замкнутой системе. <...>

Нужно стучаться, сколько можно и куда только можно. И вывод значит такой:

1) Не забывал, что это не суд, а адм. мера, репрессия. Власть (ОСО) находит меня опасным, вредным для общества и государства — и изолирует. Перед этим руки опускаются по швам. И тут не при чем какие бы то ни было юридические изыскания и тонкости.

2) Я признал себя виновным и нелепо теперь не признавать действительностью факты, из которых так или иначе составлена юридическая картина «преступления». Но правильно, что остается возможность переоценки этих фактов и оценка личности репрессированного гражданина <...>

3) Кроме гласного определения ОСО есть негласные материалы по делу, характеристика лагерного начальства и т. д. Эти материалы играют большую роль при всяком возвращении к делу. Бывают даже случаи прекращения дела, т. е. досрочного снятия репрессии. Но это, так сказать, между прочим...

<...> Как много нужно было бы рассказать! Есть у меня, в чем виниться и перед друзьями. Кровавой мрачной ценою, жестокой болью покупается последнее познание дружбы, добра и зла, если оно вообще приходит. <...>

20/IX-46

<...> Дошел сюда твой голос, и дотянулись твои порывистые милые руки. Дай боже, чтобы они и далее не отнимались от меня! Многое еще

может случиться, и ты понимаешь это не хуже меня! Я все хочу привыкнуть сам и приучить тебя к этой мысли...

<...> Думаю, в моем положении тем легче, чем больше в душе протеста, ярости, злости. Это вносит ясность и придает силы. И этого мне не хватает — ни по причинам прежней моей жизни, ни, очевидно, по характеру, а есть другое: потому и трудно душе, что <...> желание правды оказалось преступлением... а нужно жить дальше, не хочется сходить со своей тропинки с этим последним впечатлением. Ты знаешь, какой из меня заговорщик и что, если были у меня ошибки, то злого умысла не было никогда. Поэтому я и позволяю себе говорить о желании правды, откровенности.

И нельзя теперь объяснить, почему этот, а не тот прохожий попал под колесо, почему разорвавшаяся бомба поразила того, а не этого. Но раз уже колесо накатилось — в дальнейшем иначе быть не могло все иное — все от самообмана, от мечты, от чудес сказки. Как-то я уже говорил о губительности, о вреде этого самообмана, что якобы все кончится скоро и благополучно, что длительная эта иллюзия и расслабила меня, но, может быть и наоборот: — эта иллюзия помогла мне в беспощадные часы допросов и тюремного одиночества, а позже в не менее страшные дни на нарах и под нарами Кр. Пресни, и в оледенелом этапном вагоне и, наконец, в этапных бараках за 5000 км от тебя — среди хищного бандитского воровского шалмана, когда нет сил поднять глаза даже к звездному чужому сибирскому небу. <...>

Вспомни время, когда стряслась наша беда. <...> Было время перелома в ходе войны: все напряжено, нужны не сомнения, не вопросы, а утверждения, государственность возвышается в нарастающих темпах, и всякое недовольство, шепот, брюзжание мешают делу, а интимные психологические причины подобных настроений не интересуют — важно убрать это. И это же происходит в литературе, где не все гладко, которая плохо, туго отзывается на мотивы нового этапа войны (кстати, сейчас опять происходит подобный процесс: — дело Зоценко, Ахматовой, статьи против Панферова, В. Гроссмана и др.) — и грозная прямолинейная машина государственного административного воздействия поворачивается сюда, — боги опять жаждут. <...>

Плохо в такой момент стоять на виду в подозрительной позе. Не помню, знаешь ли ты, что Леонид Николаевич как раз в те дни написал жалобу на свое ненормальное, на его взгляд, положение писателя никому иному, как Верх. Главнокомандующему и был демобилизован, но не был, конечно, забыт. Тут всплывает все: и его демонстративно-бездеятельное отношение к обязанностям писателя-фронтовика; и его сомнительная, чуть ли не профашистская повестушка; возня с кооперативным

издательством; усилия остаться в Москве; какие-то утерянные документы; наконец, информация о его сокровенных политических симпатиях и вкусах, и о его ближайших знакомствах, друзьях и связях. (Улин Леонид Николаевич, почти забытый сегодня писатель, автор трилогии «Север зовет», изданной еще в 1929 году.)

А милый Гехт имел «свою историю» и моя ли вина, что мы упали рядом под одно колесо?.. Как объяснить это и кто виноват? <...>

(Такая формулировка, как «участие в антисоветской группировке», к которой отнесли писателей С. Бондарина, Л. Улина и С. Гехта очень усугубила судьбу каждого. А позже, уже в 1946-м, общение с ними вспомнили и Леониду Соловьеву, автору «Повести о Ходже Насреддине», и он тоже получил свои десять лет.)

Я повинен в том, что я не сумел, не захотел быть в те дни другим — менее любопытным, более односторонним, более, если хочешь цельным, менее беспокойным, более преданным лишь одному главному делу — борьбы с врагом... Не было отказа тем чувствам и мыслям, которые с большей полнотой и определенностью, быть может, исключительно владели Улиным, но почва для которых, конечно, была и у меня, потому именно, что я думал и чувствовал наряду и вместе со множеством других людей моего положения и поколения... И жестокие, неблагодарные впечатления войны, ее жертв и неудач, чувство противоречия между обещанием и фактом, ожидаемым и действительным, волнение от бесплодно уходящих сроков жизни, желание и невозможность говорить во весь голос и по-своему о том — о чем хочешь говорить, нервность и утомление, — все это сделало свое дело, и я не смею сказать, что, желая добра и правды, я был безупречен в деле, которое мне поручили, что никогда не позволял себе таких выражений и мыслей, от которых бывает неловко, особенно в наше время.

Сказано, что мысль есть зло, а Достоевский где-то писал, что судьба человека чувства, уже этим самим не может не быть трагична... И в самом деле: не будучи политиком, я предстал перед обвинением с растерянностью излишне впечатлительного ребенка и единственной моей опорой продолжало быть желание правды.

И мои преступления были найдены. Однако, не слишком ли жестоко наказание?

Видит бог — вполне достаточно было бы одного хорошего мужественного разговора, если не дома, то хотя бы после стольких вечеров на хуторе близ Лубянки... <...>

В тюрьме я думал, читал, старался быть верным правде, предполагал и о конечном смысле всего происходящего в этих стенах, коридорах,

кабинетах со столиками для подследственных. Вблизи, вплотную я лучше видел людей, своих товарищей по камере, и глубже видел самого себя (случалось и в одиночке). И кажется, лучше и глубже понимал самую жизнь. Она еще шумела у меня в ушах и в крови, и я, надо сказать, делал все, что мог, чтобы не нарушить веры в неё, какую продолжалась она за решеткой, в ее основы. Я все еще был с нею и для нее, торопился вернуться совсем, и если бы с тех каменных порогов мне было бы суждено шагнуть к ней, к тебе (как представлялось это!), — нет, я не был бы тем отщепенцем, тем лишним, опасным, вредным человеком, которого предпочли увидеть во мне. Может быть, я принял это слишком прямо, но — как же? — для другого, для своего же облегчения мне, к сожалению, не хватает ни иронии, ни злости. <...>

Теперь мне только и остается отвыкать от шума и фактов той жизни, что за серым забором с вышкой и жирной сорокой — предвозвестницей новой зимы... <...>

Поглубже опустить на дно груз чувств, привязанностей, воспоминаний — одна пара штанов, бушлат лагерника, котомка, может быть, котелок для баланды и ложка, — и так скорее сохранить себя и тот дорогой груз. Может быть, придет время, когда все это подымется со дна снова. И для этого нужно, чтобы над этой глубиной всегда был твой образ и твои руки помогали бы мне удержать ту цепочку, за которую можно будет потянуть-вытянуть.

Да помогут нам в этом твоя молитва и твоя любовь! <...>

Будет ли еще случай писать тебе вольно? (*Письмо было переслано с оказией*).

(*Без даты*)

<...> Вот я уже на новом месте. Пока все неплохо, а как будет дальше — посмотрим. Можно ли здесь говорить с уверенностью о чем бы то ни было?.. Сегодня не плохо, значит, уже хорошо. <...>

Теперь мне была бы очень полезна справочная литература по театру. Я, признаться, подобных изданий не знаю, но думаю, что это должно быть нечто вроде энциклопедии: биографии драматургов, история драм, произведений и краткие аннотации и т. п. Может даже справиться у букинистов, купить или обменять. Думаю, что-нибудь в этом роде должно быть у Миндлина, у какого-нибудь театрального критика.

(*Эмилий Львович Миндлин — писатель, журналист, впоследствии автор очень интересной мемуарной книги «Необыкновенные собеседники».*)

Здесь в репертуаре «Живой труп», «Проделки Скапена», «Уриель Акоста», — может что-нибудь найдешь об этом. <...>

На исходе конверты, открытки, несколько листов хорошей писчей бумаги. Остальное — ты все знаешь. Тут говорят, что выгодней иметь деньги. Когда начнутся спектакли, можно покупать прямо в театре. Но, во-первых, так ли все это, а если даже и так — денежный лимит все еще не снят. <...>

Перетащившись сюда, я чувствую, как устал от прежней ночной работы. Ведь шесть месяцев я не имел ни одной полной ночи сна, а иногда урывками, днем же почти не спал, никак не мог привыкнуть, да и не всегда об этом заботились вокруг меня <...>

Встретил здесь несколько человек знакомых по тюрьме или пересылке, среди них художник Федоров, сын писателя Федорова, друг детства В. П. Катаева. <...>

(О Викторе Александровиче Федорове, с которым у С. А. сложились сердечные отношения, будет еще не одно упоминание. Его трагическую судьбу подробно описал С. З. Луцкич в комментарии к повести Катаева «Уже написан Вертер».)

Милая! Будем верить. Помни, помни всегда, что давно не было бы этого самого мира, если бы не побеждало добро, если бы лучик не рассеивал эту хмару. <...>

19/X-46

<...> Наша работа еще не развернулась, еще не все в сборе, но на днях все будет на месте, и работа должна пойти. <...> На очереди даже оперетта — «Свадьба в Малиновке». У нас есть и музыканты, и оркестр, и джаз. Когда нужно — даем свою музыку, есть опытные композиторы <...> Будут и цельные джаз-программы, и литмонтажи. Я просил тебя достать и прислать роман Фадеева «Молодая гвардия». Я имею в виду инсценировать его, и смотрю на это, как на самую солидную основную свою задачу. <...>

Живу я среди других работников театра и тебе понятно насколько это удобней и приятней. Но колобок в свое время сделал свое доброе дело. <...>

Теперь я могу писать тебе чаще без лишних усилий и даже помышляю понемножку начать кое-что писать по старой привычке. <...>

25/X-46

<...> У нас немного суетливо. Вернулась наша труппа, люди размещаются, устраиваются. Топится плитка, гремят котелки, толпятся хозяйки в штанах, и тут же заиграл баян и один из наших молодых товарищей показывает свой кукольный театр. Стало шумнее, теснее, и, как сказать, может оно и лучше даже для такого буки, каким стал я. <...>

А вообще, как я уже писал, здесь удобней и приятней. Некоторые наши товарищи даже при часах, другие имеют целые пачки фотоснимков своих родных и друзей, получают письма от многих, кто хочет им написать. Это не запрещается. <...>

Нужно: сахар, крупные пуговицы, шнурки для чоботов, ремешок, одну теплую нижнюю рубашку (кальсоны есть), спички, тетрадь и, наконец, даже поднаволочку и даже простыню (а потом, может, и другую на смену). Этого я не получу, а надо бы не отставать от других. Еще нужно мне ладную папку для бумаг, даже две, мыльницу.

Наш художник Федоров сделал с меня карандашный рисунок, его я вышлю тебе. Интересно?

Хотел бы я еще что-нибудь услышать о Мише Серапионове — дома ли он сам? *(Так С. А. зашифровал опального М. М. Зощенко, который все же остался «дома», а не оказался в лагерях.)* <...>

15/XI-46.

<...> Вчера я имел беседу с нашими актерами о В. Гюго. Мы ставим его пьесу «Анжело». Товарищи остались довольны, хотя я и был очень урезан в своих возможностях. Пособий, материалов никаких. Такие беседы-рефераты мы будем повторять, и в ближайшие дни я буду говорить о Мольере и о театре. <...>

Я по-прежнему боюсь и не хочу обзаводиться большим грузом вещей и стараюсь обойтись тем, что имею. И даже за это время я раздобыл пуговицы на шинель и мне их пришили, и раздобыл старенький шарф, и лучшего не надо и починил свой ремень... А ковбойку уже надевал и повязывал галстук как раз вчера. *(Г. С. Адлер о муже: «Сергей Александрович был очень незаурядный человек, но житейски мало приспособленный. Одна духовность».)* <...>

Станный и страшный парадокс. Чуть только немножко больше покоя, чуть только немножко больше к прежним привычкам, тем, пожалуй, труднее душе. Но отказаться от этого? Хватит ли сил и здоровья для другого? И что правильней для той же души, которой нужна надежда? Для нашей общей судьбы? <...>

26/XI

<...> Мир больше того света, что в окне, жизнь больше случая, каким бы не был этот случай. Именно это и оставляет еще место и для света и для жизни. Ты — умница, и ты все это знаешь. Чаще всего силу истины приобретает стечение обстоятельств и иначе быть не может. Другая и, вероятно, настоящая истина может иметь только одно пристанище —

душу человека, но она и нужна только этой душе и дальше — непонятна. И от этого много страданий.

Ты хорошо поняла мое состояние, мое горе, мое несчастье, мою обиду, — и другого утешения у меня нет. Надежда? Пока есть ты, есть и надежда. <...>

И, к тому же все-таки, родная, не хочу больше иллюзий, а ведь то, что я не переставал повторять, остается в силе: как ни печально, под ногами может поползти каждую минуту, этого не следует забывать, причины для этого могут быть разные — вплоть до того, что вдруг ликвидируют все предприятие, сочтя его излишним, и даже вредным, или опасным. <...>

Друзья? Нет, не могу похвалиться своею общительностью, но кое с кем лажу и делюсь чувствами и кофе. Так вот — оно закипает среди множества других котелков. Художник Федоров сидит напротив, у нашего многотерпимого рабочего стола, под лампочкой и рисует картинкы-открытки к новому году. Среди них есть и такой сюжет: одинокий волк с сугроба выглядывает деревушку под холодной лунной. <...>

Не достучишься получить свои 150 ру. Думаю, уж не лучше ли вкладывать деньги в натуру, а газеты более верный источник, чем самые деньги, почему я и просил тебя присылать их побольше. Пару газет можно сбыть за 5–6 ру, иногда дороже. <...>

Кстати, цены: масло стоило 150–160, шпиг — 180, свинина — 45–50, молоко — 10, но, конечно, достать не просто. Эта задача облегчается теперь, когда мы выходим в гор. театр. Я уже писал, что недавно был тоже на постановке «Проделки Скапена». Чистый, нарядный зал, огни, женщины, ожидающие танцев, гардероб, свободно хлопающая дверь в фойе — все это я видел украдкой, в щелочку, но впервые за эти годы и, представляешь себе, какое это впечатление. И самая прогулка через ж.д. пути у вокзала, по улицам городка — хотя и «в строю» и на ветре и на морозе. <...>

17/I-47

Жизнь моя! Ты есть! Ты здорова, ты есть, и все остальное уже не так важно.

Еще не было такого случая, даже кажется, в период моего перехода, и уже почти не было света в моих глазах. Но вот несколько дней назад бандероль с «Трудом» и «Моск. Большевиком» почти успокоила меня, а сегодня — 3 письма и 2 открытки. Последняя из них от 2/I.

Но есть и польза от этой заминки. Надо полагать, что это может случиться и в дальнейшем и претерпевать это с большим спокойствием. Есть к тому же голос сердца, и вот страшно, когда оно изменит. Боже,

неужели может быть такой час? Не оставляйте меня здесь одного, чтобы не случилось! <...>

И еще, и еще скажу, что пока есть ты — есть надежда, есть смысл, есть жизнь, и ничего не станет, если недостаточно одной той беды, которая уже стряслась над нами. <...>

Миленькая! Флакончик с маслом доехал благополучно, и трудно сказать от чего сильнее впечатление — от масла или от самого флакончика. <...> Но, золотко, право не знаю, что мне делать с горчицей в порошке. Правда, я ее и так понемножку подсыпаю, то в баланду, то просто на хлеб. <...>

Сундучок мне сработали тут. У меня самый отдаленный «тихий» угол в бараке, за печкой, и здесь мы вдвоем с одним пожилым человеком как будто ладим. Этот человек знал поэта Василия Каменского и других москвичей, бывал в Монголии. Но чтобы с кем-нибудь подружить, этого пока нет — просто стараюсь ладить, и несколько человек как будто меня понимают и тоже стараются ладить. А, в общем, здесь расстаемся с людьми, как в атаке...

<...> В бараке у нас топят, всегда есть кипяток для чая, по вечерам по-прежнему гремят котелки, шумят люди, сейчас провели радио, но мое отношение к нему не изменилось — тем более, что Москву передают редко. И только со светом бывает неладно. Вот почему я просил свечу и даже (если действительно это тебе не очень трудно) эл. лампочку. <...>

Работа идет. <...> «Молодую гвардию» мы все-таки используем. Я сделал лит. композицию. Пока на 45–50 минут, а позже сделаем больше, и они пойдут в нескольких голосах с музыкой, пожаром и тревогой. Что же до пьес, то вот просьба: постарайся раздобыть «Слуга двух господ», «Последние» Горького. Особенно интересно «Две сиротки». Это просьба нашего директора. <...>

5/II-47

<...> Уже были дни, когда пахло весной. <...> Галки и сороки повеселели.

А были морозы дюжие. Но и я одет добре — не то монголо-манчжур, не то спутник Амундсена. В таком виде выходим в театр. <...> Там в выглаженном костюме (из театр. гардероба) я появляюсь перед занавесом и просвещаю публику коротким, но горячим и, по возможности, содержательным словом. <...> В ближайшие дни у нас состоится общий смотр самодеятельности заключенных. Это будет довольно большая работа. <...>

Март 1947 г.

Гражданин Фадеев!

Да не оскорбит Вас это обращение. Решимость сделать это укрепила во мне та страница «Молодой гвардии», где Вы говорите о несчастьи одиночества, о чувствах человека, который всеми оставлен, у которого все разрушено — и Вы ободряете несчастного силой своего сочувствия.

Доброе дело не потеряет от того, что оно совершится в тюрьме.

Я виноват не только перед общественностью, но и лично перед Вами. Наказание тяжело, не дай боже постигать это. Но эти страдания дают мне нравственное право на обращение к Вам и Министру, что в моих глазах — одно дело — и я прошу Вас ознакомиться с этим обращением.

Может, рука, покаравшая меня, принесет и милосердие, которого я никогда не забуду

С. Бондарин.

(Генеральный секретарь и председатель правления Союза Писателей СССР А. Фадеев иногда ходатайствовал о судьбе репрессированных писателей. Его реакция на это обращение С. Б. неизвестна.)

20/III

Страшно мне <...> когда я думаю о твоей жизни, о том, на что я обрекаю тебя, не умея облегчить. Дорогая! Если есть у меня ответ перед тобой и в этом смысл и сила, то да будет тебе постоянным источником силы самый твой подвиг. Это знают все вокруг тебя, это должна знать и ты сама. <...>

Теперь, кажется, нам улучшат кухню, для нас заведут отдельный котел, и это должно значительно поправить дело. Вот что, может быть, тебе удастся — это какой-нибудь томатный соус (типа кетчуп, чилийский и т. п.)... твои пакетики, это такая незаменимая вещь! <...>

24/IV-47

Родимая! Ряды редеют. Многие уже опередили нас, а смириться все еще не хочется, все еще время от времени топорщишь свои воробьиные крылышки и думаешь: мы еще повоюем! <...>

Что сказать еще, Женюха? Много прожито и повидено. Повидено и то, как ходит смерть по белу свету, а, повторяю, все еще не успокоился, все еще не смирился, не насытился, не закрыл притоки, не отказался от надежд. И, видимо, все это в порядке вещей... Да, милая, еще дуют ветерки, хочется вдохнуть лучший запах жизни, разглаживающий морщины.

И хорошо, что так, хорошо, что еще тянутся вперед руки, что отыскиваешь, нащупываешь, веришь и не веришь — это, значит, еще растешь,

еще можешь делать, творить, создавать, а не повторяться. Это должно быть и есть основание для надежд. <...>

В городе, как только спектакль, я могу достать молока (10–12 р. литр) или даже масла, мяса, — были бы деньги. (Масло — 150–160 ру, мясо — до 40, свинина — 80). Я оборачиваюсь со своей хлебной пайкой и у меня каждую субботу и воскресенье, когда, обычно, мы выходим в город, есть сбережения, и я почти всегда возвращаюсь с молоком, а то и с маслом, или с мясом и дальше — кипит в котелке суп или тушится с луком биток и разогревается кофе или какао... Вот как! А ты имеешь ли это? <...>

К маю мы готовим концерты, на очереди работа над «Оводом», а в концертных программах будут сцены из «Сказки о правде» (М. Алигер. Кстати, при случае, прочти ее поэму «Твоя победа») и «Каменный гость». <...>

Так не слышала ли чего-нибудь о писателе Алекс. Федорове — отце нашего В. А.?

17/VII-47.

<...> Сегодня меня вызвали и дали прочесть ответ из МГБ. Суть в том, что в пересмотре решения по делу отказано. Сейчас нет сил говорить об этом больше. <...>

Я чувствую себя лучше, чем в это время в прошлом году. Боли не тревожат. В поездке встряхнулся — все-таки больше приволья, новые люди, краски. Были и поля, и речки, и стада, и табуны, и огонек в степи, и солнце над порослью полыни... И подходили к нам и дети, и собаки, и телята, и мы, как умели, украшали жизнь хоть на минутку себе подобных. <...>

Благословим небо за все, чем оно оберегает еще нас, за его милосердие. <...>

Трудно без надежды, еще тяжелей разочарование. <...>

23/VIII-47

У меня все, что ты посылала. «Театр» был очень кстати, как у нас говорят, в самую жилу: у нас как раз ставят «Русский вопрос» и «Мол. гвардию», а в журнале статьи по этим постановкам. В «Русском вопросе» занят и я в роли демократического журналиста и издателя Вильямса. <...>

25/IX-47.

<...>У нас вторая годовщина существования нашего театра. Начальство очень благожелательно отметило это, и это одобряет и радуется. Был даже бал и, вроде даже как, банкет. Мне поручено было сказать несколько

красивых слов, а среди премированных есть и я: благодарность с занесением в дело и 120 ру. Это по здешним масштабам довольно солидно, В эти же дни исполняется годовщина, как я перекочевал сюда.

Чаяния? Надежды? Ну, что сказать об этом? Могут ли здесь люди дышать воздух без надежды! <...>

Благодарим Господа, что пока он бережет нас. Значит, еще что-то нужно. И будем мы хранить свои души. <...>

Да! Я, безусловно, за это лето окреп и поправился и надо верить, что эта зима пройдет также благополучно, как прошлая. Вероятно, нас опять оденут, и будут подтапливать, а я живу у самой печки, и у меня еще жива та старая фронтальная черная шинелишка.

Разъезды, кажется, кончились. Наш барак выбелили, и я вынул свой сервиз, зубную щеточку, мыло и все разложил на полочке — это признак оседлости. <...>

20/X-47

Не успело убежать мое письмецо, где я писал, что наши походы кончились, и началась оседлая жизнь, как нам велели снова собраться — на этот раз на уборку картошки. На другой же день мы оттопали 25 клм — туда, где нас ожидало чудесное картофельное поле <...> И в те дни и еще сейчас мы благодарим Бога, что стояла сухая и даже теплая погода. Лишь под конец и то, когда с картошкой мы уже справились и на сладкое нам дали капусту — немножко придождало — и мы почувствовали, что это значит. Хороши же были бы мы на картошке под дождем, мокрые в сырой землянке, когда беспощадно требуется выполнение нормы... Еще и еще раз само провидение хочет напомнить, как ты была права, когда однажды сказала: «В самом несчастье бывает удача» <...>. Но частенько, высыпая картошку, я думал «А имеет ли картоху Женя?» <...>

И для меня осень была самым чувствительным, поэтическим, волнующим и пробуждающим временем года. Если я что-либо успевал, то чаще всего и больше всего — осенью... И грустно вспоминать об этом и о том, сколько не успел <...>

4/XI-47

<...> Это прерванное и не отправленное в свое время письмо. В те дни начали отпускать беременных женщин и молодых матерей, независимо от статьи (г. е. и политических) — а таких немало было собрано на Мариинском огороде <...>

А мы с тобой, душа моя, милая моя, единственная моя, опять обратимся к своим силам и только в них найдем надежду. <...>

Зима утвердилась. Знаменитый кемеровский ветер — может унести лошадь. Благо, кончились наши походы! <...>

25/XI-47.

<...> Когда-то, кто только немножко знал Сережку Бондарина, знал и то, что раз на столе выпивка, то тут же будет и бакштейн и севрюжка...

1930-е. Воспоминания о беззаботных довоенных застольях

<...> Ты спрашиваешь, как прошли у меня праздники? — и самые сладкие, самые праздничные минуты — это когда мы уже вернулись в свои стойла, отшумели, отстучали ложками, на нарах всё утихает, и я, сменяя в своем углу мышей, тихонько грызу твою колбаску или печенье <...>

Вот еще какая коммерция: тут спрос на такие вещи, как, например, камешки для зажигалок... Пара — 15 ру. Если у вас значительно дешевле, то есть смысл попробовать эту коммерцию, когда, вообще соберешься с okazji <...>

15/XII-47.

<...> У нас сильные морозы — до 50° и, что особенно чувствительно, с ветром. Наши переходы пока недолгие — в город и обратно, а все-таки возвращаемся заиндевшие и долго притопываем. Кусочек носа у меня отвалился, но кусочек самый ничтожный, можно обойтись. <...>

Вчера собирал с товарищем щепу для печки и, совсем рядом, села, совершенно беспомощная, мерзнувшая, синяя птичка. Я мог взять ее рукою и, может, она даже ждала этого... но что же я мог сделать для нее дальше? Бедная Синяя птичка! Она пару раз что-то клюнула в снег, щебетнула, и я отошел в сторону. <...>

Выхожу ночью: звезды, от земли и от строений — дым, огни фонарей вдоль «зоны», а по ту сторону — со станции гудки паровозов, даже иногда доносится шипение пара, как тысячу лет назад... И, взлетая, дым вдруг затуманивает звезды, и опять они горят ярко, и я соображаю, полусонный, которая из них рождественская?.. Но тут нельзя долго смотреть на небо, и, может быть, потому я все еще не привыкну к нему и, спотыкаясь на темном пороге, возвращаюсь в барак: сонные дневальные скребут пол, и справа и слева — вдоль прохода торчат на нарах то голая темная пятка, то нога в белом ватном носке из под дохи... Но и в этом воздухе у меня случаются нарядные сны — и ты, и нежность, и иные города, и дома, и люди, и звёзды.

Но которая же из них рождественская? <...>

25/XII-47.

<...> Сегодня Рождество <...> Утром я видел, как, родившись, возносилось оно среди зарумянившихся нежных облаков, как среди сонма ангелов. В обед нам дали по голубцу. А весь вчерашний вечер, после гороховой похлебки, я проиграл в шахматы, и так и не сварил себе кутью из твоего риса — наверное, соберусь сегодня. И будет все, как на Рождестве: как бедный диккенсовский мальчик, я буду иметь гороховый пудинг, и как архиерей, — кутью из риса. Есть у меня и шоколадка, может, пробьет и ее час. А кофе — это непременно. Уже пригласил на чашку Виктора Александровича Федорова, о котором ты знаешь. <...>

<...> Кстати, на Кр. Пресне <...> рядом со мной лежал один весельчак, и когда он получал свою миску баланды, то должен был лезть с нею под нары, чтобы другой сосед не отнял, а потом шутил: «Ну, когда вернусь домой, нам нальют за обедом супу, а мы полезем под кровать, и будем оттуда просить: дайте добавки»...

Не знаю, к чему все это вспомнилось? Да, дело в том, что он не выжил...

<...> Пишу с перерывом в 2 недели. Прошел и Новый год. <...> Что было у тебя в новогоднюю ночь? Мы в эту ночь был с концертом в городе, и вернулись уже часам к 7 утра. Публика встречала Новый год, а потом опять слушала продолжение концерта — и к этому времени, пожалуй, уже занимательней было не на сцене, а в зрительном зале. И нам, «артистам» выдали по маленькой чарке с легкой закуской, и было это как раз часам к 4 ночи, когда у вас в Москве шумно рассаживались за столами или уже поднимали бокалы.

Я вспоминал наш последний Новый год и, как всегда, воспоминания были острыми, отчетливыми, как будто не 4 года прошло с тех пор... А мне уже тогда было невесело, и казалось, что все грозит бедой. <...> Хочется, однако, верить, что бы дальше ни случилось — хватит душевных сил для ответа перед Богом или совестью.

5/II-48.

<...> Недавно состоялась у нас «театральная декада» для приезжих. Были гости из Москвы — и все прошло очень удачно, с большим успехом, с хорошими отзывами даже москвичей. Нам вынесли благодарность, и это приятно и полезно во всех отношениях. Положение театра крепнет, и нам обещают улучшенный котел. <...>

12/III-48.

(Здесь — о смерти художника В. Федорова.)

Милая, милая!

Вот упал еще один, а мы, едва оглянувшись, не то побежали, не то поползли дальше... Еще накануне ему аплодировали при поднятии занавеса, утром ему стало плохо и понадобилось несколько часов, — больное сердце, истощение, кровоизлияние... Все эти последние часы я был с ним, а теперь мне уж не к кому здесь приткнуться. Возможно, будет случай получить тебе то, что осталось от Виктора Александровича — рисунок, фото, несколько писем, и ты сохранишь это для меня. <...>

24/IV-48

<...> Ты пишешь, что посылки не принимают — ну, и хорошо!.. А там, дальше, посмотрим. Мне ничего не нужно и из вещей, и уже раздобыл даже фуражку. <...>

Не оставляй только меня надолго без вестей. Пусть, нечего писать, — лишь бы твой голос, лишь бы я знал, что ты здорова, и все на своих местах. <...>

Как здоровье Ек. Н? *(О здоровье тещи, Екатерины Наумовны, С. А. справлялся очень часто, но встретиться им больше не довелось.)*

22/V-48.

<...> Виктора (*Федорова*) не забуду: ведь мы вместе от самой Пресни. Еще там, на переполненных юрцах, осыпаемых клопами, мы лакомились и кормились из твоих ящичков — и я никогда не забуду его несчастного, смущенно-растерянного лица, неуверенных, медленных движений усталого, голодного и обласканного человека, деликатной, доброй улыбки на шутку того бойкого соседа, который собирался прятаться под кровать с тарелкой супа <...>

А Дача Ковалевского, Большой Фонтан, одесские футбольные площадки, Мелисарато, Дуварджоглу, Калпакчи — все это, оживленное было нашей дружбой с ним, теперь опять тускнеет и глохнет <...>

23/VI-48.

<...> Среди театральных камзолов и пиджаков с цветными отворотами жила маленькая, чудесная рыжая кошечка с внимательными глазами. <...> С некоторых пор она пропала <...> здесь часто хвалят кошачье жаркое <...>

Разъезды заканчиваются. Возможны реформы такого же характера, какие происходят сейчас во всех театрах — тут возможны всякие неожиданности и это, конечно, тревожит <...>

4/IX-48.

<...> Странная особенность! При всем однообразии жизнь эта очень суетна, нервна, беспокойна <...> Всё что-нибудь да не так, и всё что-нибудь да не то: за полчаса не может быть убежденности, что спокойно умнешь котелок картошки <...>

А варить картошку или чай можно на обжиге кирпичей, но вчера у меня утащили там чудный мой котелок с почти готовой, хорошо просоленной, чудной картошкой.

16/X-48.

<...> Зима застает меня на прежнем месте, и только место мое в бараке теперь другое — тоже аристократический бель-этаж, но только не в самом дальнем углу, как было прежде, не за самой печкой, а немножко ближе, больше на виду, но зато гораздо светлее, и вот я пишу уже тут же, не сходя со своей койки, на своей тумбочке, где хлеб, миска и т. п. утварь и блага жизни. Было чем справиться новоселье, и еще есть дары из твоего ящичка, и в горькие, грустные часы боли и раздумья, какое утешение в этом ящичке! <...>

Вот сейчас во дворе светит солнце. Время послеобеденное. Тихо. Кто-то прилег и спит, а большинство на репетиции — усиленно готовимся

к октябрьскому концерту. Это всегда большая работа, а сейчас — особенно. Своего рода проверка жизнеспособности. Но — ничего. Надеемся, сдюжим! <...>

1/XI-48.

<...> Это лишь деловое письмо, спешное сообщение. Возможно, что мое переселение пока на этом и остановится. Я сделал все возможное, чтобы было так, из симпатии к старым привычным местам и надежд на лучшую, сравнительно с более отдаленными пунктами, почтовую связь. Хотя нужно сказать сразу, что недавние преимущества, конечно, на какое-то время все равно потеряны — надо примириться и потерпеть. Никаких подробностей пока не сообщаю, да это и не нужно пока. *(Подробностей неожиданного переселения не вспомнила и Генриетта Савельевна. Кто-то так решил, и точка.)*

<...> Нарушенного не восстановить, и нужно начинать почти сначала и заново — и у меня именно такое чувство, что я уже не одинок, как тогда и есть кое-какой опыт. Как видишь, есть законы, которых не переломить. <...>

Все еще в процессе устройства и, надо сказать, не исключена еще возможность дальнейшего пути, тем более, что это может, даже к лучшему. <...>

8/XI-48.

<...> Как всегда, мы должны быть готовы к любому испытанию и если даже на какое-то время мы не сможем говорить друг с другом, то и тогда сердца должны верить, искать и жить, и опять мы будем вместе... иначе — для чего же все это было? <...>

Пока зацепился здесь, чтобы все-таки быть ближе к паровозным гудкам, знакомым людям и почте. Деятельность у меня сейчас такая, что в то время, когда я был здесь в первый раз, почти 3 года тому назад, это положение представлялось мне недостижимым идеалом, высшим достижением местных карьеристов — нечто среднее между дневальным и старостой в жилом бараке: учет, хозяйства, питания, надзор за порядком и т. д. Барак считается лучшим, показательным, люди приличные, славные и если в морозы будет топливо, то будет и тепло. И даже не беда, что вставать надо в 5 и идти за пайками, и на кухню за баландой. Я все-таки это предпочел перед дальнейшей театральной деятельностью за 25–30 км отсюда. Посмотрим, может, я и не ошибся. Надо именно осмотреться. О причинах всего этого, пока не хочется говорить, но ты знаешь, что в последнее время, после перемен в театре я этого ожидал — и если считали нужным меня обмануть, то я все-таки не обманул.

<...> Значит: Марининск, Кемеровск. обл., п/я 247/За. В скобках, пожалуй, добавляй (Клуб). Здесь есть ларек — молоко, картоха. <...>

12/XI-48.

<...> Я сейчас очень похож на разорившегося богача. Сохранились какие-то мелочи, как, например, волшебная ложечка, галстук, но не стало других нужных вещей. <...>

7/XII-48

Мы всегда должны быть готовы ко всему. Но непосредственной угрозы мне здесь нет: ведь и на вокзале тысячи появляются и исчезают, а какой-нибудь сторож со звонком звонит и звонит годы и годы. Загадывать здесь надолго — бесполезно, а в данный момент выбрано было то, что больше по сердцу — и Бог даст, это оправдается... Но вернее всего и правильной, конечно, сумеешь стать настоящим дервишем: ничего, никого и везде — твое место <...>

Ну, к делу! Я еще среднее между домохозяйкой и управдомом в масштабе нашего барака. И пока серьезных оплошностей не было. Привыкаю. Если не считать, что уже в 5 утра я должен идти за хлебом, а в обед — за обедом. В этих делах, конечно, мне помогают. Хорошо, если ребята расторопные. <...>

Беда моя — писатель. Ну, кому и для чего здесь нужен писатель, да еще и заклеянный! <...>

Скоро (20/XII) три года как я вступил сюда. Ночь. Звезды. Нары.

14/I-49.

Милая, родная, дорогая!

Вот и наш черед. Это — первое в новом году. Новая дата — старая жизнь, дай, Боже, чтобы эта дата не была мрачнее, суровее прежних! Ты знаешь, что перемены не особенно бодрят и обнадеживают, но нам нужно сил и веры, а ты мне обещаешь это. Дай, Боже, тебе здоровья!

Напиши мне, как прошли у вас святки и Новый год? Где и с кем ты бывала? Почему-то давненько не имею от тебя писем и как прошли праздники — не знаю. Ну, это еще будет. А все то, что ты высылала, было получено — и 100 ру, и бандероли, и обе посылки, и мне было чем приукрасить эти дни здесь.

Меня последнее время очень донимают болячки внутри, говорят, есть какие-то целебные порошки при катарах и недостатке кислотности. <...>

Хорошо бы еще от болей — опий, белладонна. Ну, извини за все это.

12/II-49.

<...> У меня, поверь, только одна отдушина, одна связь с миром, одно утешение и единственная ты, моя судьба, мое бытие и мое или наше будущее. Когда я говорю, что роковым образом мое состояние зависит от того, насколько у тебя лучше или хуже, то это не фраза. Вот какая мистика, Женюха! <...>

Плохо то, что как-то сразу пошатнулось здоровье — совсем сдали нервы, да вот эта желудочная болячка. Но — лечусь и надо вылечиться. <...>

28/II-49.

<...> Это в некотором роде «юбилейное» письмо отмечает и новый этап в моем положении; ты писала о моей предполагаемой мартовской дороге. Дорога состоялась несколько раньше, хотя и не в том направлении и смысле. <...>

Я стою перед тобой с несколько виноватым видом. Как будто я обманул тебя. Недолго пришлось мне звонить в колокольчик, пропуская других, и теперь видно; тогда, при выборе путей, была сделана ошибка. (Здесь возврат к сравнению со станционным сторожем из письма от 7-го декабря 1948 г.) Но обстановка была очень сложная и, соблазнившись привычкой к месту, знакомыми нужными людьми, иллюзией бóльшей близости к тебе и реальностью хорошей, налаженной почты, я решил рискнуть. К сожалению, в дальнейшем обстоятельства складывались очень неблагоприятно, и вероятно я не делал всего, что нужно бы, но ты знаешь, что я не из шустрых, и плохой делец. Дальше многому помешала болезнь. Но, право, нет худа без добра!

Трудно предвидеть, бесполезно гадать и загадывать, и не к чему, пожалуй, судить, где ошибка, а где не ошибка — все вне нас. <...>

Но в настоящий момент мне хорошо и удобно, как, пожалуй, не было никогда под этим небом: сразу с дороги добрые люди занялись моим здоровьем — и не только добрые люди, но и отличные врачи и мне тут даже повезло в том отношении, что именно тут я могу основательно подлечиться у отличного специалиста по желудочным болезням. Есть тут и москвичи, меня сразу обласкали и, несомненно, здесь будет сделано все необходимое для моего здоровья, как в хорошей больнице. Это определяет мое положение, во всяком случае, месяца на два. <...>

2/IV-49.

<...> Ровно пять лет и один месяц назад был последний вечер на Хохловском. (Упоминание о времени и месте ареста). Как я помню все подробности

этого вечера! Все, все до моих последних слов твоего ответного взгляда и кивка головой. Теперь осталось уже меньше и, если от этого не легче, а иногда даже труднее, изменим ли этим последним взглядам и нашей вере? «Юбилей» застает меня на новом этапе. Пока самое неприятное — трудности связи. Так гладко, как было, уже не будет. Дело не только в лишней полусотне километров. <...> Жаль, что потеряно прежнее преимущество, ради которого, собственно, я и старался уцепиться за прежние знакомые места, но — что ж поделать!.. Риск не оправдался... <...>

Сейчас я в чистой теплой больнице, у печки, на мягкой постели — и так не бывало, кажется, еще ни разу под этим небом. И столько внимания, заботы и ухода, сколько может быть в хорошей больнице. Несомненно, будет сделано все необходимое для моего здоровья. И если к тому же, как здесь считают, мне поручат участок культработы и местную художественную самодеятельность, то не будет причин сожалеть о переезде. <...> Теперь, во всяком случае, месяца полтора-два меня будут лечить, а там, Бог даст, все устроится. <...> Во внезапных и молниеносных сборах пришлось оставить лишь банку с постным маслом, которая дошла вполне благополучно. Из лекарств задержали таблетки с белладонной и нельзя ли их повторить — теперь, в больнице, я их получил бы. <...>

Что до сухарей, то не дешевле их засушить домашним способом, а что касается глюкозы, то если позволят средства, и ты достанешь ее, я всегда смогу с прибылью переуступить ее здесь, а деньги здесь тоже не лишнее, хотя бы для молока. <...>

Кемеровская обл. Верхне-Гебулинский район,
село Ново-Ивановка п.я. № 247/10в.

2/IV-49. (снова та же дата)

<...> Очень похоже, что мне действительно придется взять руководство местным искусством, а это обяжет к приличному виду и достаточной информированности и т. д. Вот почему хорошо было бы иметь лыжный костюм, который, как это не забавно, в наших условиях — лучший театральный костюм, литературу, материалы для незамысловатых, но актуальных постановок. На днях мой адрес слегка изменится, это позволит сочетать мое дальнейшее лечение с этой работой. И говорить нечего, насколько я крепче и лучше себя чувствую. Признаться, я даже с неохотой и сожалением расстаюсь с людьми, которые для меня столько сделали, но — что же — жизнь требует своего и надо думать — там мне не будет хуже, а в смысле лечения будет особенно опытный врач, специалист по желудочным заболеваниям... Словом, мне хотят добра.

К тому же, с этим перемещением я выигрываю в смысле более непосредственной, лучшей связи, общения и т. п. <...> А о проходном дворе не жалею и я. Признаться беспокойно там было и неудобно. Да и я был не у дел. Теперь опять ближе к естественному положению вещей. И будем верить, что Господь не оставит, поможет нам и дальше. <...>

27/IV-49.

<...> У нас за окном Пасха неровная — холодная, сырая, сибирская... Двадцать шагов — и вот уже серый забор и высокий сугроб. Но мне тепло до неприличия в этой постели, на больничной койке, я сыт, иногда меня даже балуют, и тут есть добрые люди, чтение, воспоминания. <...> И эти два месяца останутся лучшим временем за эти годы, а еще через несколько дней я, вероятно, уже выйду и начну действовать на поприще местных художеств. <...> Есть коллектив художественной самодеятельности на всю эту провинцию, преимущественно картофельно-гороховую, тракторную, курино-пороссячью... словом, все, что положено в обширном совхозе. Вот на какой почве будет процветать наше искусство, а мне заведовать им. Это имеет и выгодные привлекательные стороны и много неприятного и беспокойного, есть и фальшь, и уродство, и вместе с тем это и трогательно и, по-своему, героично. Ну, во всяком случае, это для меня лучшая из возможностей <...>

Мне еще неясно, как все устроится у меня в быту и что будет нужно, а что можно достать здесь. Но едва ли что существенно изменится <...>

Вероятно, скоро получишь рисунок и кое-какие письма, оставшиеся от Федорова. Это мне, как завещание. Каким-то чудом сохранилось, и мне не хотелось бы, чтобы рисунок пропал. Сколько уже ушло людей! <...>

14/V-49.

<...> Как часто вижу я полутемную комнату с большим окном, прохладную в летнюю пору, и тебя — то у окна, то за столом под круглым абажуром, и всегда занятые делом твои руки... Когда уж отдохнуть им?

Когда уж отдохнем мы от новых и новых тревог! Вот и здесь опять все мигом обваливается — какие-то новые установки на поприще самодеятельных искусств, и что до меня — не знаю еще, что скажут. <...>

25/V-49

<...> Теплом души твоей мне согреться еще и еще, чтоб не остыла жизнь, и будем стараться, чтобы это слово — молодость — никогда не звучало бы для нас слишком грустно. <...>

Теперь ты знаешь, к моменту моей предполагавшейся мартовской дороги я слег больной. <...> Что же это за болячка? Может, довольно

большой гастрит (катар), может, довольно маленькая язвочка, но в периоды обострения это мешает есть и, вообще, наслаждаться красотами жизни. Излишняя впечатлительность и непривычка и несогласие с баландой и горохом усугубляет неприятности, в результате — истощение, плохой цвет лица и т. п. И действительно, нас трое, например, могли бы влезть в мои прежние брюки. <...>

Привет Е. Н. и всем седеющим мальчикам и девочкам.

(В некоторых письмах передавались приветы даже поименно, но в завуалированном виде: Виктор — это В. Б. Шкловский, Ося — О. Е. Черный, писательница Соня — С. С. Виноградская, Тэди — Т. С. Гриц, Зика — З. К. Шишова, Маруся — М. Н. Тарасенко, Ням — сокращение от Николай Яковлевич Москвин, Ру Фра — Фраерман, Сютка — Серафима Шкловская.)

1/VI-49.

<...> Мне сделали маленькую операцию, т. н. подсадку, и вкупе с другими вливаниями это должно дать пороху в пороховницы. <...>

Вероятно, это уже последнее письмо с моей больничной койки, дальше писать придется реже, пока опять не обживусь на новом месте. <...>

(Далее имеется в виду день рождения жены — 23 июня).

Родная! Возможно, следующее мое письмо и не поспеет к твоему дню... 8 лет тому назад немецкие бомбы преградили мне путь к тебе накануне твоего дня, и с тех пор мы все отбрасываемся и отбрасываемся злою силой один от другого. Ветер и ветер...

Держи мою руку, родная, милая, не выпускай! Ты есть на свете, и есть твой день, и будет день, который станет нашим. Только не выпускай меня.

23/VII-49.

<...> Сейчас занимаюсь пьесой «Заговор обреченных» <...> Вечером бывают и шахматы и стараешься попозже расставаться со свежим воздухом.. Как всегда, большое утешение — кружка доброго чая. Кстати, кружкой я уже обзавелся и чаю большой запас. Кипяток бывает. Зимой будет где, и из чего варить кашу <...>

16/VIII-49

<...> Ты знаешь, что в целом мире «по ту сторону» для меня дышит и движется только один человек и, если у меня еще есть какие-нибудь чувства и думы — эти думы о тебе. Это — мое дыхание, это — моя радость, это — моя грусть, скорбь, боль. Тут моя участь и тут мой суд божий. И каким будет этот последний суд, мы еще не знаем <...>

16/XI-49.

Дорогая, милая!

Ты должна уже знать, что и ящичек и тючок уже здесь, что получил их как раз накануне праздников, милая, дорогая моя кормилица и утешительница. <...> Только мысли мои с тобой, только сердце мое по-прежнему стучит для тебя и душа ищет тебя, и свет — это ты, и надежда — это ты, и лучшие слезы и все другое, человеческое <...> С работой все еще неопределенно, хотя за это время я уже успел, и говорят очень удачно — сыграть старого Бидля в пьесе «Роковое наследство» и советского офицера в пьесе Михалкова «Хочу домой». Но теперь опять над всем этим нависает знак вопроса и, может быть, придется оправдывать свое существование на каком-либо овощехранилище <...>

А стихи... редко-редко, но иногда набегают. (С. А. вошел в литературу как поэт, еще в Одессе. Входил в объединение «Юголеф».)

1/XII-49.

<...> За это время немножко ездил, представляли. И это, как всегда, вроде разнообразия, тем более, что меня успели слегка обокрасть. Правда, часть удалось найти, а жаль милых мелочей, да и нужных, как свечи, лампочка и т. п. Скрали все конверты, бумагу, открытки, резинки из последней посылки, а особенно жаль — волшебной (чайной) ложечки и части твоих писем. <...> Да, привычный заветный конверт со всеми твоими фото! Но там было 3–4 письма, а вот чудо, что большая пачка за все годы нашлась... Просто чудо! Это меня примирило со всем остальным. <...>

10/II-50

<...> Получил письмецо — и опять больно, что ничем не могу помочь тебе в твоих тревогах и хлопотах, ничем, кроме безгласного слова. Но может быть, силой душевного участия помогу тебе. <...> Дай боже, чтобы твои усилия были вознаграждены, и Ек. Наумовна совсем выздоровела бы, — привет ей и просьба крепиться... мы же условились еще собраться вокруг тихого уютного стола <...> Вот я стал на год старше, а положение лучше и человек даже как будто моложе. Уж не говорю о том, что скоро-скоро еще один перевал, а там, может, так же незаметно пройдет еще один год — и уже ляжет прямая к ленточке... Так неужели теперь мы сдадим? <...>

Почти ежедневно, почти у самого моего уха я слышу слова: «Говорит Москва...» Обычно я уже укутан, и в шапке лежу, и слушаю сначала вечернюю семичасовую проверку часов (а у нас уже 11), а потом музыку или что-нибудь другое, и представляю себе, что в этот момент ты можешь сидеть у маленького столика и тоже слушать... Рад за Люду

Руденко. Каково? Шутка ли сказать — чемпионка мира! (Со знаменитой шахматисткой Л. В. Руденко у четы Бондарин—Адлер были теплейшие дружеские отношения, сохранившиеся и на последующие годы.)

28/II-50.

<...> По-прежнему предпочитаю тишину, которой никогда, никогда нет... Шума, суетности, тревог и забот много, но зато незаметней время — хватало б только сил, а силы — от тебя. <...> Хотелось бы и мне поздравить от всей души чемпионку мира. (Это снова о Л. Руденко). Наконец-то! Думаю, и жить ей теперь будет сытней и уютней, и будет где сварить сосиски. <...>

17/VII-50.

<...> Что сказать тебе в утешение после смерти Екатерины Наумовны? Что еще есть вокруг жизнь? Что есть еще другие люди и, может быть, привязанности, и, может быть, желания, сейчас приглушенные и забытые? <...> Я знаю, какой жестокости удары ты перенесла. Знаю, как нужны тебе тепло и ласка. <...> Какую цену можно было бы купить возможность войти в полутемную прохладную комнату с высоким потолком, с вещами прежней жизни, со звуками возобновленной жизни, с голосами неизменной жизни!.. Войти — и слушать любимую тишину... Будет ли когда-нибудь право выйти на крыльцо и остановиться, заслушавшись грохота любимого города, который и сейчас, как почти 30 лет тому назад, в моем представлении крутится, как яркая, пестрая, звенящая, людная, праздничная карусель...

<...> Смогу ли когда-нибудь выйти на любой перекресток или ступить на порог любого, милого сердцу человека?..

А ты — да благословит тебя все святое — ты все это можешь ...

<...> Опустошение? Да. Но посмотри вокруг на других: многие ли сохранили все то, что хотелось бы сохранить, все ли голоса еще слышны? Сохраним самое главное — совесть, и память, и благодарность ко всем тем, кто был с нами — и небо еще будет сиять для нас — я верю в это.

1/X-50

<...> Я знаю, как трудно тебе в этом замкнутом кругу и как опустошён-но все для тебя после Ек. Наумовны <...>

1951 (без даты)

Милая Женюха!

Возможно, что твой ответ на это письмо все еще застанет меня здесь... За окнами те же деревца и кусты, что позапрошлую весну блеснули при

мне своими первыми листиками, а теперь желтеют последним увядающим усталым листом. Хорошо в эту пору отдохнуть и, право, хорошо, что так сложилось. Собственно, давно пора отлежаться, осмотреться, набрать здоровья я оптимизма еще года на полтора. Надеюсь, что шприцы и баночки в благожелательных руках сделают свое доброе дело. Уже за несколько первых дней я добре отдохнул. А тут вся мудрость — живи минутой, ибо следующая все равно не в твоей власти.

Открывается дверь, и девушка в халате спрашивает: «Бондарин здесь?» — голубой конверт у нее в руках ... и вот мне тяжело и грустно. Да тебя просто нужно накормить! «Не шлю газеты и письма, потому что нет денег...» Господи! До пьес ли! <...> И чем ответить на все это?

3/III-51

<...> Сообщаю новый адрес: Иркутская обл. гор. Тайшет, станц. Чукша, почт. ящ. 215/05.

Дышу прекрасным сосновым воздухом, радуюсь яркому зимнему солнцу, встречаю хороших людей и сегодня начинаю отсчитывать дни и месяцы последнего года <...>

В этом году я смогу написать тебе не больше двух-трех раз, но сюда ты можешь писать сколько угодно. А через год, если все будет благополучно, я уже смогу писать тебе каждый день. *(Имеется в виду, что С. Бондарин перейдет в статус ссыльно-поселенца).*

Будет нужда в том, что, собственно, нужно было всегда: жиры, сахар, витаминизы... Еще раз нужно подчеркнуть значение добротных, плотных упаковок и вообще «выносливости» продуктов. Поэтому масло или сало лучше хорошенько протопить (сало с луком), чеснок, лук и крепкий сахар, сахар, сахар... В последних посылках сахар был именно «прочный», крепкий, а прежде случался рыхлый. Сухарики — это очень нужно, но не занимают ли они много места (впрочем, дело не в объеме, а в весе).

<...> К лету понадобится накомарник, гвоздичное масло. Другие лечебные средства — те же самые, плюс какое-нибудь патентованное средство от зубной боли. <...>

Хорошо бы приискать пьески без женщин. <...>

12/V-51

<...> Как говорилось в старину, видимо, так надо, чтобы именно последний год был таким трудным. Может, это именно надо для того, чтобы еще лучше оценить недалекое облегчение.<...>

Почему эти перемены? Это было неизбежно, был только вопрос времени. Если хочешь, мне даже повезло, что на мою долю выпал только один год.

В сущности, тяжело в этой перемене что? Такая ограниченность переписки — переписки, которая в этот последний год особенно нужна. И уже сейчас нужно думать о двух возможных вариантах следующей большой перемены через десять месяцев. Да, собственно, ты должна и сама знать, что возможен не только сказочный переезд в края более близкие к тебе, но, может быть, придется временно остаться в здешних краях <...>

Я опять в больнице. Был рентген — и язвы не обнаружено. Вся болезнь, как я и думал, нервного происхождения. <...>

А ведь как раз 20 лет, 20 лет! Это как золотая свадьба. (В 1931 году С. А. и Г. С. поженились.)

18/V-51

<...> Да, Женюха, трудно: ты знаешь, что возможно, не сразу удастся мне переехать поближе к тебе, а некоторое время придется задержаться в здешних местах, и ничего нельзя сказать до последнего момента. Очень грустно, что именно в этот последний год так ограничилась переписка, но эти перемены были неизбежны, слава богу, что на мою долю выпал только один год. С дороги мне пришлось опять переезжать, опять в больницу. <...>

Везде тут тайга и тайга, но широко прорублена и проложена дорога, а в тайге и небе сейчас весна и весна, вижу из окна, как разлилась речка, как зеленеют пригорки на опушке лесов, темнеют распаханнные участки за хилой деревушкой. А воздух радостный <...>

12/VI-51.

<...> С посылкой все благополучно, накомарник замечательный. Сейчас с расходами на посылки будь экономней: чай, сахар, в меру луку, чесноку, немножко сала и баловства, да махорки, несколько газет. <...> Меня основательно лечат в хорошей больнице, и я имею почти все необходимое. <...>

Здоровье мое значительно лучше и будем, милая, верить, что все будет хорошо. <...>

<...> Выручает меня сейчас моя собственная красная кровь. Впрочем, она всегда была у меня здоровая. Короче говоря — стал штатным донором. Началось случайно, хотелось помочь одному больному, москвичу, его состояние очень улучшилось, я давно не испытывал такого хорошего чувства полезного дела, а ко всему теперь меня зачисляют в штат, и, по-вторю, лучшего не придумаешь.

Кстати и мое здоровье очень поправилось. Органического язвенного поражения у меня как будто нет, все дело в психическом истощении, и больничный режим, здешняя более спокойная и мягкая обстановка,

диета — как раз то, что мне нужно, и люди здесь лучше и всегда рядом врач. <...> Как же не считать это божьим благословением!

Моя обязанность — раз в месяц — полтора давать известную дозу крови, которая у меня первой группы, годится всем, а потому ценится. Вот, оказывается, какое я имею богатство — и не знал. Полагается мне и усиленный паек — вполне достаточный, так что очень прошу тебя с расходами на посылки быть поэкономней. <...> А главное это — как всегда, весть от тебя и о тебе <...>

Накомарник произвел фурор, и я чувствовал себя под ним, как китайский мандарин, и вдыхал, вдыхал идущий от него запах другой жизни. <...>

25.X.51

<...> Итак, мой нынешний адрес: Иркутская обл. гор. Тайшет, ст. Чуна п/о 215/5.

Как всегда, не исключено, что до марта еще успею переменить и этот адрес. <...> Последние твои письма были от июня, остальное блуждает.

Здоровье неровное и это тревожит больше всего... Дай, милая, руку, перешагнем и эту зиму! <...>

10/I-52.

Ну, вот, милая, родная, и наступил 52.

Ты права, когда пишешь: «дальше увидим, чего ждали...»

<...> Это письмо — последнее из здешних мест <...>

Ты права и в том, что у меня может и не быть выбора, и мне будет дано направление. На этот счет нельзя сказать ничего определенного до последнего момента. Там дальше все это обдумаем и поговорим о планах, а, вообще, лучшее место было бы там, где была бы готовая кровля <...>

Сейчас мне опять дают возможность подкрепиться, отдохнуть и подлечиться перед освобождением, и я надеюсь встретить перемены бодро и деловито, как оно и нужно. (Слово «освобождение» здесь обманчиво оптимистично).

18/III-52

<...> Жизнь продолжается. И как ты говоришь, она сама и решает те трудные задачи, которые вдруг встают перед нами.

<...> В третий раз и окончательно встает вопрос, как нам дальше?

<...> Что у меня? Вокруг, в нескольких шагах, тайга и тайга, десяток тесанных недостроенных домиков желтеют на солнце, снег и бревна. В комнате, где мы разместились, — много людей, железная печь,

кастрюльки, среди которых и мой котелок. Люди — все с тех же путей, что и я... Молодым легче и веселее...

До ближайшей ж.д. станции около 100 клм, до районного селения — 60.

А небо хорошее, весеннее, и в душе не остывает вера. <...>

Не найдешь ли толкового советчика — как подойти к вопросу: возбудить ходатайство перед министром Госбезопасности о разрешении продолжать прерванные работы на материале Отечественной войны (т. е. с этим связан вопрос о более подходящих условиях быта и т. п.). Узнай, имею ли я право печататься (гражданских прав я не лишен, но нахожусь в положении ссыльно-поселенца). <...>

Если б удалось освободиться от 11-го пункта (группа), это очень облегчило бы мою участь. <...>

Деньги? Посылки? Что мяться? Конечно, на первых порах здесь трудновато, да и сил не хватает, но верится, что дальше будет легче и лучше. Смотрю, живут здесь и поблизости другие — и ничего, здоровы. И веселы, выбриты, играют в шахматы. <...>

...В основном все люди здесь, на 30–40 клм, занимаются добыванием смолы (такое хорошее слово: живица), у крепких ребят хорошие заработки, в «ларьках» есть вкусные вещи (даже ореховое варенье). Мы, новенькие, пока получаем скромный аванс, примерно, пятерку в день, но я еще имею небольшой запас от тебя, хотя, как всегда, на этапах и в тюрьме пришлось кое-что и потерять. Деньги остались в лагерной бухгалтерии (на руки не выдали), и теперь только пишу с тем, чтоб перевели...

Бич тайги — мошка и комар здесь свирепствуют, а чудный твой накомарник у меня украли, об этом я очень горюю. <...>

Ну, вот новая жизнь по старому руслу. Думы и боли сильнее слов.

23/III-52.

<...> Перемены как будто пока не дают облегчения — напротив, но будем по-прежнему помогать времени, если выбор сделан верно: решил жить — живи! <...>

Дай, Господи, тебе твердость и здоровье! Благоразумие и, может быть, улыбку! <...>

Самое большое (о чем едва ли следует сейчас мечтать) — снять ссылку — либо в результате пересмотра дела, либо путем взятия на поруки. Тут по этому вопросу никто ничего толком сказать не может, кроме общих слов.

Далее, можно хлопотать о перемене места ссылки в пределах края, или за пределами края, обосновывая это состоянием здоровья или разрешением искать работу по специальности. <...> Имей в виду и то, что

за время пребывания в лагерях я приобрел новую специальность — режиссера, так что мог бы работать там, где есть театр.

А как было бы хорошо, если бы вдруг разрешили писать, печататься, работать в газете. Все это возможно именно только с визы Москвы. <...>

Но вспоминается мне иллюстративная картина передвижника Ярошенко «Всюду жизнь». Помнишь? И тут девушки ходят за 10 км, чтобы потанцевать в сарае под гармошку, а старики бросают должность в районном поселке и идут в тайгу, чтобы больше иметь на водку. <...>

Бывает «ларек», но, увы, чаще всего зубной порошок или персиковое варенье в 36 рублей. Впрочем, хлеб пока почти без перебоев.

Вот почему в списке нужного все еще остаются такие вещи, как сахар, чай, жиры (сало все же удобней и лучше всего, тем более, что к лету), чеснок, лук, может сухие овощи для супа или концентрат бульона. Такие, как какао — это, конечно, лакомство, небывалое. Для обихода на всякий случай присмотри кастрюльку — судки или вроде котелка. Не дай бог, мой сработается — катастрофа. Моя вечная мечта — добрая, вместительная эмалированная кружка, добрый складной нож, бритвенный прибор, наконец, накомарник и легкие перчатки (такого же назначения) <...>

Все верится, что дальше будет легче, а пока ведь ни кола, ни двора. Здесь выручает скудный аванс и остаток от твоих посылок. Я правильно предвидел — концентраты теперь очень играют, хотя часть и украли в Красноярской тюрьме на этапе.

С работой сейчас неясно. Идти в лес не по силам. А другого пока нет <...> Известно ли что-нибудь о Л. Н. и С. Г.? (*Об Улине и Гефте*). <...>

Ну, что еще нужно? Ковер-самолет. Если хочешь видеть мою точку, найди за Красноярском Канск и от Канска на северо-восток километров 100–120. <...>

10/IV

<...> Я и теперь еще не освободился от чувства вины перед тобой — жестокого обмана. («Обман» состоял в нереальных ожиданиях перемены судьбы в лучшую сторону.) Невольно же все эти годы я поддерживал и в себе и в тебе надежды на лучшее, иллюзию благоприятного оборота дел, и продолжал в Тайшете, хотя для меня тогда не должно было бы быть уже никаких иллюзий... Но что же? Если бы не надежда, многие ли продолжали бы трубить и тянуть? К тому же, действительно, до последних минут подаются эти надежды и со стороны. <...> Ну, а теперь? Ты говоришь — подымайся, многие ли могут так гордиться памятью друзей, как я? Да, пожалуй, немногие! <...>

В первый раз за 8 лет я получил нераспечатанный конверт, так что сначала даже не понял. <...>

А коль скоро будешь собирать ящичек, вложи томики малой библиотечки Пушкина, Блока, Тютчева, Есенина. <...> (*Подразумеваются книжки из довоенного издания: «Библиотека поэта. Малая серия», 1935–1941 годы. Их в доме была целая полка.*)

13/IV-52.

<...> Не надо торопиться и с обращением и по моему делу — отказы и разочарования всегда нам готовы и всегда успеем их получить, а нужно подумать, и погадать, и похитрить — не удастся ли сделать что-нибудь так, чтоб вышел из этого предприятия толк. <...> Найти именно точку опоры, чтобы задержать внимание именно на моем деле там, где таких дел десятки тысяч, выделить его, найти пути к лучшей цели, не во имя прекрасных глаз, снисходительности, милосердия (этого всего не будет), а вот именно, как в игре угадать какую-то карту, какой-то шахматный ход, который в этот момент прорывает фронт. <...>

Вот почему интересно и важно для оценки положения знать, что с моими однодельцами, что предпринимают они? <...> Уже в процессе следствия в Москве сам следователь возбуждал вопрос о выделении моего дела, но уже тогда это предложение было отклонено. (*Фамилия следователя — Мотавкин*). Вот вокруг этого и надо подумать <...> Мне говорят, что мне должны вернуть даже медаль, и ты попробуй узнать об этом там. Кстати, разыщи и пришли мне профбилет (для восстановления стажа с 1922 года). Что из документов сохранилось? <...> Может, понемножку присмотришь приличный чемоданчик.

Вот-вот раскачаюсь и я и напишу для тебя повесть о Новых Капкарах, а пока что неторопливо «пиляю» дрова среди строительного мусора. Увидев бычка, впряженного в розвальни-ящик, мой товарищ говорит: «Едет магазин». Тогда бросаем пилу и идем покупать хлеб и селедку. Пробовал ходить в лес — не по силам. <...>

20/IV-52 (пасха)

<...> Ну, вот, теперь я завернусь в овчину, и буду сторожить в лесу водку. (*В сибирской карьере С. А. начинается новый этап, он стал магазинным ночным сторожем.*)

Для этого, между прочим, пришлось мне вчера пройтись лесом (в другой поселок, где наша столица) 16 клм, а сегодня обратно, но зато на какое-то время теперь устроен, и это легче, чем пилять или плавать в снегу на подсечке.

Вчерашний святой вечер и сегодняшнее утро провел у доброго человека, который занимается этой подсечкой 28 лет. В избе картинки, радио — Европа! <...>

Кончаю — и надо идти обратно. Солнце уже высоко, развезло, а к вечеру надо дойти. Только бы без проклятых болей. <...>

1/V-52

Эта неделя прошла по ночам — у замков нашего «универмага», днем — на койке или у нашей чудной печки. Я научился печь блины, но только пока еще не могу согласиться со смыслом поговорки о блинах — у меня и первый комом, и последний, да и времени занимает как раз до вечера, когда беру под мышку валенки — и на дежурство <...> К празднику универмаг отпустил муки, маргарину, манки и сахару, а сегодня и я решил тряхнуть стариной и все посматриваю на бутылочку, заготовленную заранее под койкой... Да простится мне этот кутеж... Столько мелочей возобновляемых для жизни! Чего стоило — самому вскрыть ящичек, а не получать все это через чужие холодные недоверчивые руки дежурного караульщика. Это был большой день! Годы не знал удовольствия — остаться наедине с самим собой. <...>

Сейчас за стеной поют и топают, за окном волокут одного приятеля, а я вот закончу письмо и могу тоже: бутылочка — только протяни руку. <...>

В общей комнате нас теперь пятеро — все люди солидные и порядочные, трое — латыши, один — чех... да, впрочем, еще один русский Васька. <...> А главные события уже все перечел: живица уже пошла — и днем все в лесу. Но она не сладкая — скипидар. Вот пустим березовый сок — из него квас, а там, дальше — может, и ягоды, это тебе лес, не ваша коммунальная кухня!

<...> Месяца 2–3 покоя без переездов просто необходимы, нет сил. А переезд, это значит опять арестантский вагон, тюрьма и т. п. условия этапа, только шевельнись, на плече грубая рука. За все время — уже после решетки и ограды — только раз я видел иную жизнь, от которой отброшен: в Красноярске, ночью, когда нас уже разместили по вагонам, напротив нашего остановился экспресс «Владивосток — Москва»... Да, это было видение! <...>

18/V-52.

Мгла и буря первых чувств прояснилась и успокоилась, и уже можно как бы завершить этот первый период — вступление в другую жизнь...

Что сказать? Знаешь — я доволен созданным положением. Никто и ничто не стоит над тобой так грубо повелительно и равнодушно, никуда не надо торопиться, не надо ничего поднимать и перетаскивать,

и я уже почти не мерзну, мои новые обязанности не сложны, хозяева нетребовательны, много свободного времени, и я почти всегда дома и предоставлен сам себе. Наконец — не слезить! — как будто начинаю лучше себя чувствовать и в смысле здоровья <...>

...Признаться, я боюсь менять сейчас это положение на неведомое, если бы и набежал такой случай. Да здравствует тайга, ночные сторожа и верные собаки!

<...> Ты спрашиваешь про концентраты. Особенно удачно было какао и, пожалуй, я готов отнести его к хлебу насущному, ибо, случалось, кружка какао была для меня лучшим и ободряющим лекарством; хороша гречневая каша. Но дело в том, что теперь я располагаю и временем и плитой безгранично, и крупу на кашу все же могу купить здесь, — хоть и не гречку, и в натуре все это дешевле. А бульон я просил потому, что он мог бы заменить и мясо, и заправку, которых здесь нет. Особенно хотелось запаха петрушки... Тебе, может, это даже смешно, но за 8 лет я отвык или даже забыл многое, и многое было недоступно из того, что прежде не замечалось по обыденности. Так, например, я годами мечтал о жареной картошке и с вожделием заглядывался на сковородку с подрумянившимся блином у какого-нибудь тамошнего вельможи <...>

28/V-52.

...Ты знаешь, милая, что получено все — и чудный суп варится, книжки читаются, Пушкин — расцелован.

(В начале 1930-х был организован выпуск серии книг «История фабрик и заводов», и на Магнитке С. А. встретился и подружился с писателями Софьей Виноградской, Николаем Москвиным и Виктором Шкловским, которому и адресовано следующее письмо.)

31/V-52.

Обнимаю тебя, дорогой Виктор, так крепко, как позволяешь <...>

...Я помню еще то время, когда Симочка Суок, веселая и задорная, шутейно разгуливала по Одесскому бульвару под ручку с толстяком Давидом Бродским, а за этой парой — толпой поэты «Зеленой лампы» — хмурый, сутулящийся, покашливающий, с прядью, спадающей на глаза, молодой Эдуард Багрицкий — автор стихов об Уленшпигеле; маленький, быстрый и немножко важный, лирический Олеша; солидный, с папирской во рту забытый Кесельман, из которого помнили одну строку: «Весна качает голубой фонарь», братья Бобовичи; вскоре убитый ворами Анатолий Фиолетов, привлекший сердце четверостишьем:

О, сколько самообладания
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования...

О сих славных я знал только понаслышке, засматривался только со стороны и уже лет через пять-шесть Лида Суок, отрываясь от корзины, в которой пицал Сева Багрицкий, добродушно, сговорчиво надевала очки и принималась чинить гостю штаны-галифе...

Но ты говоришь, что нужно не вспоминать для себя, а показывать жизнь другому. Мне кажется, что вспоминая, я мог бы выполнить это правило <...>

(Уже на свободе С. Бондарин действительно напишет интересные воспоминания о встречах и впечатлениях своей молодости.)

12/VI-52.

<...> Концентраты превосходная штука, облегчающая жизнь... Эти кирпичики были незаменимы и для меня — там, где я не всегда имел время, а то и место сварить себе суп или натуральную кашу. Но, как говорится, всякому овощу свое время. Теперь в моем распоряжении весь день и мне даже приятно бывает — похозяйничать, повозиться с этими милыми петрушками и луковицами — их время пришло. <...> А крупы, кстати, можно достать и здесь, и у меня довольно увесистый мешочек с манкой над головой. <...>

Что касается их сравнительных достоинств, то, конечно, вне конкуренции такие прелести, как фруктовый кисель или какао (кофе — не то), хорошее дело делала гречневая каша.

<...> Зарплату я полностью еще не получал, но не то 240, не то — 260. Следовательно, того, что у меня сейчас есть, хватает по горло, без шуток, я просто забыл уже чувство подобной хозяйственной самостоятельности <...>

22/VI.

<...> Две вещи сейчас постоянно лежат передо мною — твое последнее письмо от 7/V и упаковка из под рафинада с припиской: «Отсюда я взяла два кусочка». Эта приписка снова напоминает мне, какую ценой я пью сладкий чай <...>

О новых посылках сейчас не думай. Всего у меня более, чем достаточно <...>

<...> Вал. Петр, — не из моих симпатий. Да и я не из его симпатий. Но уже раз так — мирюсь. Только чтоб ты не делала ничего через силу и

вопреки своим чувствам. (В. П. Катаеву понравились написанные Генриеттой Савельевной сказки: «Свидание», «Рачиха», «Зайчики под дождем», «Жонглер» и «Золотой шар». Об их публикации сведений нет.)

11/VIII-52

(Обсуждаются варианты — где разрешат жить после ссылки.)

<...> Если не в самой Москве, не дома, то, мне кажется, все равно — далеко ли, близко ли... И, может быть, близко даже больше и опасней. <...> Что можешь получить в каком-нибудь М.-Ярославце или Петушках? Одно преимущество несомненное — возможность твоих наездов, но опять-таки, будет ли от таких встреч не дома легче? <...>

Не думаю, что мое преступление рассматривается как особо тяжкое или, что моя личность представляется более опасной и недопустимой, чем, скажем, других заинтересованных лиц... Не хочется мне так думать. Слишком уж было бы обидно и больно. Предпочитаю думать, что тут, все произошло от великих сил случайности с одной стороны, и отсутствия доброго заступника. Но именно по причине ординарности моего случая и незначительности самой личности — большие люди не могут интересоваться моей судьбой настолько, чтобы брать на себя серьезные и неблагодарные хлопоты <...>

15/VIII

<...> Я стал легкомысленно бродить по тропинкам и по утренней росе — пристрастился отыскивать грибы. Своего рода спорт. И вместе с тем, и фауна и флора. Да к тому же и маринованные, и соленые, и тушеные... А сколько их видов! <...>

И еще ягоды. Хотя год и мало ягодный. Малина, например, померзла, ее почти нет. Черника, костяника и даже смородина высыпали щедро.

А огороды не удались <...> взошло скудно, а потом еще приморозило да и коровы не зевали <...>

19/VIII

<...> Кстати <...> о милой тебе лягушке. Давно собираюсь спросить о ней, да все забываю <...> Есть у меня охота поддержать ее у себя, поносить, как «тады». И, если это тебе не очень грустно, положи ее в будущий ящичек, верну, как только потребуешь <...> *(Долгие годы носил С. А. перстень — полоска белого металла с накладной лягушкой и гравированными лотосами. Со временем перстень истерся, лягушка отпаялась и соскочила при аресте, а сам перстень лопнул в прокуратуре. В этом Г. С. видела фатальные приметы.)*

9/IX-52.

<...> Может быть, я когда-нибудь скажу больше о Боге и о богах, сейчас только одно — ошибаются многие, ошибаешься и ты. Ошибка в том, что не Бог создал людей, а люди создают Бога (или богов), и это совокупность того, что способно отличить человека от других тварей. Бог внутри нас. И не хотел бы я, чтобы для меня закрылось это ощущение <...>

Сентябрь всегда был мой любимый месяц. К тому же 25/IX (ст. ст.) — Сергея Радонежского. Эти годы я ждал его с тревогой. Почти все перемещения приходились на сентябрь. *(Однажды я спросил у Генриетты Савельевны, как она, еврейка, воспринимала такое, подчеркнуто декларируемое, христианство мужа. Ответ был простым и светлым: «Бог-то один-единственный, но у разных людей просто разное о нем представление».)*

15/IX

<...> Уже второй день мой котелок пахнет по-домашнему — масло лук, перец. Не хватает лаврового листа или томата. Баночки с клюквенным экстрактом — это мое детство, когда отец считал обязательным экстракты в чай, а на хлеб — масло и мед. Но ты — что ешь, пьешь? <...>

А со стихами не стесняйся и расправляйся с ними, как считаешь нужным.

(Стараниями Генриетты Савельевны, стихи, написанные в заключении и ссылке, были опубликованы в сборнике «Средь других имен», Изд. Московский рабочий, 1990, и изданы отдельной книгой «Тебе дается день», 1992.)

26/IX-52.

<...> Все окружающее мы видим более молодым, чем оно есть на самом деле, — одно на доли мгновения, иное — на тысячелетия... И когда ты берешь в руки мое письмо, я в том письме моложе на десять дней...

<...> Хожу, и почему-то все вспоминается трогательная песенка Беранже: «Мой старый фрак, не покидай меня...»

7/X-52

<...> Мои товарищи по общежитию идут поразмяться и людей повидать, себя показать, а, может и пристроиться получше в Долгий Мост. Они возьмут письмо и мне следует только пожалеть что они не пойдут дальше, ну, хотя бы в Москву. Уже снежок, первопуток. Вздымки закончены, живица больше не пойдет, хаки — ножи для взрезывания сосен — отложены, как и ведра сборщиков. Теперь в лесу будут заниматься так наз. благоустройством, а в поселке — тем же: топоры, пилы, лопаты. Эти работы я не люблю... Восемь лет — из года в год — отнимала у меня остатки покоя эта

работа и, может быть, по этой причине и сейчас рефлекторно отзывается это на моем состоянии, и ты прости уж меня — мою немногословность. Вот, может, буду лучше себя чувствовать — легче будет писаться. <...>

Боюсь я призраков и болезней, которые как будто было и удалились от меня... Но помни одно, помни, милая, что в это время единственная пуповина жизни — это ты, твои письма, твои слова. <...>

А насчет моих ночей не беспокойся: дежурство я провожу в теплом помещении общежития рядом с магазином и даже могу прикурнуть. И вообще все наладится <...>

18/X-52

Сейчас раннее утро. Всю ночь мела метель. Общая тревога, несчастье. Пропал Алеша — из тех «полусвятых» божиих дурней... Говорят, последнее время он по ночам все высматривал что-то в окнах и говорил о какой-то Марусе...

Сейчас все люди пойдут по законам тайги на поиск, все другое отставлено.

То-то всю ночь брехали собаки. Наверно Алеша бродил в метели по поселку <...>

...А еще вот, что прошу, но, конечно, не сразу. Была у меня такая книжница — «Физиология страдания», а еще анатоль-франсовы «Боги жаждут» и Достоевские «Записки из М. Д.»

<...> Алешки нет. Люди уже начинают возвращаться...

26/X-52.

<...> Опять немного хуже со здоровьем, но понемногу выпрямляюсь. Обстановка уже почти совсем зимняя. Мы в нашей избе тоже уже окопались и обмазались. Печь гудит и будет тепло. Запасаемся картошкой — и в подполье. Завели котенка <...>

16/XI-52

Столько лет вытравливания души, все же не достигли цели, а с радостями она должна и болеть и скорбеть, а давать ей волю на это — нельзя <...>

Представляешь ли себе? — в сильный мороз, особенно ночью — пахнет каким-то морозистым настоем лесных опавших листьев, соков, испарений. Утепление жилищ уже закончено, и люди опять пошли в лес — началось окоривание сосен, подготовка к будущему летнему сезону вздымки, размежка участков и т. д.

<...> Идет и наша «стройка коммунизма», и через месяц, вероятно, наш универмаг переместится в новое, свое, отдельное помещение. Придется думать, как быть с ночным сторожением. Но как бы то не было,

разумеется, на морозе не сторожить, что-нибудь придумаем, и ты на этот счет не беспокойся <...>

Что можно и следовало бы делать сейчас и всегда? — об этом я уже писал не раз. Пользоваться любым достойным способом и случаем разведки, прощупывания, подготовки. Например, узнать — нельзя ли воспользоваться тем, что двое другие (по одному или аналогичному делу) не получили ссылки. Почему так получилось со мной? Повторяю, едва ли причина в существе дела, или в моей характеристике. Не автоматизм ли здесь, которого избежали они? Но, опять-таки: вопрос очень, очень деликатный и касаться его нужно так, чтобы не причинить беды, ущерба другим, а может быть, и большего самому себе <...>

22/ХІІ-52

<...> Да здравствует 1953-ий! <...>

Мозги мои, Женюха, как будто еще не покрылись пылью и паутиной, и сам я тоже кое-что знаю о путях-перепутьях и куда и с чем положено обращаться. Нагляделся я и горьких разочарований других знатоков, и многого другого... И вот еще раз скажу тебе, что, на мой взгляд, мною избран все-таки самый лучший путь, и сейчас нужно дорожить лишь таким состоянием духа, которое позволяет работать по намеченному плану и, следовательно, надеяться <...>

3/І-53.

<...> Новая дата (что-то она даст?), а кажется, что-то будет. <...>

(Это «что-то» действительно произошло через два месяца, когда не стало Сталина. Затеплились надежды репрессированных. Но в зеленой папке писем об этом нет.)

<...> В эту ночь я был сам по себе и «12» отметил только тем, что трижды обошел вокруг избы с нашим «магазином», а в 4 (московские 12) подбросил дров в печурку во тьме похрапывающего общежития, — и озарился светом пламени, и продолжал думать о тебе, о вас, о себе, этой ночью я остался доволен... За спиной у меня на темном столе стоял термос с крепким сладким чаем, просилась ко мне четушка с чистым спиртом в сопровождении бутера с балыком и парюю пряников... Но все это сделалось позже, уже утром на обычном столе — дома, по-приятельски, после того как я встретил рассвет, осенивший меня высоко-высоко голубыми лучами, и само солнышко из-за лесу, и поклонился им <...>

15/І-53

<...> Как прошла моя новогодняя ночь — ты уже знаешь, а 14-го, конечно, я тоже был с вами. Морозы у нас упали, теперь только крещенские,

а там еще сретенские (2. II ст. ст.) и уже повеет весной. Тут все это сразу и сильно.

Работа пока что все еще, так сказать, в предварительной стадии обдумывания и надумывания. Много значит — короткий день <...> а вечером не всегда бывает и подходящая обстановка и просто темно, день станет длинней, надеюсь работа пойдет лучше, тем более, что основное уже как будто обдумано... Набегает как будто и повесть или рассказ о «Мальчике с котомкой»... Вообще, оказывается, не любитель я возвращаться к старым работам, хотя, конечно, в них очень многое еще оставалось недоделанным, недоработанным, но как-то трудно возбуждать заново прежние чувства... или может, трудно это мне в силу понятных причин...

Напрашивается одно дело (тоже «писчее») на мой взгляд равноценное крупному и весьма потребному современному научному или техническому изобретению, и будь оно удалось бы, это и было бы той ценностью, о чем я тебе твердил... Короче говоря — изобрести пьесу... Именно изобрести — такую, в какой нынче очень нуждаются. Вот бы! <...>

(Здесь долгий полугодичный пробел.)

25/VII-53 г.

Вижу, родная, что ты последнее время особенно нервничаешь. Почему? Что так? Кажется, для этого нет причин, во всяком случае, на этой стороне? <...>

Обо мне говоришь, что я стал скупее на письма, «голос глуше»... Так ли это? <...> А письма — реже, это по причинам почты. <...> Всегда помни, что моя жизнь размерена от почты до почты, и весь нерв моего бытия сейчас, это возможность и желание писать и отсылать написанное тебе. За прозу пока не брался, стихи идут легче и приятней, — но вероятно, скоро возьмусь и за прозу, и дело, конечно, не в спешке и вообще, не в сроках, а в силе, качестве, значении результата.

Я понимаю, что все, что сделано до сих пор — это не та сторона медали, какую нужно показывать, и у меня самого какое-то чувство ущербности, неполноты <...>

Это жизнь моя, это и есть один из голосов «из себя» — и что бы то не было — самое несчастье, и слезы, и боль просят своего слова, и в этом, если хочешь, мое преимущество и надежда <...>

Все люди по-прежнему еще в лесу. В общегититии в будни тихо до позднего вечера, с субботы все пьяны. В воскресенье поселок качается, в понедельник — одурь <...>

Вчера собрал грибов (сыроежки) но жарить еще не научился. <...> Огороды удались плохо, да и то меня, кажется, обмишурят <...>

(Снова большой пропуск. Однако, было понятно, что освобождение все ближе и ближе.)

5/V-54.

<...> Теперь, когда там совершены все формальности полномочий и больше времени для маленьких, хотя и щекотливых дел, — думаю, ждать ответа недолго <...>

Скажу и я, если хочешь, тоже по секрету, что, вероятно, я сейчас <...> выглядывал бы в окошко вместе с тобой, если бы не это — другое. Но как-то вскользь я уже об этом говорил... В этом я уверен. Остальное, как сказал Гамлет — молчание. (Таких намеков и недосказанностей, понятных лишь для двоих, в письмах предостаточно, что вполне объяснимо — «третьи» не только лишни, но и рискованно любопытны.)

12/V-54 г.

<...> Местами ещё лежит зимний снег, хотя берёзы уже гонят свой сок, и наши капкаринцы носят его ведрами и настаивают на нём хмельную бражку <...>

Очень грустно мне от твоей болезни, а более от того, что бессилён я помочь тебе <...>

Пока писал и мечтал, за окном всё стало бело, лес в снежном тумане, и всё сыплет, как перед Рождеством.

А ветчины у меня ещё добрая часть. Вот выгодная сторона назидательной умеренности <...>

22/V-54

<...> Только что из кабинетов. Процедуры начаты, но всё это будет, надо думать, ещё не окончательное. Пока что остаться в Москве не придётся. Значит, надо думать и о том — куда. С недели, надеюсь, все процедуры и по этой линии, и по служебной в смысле расчёта и увольнения — закончить, и выехать. Об этом протелеграфирую. А дальнейшую путёвку значит, и определим в Москве — у меня, вероятно, будут свои предположения, у тебя — твои, — обдумаем и решим. Полагая, что в этом сейчас тебе помогут.

Ну, что же... Нужно ли сильно огорчаться? Ведь могло быть и хуже, А там дальше будет видно <...>

25/V-54.

<...> Роды трудные: волокита, при расстояниях между канцеляриями в десятки километров — мне не по силам. И — увы — как ты уже должна знать, едва ли меня ожидает санаторий. Ну, ничего! Бог даст — и это образуется.

Какие варианты? Солотча? Дача О. Е.; (На каком она километре?) Астрахань? Чи шо ишо? У меня тут тоже не без предложений. Решим на месте. <...> *(В Солотче жил Р. И. Фраерман, О. Е. — это Осип Евсеевич Черный.)*

Куда с вокзала? Признаться, по некоторым причинам, на Хохловский не хотелось бы. Ну и это на месте будет видно.

Всё!

И, вероятно, возьмёшь в руки, когда я буду уже в поезде.

Сегодня — первый день Июня.

Вчера — в последний день Мая — положил в карман серенькую книжечку. *(Цвет советского общегражданского паспорта.)*

Она такова, что и «да» и «нет». Но путёвка всё же на Москву с припиской — (временно). А это — полтора месяца...

Старик Гёте однажды признался, что он за всю свою жизнь был понастоящему счастлив только четверть часа.

Так вот, конечно, если удастся эти полтора месяца...

Значит, первая наша забота будет эта.

И я тоже верю, что «будет всё хорошо» <...>

И тебе, надо надеяться, придётся-таки бежать «на угол» — за колбасой. А? И вообще...

И вот, десятого июня 1954 года, в яркий солнечный день, Генриетта Савельевна с Осипом Черным, Теодором Грицем и двумя близкими подругами встретили Сергея Бондарина. Поразил его вид — тонкие руки с тонкими пальцами, даже голова исхудавшая. Ему пришелся в пору плащ 46-го размера, скрывший его красную ковбойку с зелеными заплатами на локтях. К деревянному чемодану были приторочены залосненные ватные штаны и куртка.

Вышли на Комсомольскую площадь, и тут лопнула веревочка, чемодан раскрылся и выпало богатство ссыльного: бутсы, красные галоши, какие-то торбочки, баночки, лоскуты... Это «добро» Г. С. потихоньку потом выбрасывала.

В такси Гриц поцеловал Бондарину руку. Дома С. А. пошел прямо к столу и молча перекрестился. Какое-то время он тяготился обществом, искал одиночества и покоя.

Что было потом? Прописку выхлопотали в Серпухове. Жил на даче у друзей — Халецких. В Союзе Писателей дали деньги, и осенью, на Октябрьские праздники, путевку в Мисхор. Еще через какое-то время стал переводить Алима Кешокова, делая из примитивного подстрочника крепкую прозу. Полагалось ему за эту работу четверть гонорара...

Таким было начало возвращения к писательской жизни.

1969 г. На Ланжероне.
Фото С. Калмыкова

Май 1970. На обрыве Малого Фонтана. Фото С. Калмыкова.
«Здесь весь Сергей Александрович», — отозвалась о снимке Г. С. Адлер.

Вместо эпилога

Сергей Александрович постепенно свыкался с новой жизнью. Снова потянулся к людям. Ездил по стране, писал, публиковался. Подготовил к изданию несколько своих книг. Посещал родную Одессу. Легко и охотно общался с молодежью, расспрашивал об интересах и потребностях нового поколения. Побывал за рубежом.

Но такая активная жизнь сошла на нет в начале 1970-х, когда наступила некая вялость, перешедшая в апатию. С. А. долго лечился в больнице, но в норму уже не вошел.

«Издательскими делами не занимаюсь — сложно, не по силам, а от своего поезда отстал», — писал он в открытке.

А вот что сообщила Генриетта Савельевна: «Депрессия — так называется такая долгая болезнь... Мы оба очень печальны и очень одиноки».

Сергея Александровича не стало 25 сентября 1978 года, и Г. С. снова на долгие годы осталась одна. Женщина обширной эрудиции и высокой духовности читать больше не могла, но не расставалась с миниатюрным приемником, источником не только новостей, но и литературно-драматических передач. В опустевшей квартире читала вслух любимых поэтов. Даже печатала письма на машинке, интуитивно чувствуя клавиатуру.

«...По правде сказать, мне писать просто не о чем. Я скоро разучусь разговаривать, не то, что писать... А так, сижу и молчу, чего-то думаю и время от времени произношу вслух: «Не знаю». Вот и оказывается, что под конец жизни, всё, о чем можешь спросить себя, не находит ответа. Вот так-то!..»

«...А вопросы, вопросы? Книга жизни уже прочитана, остаётся только закрыть обложку. Человек сложен, и сам иногда не может себе ответить — почему сделал так, почему не сказал так, зачем и почему многие переплетения не совместимы». (Из писем Генриетты Савельевны ко мне в Одессу.)

Она дожила до глубокой старости.

Хранители канона

*Несколько замечаний о киноадаптациях
польской литературы*

Канон, как совокупность особо значимых в общественном плане литературных, исторических, философских, религиозных и др. текстов, служит установлению своего происхождения и самоопределению. Особенное место занимает канон национальной литературы, который по историческим причинам — длительному отсутствию независимости и государственной суверенности — всегда играл фундаментальную роль, был памятью национального языка, его традиций, мифов, архетипов и символов. Сегодня, как бы по долгу службы, об устойчивости национального канона заботится школа. Располагая соответствующими прерогативами и влиянием, школа рекомендует молодёжи познакомиться с указанной группой произведений, знание которых, по мнению экспертов, является необходимым и гарантирует осознание своей национальной принадлежности. На протяжении последнего столетия добровольным хранителем, заботящимся о жизнеспособности канона, было польское кино. В соответствии со своей традицией оно всегда проявляло интерес к художественной литературе не только как к источнику сценариев, но, прежде всего, как к искусству, вдохновляющему интеллектуально и формально. Литература, транспонированная на фильм, способствовала повышению статуса молодого искусства, была гарантией высокого художественного уровня и инспирирующей интеллектуальной рефлексии, и, что существенно, распространённая с помощью популярного посредника, нередко инициировала народные дебаты в трудные исторические моменты.

В настоящее время литературный канон является предметом дискуссий исследователей литературы, учителей и читателей, которые ставят различные вопросы. Кто является автором списка программных произведений школьного курса? А может, группа экспертов, создающих этот список, репрезентирует свои литературные пристрастия? Является ли окончательным список авторов и текстов, которые

подобным образом вошли в канон? Может ли канон подвергаться модификации и верификации?

Кино, которое с момента своего появления подвергает литературные тексты адаптационным процессам, естественным образом участвует в этой дискуссии.

Предвоенное кино и литература

Уже в первые годы своего существования кино обращалось к литературе как источнику формальных и художественных инспираций. Литература являлась авторитетом и, как сформулировала Марыля Хопфингер, «была своего рода пропуском в культуру уважаемую, ценимую, высокую». Эту закономерность, свойственную мировому кино, можно выявить также в польской кинематографии. Уже в начальный период на аннексированных польских землях были предприняты попытки экранизировать высокую литературу. Первые неловкие попытки (не сохранившиеся до нашего времени) перенести на экран литературную классику: *Историю греха* (*Dzieje grzechu*, 1911) Стефана Жеромского, *Меира Эзофовича* (*Meir Ezofowicz*, 1911) Элизы Ожешко, драму Станислава Выспянского *Судьи* (*Sędziowie*, 1911)¹, положили начало тесной взаимосвязи польского кино и литературы². После возвращения независимости и государственности в 1919 году количество экранизированных текстов из области высокой литературы значительно возросло. Киноадаптации литературных произведений в период 1919–1929 гг. составляли 20 % всей кинопродукции. Были экранизированы, в числе других, произведения, которые легли в основу литературной традиции: Адама Мицкевича, Стефана Жеромского, Владислава Реймонта, Генрика Сенкевича, Габриелы Запольской, Станислава Пшибышевского, Юзефа Игнация Крашевского. Столь же значительное место заняла популярная литература, например, произведения Хелены Мнишек. Попытки адаптаций участились в следующей декаде кино — кино звукового. Не случайно первым звуковым фильмом, который благодаря технической революции стал событием, была адаптация драмы Габриелы Запольской *Мораль пани Дульской* (*Moralność pani Dulskiej*, 1930). Со временем художественный уровень кино возрос настолько, что позволил осуществить более удачные экранизации литературы. На экранах по-прежнему доминировала проза Жеромского, Ожешко,

Сенкевича, появились попытки перевести на язык кино прозу Поли Гоявичинской (*Девушки из Новоліпок (Dziewczęta z Nowolipiek)*, 1937) и Софии Налковской (*Граница (Granica)*, 1938). Хотя ни об одной из экранизаций предвоенного периода нельзя сказать, что она была в полной мере удачным начинанием, невозможно переоценить значение присутствия на серебряном экране классики литературы. Перенесение высокой литературы в пространство популярной культуры посредством экранизации дало широкому кругу адресатов возможность после двухсот лет аннексии усвоить художественные тексты, формирующие национальное самосознание, за сравнительно короткий срок. Кино как массовое искусство, не требующее больших интеллектуальных усилий, позволило зрителям, в том числе неграмотным, познакомиться с канонами национальных текстов, хотя бы в упрощённой форме. «Мессианизм» кино II Речи Посполитой не исключал более тривиальных причин присутствия литературы на экранах тех лет. Отсутствие интересных сценариев, мнение, что кино как искусство, которое недавно обрело самостоятельность, является лишь приложением к литературе, способствовало использованию литературных текстов не только из области высокой, но и низкой литературы. В тридцатые годы огромной популярностью пользовались господствующие на экранах произведения Хелены Мнишек³, Марии Родзивиц⁴ и Тадеуша Доленги-Мостовича⁵.

Адаптации литературы в послевоенном кино

Если взглянуть на достижения польского кино в период 1956–1989 гг., нельзя не прийти к выводу, что экранизации польской литературной классики не только преобладают в кинопродукции того времени, но и являются важным явлением с художественной точки зрения. В период существования польской школы кино (1956–1961) кинематографическое искусство наконец достигло своего расцвета и получило художественную независимость, что демонстрируют творческие адаптации литературы того времени. Почти половина фильмов, появившихся в тот период, это амбициозные режиссёрские пробы реинтерпретации литературных текстов. Примечательно, однако, что в этот наиболее интересный период польского послевоенного кино режиссёры практически не обращались к канону польской литературы, явно предпочитая современные тексты. Были экранизированы произведения

современных писателей разного уровня, в числе других: Яна Стефана Ставиньского *Канал* (*Kanał*, 1957, режиссёра Анджея Вайды), *Человек на рельсах* (*Człowiek na torze*, 1957) и *Эпоика* (*Eroica*, 1958) Анджея Мунка; Ежи Анджеевского *Пепел и алмаз* (*Popiół i diament*, 1958, Вайды), Богдана Чешки *Поколение* (*Pokolenie*, 1955, Вайды), Войцеха Жукровского *Летна* (*Lotna*, 1959, Вайды), Юзефа Хена *Крест за отвагу* (*Krzyż Walecznych*, 1959), *Никто не зовёт* (*Nikt nie woła*, 1960) Казимежа Куца; Марека Хласко *Петля* (*Pętla*, 1958, Войцеха Ежи Хаса); Казимежа Брандыса *Самсон* (*Samson*, 1961) Вайды; Станислава Дыгата *Прощания* (*Pożegnania*, 1958) Хаса. Самой выдающейся экранизацией литературного текста оказался фильм режиссёра Ежи Кавалеровича *Мать Иоанна от ангелов* (*Matka Joanna od Aniołów*, 1961), который был творческой интерпретацией рассказа Ярослава Ивашкевича. Интерес к литературе в послевоенное время имел совершенно иной, чем в межвоенный период, характер. Представители польской школы подходили к литературным прототипам не только как к источникам фавулы, а старались извлечь из них важное идейное содержание и, таким образом, начать культурный дискурс, касающийся наиважнейших ценностей и общественных умонастроений того времени. Именно благодаря творческому подходу режиссёров к литературе, которая была предметом адаптации, возрос престиж кино как искусства. В некоторой степени заслугой выдающихся экранизаций был факт, что некоторые литературные произведения, не претендующие на то, чтобы стать частью канона, вошли в состав избранных.

В шестидесятые и семидесятые годы XX века появилось большое количество ценных, с художественной точки зрения, экранизаций⁶, которые подтверждали значимость перенесённых на экран произведений. Продемонстрированное режиссёрами умение творчески перевести литературу на язык фильма вызывало уважение. Однако не все экранизации можно назвать художественными достижениями. Частое и качественно дифференцированное присутствие польской литературы на экране, в том числе текстов канонических авторов, т. е. программных произведений, позволило осознать возможность функционального использования экранизаций литературных произведений в образовательном процессе, независимо от их художественных достоинств. В шестидесятых годах началось триумфальное возвращение на экран прозы Генрика Сенкевича. В период между 1960 —

Крестonosцы (Krzyżacy) Александра Форда — и 1984 годом — *Ханя (Nania)* Станислава Вохля — прозу Литвоса переносили на экран одиннадцать раз!⁷ Экранизации таких повестей Болеслава Пруса, как *Шарманка (Katarzynka)*, 1967, Станислав Ендрык), *Приключения Стася (Przygody Stasia)*, 1970, Анджей Кониц), *Антеки (Antek)*, 1971, Войцех Фивек), *Жилетка (Kamizelka)*, 1971, С. Ендрык), несомненно, создавались также для учащихся. Юный зритель, который был обязан познакомиться с программными текстами, мог обратиться к экранизированной версии литературных произведений. На экраны вернулась проза Владислава Реймонта и Стефана Жеромского. Список «доноров» сценарного материала дополнили Зофья Налковская, Михал Хороманский, Генрик Ворцель, Тадеуш Боровский и Эдвард Редлинский. Была экранизирована также популярная литература Корнеля Макушиньского, Тадеуша Доленги-Мостовича, Хелены Мнишек. Интенсивное присутствие на экране литературного канона, который, стоит отметить, практически не изменился со времён межвоенного двадцатилетия, как бы утверждало его право на существование в этой застывшей форме.

Ситуация начала меняться в восьмидесятых годах. Взрывная волна бескровной революции 1980 года коснулась также долгое время неизменяемого состава программных произведений, доступных на экране. Присуждение Нобелевской премии эмигрантскому писателю Чеславу Милошу позволило (после ослабления цензуры) Тадеушу Конвицкому перенести на экран его роман *Долина Иссы (Dolina Issy)*, 1982). Отсутствующая в масс-медиа проза Юлиана Стрыйковского, демонстрирующего оппозиционные симпатии, засверкала с новой силой в экранизации Ежи Кавалеровича (*Аустерия (Austeria)*, 1983). Подобным образом литература Тадеуша Конвицкого, дрейфующая между официальным и подпольным книжным оборотом, наконец могла появиться на экране. В 1986 году Анджей Вайда экранизировал его *Хронику любовных происшествий (Kronika wypadków miłosnych)*. В конце восьмидесятых годов в литературный канон с триумфом вернулся Станислав Игнаций Виткевич. Фильм по мотивам его произведений *В старинной усадьбе (W Starym Dworku, czyli niepodległość trójkatów)*, 1985, Анджея Котковского, позволил его непростому творчеству войти в широкий читательский оборот. Такие киноадаптации, как *Иностранка (Cudzoziemka)* Марии Кунцевич (1986, Ришард Бер), *Боденское озеро (Jezioro Bodeńskie)* Станислава Дыгата (1986, Януш Заорски), *Секирезада (Siekierzada)*

Эдварда Стахуры (1986, Витольд Лещинский), прозы Марека Хласко (*Маримонтская соната (Sonata Marymontska)*), 1988, Ежи Ридан), только подтвердили принадлежность авторов и произведений к канону.

Популярность киноадаптаций в III Речи Посполитой

Сегодня кино в малой степени использует современную прозу как материал для экранизации, зато, уже традиционно, проявляет живой интерес к классике. Современные экранизации режиссёров старшего поколения можно рассматривать как попытку сохранить канон, в первую очередь родной литературы, в меньшей степени европейской. Экранизации, которые появились после 1989 года, не вызвали такого общественного отклика, как ранее. Большинство из них не оставило значительного следа и только по долгу службы было отмечено рецензентами и историками кино. Ежи Антчаку уже не удалось повторить успеха экранизации повести Марии Домбровской *Ночи и дни (Nocy i dni)*, 1975), экранизируя в 1994 году *Даму с камелией* Александра Дюма-сына. Похожая судьба ожидала экранизацию рассказа Льва Толстого *За что?* (1995) Ежи Кавалеровича.

Фильмы, которые появились после 1989 года, в большинстве случаев не вызвали громких полемик с литературным текстом по сравнению с выдающимися экранизациями исторической прозы польской школой кино в шестидесятых и семидесятых годах. Хотя каждая из этих экранизаций является индивидуальным истолкованием текста, «творчески предаёт» литературный оригинал. Экранизации, появившиеся после перелома, утратили функцию, которую время от времени несли в польском послевоенном кино, когда происходило своего рода повышение художественного статуса фильма благодаря его тесным связям с литературой.

Суперпродукции – бегство от истории

После 1989 года польское кино снова обратилось к узко понимаемому литературному канону, или, иначе говоря, к программным произведениям школьного курса. Были ли экранизации отечественных текстов очагом дискуссий или хотя бы способствовали тому, что зрители обращались к литературному оригиналу? Подход к большинству из них был функциональным. Фильм был суррогатной формой литературного произведения, давал возможность за короткое время познакомиться с его фабулой и проблематикой. В девяностых годах на экран вернулись

многочисленные экранизации популярных исторических романов. Обращение к исторической тематике через литературную классику, в большинстве случаев имело внехудожественное обоснование. Оказалось, что экранизация хорошо известных, программных произведений школьного курса гарантирует высокую фреквенцию. На переломе веков в польском кино, которое всегда страдало от недостатка финансов, появилось огромное количество необычайно дорогостоящих зрелищ, которые были адаптациями исторических романов.

Суперпродукция *Огнём и мечём* (*Ogniem i mieczem*, 1999), снятая по роману Генрика Сенкевича, не была удовлетворительна с художественной точки зрения. Не удалось также, в соответствии с модной тенденцией «политической корректности», версифицировать представленную Сенкевичем версию польско-украинских взаимоотношений. Однако коммерческий успех, который имела экранизация романа, добавил смелости другим режиссерам, которые стали обращаться к каноническим текстам польской литературы. Пожалуй, самой большой неожиданностью была экранизация *Пана Тадеуша* (*Pan Tadeusz*, 2000) Анджея Вайды. Автор мастерских экранизаций таких разных с точки зрения эстетики и тематики литературных произведений на этот раз полностью отказался от роли инспиратора польских дебатов о важных проблемах. Вайда не пытался извлечь из произведения Мицкевича актуальные оттенки, проблемы, преследующие современных соотечественников. Он совершенно сознательно поставил фильм о ностальгическом, идеализированном образе прошлого, которое, отдалённое во времени и пространстве, предстаёт как идиллия без изъяна. Скорее всего, эстетствующий фильм Вайды был своего рода бунтом. Бунтом режиссёра, который жил под давлением общественных обязательств, который сам ограничивал свою творческую свободу, руководствуясь чувством долга художника перед своим народом. В 2000 году Ежи Кавалерович снял *Камо грядеши* (*Quo vadis*) по роману Генрика Сенкевича. В 2003 году на экранах появилось *Старое предание* (*Stara baśń*) — адаптация исторического романа Юзефа Игнация Крашевского в постановке Ежи Хоффмана. Появление адаптации, несмотря на широкую рекламную кампанию, было едва замечено публикой. Однако, будучи экранизацией программного произведения школьного курса, фильм может рассчитывать на постоянных зрителей, присутствие которых гарантирует школа. Фильм Филипа Байона

Канун весны (*Przedwiośnie*, 2001) не коснулся важных, присутствующих в тексте романа мотивов: дискуссии о Польше, только что вернувшей независимость, о сущности общественных перемен, в которых участвовала вся страна в течение последних десятилетий.

Во всех этих случаях обращение к великим, каноническим произведениям польской литературы в III Речи Посполитой было приемом, рассчитанным на коммерческий успех. Известные всем тексты, привлекательный экзотизм исторического костюма — всё это должно было привлечь большое количество зрителей. В решении режиссёров старшего поколения обратиться к исторической тематике можно увидеть эскапистские тенденции. Обращаясь к прошлому, они пытались укрыться в нём как в своеобразной нише, демонстрируя бессилие перед сложной проблематикой современности.

Молодые истолковывают литературу

На примере неконвенциональных выразительных средств, использованных в фильме *Прощание с Марией* (*Pożegnanie z Marią*, 1993) в постановке Филипа Зыльбера, можно увидеть, что даже программные, хорошо известные всем произведения Тадеуша Боровского, можно творчески интерпретировать, прочесть заново. Зыльберту удалось создать современно звучащий рассказ о эпохе смерти, рассказ, в котором прошлое переплетается с настоящим. Бессилие героя фильма, который не может смириться с окружающей действительностью, подавляющим злом, сопоставима с душевным состоянием современных ровесников Тадеуша, потерявших в мире насилия.

Режиссёры младшего поколения иногда удивляли оригинальными истолкованиями классических литературных текстов. Мариуш Трелиньски попробовал свои силы в экранизации трудно переводимой на язык кино прозы Станислава Игнация Виткевича. *Прощание с осенью* (*Pożegnanie jesieni*, 1990) было снято с размахом и креационной силой, которая показала увлечение режиссёра оперным театром.

Новые времена — новый канон?

Можно ли, беря во внимание вышесказанное, говорить о консервативных тенденциях кинематографического литературного канона? Казалось бы, что, сложившись в другой исторической, художественной и общественной действительности, канон не находит

явного противовеса ни в деканонизации, ни в слишком несмелых попытках модификации состава канонических текстов. Не вошли в кинематографический канон феминистическая и постмодернистская проза. Адаптация Вайды по роману Томека Трызны *Девушка Никто* (*Panna Nikt*, 1996) преднамеренно избегает всех постмодернистских черт этой прозы. Современное литературное творчество заинтересовало немногих режиссёров молодой генерации. Адаптационным процессам подвергаются в основном те современные тексты, которые были одобрены и усвоены читателями. Режиссёры старшего поколения, пытаясь экранизировать прозу Ежи Пильха (Ежи Штур, *Список блудниц* (*Spis cudzołożnic*), 1995), Веслава Мысливского (Рышард Бер, *Камень на камень* (*Kamień na kamieniu*), 1995), ограничивались простыми экранизационными приёмами, не входя в полемику с литературным текстом. Иногда смягчали, сглаживали его звучание, как это было при реализации *Счастливого Нью-Йорка* (*Szczęśliwego Nowego Jorku*, 1997) Януша Заорского. В основу сценария фильма легли два произведения Эдварда Редлинского: *Крысосоляки* (*Szczeniopolacy*) и сценическая переработка романа, озаглавленного *Чудо в Гринпойнте* (*Cud na Greenpoencie*). Суровые, иронически окрашенные замечания об Америке, как о земле обетованной, а также касающиеся поляков-эмигрантов, в фильме были смягчены. Образ *between-people* — людей, раздираемых между ничего не стоящими культурными образцами, утратил остроту литературного оригинала. Новейшую прозу, в числе других, представляет фильм *Вайзер* (*Weiser*) по повести Павла Хюлле *Вайзер Давидек* (*Weiser Dawidek*), снятый в 2001 году режиссёром Войцехом Марчевским. Несмотря на то, что не удалось передать все достоинства романа (по мнению режиссёра, в некоторых аспектах непереводаемого) в фильме были поставлены вопросы, созвучные с опасениями и тревогой, с которыми мы вступили в новое столетие. Вопросы о том, где лежит смысл и суть правды, можно ли воссоздать истину и вообще прошлое, тема несовершенства памяти, в которой исчезают чёткие границы между тем, что произошло в действительности, и тем, что было всего лишь иллюзией.

В соответствии с суровыми законами массовой культуры пик своей популярности переживают популярные романы, занимающие высокие места в списках бестселлеров. Кассовый успех сопутствовал, например, экранизациям романов Катажины Грохоли: *Никогда*

в жизни (*Nigdy w życiu*, 2004) и *Я вам покажу* (*Ja wam pokażę*, 2006) режиссёра Рышарда Заторского.

Дискуссии о литературном каноне, попытки изменений в иерархических структурах, лишь в незначительной степени отразились на кинематографическом литературном каноне. Спор об эмиграционной и неофициальной литературе, который вёлся в начале девяностых годов, практически не коснулся кино III Речи Посполитой. Единственной реакцией было перенесение на экран подпольной прозы Януша Андермана (*Kraj świata* (*Kraj świata*), 1994) Марии Змаш-Кочанович. Текст должен был стать голосом в дискуссии о судьбе Польши и поляков в переломный момент истории. Фильм был снят пять лет спустя после 1989 года и наткнулся на эмоциональную пустоту, не вызвав живой реакции зрителей. Эмигрантская литература на настоящий момент представлена двумя экранизациями: мемуарной прозы Оли Ватовой (*To, что важнее всего* (*Wszystko co najważniejsze*), 1992) Роберта Глинского и прозы Витольда Гомбровича (*Порнография* (*Pornografia*), 2003) Яна Якуба Кольского, который, создавая фильм, стремился представить личную интерпретацию повести.

* * *

Экранизации польской литературы, которые появились на экране после 1989 года, сосредоточили в себе различные стратегии существования, выработанные в течение почти столетней истории польского кино, с самого начала тесно связанного с литературой. Поводов, по которым кино обращается к литературным текстам, много. Они являются качественно дифференцированными. Сегодня все причины одинаково актуальны. Причиной экранизации может послужить привлекательность фабулы (готовый сценарий романов Сенкевича), или популярность литературного текста на читательском рынке (бестселлер, гарантирующий финансовый успех фильма, как в случае произведений Грохоли, Пильха).

Нельзя забывать о том, что решение о перенесении литературного текста на экран может вытекать из подлинной потребности художественного выражения. Литературный текст, обладая своеобразной кинематографичностью, «требует» транспонирования на язык фильма (доказательством может быть факт частого возвращения экранизаторов к прозе Ярослава Ивашкевича⁸). Шедевральность произведения, принадлежащего к канону, ищет подтверждения и распространения

при помощи адаптации, при этом художественный эффект, хотя существенный, не является условием, предопределяющим целесообразность начинания, как это было в случае *Пана Тадеуша* (*Pan Tadeusz*), *Мести* (*Zemsta*) или *Порнографии* (*Pornografia*). Литературное произведение, благодаря своей идее, пропагандированным ценностям, может стать источником важной художественной, историософской, этической и т. д. дискуссии (проза Жеромского). Последним фильмом Тадеуша Конвицкого, а в то же время одним из первых фильмов после перелома, была *Лава. Рассказ о Дядях Адама Мицкевича* (*Lawa. Opowieść o Dziadach Adama Mickiewicza*, 1989). Адаптация, заключившая текст Мицкевича в рамки современности, оживила, казалось бы каменеющие идеи романтизма, доказывая, что творческие реинтерпретации канонической литературы могут вернуть блеск произведениям, обречённым, по мнению некоторых, на забвение в библиотечных хранилищах.

1. Фильм в постановке Станислава Кнаке-Завадского был назван *Божий суд* (*Sąd Boży*).
2. Примечательно, что значительное большинство адаптаций, которые были созданы в Польше, это адаптации родной литературы.
3. *Майорат Михоровский* (*Ordynat Michorowski*, 1937), режиссёр Генрик Шаро; *Геенна* (*Gehenna*, 1938), режиссёр Михал Вашинский.
4. *Вереск* (*Wrzos*, 1938), режиссёр Юлиуш Гардан.
5. *Знахарь* (*Znachor*, 1937), режиссёр Михал Вашинский; *Доктор Мурек* (*Doktor Murek*, 1939), режиссёр Юлиуш Гардан.
6. Например, *Рукопись, найденная в Сарагоссе* (*Rękopis znaleziony w Saragossie*, 1965) Яна Потоцкого в постановке Войцеха Ежи Хаса; *Фараон* (*Faraon*, 1966) Болеслава Пруса режиссёра Ежи Кавалеровича; *Пепел* (*Popioły*, 1965) Анджея Вайды по произведениям Стефана Жеромского, фильмы Хаса — *Кукла* (*Lalka*, 1968) Болеслава Пруса и *Санаторий под Клепсидрой* (*Sanatorium pod Klepsydrą*, 1973) по мотивам прозы Бруно Шульца; *Свадьба* (*Wesele*, 1973) Станислава Выспянского, *Земля обетованная* (*Ziemia obiecana*, 1975) Владислава Реймонта, *Барышни из Вилько* (*Panny z Wilka*, 1979) Ярослава Ивашкевича в постановке Вайды. Перечисленные фильмы лишь репрезентируют большую группу адаптаций, появившихся в тот период и считающихся наиболее выдающимися достижениями послевоенного кино.
7. Самой большой популярностью пользовались экранизации *Пана Володыевского* (*Pan Wołodyjowski*, 1969), *Потона* (*Potop*, 1974) и *В пустыне и в джунглях* (*W pustyni i w puszczy*, 1973).
8. Казимеж Куц в 1997 году создал экранизацию эпического романа Ярослава Ивашкевича *Хвала и слава* (*Stawa i chwala*).

Т. И. Заярная

К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОДЕССЫ 1945–1991 годов

Очерк

*П*оэты и писатели Одессы, наши современники, продолжая традиции юго-западной школы, разрабатывая новые темы и жанры, современную стилистику, заполняют новые страницы «литературной энциклопедии» города.

«Сучасні письменники Одеси — природні діти Півдня, навіть трохи язичники: в них струмує прадавня енергія, живе розуміння і співчуття до драматичного досвіду предків, до його непереробного опору незгодам, який передається від покоління до покоління», — писал критик В. Фащенко.

* * *

Начинается литература нового периода с первых дней освобождения города.

Утро 10 апреля 1944 года стало для Одессы днём, вошедшим в историю страны и сердце каждого одессита. Ликующая Одесса встречала своих освободителей. «Город оживает и заполняется, чем дальше я иду, всё большим и большим количеством людей. Солнце золотит своими лучами город и ещё ярче даёт ощутить радость освобождения. Одесситы окружают офицеров и бойцов, спрашивая обо всём, чем жила Родина в эти трудные два с половиной года... Иду дальше по улицам города, по-весеннему ярким и по-весеннему тёплым. Боль от видимых разрушений сжимает сердце. Дымятся развалины, стелется пламя угасающих пожаров», — таким остался этот день в дневнике А. Недзведского «Одесская тетрадь. 1941–1944».

Тем памятным днём 1944 года с войсками 3-го Украинского фронта в освобождённый город, с «лейкой и блокнотом» вошел английский корреспондент Джеймс Олдридж. Его информации о положении на фронтах полны восхищения мужеством советских людей. Очерк «У одесских партизан» рассказывает о встречах на Молдаванке... «прослушав рассказ этих подземных партизан, я вышел на улицу, и меня подвели к большой яме посередине разрушенного здания.

— Они присылали солдат завалить этот вход, — сказал майор, — но мы всякий раз их захватывали, и тогда они подожгли дом.

Дописывал я этот рассказ в одесской гостинице «Бристоль». Сейчас её большие с выбитыми стёклами номера, по которым гуляет сквозняк, показались мне необычайно милыми».

Тема непокорённой, сражающейся в подполье Одессы найдет дальнейшее продолжение в литературе.

Валентин Петрович Катаев, писатель, чьи детство и юность прошли в Одессе, приезжает сюда вскоре после освобождения города. Он встречается с партизанами, собирает материалы для будущего романа «За власть Советов».

Шлёт поздравления освобождённой Одессе — городу своей юности, где он «родился как украинский поэт», Владимир Николаевич Сосюра. 10 апреля 1944 года со страниц газеты «Правда України» звучит стихотворение «Визвольний вітер», в апрельском номере одесской газеты «Большевицское знамя» напечатано стихотворение «Одеса»:

Тобі мої думи і слово ласкаве,
І пісня, що в серці сія,
О, місто відваги, і сонця і слави,
Одесо безсмертна моя!

А 17 апреля В. Сосюра уже в Одессе с группой писателей, приехавших на встречу с одесской интеллигенцией в Украинском театре. В газете «Чорноморська комуна» публикуется стихотворение «Здрастуй, Чорне море».

На встречу с одесситами в Украинском театре приехали известные писатели М. Рыльський, П. Тычина, А. Корнейчук, П. Панч, Л. Первомайский, А. Головка.

Александр Александрович Фадеев в мае 1944 года выступал в Одессе перед офицерами и политработниками с лекциями о советской литературе военного времени. Встреча с городом осталась дневниковой записью А. А. Фадеева о разрушенном порте, гавани, он пишет, что центр города сохранён, цветет сирень, но дыхание войны слышно в раскатах снарядов, которые взрывают на окраинах, в надписях на перекрёстках улиц: «Проверено. Мин нет». «Не уничтожена жизнь в Одессе», — пишет А. А. Фадеев.

Буквально со дня освобождения города начинает свою работу газета «Большевицское знамя», редактором которой в то время был Федор Васильевич Лившиц, знаток и любитель поэзии. В одну из майских суббот

1944 года в редакции газеты майор Л. Лагин (впоследствии известный писатель-фантаст) читает журналистам свои рассказы о героях морской пехоты. Так появились «литературные субботы», которые вскоре становятся необыкновенно популярными. Это был неформальный клуб, где собирались литераторы, журналисты, актеры, преподаватели и студенты. Гостями «суббот» были писатели А. Жаров, С. Головановский, Л. Славин, В. Сосюра, М. Рыльский, А. Корнейчук, Л. Первомайский, Л. Гроссман.

На «литературных субботках» газеты «Большевицкое знамя» родилась идея собственного городского литературного альманаха. И к первой годовщине освобождения города был издан литературно-публицистический альманах «Героическая Одесса».

«Окопная» правда прошедшей войны доходила к читателю со страниц произведений писателей-фронтовиков, поколения людей, много переживших, позабывших свой страх на полях сражений. Освободители Европы, братавшиеся с американцами на Эльбе, видевшие иную жизнь, переживающие эйфорию победы — их были миллионы.

Но государство стремилось контролировать даже мысли граждан; «режим, в котором человек обязан думать и верить согласно предписаниям правителей» не допускал, чтобы кто-то, кроме государства, говорил человеку, что правда, а что ложь.

14 августа 1946 года вышло Постановление ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград». Стихи А. Ахматовой и рассказы М. Зощенко угрожали государственному строю. Но с ними не расправились тайно, как было со многими писателями ранее, нет, их распяли публично.

Это было предостережением остальным литераторам, пишущим не псевдолитературу, а несущим истину. Так, одним постановлением было приостановлено целое поколение в литературе.

Партия требовала у литературы уйти от военных тем, не беречь раны войны, переключать литературные силы на воспевание созидательного труда советских людей. От поколения фронтовиков ответил поэт Семён Гудзенко в своём стихотворении 1945 года:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймёт эту правду, — она к нам в окопы и щели
Приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Духовная жизнь настороженно замирает, хотя в эти годы появляются вопреки всему «В окопах Сталинграда» В. П. Некрасова и «Звезда» Э. Г. Казакевича.

Первое послевоенное десятилетие — возрождение Одессы, вместе с городом возрождается и литературная жизнь.

Из предвоенного Союза писателей, в результате «чисток», прошедших в 30-е годы, и закончившейся недавно войны, уцелели немногие. В Одессу вернулись из довоенной писательской когорты Г. Захаров, В. Бершадский, А. Батров, Х. Вайнерман, Н. Лурье, Г. Плоткин, А. Губерман, И. Мавроди, И. Друкер.

Но никогда Одесса не жаловалась на скудность талантов. «Любители прозы и поэзии сходились по четвергам — это называлось «четвертованием». В одной из голых, типично «холостяцких» комнат (на Пушкинской, 10) собиралось человек 15–20 самого захудалого послевоенного вида: кто в шинели без погон, кто в драном пальто и валенках, кто модничал в пестрых нарядах — из американских обносков. Диковато озираясь, нахохлившись или деревянно посмеиваясь, начинали какие-то литературные разговоры, пока не появлялся «председательствующий» и не «начинал вечер», — так описывал самое начало становления писательской организации непосредственный участник «четвергов» В. М. Гридин. «Председательствующим» чаще всего был Е. Бандуренко.

Возвращались с фронтов люди, которым есть что рассказать и чем поделиться. Они вернулись, они победили, они были молоды. У многих не было иного опыта жизни, кроме военного. Писали о том, что пережили, чему были очевидцами и участниками — о войне. И война была не материалом для книг, а их судьбой.

Символично, что одной из первых книг, изданных с маркой «Одесское областное издательство. 1945», стала поэма «Одесса» В. А. Бершадского, которая получила широкую известность.

В поэме, с гордостью и любовью к родному городу, поэт рассказал о героизме защитников города, о тяжёлом времени оккупации, о мужестве одесситов, о радости освобождения:

Сказался в характере нашем литой металл —
И город к чужим сапогам не жался:
город гранаты в штабы метал.

В 1945 году изданы книги еще четырех участников «литературных суббот». «Мечі і струни» Е. Бандуренко, «Утро на берегу» Ю. Трусова, «Шумят платаны» А. Уварова, «Вымпел» Г. Карева.

Темы сборников были схожи — прошедшая война, завоёванная победа, желание вернуться к мирному труду, память и печаль о погибших. Со страниц тоненьких книжек звучали голоса молодых поэтов:

Полита кров'ю воїнів в боях
І материнськими слізьми омиता,
Зметнулась ти веселкою над світом,
Заграла радістю в людських очах.

Писал солдат Е. Бандуренко в стихотворении «Перемозі».

Тяжек труд, безвременны седины,
Долог путь. Суров. И, наконец, —
Нынче над поверженным Берлином
Знамя поднято тобой, боец.

Это строки из стихотворения А. Уварова «Победителю».

Одессит, начинающий поэт, Трусов Юрий Сергеевич мечтал:

... сменить на вахту у штурвала
Бронемашины, башню и мотор;
Чтоб на рассвете море открывало —
Сверканье набегающего вала
И грозный отвоёванный простор.

Военный моряк и журналист Григорий Андреевич Кареев писал о радости победы, о горечи утрат:

Иду по знакомым паркам,
Иду у родных обломков,
А сердце стучит так жарко,
А сердце стучит так громко
В том стуке печаль о павших,
И радость за всех живущих
Бессмертье своё вписавших
В былины веков грядущих.

В 1942 году вышла первая книга военного журналиста Владимира Георгиевича Ляковского «Бессмертие», написанная в соавторстве с М. Котовым, которую редактировал, кстати, бригадный комиссар Л. И. Брежнев.

О подпольщиках «Молодой гвардии» Ляковский написал первым из советских журналистов. Его документальная повесть о подвиге комсомольцев появилась много раньше романа А. Фадеева. Сталин, прочитав книгу, пожелал, чтобы подвиг молодогвардейцев прославил уже известный писатель. И, к огорчению В. Ляковского, тираж книги был рассыпан, а материалы переданы А. Фадееву.

Фронтовым соратником Лясковского был Аркадий Гайдар и книги «Всадник, скачущий впереди», «Гайдар на войне», «Всегда с Гайдаром» посвящены писателю А. Гайдару.

* * *

Литературная жизнь Одессы послевоенного города богата интересными встречами.

Почти каждый год стремится приехать в наш город Владимир Николаевич Сосюра. Поэту здесь хорошо работалось, тут были друзья (поэт В. Иванович), жили семьи его родственников.

Весну 1946 года Владимир Николаевич проводит в Одессе. Наблюдая возрождение города, поэт написал цикл стихотворений, объединённый названием «Одеські поезії». В газете «Большевистское знамя» напечатаны стихи этого цикла: «Ми тьму розвієм грозову», «Над портом день золотокрилий», «Зими промчала каламуть», «3 жовтневим святом, одесити!», «Два роки минуло».

Многие годы в Одессе жил и работал Михаил Иванович Жук — человек неординарный, талантливый, вошедший в историю украинской культуры не только как художник, но и как поэт, прозаик, детский писатель, драматург.

Последние публикации произведений М. Жука датируются 20-ми годами, хотя он продолжает интересоваться литературной жизнью города, пишет стихи. В апреле 1946 на кафедре украинской литературы Одесского университета состоялось заседание, посвященное творчеству одного из первых украинских поэтов-символистов — М. Жука. Читали его произведения артисты театров, свои новые стихи прочел сам автор.

Уже осенью 1946 года состоялось первое послевоенное собрание Одесского отделения Союза писателей, возникшее из «четвергов» на Пушкинской. С 1946 года по 1954 возглавлял писательскую организацию поэт Евгений Фёдорович Бандуренко.

Также заметным событием в культурной жизни города стал выход в 1947 году альманаха «Литературная Одесса», на страницах которого публиковали свои первые произведения известные писатели и начинающие авторы.

Одесская писательская организация была в центре культурной жизни города.

Одесские поэты поздравляют В. Сосюру с 50-летием на одном из своих «понедельников» 1948 года. Поэт Е. Бандуренко посвящает юбилю стихотворение, в ответ В. Сосюра выступает со стихотворением

«Одесі», где вновь вспоминает друзей своей юности, наш город в годы гражданской войны.

В этом же году, в ноябрьской Одессе Сосюра закончил поэму «Катакомби».

Поэт часто приезжал и подолгу жил в одесском Доме творчества (1950, 1957, 1960, 1963). Но известный поэт не только отдыхает, — трудно представить отдых с таким плотным графиком встреч со студентами университета, с читателями, с журналистами и писателями, — пишет новые произведения. Среди них есть и посвящённые нашему городу, написанные здесь: «Слава», «Здравствуй, Одесо!», «Над морем», «Ти сьогодні тихе, море, моє море», «На скелі», «Я й не мріяв побачити тебе», «Кораблі», «Тут я ходив від щастя п'яний», рассказ «Дни юности».

Вспоминает Б. Сосюра Одессу и в автобиографическом романе «Третья рота». Поэта манила Одесса, её люди, «нескорена краса» тёплого моря, краски юга:

Здравствуй, Одесо, юні св'ятої
місто моє золоте.
Днів незабутніх листя юрбою
спогадів вітер міте.

Дважды в 1948 году в Одессу приезжает Остап Вишня. Встречается с одесситами, с журналистами и писателями города. Выезжает в область, живо интересуясь жизнью сельчан, осматривая возрождённые хозяйства. Эти впечатления вошли в очерки «Про пшеницу, про зайця й про чистоту», «У Макара Онисимовича Посмітного».

В беседе с одесскими литераторами Остап Вишня восхищался: «У вас есть море, вам здорово повезло с природой — матерью. Вы избалованы, да и слава к вашему городу не безразлична. Не город, а литературная энциклопедия».

* * *

«Литературная энциклопедия» Одессы была бы не полной без поэтов и прозаиков, писавших свои произведения на идиш — Ханаана Вайнермана, Нотэ Лурье, Ирмэ Друкера, Айзика Губермана.

Н. Лурье, Х. Вайнерман, А. Губерман были одними из первых членов одесской писательской организации, кто стоял у истоков образовавшегося союза, чуть позже, в 1940 году к ним присоединился И. Друкер.

Первая книга учителя Нотэ Лурье «Степь зовёт» (1932) вызвала внимание читателей и критиков. Имя Н. Лурье становится известным, его избирают делегатом на Первый Всесоюзный съезд советских писателей.

Роман «Степь зовёт» выходит в переводах на русском, украинском, немецком и других языках.

У прозаика И. Друкера и поэта А. Губермана много схожего в биографии. Оба учились в Одесском институте народного образования, учительствовали, заведовали в разные годы литчастью еврейского театра.

Но их литературный труд был прерван войной, участниками которой были все четверо, а в конце 40-х, на изломе сталинского правления — лагерями, куда все они были сосланы по обвинению в «космополитизме».

С 1948 года возобновляются массовые репрессии. За полгода до смерти Сталина были уничтожены классики советской литературы, писавшие на идиш. Причём лагеря и расстрел ожидали литераторов, прославивших сталинскую эпоху (П. Маркиш, Д. Бергельсон, Л. Квитко).

И. Друкер, А. Губерман, Х. Вайнерман, Н. Лурье проходили по одному делу «о шпионаже и космополитизме» в 1950 году и отправлены в лагеря.

* * *

С 1953 года страна училась жить без Сталина, без его жестокого, но якобы справедливого правления.

Отсчет новому времени начал в 1956 году XX съезд КПСС, на котором было официально сказано о культе личности Сталина. И даже та полуправда, которая прозвучала с трибуны съезда, дала толчок общественному сознанию.

Началась реабилитация пострадавших, возвращалась из сталинских лагерей значительная часть советской интеллигенции, ставшая вскоре движущей силой «оттепели» грядущих 60-х годов.

В Одессу возвратились Нотэ Лурье, Ирма Друкер, Ханан Вайнерман, Айзик Губерман.

Им повезло, если применимо здесь это слово, — выдержав сталинские лагеря, они вернулись в родной город, в литературу.

Свой путь, свои трагические дороги Лурье описал в повести «Перед грозой», но даже в 1978 году цензура изъяла страницы с описаниями допросов, судебных людей, арестованных НКВД. Лишь в 1991 году литературовед И. М. Дузь сможет опубликовать когда-то запрещённые страницы повести в газете «Вечерняя Одесса».

В годы после возвращения написаны «История одной любви» (1976), «Только море и небо», «Перед грозой» (1978), «В дороге» (1985).

Роман «История одной любви» пользовался большой популярностью. Критик А. В. Недзведский в рецензии отмечал: «Нотэ Лурье написал роман на вечную тему — тему любви. Она великолепна».

Х. Вайнерман выпустил поэтический сборник «От всего сердца» в 1958 году, спустя некоторое время — «Весенний говор», «Люблю и верю», «Свет и тень», «Щедрая осень». Они издавались в Одессе, Киеве, Москве. Поэзия Вайнермана выходила в переводах П. Тычины, М. Рьльского, В. Сосюра, Д. Павличка, Л. Костенко, С. Стриженюка.

«Произведения известного еврейского поэта Ханана Вайнермана интересны и талантливо во всех жанрах. Особенно удачны и совершенны его лирические миниатюры, где улыбка и раздумья поэта исходят от сердечного юмора и доброй мудрости его народа. Его поэзия исполнена любви к жизни, она оптимистична и в лирике, и в сатире», — писал поэт и переводчик Т. Масенко о творчестве Вайнермана.

А. Губерман много работал как драматург. Пьесу Губермана «Стоит ли жить на свете» ставил в еврейском театре С. М. Михоэлс.

Позже, после возвращения из лагеря, в соавторстве с одесским журналистом А. Шнайдером, написаны пьесы «Дарите любимым тюльпаны» (1956), «Невесты не должны плакать» (1959), «Хорошие люди» (1966), прошедшие с большим успехом на сценах многих театров страны.

Из воспоминаний актёра одесского театра оперетты Юрия Дынова о Губермане: «Из лагеря он прибыл абсолютно измождённым, белым, молчаливым, но непокорённым. Он работал без устали. Мы, молодые тогда актёры, диву давались. Откуда у него столько силы, замыслов. Это была какая-то душевная жажда, скопище дум, замыслов».

В 1965 вышел поэтический сборник А. Губермана «Стихи и поэмы» — где «пела скрипка души мастера. Пела вдохновенно, призывно», — писал писатель и критик И. М. Дузь.

Вернувшийся в Одессу после ссылки И. Друкер закончит вторую часть романа «Музыкант» об известном скрипаче и педагоге П. С. Столярском, будет заниматься изучением жизни и творчества классиков еврейской литературы Менделе Мохер-Сфорима и Шолом Алейхема.

Ещё до своего ареста Ирмэ Друкер выступил инициатором восстановления памятника Менделе Мойхер-Сфорима, разрушенного фашистами во время оккупации. Несмотря на послевоенные трудности, памятник был восстановлен благодаря усилиям Друкера в 1947 году.

Изучая архив Сфорима, Друкер найдёт упоминание о выдающемся музыканте Михоэле Гузикове. Сфорим предлагал эту тему Шолом Алейхему, другим писателям. Но выполнит этот наказ Ирма Друкер. В 1981 году вышел роман «Михоэл Гузиков».

* * *

60-е годы XX века имеют не хронологические, а скорее, политические и культурологические границы.

Время, подарившее обществу столько надежд, названо «оттепель». Осознание смены эпохи касалось всех — происходила ломка сознания, начинались поиски новой веры. Трудно переоценить вклад писателей в пробуждение страны. Общество пытается найти ответы на извечные вопросы: «как жить? что делать?» в литературе, и появляется живая обратная связь писателя с читателем. И слово «оттепель», ставшее символом эпохи, — название небольшой повести И. Эренбурга.

Писатели и поэты становятся востребованными, общаясь с массами не только своими книгами, но и выходя к микрофонам в залах, заполненных слушателями.

Литература занята поисками нового героя. Официальная доктрина о «верном пути» не вызывает сомнений в истинности цели и задачи. Самая обычная жизнь и судьба может стать подвигом для героя шестидесятых. Распахивается целина, возводятся ГЭС, отстраиваются города. Актуален лозунг: «В жизни всегда есть место подвигу!»

Этими поисками были заняты и литераторы Одессы. Восстановление края, трудовой энтузиазм советских людей, романтика дальних дорог, героизм советских воинов — эти темы звучали со страниц произведений Е. Бандуренко, И. Гайдаенко, В. Бершадского, И. Рядченко, В. Ляскового, Ю. Трусова, Л. Селютиной, А. Зорич.

* * *

Основными жанрами творчества поэта Евгения Фёдоровича Бандуренко стали лирические стихи, юморески, песни, басни, стихи для детей.

Произведениям Е. Бандуренко присуща выразительность образов, юмор, народная мелодика.

Об этом свидетельствуют сборники поэзии Е. Бандуренко «Мечі і струни»(1945), «Дружба»(1948), «Щасливого плавання»(1951), «Розливсь Дніпро»,(1952), «Південна сторона»(1953), где воспет героизм защитников Одессы, трудное время восстановления, романтика трудовых будней китобоев флотилии «Слава» и строителей Каховской ГЭС:

І як тут не замріятись
на мить,
Як не зібрати всі сили
потаєнні

Та щоб отак, в високому
натхненні,
Ще дужче, ще палкіш
не полюбить?
Усі ці фарби, всі ці тони
й звуки.
Набряклу землю й сонце
в вишині,
І працю ту, що проситься
під руки,
І тих людей, що просяться
в пісні.

В сборниках «На чисту воду», «За хвіст та на сонце» (1955), «Будьмо знайомі», «Веселка» (1975), «Усміхнімось, друзі» (1959), «Кому на добро, кому під ребро» и многих других сатирически обрисованы недостатки общества — бюрократизм, лень, карьеризм. Юмористические и сатирические произведения Евгения Бандуренко были весьма популярны в 50–60-е годы.

* * *

Иван Петрович Гайдаенко закончил Одесское мореходное училище, плавал на кораблях торгового флота.

Главной темой в судьбе Ивана Гайдаенко стало море, он говорил: «Как писатель я вырос из матросов».

В 1936 году во время гражданской войны в Испании, перевоза помощь для бойцов интербригад, сражающихся с Франко, корабль «Комсомол», на котором был и Гайдаенко, попадает в плен к фашистам. Моряков бросают в застенки средневековой тюрьмы «Санта-Мария».

Лишь в 1967 году будет написана книга о событиях тех лет — роман «Санта-Мария». Роман о стойкости и героизме советских моряков, которые встретились с фашизмом задолго до войны, будучи людьми мирной профессии, сумели мужественно выдержать все испытания.

Вероятно, то, что Иван Гайдаенко обращается к этому событию не сразу, а спустя годы, пройдя фронты Великой Отечественной, став автором ряда книг: «За Босфором» (1948), «Остров бурь» (1949), «О тех, кто в море», «Два берега» (1952), помогло создать эпическое произведение, в центре повествования которого непроходящие человеческие ценности.

Популярность дилогии была столь велика, что роман «Санта-Мария» выдержал пять переизданий.

В 1975 году вышла книга «Оливы горят», которая стала завершающим, третьим романом «Санта-Марии».

А Иван Гайдаенко продолжал бороться за мир не только своими произведениями — в течение многих лет он возглавлял Областной совет мира. Писателем написано более сорока произведений, среди них — повести, романы, рассказы, пьесы.

* * *

Прозаик Александр Михайлович Батров создал целый мир с героями юными и мечтательными, где совершаются дела добрые, а порывы сердца всегда благородны.

В десять лет Саша Батров был юнгой на дубках, что возили арбузы из Херсона в Одессу. Позже, подростком, плывал на судах матросом. Работать приходилось слесарем, кочегаром, кузнецом.

С 1924 года в газетах публикует очерки и статьи. Когда началась Великая Отечественная война, «белобилетчик» Батров отправляется на фронт, участвует в сражениях.

«...Я побывал на всех морях и океанах, работал на севере и на юге, но соль тех суровых мальчишеских лет до сих пор живет в моем сердце», — писал Александр Батров о себе.

Не одно поколение одесских мальчишек и девчонок выросло, зачитываясь книгами А. Батрова «Завтра — океан» (1950), «Серебряная олива» (1958), «Матросская королева» (1963), «Мальчишки, звезды и паруса» (1966), «Барк «Жемчужный» (1963), «Одесские девчонки», «Три бескозырки», «В Одесской гавани» и многими другими.

Вера в жизнь, надежда на лучшее — определяющие черты героев батровских книг.

Книги Александра Батрова переводились на французский, польский, китайский, вьетнамский, немецкий и др. языки.

* * *

Люди труда, личности яркие и самобытные, становятся героями книг В. Лясковского послевоенного времени.

Прозаик и публицист Владимир Георгиевич Ляковский — автор тридцати книг, сотен публикаций очерков и рассказов в прессе. Блестящий журналист, о котором говорили, что лишь по одной фамилии он может описать человека. Награждён республиканской премией Союза журналистов «Золотое перо».

Владимир Георгиевич был человеком действия, интересной судьбы — таковы и герои его книг.

Герои всегда имеют реальных прототипов, писатель знакомится с ними в творческих командировках и стремится изучить их жизнь и быт досконально.

Первым из одесских писателей совершает с китобоями флотилии «Слава» многомесячные плавания, откуда возвращается с рукописями новых книг «На краю света», «Голубая лента», «Капелька в море».

Он дружил с хлеборобами, писал о знаменитом председателе колхоза Макаре Посмитном, о его учениках В. Блажевском, В. Туре, о Марии Шоллар, которая более пятидесяти лет руководила колхозом-миллионером. О них эти книги: «Беспокойная семья», «Волшебник из Любомирки», «Платок Макара».

Лясковского хорошо знали люди сёл, где приходилось бывать писателю в творческих командировках, он дружил с рабочими и шахтёрами, художниками и учёными, он встречался с молодёжью города, рассказывая о тех интересных людях, с которыми довелось ему встречаться, дружить, восхищаться и писать о них в книгах «Гусарская баллада», «Черноморцы под землёй», «Не убегай от счастья», «О людях хороших» и многих других.

* * *

«Меня привлекают люди одержимые, смелые и решительные», — писала Анастасия Антоновна Зорич. Таковы были герои её книг, такой была она сама. А. Зорич вошла в литературу в 50-е годы.

Волею судеб попадает молодая одесская журналистка Зорич на Дальний Восток, работает в газете Особой Дальневосточной Армии, которой командовал маршал Блюхер. Позже впечатления этого времени, встречи с легендарным маршалом лягут в основу романа «Верю тебе, Фарид».

В книге «Ради жизни» также частичка биографии писательницы. Находясь в экипаже госпитального судна, под бомбами и обстрелами вывозит Анастасия Зорич раненых из осаждённой Одессы.

Дочь капитана дальнего плавания, Зорич знала не понаслышке о тяжелом труде моряков. Но в то же время жила мечта о странствиях, страсть к романтике, и писательница оправляется в плавание. Итогом путешествия станет роман «Капитан дальнего плавания» (1957).

Сюжеты книг писательницы захватывающие, их темами становятся любовь и верность, разлука и ожидание, умение сохранить счастье. И море как фон присутствует почти во всех произведениях писательницы, помогает раскрыть мир героев. Разве любовь — стихия менее опасная и коварная, чем морские глубины?

Книги Анастасии Зорич «Войди другом в мой дом» (1969), «Не только попутный ветер» (1971), «Встречи... Разлуки...» (1972), «И остается доброта» (1978), «Красный мрамор» (1978) и ряд других произведений пользовались неизменной популярностью у читателей, особенно женской их части.

* * *

Игорь Михайлович Неверов, поэт и прозаик, первые рассказы публикует будучи курсантом военно-морского училища.

Тёплая тональность, свой взгляд на мир, поиски новых ритмов отличают поэзию Игоря Неверова. Автор сборников «Синяя граница» (1956), «Баллада о красоте» (1968), «Дождь при звёздах» (1972), «Дни потрясающего века» (1984), «И к звёздам продолжается дорога» (1986); в творческом багаже писателя есть сборники очерков, рассказов, а также роман «Третье действие» (1977).

* * *

Прозаик и драматург Лидия Яковлевна Селютина родилась в Одессе, закончила в 1941 году актерское отделение театрального училища. Она не стала актрисой — помешала война, послевоенные трудности. Но любовь к театру была непреодолима. Лидия Селютина стала писать пьесы.

В 1955 году на сцене Одесского украинского театра была поставлена первая пьеса Селютиной «Грози минають» о героической обороне Одессы. Пьеса, которая с успехом прошла на сценах 16 театров страны.

Впрочем, успех сопровождал многие пьесы Лидии Яковлевны: «Вітер з моря» (1960), «Без любви нельзя» (1968), пьеса же «Чайки над містом», написанная в 1976 году, была в репертуаре украинского театра десять лет!

Бульвар Приморский. Тут взошла звезда
явившегося миру новосельца.
Родившись, мы приходим в города,
А города приходят в наше сердце.

В доме на Приморском бульваре, действительно, «взошла звезда» одного из талантливейших поэтов Одессы — Ивана Ивановича Рядченко.

Рано осознав себя поэтом, он пишет стихи, пьесы, которые ставились на школьной сцене. Первые стихотворения школьника Рядченко появились на страницах газеты «Моряк» в 1940 году.

Но война прервала занятия литературой и учёбу.

Рядовой, старший сержант, офицер — начальник штаба батальона — таков военный путь Ивана Рядченко.

Первые изданные книги — о войне, о восстановлении: «Знамя над ратушей» (1949), «Дороги мира» (1950), «Штормовые будни» (1951), «Наперекор войне» (1952).

Война прошла через сердце и жизнь поэта Ивана Рядченко, став одной из основных тем творчества.

Но что ни год яснее мне:
война окончилась в Берлине,
а я остался на войне.

Поэма «Передать Ивановой», стихотворения «Потеря», «В день окончания войны» — классика военной темы:

.....
И кто-то пел,
и кто-то плакал,
и кто-то спал в земле сырой.
Вдруг тишь нахлынула сквозная!
И в полновластной тишине
спел соловей,
ещё не зная,
что он поёт не на войне.

Написанное 9 мая 1955 года стихотворение «В день окончания войны» включено во многие сборники о войне, антологии поэзии.

* * *

Имея за плечами опыт солдата Второй мировой, плен, два побега из концлагеря поэт Владимир Петрович Гетьман вошел в литературу в 50-е годы сборниками «Рибальське щастя» (1950), «Зустріч» (1955).

Лишь в 1958 году выйдет сборник «За дротом», где публикуются стихи, дополненные и доработанные, из рукописной самодельной «захалавной» книжечки, размером со спичечный коробок, в которую записывал свои стихи военнопленный солдат В. П. Гетьман. Впервые в украинской поэзии возникла ранее запретная тема о попавших в плен, их сопротивлении, о их мужестве и стойкости:

Все одно утечу із неволі
В свій далекий і сонячний край,
Хоч мори, убивай мене, кате,
Безліч раз, як і вчора, карай.

.....

Пропливу бистру річку і плесо,
Хитрі засідки я обійду,
Знов воскресну у рідній Одесі,
Знов у битву гарячу піду.

В середине 60-х, спустя двадцать лет после войны, стала появляться новая литература о войне. Писатель и поэт Константин Михайлович Симонов признает:

Да, война не такая, какой мы писали её, —
Это горькая штука...

Память о днях войны неоднократно приводила в наш город К. Симонова. Он приезжал в Одессу в 60-х годах, в 1975 году был приглашён на празднование тридцатилетия со дня Победы. Писатель принимал участие в проходящих торжествах, было много встреч с ветеранами, с молодёжью, с журналистами и писателями.

В интервью для газеты «Чорноморська комуна» Симонов отметил, что оборона Одессы, героизм её защитников — одно из сильных впечатлений войны, «эти впечатления отразились на всей моей писательской работе».

Фронтальная биография поэта Григория Михайловича Поженяна начиналась в Одессе и осталась в его стихах, на памятной доске с именами защитников города у входа в холодильный институт, в фильмах, снятых по его сценариям: «Жажда», «Поезд в далёкий август». Накануне тридцатилетия Победы в издательстве «Маяк» вышла книга Г. Поженяна «Тридцать лет спустя».

Часто приезжая в Одессу, писатель живо интересуется жизнью города — встречается с ветеранами и однополчанами, жителями Беляевки, которые когда-то укрывали его раненого, хлопчат о строительстве дома для ветеранов войны.

Из книги «Хлеб морей» Г. Поженяна (1989):

Бреду весеннею Одессою,
как одинокий конь без повода,
как одинокий конь без повода,
задравший морду в небеса.
Чужая боль — за занавескою,
чужая радость — за воротами
и непонятна, и близка.

Даже спустя годы тревожная память возвращает одесского поэта, бывшего фронтового разведчика Измаила Гордона к дням войны, в юность, совпавшую с войной:

К душевной ли уютности,
К пустому ли престижу —
Себя тем ближе вижу,
Смешного, неусатого,
Пилотка слишком набок,
Винтовка — дробь тридцатого
Поверх студёных яблок...
В саду барона Ференца
В грязи траншеи наши.

Как знать, не примеряя,
Что взрывом на стерне
Вторая мировая —
Как раз на вырост мне.

Гордон пишет об окопной правде войны, где героизм и тяготы боев воспринимаются без пафоса:

Обычная работа
На много дней и верст —
Идет в атаку рота,
Вставая во весь рост.

Сборники Измаила Гордона «И сердце било в набат», «Солдатский хлеб», «Баллада о зеркала» — дань военным годам.

Литературную летопись войны создавали своими произведениями Г. Карев: «Одетые в бушлаты», «Твой сын, Одесса», «Пылающий берег», «Встань и иди»; Д. Сергиевич: «Маршевая рота», «Товарищи огненных лет», «Первый бой»; М. Сердюков: «Впереди река Дунай», «До победы — шесть километров»; Я. Сикорский: «Штурм», «Суровая память», «Тридцатая застава»; Г. Плоткин: «Слово солдата», «Линия огня»; С. Поляков «Партизанская искра»; Ю. Усыченко «Шхуна «Зора».

* * *

В 1959 году в Одесском университете решено было проводить ежегодные межвузовские конференции по изучению творчества известных украинских советских писателей.

Первая конференция состоялась в марте 1960 года и была посвящена 65-летию со дня рождения и 50-летию литературной деятельности Максима Фаддеевича Рыльского. Сам поэт присутствовал на конференции.

Не один раз в наш город приезжал поэт М. Ф. Рыльский. Поэзии «Пушкінський дім в Одесі» — о восстановлении разрушенного войной дома А. С. Пушкина, «У колгоспі імені Будьонного» — о председателе колхоза Макаре Посмитном, датируются: «Одеса. 1951 рік».

В последующие годы проводились конференции, посвящённые творчеству Павла Тычины, Михайла Стельмаха, Андрея Малышко, Остапа Вишни, Александра Корнейчука, Мьколы Бажана, Юрия Смолича, Олесь Гончара. Конференции стали подлинной школой литературного мастерства.

В марте 1961 году П. Г. Тычина присутствовал на республиканской конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения и 50-летию его творчества.

Написанное в эти дни стихотворение «Я радий, що тебе сьогодні бачу», опубліковано сразу же в газете «Чорноморська комуна»:

Одесо, повносонячна Одесо!
Життя в тобі — це не озерне плесо,
Не холодок під деревом, не тїнь, —
А моря буряного широчїнь...

.....

Я радий, що тебе сьогодні бачу.
Людей твоїх вивчаю смілу вдачу,
Їх трудову енергію святу,
Мистецтва і науки повноту.

В актовом зале университета состоялся литературный вечер, на котором выступили П. Г. Тычина, одесские поэты В. Гетьман, В. Бершадский, А. Уваров, С. Стриженюк.

Событием стала встреча поэта-академика с участниками литературной студии университета. Читали свои стихи молодые поэты В. Яворивский, В. Березинский, Ю. Михайлик, Б. Нечерда, А. Логвиненко. Выступив со словами одобрения начинающим, П. Г. Тычина выделил особо стихотворения Ю. Михайлика и В. Березинского.

В мае 1963 года в Одесском доме творчества проходил республиканский семинар молодых поэтов и прозаиков. Среди участников семинара — Василь Стус, Олесь Гончар.

Олесь Терентьевич Гончар приезжал в Одессу неоднократно, в том числе и на конференции, посвящённые его творчеству. Встречался со студентами одесских вузов, с читателями. Строительство нового порта в Ильичёвске дало писателю материал для романа «Берег кохання»; работая над повестью «Бригантина», Олесь Гончар бывал в Фонтанской спецшколе; многие страницы «Тронки», романа «Перекоп» написаны в Одесском доме творчества.

Частый гость Одессы и Павло Архипович Загребельный. Одесская тема есть в его книге «Новели морського узбережжя».

* * *

Есть у времени 60-х налёт романтизма, может, поэтому многие приходят в литературу не сразу, а начиная свой путь, как рабочий, инженер, геолог. И они создают в литературе новую реальность.

Измаил Борисович Гордон, поэт, диапазон творчества которого разнообразен; стихи о любви, о людях труда, о дорогах войны.

Тем более, что темы эти очерчены самой жизнью поэта. Двадцать один год проработавший на судоремонтном заводе, Измаил Гордон вносит реальную правду бытия в поэзию слова.

Его сборники «Приморская улица» (1961), «Моим землякам» (1965), «Берег Отрады» (1982), «Ближние Мельницы» (1988) — стали признанием в любви родному городу и его людям.

Юрий Михайлик начинал свой путь в литературе с изучения жизни, сменив несколько профессий в поисках своего пути.

Первый поэтический сборник Ю. Михайлика «Север — Юг» издан в Одессе в 1966 году. Гражданский пафос его поэзии несуетен, поэт прекрасно владеет формой стиха, главный мотив творчества — вечные нравственные ценности, природа в лирике Ю. Михайлика «очеловечена», поэт требователен к себе, чуток к слову и лирическим образам. Бытовые образы легко преображаются в поэтические:

Итак, создаётся тройная уха!
Сначала берётся шпана, чепуха,
начальная злая рыбёшка.
Её посоли, поперчи, отвари,
И вылови ложкой, и в кучку свали,
И насухо вылижи ложку.

Поэт стремится через философское отношение к бытию передать нам красоту жизни:

Скользящей строкой по бессмертью песка
кого окликают моря сквозь века?
Не нам ли с тобою они повторяют,
что жизнь бесконечна, строка коротка.

Ю. Михайлик — автор поэтических сборников: «Небо над облаками» (1968), «Побережье» (1972), «Уровень моря» (1974), «Однажды в сентябре», «Сегодня и навсегда» (1978), «С утра до вечера».

Каждый новый поэтический сборник И. Рядченко, В. Бершадского, В. Гетьмана становился заметным явлением в литературной жизни города.

Первые публикации стихов Виктора Арнольдовича Бершадского появились в печати еще до войны, он стал членом Союза писателей в 1939 году. Строки Виктора Арнольдовича Бершадского о родном городе определяющие в его творчестве:

Море, где подхваченный рассветами
Пламень вдохновенья не погас!
Без тебя мы не были б поэтами,
Как и ты — поэзией без нас.

Виктор Бершадский — лирик философского склада, его стихи эмоциональны, образы точны и выразительны. Живя и работая в Одессе, В. Бершадский не был провинциальным поэтом, в его творчестве органично звучат современные ритмы и литературные традиции, высокая требовательность к себе:

Боюсь испортить чистый лист бумаги
Пустой строкой, не стоящей чернил.

И в то же время это очень одесский поэт, стихи которого наполнены красками родного города, солёным ветром моря:

Не в столичных
числюсь я по списку,
но зато —
возможно ль промолчать! —
на мою одесскую прописку
ставит море синюю печать...

Виктор Бершадский автор поэтических сборников: «Встреча в порту» (1948), «Вымпел мира» (1951), «Там долго ясны небеса» (1957), сборник для детей «О юннатах и слонятах» (1957), «Капитан из Кобулетти» (1960), «Песня о парусе» (1961), «Солнце на мачтах» (1966), «Подземная звезда» (1967), «Оранжевое небо» (1968), «Морская столица» (1971) и других.

Книги Ивана Ивановича Рядченко «Навстречу штормам» (1956), «Улицы впадают в океан», «Лирика странствий», «Когда уходят корабли», «Отзвуки океана», «Ветер в парусах», «Суровая вахта» — о родном городе, о людях, в нем живущих, о соленых ветрах странствий.

Нельзя провести грань — эти книги о любви, эти — о дружбе и так далее. Все книги Ивана Рядченко — о любви, о верности женщине, дружбе, о красоте родной земли, о радости труда, когда он востребован и нужен.

Его сборники «Первая любовь», «Тепло твоей руки», «Обещанная звезда», «Тревоги сердца моего», «Шаги», «Винные погреба», «Влюбленный ветер», «Время винограда», «Взмах крыла» запоминаются яркой поэтической индивидуальностью, философским осмыслением жизненных явлений.

Что я такое? Чем я заслужил
большое право чувствовать планету,
глядеть на звёзды, словно старожил,
тянуться к их таинственному свету?
Кто дал мне в дар осенний плач лелек
и мастером изваянную вазу?
Что значит эта должность — человек,
с которой не снимают по приказу?

Строки поэзии наполнены добротой души поэта, окрашены флером романтизма и живыми красками жизни.

Популярной песней стало стихотворение «Здесь все девчонки чуточки морячки»:

купаются в море бульвары и здания,
И бронзовый Пушкин, и порт, и каштаны.
Одесса, Одесса, к тебе на свидания
Приносят свою синеву океаны!

Иван Рядченко работал и как драматург. Он автор поставленных пяти пьес, а романтическая драма «Обещанная звезда» была поставлена на сцене Кремлёвского театра.

«Иван Рядченко обладает редким даром «понимать других», проникать в глубину явлений и человеческих чувств», — писал поэт Леонид Вышеславский.

Интимная лирика Гетьмана принадлежит к лучшим образцам украинской поэзии:

А ваше волосся на плечі лилося... Волосся —
На плечі, на руки. На руки мої...

І тихо шуміло жовтаве колосся,
І тихо дзвеніли блакитні гаї.

А ваше волосся із сонцем сплелося...
Плило, напливало на землю лунку.
На березі гаю затрималась осінь,
Замріялась осінь в хвилину легку.

Стихи поета заставляють «душу трудиться», продовжая искать ответы на вечные вопросы бытия:

Що воно юність — бентежна хвилина?
Що воно молодість — творча година?
Що воно зрілість — порядку основа?
Що воно старість — забута розмова?

Що воно вічне болюче питання:
Хвиля стрічання і хвиля прощання,
Голос надії і голос розпуки,
Щедрість кохання і єдності муки?

Сборники поезии В. Гетьмана: «Ранкові зорі» (1960), «Подорож до обрію»(1963), «Іскри з-під молота», «Побачення з квітнем», «Жар-птиця», «Вогник», «Білі крила вітрил», «Не залишай мене, любове», «Святкую молодість», «Розмова з коханою».

* * *

У Одессы своя легенда, свой миф, свой ореол. Город влюбляет в себя исподволь, своим прошлым и настоящим, не без помощи своих уроженцев, или тех, кто жил в ней, пусть недолго, но пленился её атмосферой и увёз впечатления, которые прорастут затем книгами, стихами, воспоминанием сиюминутным или годы спустя, но обязательно их вынут из «травы забвения».

Так случилось с В. Катаевым, К. Паустовским, Ю. Олешей, Л. Славным, В. Азаровым, С. Бондариним, А. Толстым, С. Смоличем и многими, многими другими. У каждого из них свои воспоминания, а следовательно, своя Одесса.

Я знал, я чувствовал, что поздно или рано
Вернусь на родину и сяду у платана,
На каменной скамье, — непризнанный поэт,
Вдыхая аромат цветущего бурьяна,
До слёз знакомый с детских лет.

Писал в одном из стихотворений об Одессе Валентин Петрович Катаев.

Не часто приезжал В. Катаев в родной город, всего несколько визитов в послевоенное время и последний — в апреле 1974 года — тридцатилетие освобождения Одессы.

Но образ города живёт в его творчестве, произведения последних лет — литературная история города: тетралогия «Волны Черного моря», «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», «Юношеский роман», «Трава забвенья», «Кладбище в Скулянах», «Святой колодец», «Алмазный мой венец», «Уже написан Вертер» и другие, заканчивая последним произведением — «Сухой лиман».

Посещения Одессы Константином Георгиевичем Паустовским в 1956 и 1957 годах связаны с его работой над «Повестью о жизни», собственно, одесской частью — повестью «Время больших ожиданий». В 1954 году он приезжал в Одессу с семьей, как вспоминает сын писателя, — отдохнуть, встретиться с друзьями. Последний приезд состоялся в сентябре 1960 года.

Но Константин Георгиевич не прерывал связь с нашим городом, о чём свидетельствует переписка с одесскими знакомыми и реальная помощь в возобновлении работы газеты «Моряк», с которой связано у писателя так много. В письме к Я. Кравцову (сотруднику «Моряка») есть удивительно романтические строки восприятия Одессы Паустовским: «Я благодарен Одессе за многое, — за её жизнерадостность и веселье, даже в самых трудных обстоятельствах, за кипучесть её жителей, за их мужество, доказанное последней войной, за их ребяческое любопытство и простодушие и за их впечатлительность... Одесса прекрасна. Каждый, кто её покинул, испытывает тоску по её акациям, её говору, её великолепному морю — родному и потому лучшему из всех морей. Я покинул Одессу давным-давно, но нет дня, когда бы её не вспоминал, и почти нет ни одной повести, где бы ни чувствовалось... дыхание этого удивительного города. Что касается моих будущих литературных работ, то мне совершенно ясно, что без Одессы мне не обойтись».

А в домике на Черноморской улице (почти в таком же жил в 20-е годы сотрудник газеты «Моряк» Константин Паустовский) открыт музей его имени.

* * *

В ноябре 1964 года в университете открылась организованная преподавателем университета Л. В. Берловской научная конференция «Литературная Одесса 20-х годов», ставшая литературным событием года.

Впервые была озвучена тема роли Одессы в развитии литературы 20-х годов, раскрыт процесс становления русской советской литературы двадцатых годов в Одессе. В центре внимания конференции — имена Э. Багрицкого, В. Инбер, В. Катаева, Ю. Олеши, И. Ильфа и Е. Петрова, К. Паустовского, И. Бабеля.

* * *

Если в начале 60-х и власти, и «шестидесятникам» приходилось воевать с мешанством, бюрократизмом, с последствиями культа личности, то к концу 60-х годов пути их разошлись. Власть полагала, что подвиг и радость художника состоит в создании правильного образа партии. Ситуация усугубилась после снятия Н. С. Хрущёва.

Интересно, что эпоха 60-х хронологически связывается с событиями партийной жизни 1956 и 1964 годов. Партия принимала решения и подчиняла им жизнь. Окончательно же эпоха 60-х закончилась 1968 годом — вводом советских войск в Чехословакию. Если вспомнить советские танки в Венгрии 1956 года, то получается, что «оттепель» очерчена двумя танковыми рейдами советских войск.

И если танки в Будапеште часть общества вовсе не заметила, то танки в Праге стали детонатором конфликта между интеллигенцией и правительством. Отлучение Б. Пастернака в 1958 году прошло для широкой общественности почти незаметно, но уже процесс Ю. Даниэля и А. Синявского был громким обвинением интеллигенции. «Шестидесятников» перестают печатать, они уходят в самиздат, поэзия уходит с эстрады, превращаясь в феномен бардовской песни.

В начале 60-х годов поэт и писатель Булат Шалвович Окуджава часто бывал в Одессе. А в 1965 году по сценарию Б. Окуджавы и П. Тодоровского на одесской киностудии снимался фильм «Верность». Был и ещё один сценарный опыт, связанный с нашим городом.

«Я жил в Одессе, читал о пребывании Пушкина в Одессе, и мне пришлось в голову написать об этом периоде, — вспоминал впоследствии Б. Окуджава, — хотелось показать Пушкина не бронзовым и гранитным, а обыкновенным человеком, страдающим, и колким, и насмешливым, и ироничным, и ранящим, и ранимым, насколько это было возможно». Сценарий был написан в соавторстве с О. Арцимович в 1966 году. Но пушкинистам не понравился «обыкновенный» Пушкин, да и авторы охладели к своему произведению — фильм снят не был.

Стихотворения Б. Окуджавы «Вилковская фантазия» и «Январь в Одессе» написаны в нашем городе.

Одесса привлекала своей непохожестью, ощущением свободы — когда-то она была «вольным городом»! И море, которое даёт чувство свободы, кажется, что вот этот парус может унести тебя далеко к другим берегам.

«Одесса, как известно, самый необыкновенный город на всём белом свете. Я знаю это твёрдо и не советую никому спорить со мною по этому поводу», — эти строки из повести поэта и прозаика Александра Аркадьевича Галича «Блошинный рынок» написаны уже в эмиграции.

Галич несколько раз приезжал в Одессу в конце 60-х, ведомый замыслом написания сценария или пьесы о моряках. А написал много лет спустя «плутовской роман» с ироничным описанием нашего города, быта и нравов одесситов. Впечатления и встречи этого периода сказались и в грустной балладе «Воспоминание об Одессе»: «Таласа, Таласа! — Вселенной волшебная статья!» и в стихотворении «Опыт прощания», посвящённом одесситу А. Авербуху, в доме которого часто бывал.

Поэт и актёр Владимир Семёнович Высоцкий часто приезжает в наш город, что связано с его работой на киностудии: начиная с 1967 года — первая большая роль в фильме «Вертикаль», затем съёмки в фильмах «Интервенция», «Короткие встречи», «Служили два товарища», «Опасные гастроли» и последний фильм 1979 года — «Место встречи изменить нельзя».

Во многих фильмах звучат песни В. Высоцкого, к примеру, популярные куплеты Бенгальского — «Песенка о старой Одессе» из кинофильма «Опасные гастроли».

Здесь, в Одессе, у В. Высоцкого настоящие друзья — Ф. Дашков, А. Назаренко, А. Гарагуля. Написанная на борту теплохода «Шота Руставели» песня «Лошадей двадцать тысяч в машине зажаты...» — с посвящением экипажу и его капитану А. Назаренко. А песни «Был шторм, канаты рвали кожу рук» и «Человек за бортом» посвящены А. Гарагуле — капитану теплохода «Грузия».

Марина Влади вспоминает с восхищением их свадебное путешествие по Крымско-Кавказскому побережью на великолепной «Грузии». Но с нашим городом, точнее, с городской властью, связаны и неприятности — ложное подозрение в преступлении (основанное якобы на внешнем сходстве). Как пишет М. Влади в книге воспоминаний: «В каждом городе свой царёк. Одесскому же не по вкусу твой юмор, он хочет рассчитаться с тобой».

Не понравился одесским властям и поэт Иосиф Александрович Бродский, который в 1970 году был утверждён на роль Гуревича в фильме

об обороне Одессы «Поезд в далёкий август». Как поэт Бродский в то время был неизвестен, ибо почти не издавался, но, конечно, у него были одесские почитатели — художники и кинематографисты. Вернувшийся из ссылки поэт не мог сниматься в роли первого секретаря обкома партии, поэтому И. Бродского буквально изгоняют из города, крупные планы с его участием будут пересняты.

Пройдёт много лет, и в сборнике «Пейзаж с наводнением» будет опубликовано стихотворение «У памятника А. С. Пушкину в Одессе»:

Наш нежный Юг,
где сердце сбрасывать привыкло вьюк,
есть инструмент державы, главный звук
чей в мироздании — не сорок сороков,
рассчитанный на череду веков,
но лязг оков.

Литературные вечера Роберта Рождественского в 1968 году проходили в Одессе в переполненных залах — выступал ли он в филармонии, встречался ли с ильичёвскими портовиками или студентами вузов.

В 1975 году поэт приехал на премьеру спектакля театра музыкальной комедии «Донна Люция», к которому написал стихи. В интервью Р. Рождественский скажет: «...Одесса — родина некоторых моих стихов. Я не впервые в вашем городе, очень люблю его. Внимательно слежу за работой коллег — литераторов Одессы».

Классик украинской литературы поэт Микола Платонович Бажан приезжал на конференцию «Творчість Миколи Бажана і розвиток української радянської літератури» в апреле 1971 года.

В 1979 году Бажан присутствовал на «Маяковской среде» в Доме учёных.

Работая в 20-х годах на Одесской кинофабрике, М. П. Бажан собирал материалы о пребывании ссыльного Адама Мицкевича в Одессе. Но замысел поэта был воплощён позже: в 1957 году появится поэма «Мицкевич в Одесі. 1825 рік».

* * *

В 60-е годы в писательские ряды Одессы входят Борис Нечерда, Виталий Березинский, Валентин Мороз, Станислав Стриженюк, Владимир Домрин, Юрий Михайлик, Аркадий Львов.

Валентин Леонидович Мороз дебютировал сборником поэзии «Говорить, колоски, говорить», который был издан в Киеве в 1962 году и отмечен вниманием П. Тычины и А. Малышко.

Поэзия Валентина Мороза завораживает тонким лиризмом, восхищает совершенством образа, их щедрыми оттенками.

Вышли книги В. Мороза «Ми — земля», «Дерево на обрії», «Тінь дощу», «Білий-білий сніг», «Крило трави», «Земле моя — доле моя», «У ритмі сонця», «Моя душа — як пташка на долоні» и ряд других сборников. За книжку стихов «Осінній сад» поэт отмечен литературной премией им. П. Тычины.

Борис Андреевич Нечерда — поэт-«шестидесятник» по духовному призванию и по способу мышления.

Будучи студентом судостроительного факультета, молодой человек начинает печатать свои стихи и понимает, что у его судьбы другое начертание. Не завершив учебу, Нечерда покидает институт, начиная работать в журналистике.

1963 год стал вехой в литературной биографии 24-летнего поэта. одесским издательстве «Маяк» выходит первый сборник поэта с символическим названием «Материк». И это было действительно открытием нового материка в украинской поэзии, а первооткрывателям никогда не бывает легко:

Люди,
Ми караємо часто з остраху.
Хто ми —
судді чи матері?
Поможіть же,
коли він з острова
вплав рушає на материк.

Уже в «Материке» прозвучат темы, которые будут развиваться в творчестве поэта и в дальнейшем, обогащаясь новыми мотивами — вера в добро и справедливость, в чистоту человеческих помыслов, святое отношение к женщине (в дальнейшем этот мотив звучит в стихах и поэмах о матери и в любовной лирике), философское осмысление бытия, жажда творчества, работы, тонкое восприятие природы.

У поэта выходят сборники: «Лада» (1965), «Барельефи» (1967), «Поезії» (1970), «Літак у краплі бурштину» (1972), «Танець під дощем» (1978), «Вежа» (1980), «Удвох із матір'ю» (1983), «Поезії» (1984).

Поэт и писатель был также талантливым графиком. Сам иллюстрировал свои сборники «Лада», «Барельефи», с рисунками Нечерды вышла книга И. Рядченко «Шаги», сборник Т. Федюка «Хрещаті південні сніги».

Поэзия Б. Нечерды тревожит, заставляя размышлять, имя поэта становится синонимом исповедальности, душевного непокоя. И годы спустя, Борис Нечерда не менял своих убеждений, не стал конформистом. Поэт А. Глушак заметил, что «Нечерда не рассылал своих поборок через дессидентские цепочки на запад. Он вообще никогда не корчил из себя кухонного диссидента. Просто он был независимым человеком в своём поэтическом деле. А составители и переводчики всё же находили его сборники, выходившие скромными тиражами». В стихотворении «Усе тече...» есть памятные строки:

З безмежжя віддалених літ —
без нашого дозволу й згоди —
ще скажуть про наше сьогодні:
інакше було на землі.
Так мовлять про наші часи
і про перемоги предивні,
здобуті ціною сльози
народу й одної дитини...
.....
Благаю: прожиті літа
не плутай із блиском дешевим.
А те, що зоветься душею,
пильнуй до пуття, мов ліхтар.

Поэтический голос Виталия Березинского самобытен и выразителен. Всё пережитое трансформируется в строфах его поэзии:

Слова сурові, як лице бійця,
стискали душу, холодили скроні.
Вони займали головні місця
в дитячому моєму лексиконі.
.....
Чимало фраз лунало на віку,
та забувать не бачу я причини
окремі з них.
Скажімо, хоча б таку,
священу і просту: «За Батьківщину!»

В. Березинский, родившийся в 1937 году, лишается отца, который был репрессирован сразу же после рождения сына. Ужасы гитлеровской оккупации, пережитой в детстве, тяжелые послевоенные годы навсегда

останутся в памяти, но не ожесточат души поэта, а лишь наполнят её состраданием.

В стихах Березинского живет лёгкость и радость и вместе с тем серьёзность восприятия жизни.

Мелодій колихалися гілки,
співзвуччя розпускалися, як брості.
Свої бажання грали малюки
на тих же інструментах, що й дорослі.

.....
Рапсодій піднімався небозвід,
і кожен вільно міг його вбирати,
і думали, яким він буде — світ
у ті часи, коли навчиться грати?

В 1962 году в Одессе выходит первый сборник В. Березинского «Повінь». После появятся «Кольори граніту», «Звуковий бар'єр», «Ав-тострада», «Запас висоти», «Поезії».

Книги «Рождение солнца» и «Настройщик пианино» вышли в русском переводе. Нужно отметить, что стихотворения Виталия Березинского публиковались в переводах на польском, болгарском, венгерском, армянском и др. языках.

Станислав Саввович Стриженюк в детстве мечтал стать военным, наверное, как многие мальчишки, детство которых пришлось на годы войны. Но выпало учиться в Политехническом институте.

Зато стихи, которые Станислав Стриженюк начал писать еще в школе, исподволь направляли судьбу молодого человека. Талантливого студента-химика приметил руководитель писательской организации Е. Бандуренко, рекомендовавший его стихи в альманахах «Літературна Одеса», начинающего поэта поддерживал и поэт А. Малышко.

Работая в Казахстане по окончании института, он собирал материалы о Тарасе Шевченко. Бывал в местах ссылки поэта, записывая легенды и предания, упоминавшие о Кобзаре. Там, в Казахстане, была написана поэма «Поет і Тьма», с необычным решением сюжета — это рассказ о последнем дне пребывания Тараса Шевченко в ссылке.

Много занимаясь языком и литературой самостоятельно, С. Стриженюк стремится к профессиональной работе над словом и поступает в Литературный институт им. Горького. При поступлении была представлена рукопись первой книги поэта «В братнім краю», изданной в Одессе в 1957 году.

В разные годы Станислав Стриженюк издает поэтические сборники: «Гавань синього літа», «Пассати — вітри постійні», «Журавлинь», «І степ, як море», «Облачные фрески», «Крыло», «Квітка долі твоєї», «Вибране», «Мрія пам'яті» и другие книги.

Для лирического героя поэзии Стриженюка присуще активное познание мира, гармония слова, поэту интересны коллизии человеческих отношений, их философское осмысление.

Все найкраще у світі — з любові:
Рід людський. Небеса і трава...
Розпівалися птахи ранкові
Так, що обертом йде голова.

Даленіють роки сумовиті.
І немає в минувшині меж,
Та чекаєш найкращої миті
Вже й тоді, як нічого не ждеш.

У поета свой образ України, который ведёт своё начало от украинского пейзажа:

Степ Буджакський,
Світ козацький,
Не згоряє Шлях Чумацький.
Світло сонця за туманом
Заливає небокрай.
За синіючим лиманом
Вільно дихає Дунай.

Стихи Стриженюка рисуют сокровенные переживания человека. Их отличает сочетание сдержанности и ясности стиля с эмоциональной исповедальностью:

Чи ти не знаєш дум
Збентежених моїх?
В мені пекучий сум,
Коли бринить твій сміх.
Немає в світі слів,
Щоб все сказати тобі.
Твою я радість вплив
В косу моїй журбі.
Не винувата ти,
А в тім моя вина,
Що келих гіркоти

Допив я сам до дна.
Лиш погляд відведи, —
І знов на рану сіль,
Які гіркі меди,
Який солодкий біль!

Владимир Викторович Домрин много лет работал в журналистике. Дебютировал сборником поэзии «Пойдем со мной» в 1957 году.

На протяжении ряда лет выходят сборники стихов В. Домрина: «Без любви не могу» (1959), «Звёздная река» (1961), «Баллада о верности» (1962), «Будем знакомы» (1963), «И так бывает» (1964), «Лунная подкова» (1966), «Слушай весну» (1967), «Лебединка» (1969), «Высокое мгновение» (1971), «Пора черешневых дождей» (1973), «С любовью вровень» (1977).

В стихах В. Домрина есть простота совершенства, искренность художника, эмоциональная энергетика стиха, его поэзия светла:

Открылся мир.
И сквозь меня пророс.
В тебе я растворился без остатка.
И в первый раз
от подступивших слёз
не больно,
а возвышенно и сладко.

* * *

Свобода начала 60-х сменялась иными временами. Одни писатели приспособлялись к новым веяниям ценою литературных утрат; часть из них станут диссидентами и окажутся в лагерях или в «психушках», а потом — за границей; часть освоит эзопов язык; иные найдут общий язык с властью и потеряют свою индивидуальность.

Но, вдохнувшие ветер перемен, никогда не станут прежними. Наступали 70-е — великая эпоха подтекстов и эзопова языка. В обществе 70–80-х годов обозначились две культуры: с одной стороны — официально-догматическая, с другой стороны — демократическая культура.

70–80-е годы — пора интенсивного обмена писательскими делегациями в рамках Дней литературы — своеобразных творческих отчётов. Писатели стремятся общаться друг с другом, издаются книги национальных литератур в переводах. Вакуум свободного творчества замещается информацией. Писатели и поэты встречаются на декадах и днях национальных литератур, конференциях, выступают перед читателями с авторскими концертами.

Так, в Одессе проводились Дни латвийской литературы (1965, 1979, 1987), с приездом известных латышских поэтов и прозаиков Л. Бридаки, М. Чаклайса, А. Балодиса. Проходили Дни абхазской литературы (1965, 1972), в 1972 году делегацию возглавлял поэт И. Тарба. В Дни Дагестанской литературы (1972) Одесса встречала делегацию дагестанских писателей во главе с поэтом Р. Гамзатовым. Проводились Дни литературы и искусства Молдавии (1972), Белоруссии (1975), Узбекистана (1987).

К 150-летию пребывания А. С. Пушкина в Одессе в 1973 году проводились Дни советской литературы. Приехала большая делегация писателей и поэтов из разных республик: С. Капутикян, О. Челидзе, М. Нагнибеда, П. Проскурин, Е. Долматовский, Б. Ласкин, Л. Славин, М. Лисянский, П. Антокольский, С. Смирнов, Р. Братунь, М. Танк, С. Олейник, Б. Олейник, В. Козаченко, В. Катаев, П. Проскурин и другие.

* * *

Одесса — город интернациональный, писатели создают произведения на многих языках. Многие из одесских писателей отдавали дань переводческой деятельности — А. Уваров, Б. Нечерда, В. Березинский, А. Глушак, С. Стриженюк, В. Рутковский, И. Буше, С. Ковганюк. В журнале писательской организации «Горизонт» велась постоянная рубрика «Мосты единения».

Степан Петрович Ковганюк посвятил переводческой деятельности более 50 лет. За эти годы в переводе на украинский язык вышли произведения М. Шолохова, И. Тургенева, А. Толстого, А. Герцена, В. Катаева, А. Гайдара, М. Горького, Г. Сенкевича, Б. Пруса, Я. Ивашкевича и др. С. Ковганюк — автор теоретического труда «Практика перевода».

Одессу посещали многие зарубежные литераторы. Среди них французские писатели Морис Дрюон и Жорж Сименон, немецкий — Гюнтер Штайн, венгерский — Петер Ласло, американские — Ирвин Стоун и Уильям Сароян, английский — Джеймс Олдридж.

В октябре 1970 года проходил советско-финский литературный симпозиум «Литература для масс и литература для избранных», где собрались Д. Павлычко, И. Драч, В. Коротич, Б. Олейник, Л. Гинзбург, Ю. Трифонов, А. Рекемчук, Г. Поженян, И. Вуотила, Э. Пеннанен и другие.

Проводились в 1972, 1979 годах семинары писателей-маринистов с приездами В. Азарова, В. Соколова.

В 1977 году на Декаду польской книги приезжали в Одессу писатели Г. Аудерска, В. Паукшта, В. Кавинский, в 1980 году проводилась Декада книги Народной республики Болгарии.

* * *

В Одессе сформировалась мощная литературоведческая школа, в основном представленная известными именами университетской профессуры: В. Фащенко, И. Дузя, А. Недзведского, М. Левченко, Г. Вязовского.

Андрей Владимирович Недзведский — критик и литературовед, вся жизнь которого — служение литературе. В молодые годы активно участвовал в литературной жизни Одессы 20-х годов, работал корреспондентом одесских газет. Многие годы преподавал в университете, более двадцати пяти лет вёл семинар педагогов-филологов. Его работы посвящены изучению творчества Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок, украинской литературы первых послереволюционных лет. Всегда интересовался творчеством современных писателей, публиковал статьи о них.

А. Недзведский был инициатором создания в Одессе Литературного музея, опубликовал ряд статей в прессе, в которых научно обосновал эту идею.

В течение многих лет собирал архив литературной тематики; сейчас это богатейшее собрание хранится в фондах Литературного музея.

Жизнь Ивана Михайловича Дузя — критика, литературоведа, писателя — была заполнена встречами с интересными людьми — писателями и поэтами, с которыми он был знаком, о которых писал. В творчестве его счастливо соединились таланты критика и писателя. Серьёзные научные исследования читать легко и интересно, потому что написаны они образно, ярко и эмоционально. Занимался И. М. Дузь творчеством П. Усенко, Остапа Вишни, С. Олейника, А. Корнейчука, П. Панча. Много статей об одесских авторах опубликовано в местной прессе.

В своей книге «С открытым сердцем» он пишет о классиках украинской литературы: В. Сосюре, М. Рыльском, А. Малышко, А. Корнейчуке, с которыми был знаком, дружил, открывая читателям новые факты их биографии — литературные связи с Одессой.

Григорий Андреевич Вязовский в своих книгах исследовал творческий труд писателя, специфику и особенности творчества. Книга «Писатель и жизнь» (1959) посвящена вопросам художественного мастерства, в частности, одесских писателей. В 1953–1958 годах Г. А. Вязовский был главным редактором альманаха «Литературная Одесса».

Сейчас в университете проводятся научные конференции, посвящённые памяти Г. А. Вязовского.

Одним из известных учёных, критиков и литературоведов Украины был Василий Васильевич Фащенко.

На защите кандидатской диссертации В. Фащенко как оппонент присутствовал знаменитый украинский поэт М. Ф. Рыльский. Пройдёт не так много лет и Василий Васильевич станет основателем кафедры советской литературы и литературы народов СССР, фундатором своей научной школы. В 1975 году организовал и редактировал республиканский научный сборник «Вопросы литературы народов СССР».

Исследования В. Фащенко касались украинской новеллистики, психологизма художественных характеров, анализа современного литературного процесса. В. В. Фащенко — лауреат Государственной премии имени Т. Г. Шевченко в области теории и истории литературы.

Изучению эволюции романа посвящены работы Михаила Александровича Левченко. В книге «Випробування історією» изучил основные этапы жанра украинского романа на основе творчества классиков XIX века. «Роман і сучасність», «Епос і людина» рассказывают о творческих поисках современных писателей.

Привязанности критика и литературоведа Евгения Николаевича Присовского были отданы поэтам. Работы Е. Присовского исследуют тенденции украинской поэзии, творческую индивидуальность поэта и поэзии. Всегда интересны статьи и рецензии критика об одесских поэтах.

Во многих украинских энциклопедических изданиях, на страницах многих газет и журналов напечатаны сотни статей писателя, поэта, краеведа Григория Демьяновича Зленко. Книги писателя «Нетлінне», «Одесские тетради», «Берег Пушкина», «Из плена лет» посвящены многим известным деятелям культуры и искусства. Г. Д. Зленко редактирует библиографические серии «Литературная Одесса» и «Писатели Одессы».

* * *

Чтобы уйти от казённой, догматической проблематики, литература 70-х всё больше стала обращаться к вопросам личной жизни людей, их быта. На официальном уровне приветствовалось появление книг на «производственную» тему, в которых герой-новатор при помощи партийных работников одерживал победу над консерваторами. С брежневским правлением страна входила в период упадка, состояние «гражданских сумерек» (Б. Ш. Окуджава). Возрастает цензурное давление, осуждаются произведения, в которых рассказывается о трагических страницах прошлого страны либо о проблемах настоящего.

Была введена система заказа на художественные произведения. Характерным стало появление многотомных романов, положительный герой которых мудро решал возникающие проблемы.

Писатели стали разрабатывать историческую тему. Поэзия, как и проза, была разнообразна и весьма противоречива.

Одни и те же писатели и поэты могли прославлять советский образ жизни и в то же время создавали значительные художественные произведения. Литературные герои книг уходят в иные пространства — фантастические миры научно-популярной литературы и просторы исторических романов.

Аркадий Львов «жил и учился в Одессе. Здесь же имел главные неприятности». Работал краснодеревщиком, учился в университете и политехническом институте. Печатал свои рассказы в газетах и журналах Одессы, Киева и Москвы. Опубликовано шесть книг, в том числе — две книги фантастики: «Крах патента», «Бульвар Целакантус», «Две смерти Цезаре Россолимо», «Большое солнце Одессы», «Скажи, кто ты!», «В Одессе лето» (впоследствии их изъяли из читательского фонда библиотек).

Грустный и ироничный А. Львов развивает бабелевские традиции в описании своих современников. В 70-х был написан роман «Двор» — о жизни нескольких поколений одесских семей, где жизнь людей — иллюстрация к истории страны.

Первая книга повествует о 30-х годах, с упоминанием времён до-революционных и 20-х, действие второй книги разворачивается в послевоенное время и продолжается до марта 1953 года.

Но роман издать не удавалось, в членстве союза писателей было отказано. К тому же компетентные органы пытались доказать писателю, что он «резидент международного сионистского центра в Варшаве». Доказать не доказали, но, видимо, остались при своём мнении — печатать перестали, работы не было.

А. Львова, по его выражению, «выдавили» за границу, произошло это в 1976 году. Писатель уехал, тайно провозя роман, переснятый на микроплёнку, в платяной щётке.

Роман «Двор» был издан за границей с посвящением — «Народу Одессы».

Профессор русской литературы Гарвардского университета, известный писатель Аркадий Львов живёт в Америке.

Одесская литература этого периода пополняется созданием прозаических произведений Ю. Трусова, Л. Селютиной, молодых прозаиков О. Шеренгового, А. Колисниченко, Б. Сушинского.

Поэт Юрий Трусов, наряду с поэзией, начинает писать прозу: повести «Падение Хаджибея» (1958), «Утро Одессы» (1966), «Каменное море»

(1968), «Даль» (1975), «Встреча с мечтой» (1984), романы «Когда рядом друг» (1963), «Проникновение в тайну» (1980), «Зеленая ветвь» (1984).

Вышедший в 1974 году роман — трилогия «Хаджибей» («Падение Хаджибея», «Утро Одессы», «Каменное море») переиздавался восемь раз — столь велика была популярность романа.

Ю. Трусов говорил, что «литератору очень важно сделать в жизни что-то главное». «Хаджибей» — едва ли не первый опыт написания историко-художественного романа о прошлом Одессы, где наряду с историческими персонажами действуют герои вымышленные. Но как это увлекательно переплелось!

Юрий Трусов работал над романом почти шестнадцать лет, собирая материал в архивах, проводя собственный научный поиск.

Образы реально существовавших старшин Головатого, Чепиги, их соратников действуют на страницах романа рядом с героями литературными — Семёном Чухраем, Кондратом Хурделицей. Они сражаются, завоевывают турецкую крепость Хаджибей, осваивают эти земли, строят наш город.

И, видимо, собранный материал о прошлом Одессы был огромен, так как в 1984 году появился роман «Зеленая ветвь». Роман повествует о греческом тайном обществе, центр которого находился в Одессе.

Пятый роман эпопеи — «Казачий корень», законченный в 1990 году, опубликован в 2004 году под названием «Золотые эполеты».

* * *

В 70-х годах и драматург Лидия Селютина обращается к прозе.

Выходит сборник рассказов «Иду на вогник», повесть «Сотвори добро», романы «Наследники» (1981), «Именем любви» (1988), «Порыв» (1990).

Лидия Селютина пишет о людях города, тружениках области, рыбаках и виноградарях, пишет о современниках, о тех, кого хорошо знает.

Одновременно начинают печатать свои произведения студенты Одесского университета Анатолий Колисниченко и Олекса Шеренговой. Разных по стилю, их объединяла новизна восприятия событий как людей, сформировавших своё мировоззрение во время «оттепели».

Анатолий Илларионович Колисниченко, прозаик, критик, литературовед начал свой литературный путь с вышедшей в 1967 году книги «Дві притчі одного дерева». Современная стилистика, поэтический язык повестей и рассказов 24-летнего прозаика стали событием в украинской прозе, книга была замечена читателями и критиками.

У А. Колисниченко собственное отношение к окружающему миру, видение жизни. Пишет ли он о воспитанниках школы-интерната или об «афганцах» — личный опыт является лишь основой творчества, опираясь на который Колисниченко создает судьбу и личность своих героев. Он автор книг «Хроніка Івана Скомороха» (1972), «Далекий голос зозулі» (1975), «Світло вершин» (1975), «Таємниця безсмертя» (1983), «Птахи у відкритому морі» (1979), «Полум'я тополі» (1986), «Катарсис» (1990).

По мотивам приведений Анатолія Колисниченко сняты художественные фильмы «Далекий голос зозулі», «Женихи».

Олекса Игнатович Шеренговой свою первую книгу «Пташиний переліт» издал будучи студентом второго курса филологического факультета.

Уже в первых произведениях звучат главные темы творчества писателя: «істина синівська любов до своєї України, її тяжкої минувшини і, на жаль, складної і многотрудної нинішньої будуччини».

Но в творчестве писателя нет «этнографического натурализма», есть традиции, духовность народа. О. Шеренгового интересует правда жизни во всех её проявлениях, со взлётами и падениями. Ему присуще умение через подробности бытия раскрывать личность героя, открывать глубину характеров. А тонкий юмор автора делает образы героев ближе нам, читателям.

Повести «Золоте весілля», «Повінь у вересні», «Монолог для слідчого», «Хліб на долоні», изданный в Канаде роман «Сини землі», романы «Батько», «Любов єдина» — лишь небольшая часть творческого багажа писателя.

Роман «Рейс», написанный в 80-х, будет запрещен по тогдашним цензурным соображениям и опубликован через двадцать лет.

Но произведения Шеренгового издавались в Москве и Канаде, переводились на венгерский, чешский, казахский, белорусский языки. По мотивам его произведений снимались фильмы «Золотая свадьба», «Тризна», «Блуждающие звёзды», «Песня любви», «Киеве мій».

Олекса Шеренговой писал стихи, увлекался живописью, выражал себя как самобытный художник.

Богдан Иванович Сушинский также начинал печататься ещё будучи студентом филологического факультета Одесского университета.

Продолжительное время работал журналистом, одновременно работая над своими произведениями. В 1972 году вышла из печати первая книга писателя — «Кладка», которая была отмечена премией им. Э. Багрицкого.

Б. Сушинскому интересны герои, прошедшие нелегкий путь становления, его герои стремятся не только постичь мир, но и изменить его либо себя в этом мире. «Мой герой, — говорит Сушинский, — это, как правило, человек, возведённый на грань».

Творческий потенциал писателя огромен, ему подвластны исторические, психологические, политические, бытовые сюжеты.

Автор целой библиотеки произведений, поэтические названия которых сразу же запоминаются читателями: «Тепле каміння» (1974), «Літо житніх дощів» (1976), «Ріка опівночі» (1978), «Через міст над бистриною» (1980), «На тій землі за пагорбом» (1981), «Голос ріки безіменної» (1985), «Білий кінь у сивій долині» (1986), «Морава» (1984), «У човні посеред Всесвіту» (1984), «Меч і посох» (1991). Много книг Богданом Сушинским написаны для детей: «Танець степового коня» (1983), «З розвідки не повернувся» (про одесского партизана — разведчика Трофима Прушинского), «За лінією життя» (1988), «Зоряний берег» (1989), «Ріка далеких мандрів» (1991), «Забуті острови» (1991).

Произведения писателя переведены на английский, французский, польский, венгерский, словацкий, литовский, латышский и другие языки мира.

* * *

Творческий мир Одессы каждый год пополнялся новыми именами талантливых литераторов.

Многими талантами наделён Анатолий Степанович Глушак. Прежде всего он поэт и переводчик, а ещё публицист, рецензент, критик, известен как книголюб и как шахматный обозреватель. А. Глушак дебютировал в 1972 году сборником поэзии «Мотиви».

Обычные жизненные явления в поэзии А. Глушака превращаются в возвышенные и романтические, при этом лирические образы поэзии сохраняют правдивость и достоверность, достигая философской наполненности.

Але збагнув я не одразу,
Немов продерся крізь терни:
Світ — неправдивий
без поразок!
І декотрим — нема ціни.
Примножую
Поразки — вчинки
(Буття здоровлячий полин).

Що мляють душу, мов піщинки,
І виростають до перлин.

Поэтический почерк Анатолия Глушакa своеобразен и полон обаяния.

.....
Діди... рухливі, мов джмелі!
Та й не такі вже балакучі...
Брили на кожному чолі
Чи німбів
обручі блискучі?!

В Одессе и Киеве выходят сборники поэзии «Злітне поле», «Сонячний вітер», «Простір», «Тиждень», «Озимина».

Анатолий Глушак — мастер поэтического перевода. Вышла авторская переводческая антология «Автографи» с предисловием Дмитра Павлычко. Стихотворения поэтов в переводах А. Глушакa органично вписались в звукоряд украинского языка.

Тарас Алексеевич Федюк — поэт яркого образного мышления строит свой мир интонациями точными и верными, основанными прежде всего на национальной культуре. Но его исторические ассоциации — не возвращение в прошлое, а обогащение им.

Т. Федюк моделирует наше время с земной выразительностью, раскрывая перед нами сложную гамму чувств.

Моє коріння — всі наші пісні,
моє коріння — древо мого роду,
загублене в гущавині народу,
загублене в його височині.
І лемешів щорічний впертий слід,
і степ, і далина пшенично-синя...
Моє коріння — це земне тяжіння,
Яке повік не вирвать із землі.

Автор сборников: «Досвітні журавлі» (1975), «Віч-на-віч» (1979), «Дві хвилини уваги» (1983), «І промовчати не посмів» (1987).

Владимир Григорьевич Рутковский ушел с 4-го курса Политехнического института, осознав, что поэты инженерами не бывают. На страницах газет и журналов печатаются его стихи.

Вскоре появятся поэтические сборники «Краплини сонця», «Плоти», «Повітря на двоє», «Знак глибини», «Рівновага».

Были написаны стихи для детей, а затем стали выходить и книги «детской» прозы со смешными и трогательными героями: «Аннушка», «Канікули у Воронцівці», «Намети над річкою», дальше была просто сказка (в прямом и переносном смысле) «Бухтик из тихой заводи», «Гості на мітлі», «Слуга Баби-Яги», пьеса-сказка «Прибульці».

Поэт Мыкола Палиенко свои первые рифмованные строки писал на школьных уроках, тогда же начал печататься в районной газете. После окончания школы работал в тракторной бригаде. Но с мечтой о литературе, о журналистской работе не расставался, продолжая писать стихи. Встреча с известным поэтом Андреем Малышко, там же, в родном селе, которому Мыкола Палиенко читал свои стихи, укрепила уверенность юноши в своём предназначении. Перед армией Палиенко работал корреспондентом в районной, а затем в областной газетах. По окончании Одесского университета продолжительное время работает в сельской редакции Одесского областного радио.

Прошло много лет с тех пор как Мыкола Палиенко стал городским жителем, но краски, образы, ритмы поэзии его сложились под впечатлением детства и юности, прошедших в красивом и старинном селе на Николаевщине. Поэзия М. Палиенко наполнена любовью к жизни, природе родного края, к земле и людям, что трудятся на ней, «пшенична звичайнісінька стеблина — мого життя найосновніша нить».

Мыкола Палиенко — автор поэтических сборников «Лукашева сопілка» (1972), «Щедриця» (1975), «Зелені космодроми» (1979), «Тяжіння поля» (1984), «Заповідую долю» (1988) и других. На слова М. Палиенко пишут песни композиторы, стихотворения переводят на другие языки.

Много сил поэт отдал работе с молодыми авторами, являясь литературным консультантом Одесской организации Союза писателей.

Прозаик и кинодраматург Михаил Евгеньевич Цыба много лет работал на Одесской киностудии штатным сценаристом. Выходят и книги прозы. По романам «Солдатки» и «На изломе» сняты художественные фильмы. Повесть «Бесстыжая» вышла в издательстве, но не дошла до магазинов, тираж был изъят ввиду цензурных соображений.

Родион Константинович Феденёв — драматург и прозаик. Автор пьес, которые шли на сценах Одессы, Киева, Москвы: «Пять тысяч дней», «Снеги пали», «Утро судьбы», «Стенограмма», «Булгаков, или Луна в форточке», «Император в Тобольске». В 1990 году написан роман «Цезари и мушкетёры».

Военный журналист Антон Флорианович Михайлевский, по долгу службы объездивший всю страну, живёт в Одессе с 1974 года. Издаёт книги поэзии и прозы: «Червоні полігони», «Передній край», «Крила любові», «Трете покоління».

Поэт Виктор Владимирович Нарушевич начинал свой путь в литературу с журналистской стези, много лет возглавлял редакцию художественной литературы издательства «Маяк». Автор поэтических сборников «Літодень», «Розповідь», «Акваторія», «Серпневе гроно», «Пізнання ріки».

Мурат Михайлович Базоев родился в далёкой от Одессы Осетии. В войну, совсем юным мальчиком, стал партизаном. Закончив мореходное училище, плавал на судах дальнего плавания и — писал стихи. Стихи о море, о верности, чувстве долга, любви.

Строки поэзий Мурата Базоева легко узнаются по чистому ритму и тону с чуть осетинским акцентом:

Берегите друзей —
Их всё меньше с годами у нас.
Настоящих друзей
Так непросто найти и узнать.
Если нету друзей,
С кем делить хлеб и радости час,
И кого же тогда
В день печали на помощь позвать.

Несколько стихотворений М. Базоева стали песнями.

* * *

Талантам Одессы — прошлым, настоящим и будущим — посвящена экспозиция Литературного музея. Это яркое событие посреди развитого социализма 70-х преподнёс городу Никита Алексеевич Брыгин. Он с 1957 года выступал с очерками и статьями по вопросам культуры, краеведения. Писал сценарии для телевидения, работал журналистом. Литературно-изыскательские очерки о писателях и поэтах, живших либо приезжавших в Одессу, послужили основой книг «Как хлеб и воздух», «Вре́мён стремительная связь».

Уроженца Вологодчины очаровал приморский город, а увлечение одесской литературой, её истоками, стало началом дела всей жизни — создания в Одессе Литературного музея. Благодаря энергии, таланту, литературной эрудиции его первого директора музей был основан в 1977 году.

С Литературным музеем связана и судьба Аркадия Алексеевича Голышева. Десять лет он возглавлял музей, при нём открылась ныне действующая экспозиция музея.

Аркадий Голышев — военный журналист и писатель, творчество которого связано с проблемами современной армии. Автор книг «На посту у тишины», «На путях-дорогах» (1973), «И вернулся в школу учителем» (1975), «Знакомая мелодия» (1982), «А сердце помнит каждый бой» (1984). Будучи директором Литературного музея, печатал очерки о новых поступлениях музея, статьи о литераторах Одессы.

* * *

«Удивительный город — Одесса! Здесь улыбаются даже памятники, а остроумия здесь обмениваются, как сигаретами. Сюда, как в Клондайк за золотом, приезжают добывать юмор. Причём его не приходится собирать по крупицам — прямо на улицах спотыкаешься о самородки», — утверждает писатель А. С. Каневский. Может, поэтому часто бывали и бывают в Одессе С. Альтов, М. Мишин, Г. Горин, А. Арканов, И. Иртенев, И. Губерман.

Да, одесский характер славится независимостью и особым чувством юмора, замешанном на здравом смысле народов, её населяющих. И каждый одессит уверен, что он им обладает. Но есть среди них подлинные профессионалы, такие как М. Жванецкий, С. Олейник, В. Иванович, В. Хаит, В. Дзюба, В. Гаранин.

Уроженец нашего края Степан Иванович Олейник печатал свои рассказы и стихи в одесских газетах в 30-е, ещё студентом пединститута. И, хотя скоро он станет известным писателем в Киеве, не забудет город, где стал на литературную стезю. Одесса также хранит память о талантливом юмористе — открыт музей в селе Левадовка, где ежегодно проходит праздник сатиры и юмора — 3 апреля, в день рождения писателя. Учреждена и литературная премия имени Степана Олейника.

Владимир Иеронимович Иванович родился под Одессой, в Григорьевке. Закончил литературный факультет пединститута, участвовал в Великой Отечественной войне, участник обороны Одессы. Начиная литературный путь вместе с С. Олейником и П. Педою в 30-е годы. Поэтический талант В. Ивановича определился в жанре юмора и сатиры. Его учителем и наставником стал Остап Вишня, давший рекомендацию В. Ивановичу для вступления в союз писателей. Он же редактировал первый сборник поэта «Свиня на пасиці», вышедший в 1950 году.

Как истинный одессит В. Иванович был кладезем весёлых историй, анекдотов и побасенок, которыми щедро делился с желающими послушать его поучительные и весёлые истории. Несколько строф из «Приповідок та заміток»:

....
Для всіх людей
Є вічні заповіді;
І перший з них:
Завжди добро творити.

....
Запам'ятай
Одну пораду шири;
Не створюй ідола,
Не кланяйся кумиру.

Искромётный народный юмор, истинность и точность сатирических образов поэзии В. Ивановича пользовались большой популярностью у читателей, у эстрадных артистов, в коллективах художественной самодеятельности.

Хотя первая книга писателя вышла, когда автору было 45 лет, писатель неутомимо «пропальвал» недостатки «крапивой смеха» и опубликовал более двадцати сборников: «Низенько кланяємось» (1954), «Рекомендована лисиця» (1954), «Весела прополка» (1956), «Кропивою сміху по всякому лиху» (1957), «Кому пишки, кому шишки» (1958), «Перебендя посміхається» (1960), «На городі бузина, а за морем сатана» (1963), «Бичок — губернатор» (1964), «Три торби сміху людям на втіху», «Поезії» (1967), «Сміхомовки» (1974) и ряда других, автор детских книг «Іванові кавуни», «В сніговицю», «Копанівський глек», «Григорівська кантата».

В. И. Иванович стал первым лауреатом литературной премии имени Степана Олейника.

Михаил Михайлович Жванецкий — философ и психолог нашего времени, «литературная легенда» Одессы. Трудно писать о М. М. Жванецком — каждая заметка превращается в безудержное цитирование, произведения разобраны на цитаты.

«Жванецкий — одессит и любит подчеркнуть это. В ранних текстах он её воспеваает как патриот; в поздних — сетует, что она уже не та, и даже на то, что её больше не осталось», — пишет А. Битов, — Если одесский юмор вымирал, то не последний ли Жванецкий? Во всяком случае, с его появлением шутить в Одессе стало ещё труднее. Так

что же он, доконал, добрал его или, наоборот, спас, и именно в нём-то он, умерший, и возродился?»

Инженер-механик подъёмно-транспортного оборудования портов, работал восемь лет по специальности, увлекался самодеятельным театром, по приглашению А. Райкина становится завлитом его театра в Ленинграде. А в 54 года начинает свою «сольную карьеру».

И всё же «из Одессы можно выезжать, можно уехать навсегда, но сюда нельзя не вернуться», — убеждён председатель Всемирного Клуба одесситов, поэтому каждое лето он живёт в Одессе, в Аркадии, и нам хочется думать, что всё, написанное Михаилом Михайловичем, написано в Одессе.

До последнего времени книги Жванецкого в Одессе не издавались.

* * *

Начавшаяся в 1985 году перестройка привела к духовному возрождению в литературе, искусстве. Литературная жизнь обогащается ранее запрещёнными произведениями писателей-эмигрантов, диссидентов 60–70-х годов, свободными дискуссиями на страницах газет и журналов, широкими международными культурными связями. Новое время открывает архивы, запрещённые имена, границы государств и самопознания.

В мае 1989 года проводился Международный шевченковский форум писателей «От сердца Европы — к сердцу Украины», посвящённый 175-летию со дня рождения великого поэта. Форум начался в Праге, 15 мая участники прибыли теплоходом в Одессу, затем, по Днепру с остановками в городах, попали в Киев. В Одессе состоялся митинг у памятника Т. Г. Шевченко; участники форума посетили Литературный музей; в оперном театре состоялся торжественный вечер. Среди участников торжеств были Д. Павлычко, М. Роман (Чехословакия), В. Пяткявичус (Вильнюс), В. Астафьев, Б. Олейник, Р. Чилагава, И. Драч, Дж. Грабович (США), В. Вовк (Бразилия) и другие.

Первые Бабелевские чтения, посвящённые 95-летию со дня рождения писателя, состоялись 17–19 апреля 1989 года. Чтения проводились секцией книги Одесского дома учёных, одесского отделения Союза писателей и кафедрой советской литературы и литературы народов СССР университета. Заседания проходили в Доме учёных и Литературном музее.

12–14 июня 1989 года проходили Первые Ахматовские чтения, организованные Одесским отделением Союза писателей, университетом и Домом учёных, приуроченные к 100-летию со дня рождения поэтессы. На открытии выставки в Литературном музее, посвящённой творчеству

Анны Ахматовой, выступили М. Дудин, Ф. Рубо (Франция), И. Станичиш (Югославия), И. Дузь, Ю. Михайлик.

В январской Одессе 1989 года выступал с творческими вечерами А. Вознесенский.

В следующем году, в июле 1990, состоялись поэтические концерты Е. Евтушенко: «Сегодня я впервые выступаю в Одессе, на мой взгляд — последней цивилизованной точке планеты, где я ещё не выступал».

* * *

Примечательно, что в эти годы многие одесские поэты начинают писать прозу. Новое время требует иного выражения?

У поэта Ивана Ивановича Рядченко появляются прозаические произведения. Были написаны романы «Приглашение в ад» (1986), «Пир сумасшедших» (1988), опубликована повесть о войне «Одна на всех» (1990), над которой работал ещё в 1986–1987 годах и, конечно, не расставался с поэзией.

Человек огромного творческого потенциала — поэт, драматург, прозаик, сценарист. Иван Рядченко издал пятьдесят книг — среди них поэтические сборники, повести и романы, пьесы, сценарии фильмов «Координаты неизвестны», «Если есть паруса», «Слово про Украину», «Улицы говорят».

Поэты не уходят бесследно:

Если честно при жизни служили добру,
без следа не уходят поэты.

Их сердца формируют земную кору,
словно вечные силы планеты.

Учреждена литературная премия имени Ивана Рядченко.

В 1989 году вышел сборник «Лирика» Бориса Нечерды, где голос поэта звучит, как всегда, без пафосной декларативности. Оставаясь самим собой, Нечерда изменялся, наполняясь мудростью прожитых и пережитых лет. Его поэзия, основой которой служит народная традиция и украинская культура, естественно вливается в поэзию европейскую по энергетической насыщенности стиха, по сложности метафорического ряда, по силе поэтического восприятия.

Борис Андреевич Нечерда выражал свой талант и в прозе. Написана повесть «Оksamитовий сезон», роман «Смерть кур'ера».

Действие остросюжетного романа «Смерть кур'ера» происходит в Одессе; это попытка Нечерды исследовать причины наркомании, проституции, коррупции в нашем обществе на сломе формаций. Роман, написанный в 1986 году, был издан в 1991.

Борис Нечерда жил бесприютно и беззащитно, не умножая своего имущества. Но это никак не касается его стихов, его творческой жизни!

Жаль, что «пророки чередою не ходять»:

Чуєш, осягаєш, знаєш — понад
спромогу мозку
увесь той огром перетравити сповна
без шкоди для совісті. Звідки
з'явилось мені, ким — чим
так неждано дано
оце обтяжливе вміння, хист
зазирати до чужих майбуттів?

Не только чужое будущее мог предугадать поэт. Последняя книга Бориса Нечерды названа «Остання книга» (1998).

Талантливый украинский поэт Борис Нечерда — Лауреат премии имени Т. Г. Шевченко. Раз в два года присуждается премия имени Бориса Нечерды для поощрения литературного творчества в нашем регионе.

Духовный побратим Б. Нечерды — Тарас Федюк от сборника к сборнику обретал те чувства и мысли, которые помогают поэту найти свою узнаваемую интонацию.

Стихи из сборников Т. Федюка «Чорним по білому» (1990), «Політ осінньої бджоли» (1990) уже обрели то единство традиции и вечного поиска, которое отличает истинного поэта.

Фамилия Гетьман своей этимологией, своим происхождением ко многому обязывает человека, а если к тому же это поэт? Но, думается, не только славная фамилия вела Владимира Петровича Гетьмана по дорогам творчества. Его любовь к Украине, к украинскому слову звучит в оркестре его поэзии главной темой (сборники «Євшан зілля», «Проміння Перемоги»):

Закипала піснями на вбогому лоні,
І родила орлів на звитяжному полі,
І, цнотлива в своєму вишневим безсонні,
Боронила красу, рятувала з неволі,
Ти єдина для мене од віку й до віку...
Будь від роду й до роду — у цвіті і силі.
Я тобою живу. Бороню яснолику.
І лечу над світами в твоїм многокриллі.

В 90-х у поэта Юрия Михайлика выходят сборники «Избранное», «Таласса» (1989), «Сегодня и навсегда» (1990). Но Юрий Михайлик выражает себя и в прозе. Написан роман об обороне Одессы «Честно и храбро», издание которого шло долго и трудно (1988), повесть «Большой Фонтан» (1990).

В 1991 году был опубликован роман Богдана Сушинского «Меч і посох», который открывает отдельную страницу в творчестве писателя. События романа повествуют о страницах истории Украины, о народном восстании под руководством Устима Кармелюка. Впоследствии тема украинской истории, козацтва, образов гетьманов, старшин будет продолжена в серии романов Богдана Сушинского.

Прозаик и поэт Сергей Иванович Рядченко пишет о поколении 80-х, о своих современниках, о проблемах и боли потерявшегося поколения. Автор сборника повестей «Время мира», романа «Полоса препятствий».

* * *

Следующее десятилетие следует считать с переломного 1989 года. Новое время открывает архивы, запрещённые имена, границы государств и самопознания. «Чем события интересней для историков, тем для современников печальней».

С середины 80-х годов начинают публиковать в прессе стихи начинающие поэты Борис Херсонский и Ольга Ильницкая, творчество которых впоследствии станет заметным явлением в культурном пространстве Одессы.

Олекса Сергеевич Ризниченко писал стихи лет с десяти, а с семнадцати уже печатался в районной газете. Развенчание культа личности послужило толчком к размышлениям и расширению самосознания. Пройдя лагеря, встретившись с людьми, попавшими туда за сходные убеждения, стал приверженцем национальной идеи — «я винен тим уже, що українець, і ця вина з народження моя!».

Но и в лагерях Олекса Ризниченко продолжал учиться (выучил польский язык), работал как лингвист над «Стислим кореневим словником української мови», над «Словником омонімів», писал стихи. В Одессе дважды, в 1969 и 1971 годах, были подготовлены к печати его книги, но, в силу известных обстоятельств, изданы быть не могли. Лишь в 1990 году вышел первый сборник поэзий Олексы Ризниченко «Озон».

Также лишь с 1989 года в нашей стране начинают печатать стихи одесситки Ирины Ратушинской. Закончив физико-математический

факультет университета, работала учителем в школе, откуда вскоре была уволена за участие в правозащитном движении.

Стихи сопровождали её всегда, вначале прозрачно-лирические:

В идиотской курточке —
Бывшем детском пальто,
С головою, полной рифмованной ерунды,
Я была в Одессе счастлива, как никто —
Без полцарства, лошади и узды!
Я была в Одессе — кузнечиком на руке:
Ни присяг, ни слёз, и не мерить пудами соль!

Затем, наполненные болью и тревогой — стихи, которые позже были поставлены в вину:

Ненавистная моя родина!
Нет постыдней твоих ночей.
Как тебе везло
На юродивых,
На холопов и палачей!
Как плодила ты верноподданных,
Как усердна была, губя
Тех — некупленных
и непроданных,
Обречённых любить тебя!

Арестованная в 1982 году за правозащитную деятельность, Ирина Ратушинская была сослана в мордовский лагерь. Но стихи расходились по стране рукописными списками. В её защиту выступали друзья, различные общественные организации, наконец, главы государств — Ф. Миттеран, Р. Рейган, М. Тэтчер. Ирина была освобождена лишь в 1987 году и, тяжело больная, уезжает на лечение за рубеж. Власти тут же лишают её советского гражданства.

За рубежом Ратушинская много работает как литератор: пишет стихи, прозу, сказки для детей. «Всё, что могу сказать о себе как о личности, содержится в моих стихах», — скажет она в одном из интервью. Её книги выходят в переводах на многих европейских языках.

Я напишу о всех печальных,
Оставшихся на берегу.
Об осуждённых на молчанье —
Я напишу.

Она сдержала своё обещание в книге «Серый — цвет надежды», рассказав о лагере политзаключённых 80-х. Эта книга издана на девятнадцати языках, возглавляла списки бестселлеров ряда стран, а британский книжный клуб включил её в число тридцати книг, ежегодно вручаемых королеве. На родине с публикацией стихов и глав из книги «Серый — цвет надежды» читатель мог познакомиться в журнальном варианте лишь в 1989 году.

В мае 1991 в Литературном музее прошёл вечер поэзии И Ратушинской:

Я вернусь в Одессу, вернусь —
Я знаю, когда.
Я знаю, как это будет: вечер и плеск.

Наш очерк о литературной Одессе заканчивается 1991 годом, но её история продолжается.

Свыше 50 поэтов, писателей, драматургов, критиков объединяет писательский союз, имена многих из них известны за пределами нашей страны. Пишут новые произведения писатели известные и появляются интересные сочинения молодых авторов, а значит, страницы «литературной энциклопедии» заполняются.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бакунцев Антон Владимирович (р. 1973) — кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, член Чеховской комиссии при Российской Академии наук, историк литературы и журналистики, публицист, писатель, поэт. Автор журналистских и научных публикаций, в т. ч. об И. А. Бунине, А. П. Чехове, об истории авторского права. Автор книги «Авторское право на произведения литературы в Российской империи. Законы, постановления, международные договоры (1827–1917)» (2005).

Божко Анна Игоревна — ведущий специалист ОЛМ, поэт, переводчик, автор публикаций о литературной жизни Одессы второй половины XIX в. Сотрудник музея с 1996 г. Одна из создателей экспозиции филиала ОЛМ — музея Х. Ботева в с. Задунаевка (2008).

Бондаренко Дмитрий Яковлевич (р. 1970) — кандидат исторических наук, политолог-международник, автор публикаций по истории и политике, истории Украины сер. XIX — нач. XX в.

Волянская Маргарита Юрьевна — кандидат физико-математических наук, астроном, в прошлом ведущий научный сотрудник обсерватории Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Голубовский Евгений Михайлович (р. 1936) — журналист, краевед, библиофил. Печатается с 1960 г. Автор публикаций по литературной и художественной жизни Одессы XX в. Автор книги о современном искусстве Одессы «Смутная алчба», 2010. Составитель библиофильской серии книг одесских поэтов нач. XX в., в которую вошли книги стихов Ю. Олещи, А. Фиолетова, Н. Крандиевской, В. Инбер, П. Ставрова, С. Кирсанова.

Доброхна Даберт (Познань, Польша) — профессор, doctor habilitatus, сотрудник кафедры польской и классической филологии университета им. Адама Мицкевича (Познань), полонист, киновед. Автор публикаций о восточноевропейском кино, независимой польской литературе 1970–80-х гг. Автор книг: «Zbuntowane wiersze. O poezji stanu wojennego» (1998); «Mowa kontrolowana. Szkice o języku publicznym w Polsce po 1989 roku» (2003); «Kino moralnego niepokoju. Wokół wybranych problemów poetyki i etyki» (2003).

Донцова Татьяна Евгеньевна — краевед, автор публикаций об архитектуре и литературе Одессы XIX — нач. XX в. Автор книг: «Молдаванка» (2001), «Архангело-Михайловская на Молдаванке церковь» (2006), «Страницы истории Одесского завода шампанских вин» (2007), «Очерки истории виноделия в Одессе» (2009), «Эксцельсиор — шампанское высочайше утвержденного товарищества виноделия в Одессе» (2009).

Заярная Татьяна Ивановна — ведущий специалист ОЛМ, автор публикаций о литературной жизни Одессы и украинской литературе второй половины XX в. Сотрудник музея с 1978 г. Одна из создателей экспозиций филиалов ОЛМ — музея Х. Ботева в с. Задубнавка (2008), музея С. Олейника в с. Левадовка (2008).

Каракина Елена Александровна — ученый секретарь ОЛМ. Автор книг и публикаций об одесской литературной школе 1920-х гг. Сотрудник музея с 1982 г. Автор книг «Дом с Ангелом» (2000), «Юго-Запад» (2006), «Гуляем по Одессе» (2009).

Катчук Анатолий Николаевич (р. 1943) — библиофил, участник правозащитного движения 1960–80-х гг.

Калмыков Сергей Викторович — библиофил, фотограф, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1920-х гг.

Кнеллер Мария Игоревна — научный сотрудник ОЛМ. Автор публикаций о театральной жизни Одессы 1941–44 гг. Сотрудник музея с 2000 г.

Козаченко Оксана Николаевна — научный сотрудник ОЛМ, автор публикаций по истории Одессы. Сотрудник музея с 2009.

Лекке Мирья (Бохум, Германия) — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедры славянских литератур Рурского университета (Бохум). Автор публикаций по русской литературе XIX и начала XX века и польской литературе. Автор книги «Наррация Просвещения. К вопросу исследования польского романа 1800-х годов». Франкфурт-на-Майне. 2002 («Erzählte Aufklärung. Studien zum polnischen Roman um 1800»).

Липтуга Татьяна Ивановна — директор ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1920–1970-х гг. Сотрудник музея с 1978 г.

Лущик Сергей Зенонович (р. 1925) — краевед, библиофил, автор публикаций о литературной и художественной жизни Одессы нач. XX в. Автор книг «Реальный комментарий к повести В. Катаева “Уже написан Вертер”» (1999) «Одесские реалии Человека-Волка» (2003), «Библиофилы старой Одессы» (2005), «Одесские “Салоны Издебского” и их создатель» (2005), «Летопись библиофильского содружества» (2007), «Роберт Граббе — художник из Караганды» (2011), составитель книг «Павло Тичина. Панахидні співи» (1993), «Вениамин Бабаджана. Из творческого наследия» (2004, совм. с А. Яворской).

Мельниченко Лилия Алексеевна — ведущий специалист ОЛМ, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1940–1980-х гг. Сотрудник музея с 1984 г. Создатель экспозиции филиала ОЛМ — музея С. Олейника в с. Левадовка (2008).

Погорельская Елена Иосифовна (Москва) — зав. сектором отдела рукописных фондов Государственного литературного музея (Москва), литературовед. Автор публикаций по истории русской литературы первой половины XX века, в т. ч. по творчеству В. Маяковского и И. Бабеля; составитель книги «Исаак Бабель. Письма другу: из архива И. Л. Лившица» (2007).

Полторацкая Анна Николаевна — заведующая отделом научно-просветительской работы ОЛМ, создатель экспозиции музея. Автор публикаций по зарубежной литературе и русскому зарубежью. Сотрудник музея с 1978 г. Создатель экспозиции филиала ОЛМ — музея Х. Ботева в с. Задунаевка (2008).

Саврасова Инна Георгиевна — научный сотрудник. Автор публикаций о культурной жизни Одессы. В музее с 2001 г.

Семыкина Галина Георгиевна — заведующая научно-экспозиционным отделом ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор публикаций о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. Сотрудник музея с 1978 г.

Шабельская Евгения Александровна — старший научный сотрудник. В музее с 1979 г.

Шомахер Георг (Бохум, Германия) (р. 1968) — научный сотрудник проектов «Одесса — Русская литература на окраине» (Рурский университет Бохума), «Культуры справедливости. Нормативные дискурсы в диалоге между Западной Европой и Россией» (Вестфальский университет, Мюнстер). Автор книг: *Brüche und Kontinuität. Stationen in der russischen Kultur von 1890–1970*, hgg. v. Museum für Lackkunst, Münster 2005; *Konstantin Leont'evs ästhetischer Aristokratismus. Modernitätskritik und Adelsmentalität in Rußland*. Münster 2003; *Wahrheitsemphase und poetisches Können. Platonismen in der russischen Literatur von Deržavin bis Nabokov* (Europäische Hochschulschriften, Bd. 69). Frankfurt u.a. 2003.

Яворская Алена Леонидовна — заместитель директора ОЛМ по научной работе, автор публикаций об одесской литературной школе 1920-х гг. и украинской литературе 1920-х гг. Сотрудник музея с 1984 г. Автор книг «Забывтые и знаменитые» (2006), «Осколки» (2008).

ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Одесский государственный литературный музей: Путеводитель. — Одесса: Маяк, 1986. — 144 с.: ил. — Тираж 50000 экз.

Атлас Доротея. Старая Одесса, ее друзья и недруги / Сост.: Л. В. Майборода, Г. В. Закипная. — М.: Ласми, 1992. — 208 с.: ил. — Тираж 30000 экз.

Книжкові обкладинки художника Михайла Жука: Кат. вист. / Сост.: О. Лагутенко, С. Лущик. — Одесса: ОДЛМ, 1995. — 56 с.: ілюстр. — Тираж 100 прим.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. — Вып. 1. — Одесса: Афина, 1997. — 240 с.: ил. — Тираж не указ.

Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост.: А. Яворская, Л. Алескерова. — Одесса: ОКФА, 1998. — 160 с.: ил. — Тираж 1000 экз.

Крандиевская-Толстая Наталия. Свет уединенный / Сост.: Е. Голубовский, А. Яворская. — Одесса: Друк, 1999. — 96 с.: ил. — Тираж 100 экз. — *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Одесса — А. Пушкину: 200-летию А. С. Пушкина посвящается: Сб. ст. / Сост. Р. И. Бродавко. — Одесса: Принт Мастер, 1999. — 160 с.: ил. — Тираж 1000 экз.

Инбер Вера. Цветы на асфальте / Сост.: Е. Голубовский, А. Яворская. — Одесса: Друк, 2000. — 92 с.: ил. — Тираж 150 экз. — *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Фиолетов Анатолий. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. — Одесса: Друк, 2000. — 96 с.: ил. — Тираж 100 экз. — *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. — Вып. 2. — Одесса: Друк, 2001. — 336 с.: ил. — Тираж 700 экз.

Где обрывается Россия... / Сост.: А. Таубеншлак, А. Яворская. — Одесса: Оптимум, 2002. — 492 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — *Совм. с обществом «Мемориал».*

Рассказы о музее: Сб. очерков. — Одесса: Пласке, 2002. — 200 с.: ил. — Тираж 1000 экз.

Ильф Илья. Путешествие в Одессу / Сост. А. И. Ильф. — Одесса: Оптимум, 2002. — 206 с.: ил. — Тираж 300 экз.

Путешествие в Одессу: Ильф А. И. Илья Ильф в Одессе. 1897–1922; Ильф И. А. Рассказы и фельетоны / Сост. А. И. Ильф. — Одесса: Пласке, 2004. — 368 с.: ил. — Тираж 2000 экз. — *Совм. с ЗАО «Пласке».*

Бабаджан Вениамин. Из творческого наследия: В 2 т. / Сост.: С. З. Лущик, А. Л. Яворская. — Одесса: Оптимум, 2004. — 584 с.: ил. — Тираж 300 экз.

Фоогд-Стоянова Т. Вспоминая Владимира Алексеевича Пяста; Пяст В. Девятнадцать писем / Сост.: А. Полторацкая, Е. Мальцева. — Одесса: Друк, 2004. — 120 с.: ил. — Тираж 300 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. — Вып. 3. — Одесса: ЗАО «Пласке», 2004. — Ч. 1. — 264 с.: ил.; Ч. 2. — 368 с.: ил. — Тираж 1000 экз.

Каракина Е., Самойлова Т., Ищенко А. Прогулка по Одессе: Путеводитель. — Киев: Балтия-Друк, 2004. — 144 с.: ил.

Славетный друкар Одеси: Кат. укр. видань одес. видавця Є. І. Фесенка / Уклад.: Г. Закипна, Т. Максим'юк. — Одеса: КП «Одес. міська друкарня», 2005. — 48 с.: ілюстр. — Тираж 500 прим.

Каракина Е., Мисюк А., Розенбойм А. Путеводитель по еврейской Одессе. — Одесса: Мигдаль, 2006. — 88 с.: ил. — Тираж 300 экз.

Каракина Е. По следам Юго-Запада. — Новосибирск: «Свиньян и сыновья», 2006. — 236 с.: ил. — Тираж 1000 экз.

Одесская старина: Очерки одесских краеведов XIX века / Сост.: Т. Шурова, А. Яворская. — Одесса: Оптимум, 2006. — 232 с.: ил. — Тираж 500 экз.

Вигель Ф. Записки / Сост. А. Полторацкая. — Одесса: Оптимум, 2006. — 176 с.: ил. — Тираж 500 экз.

«*Свою Україну любить*»: Каталог Шевченкіани / Упоряд.: Г. Закипна, Л. Майборода. — К.: Мистецтво, 2004. — 52 с.: ілюстр. — Тираж 300 экз.

Яворская А. Забытые и знаменитые. — Одесса: Оптимум, 2006. — 236 с.: ил. — Тираж 300 экз.

Музейщики смеются: К тридцатилетию Одесского литературного музея / Сост.: Л. Алескерова, Т. Липтуга. — Одесса: Зодиак, 2007. — 224 с.: ил. — Тираж 1000 экз.

Кирсанов до Кирсанова / Сост.: А. Яворская, Е. Голубовский. — Одесса: Зодиак, 2007. — 176 с.: ил. — Тираж 100 экз. — *Совм. с Всемирным клубом одесситов.*

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. — Вып. 4. — Одесса: Моряк, 2007. — 416 с.: ил. — Тираж 1000 экз.

Бродавко Р. Улицы нашей памяти. — Одесса: Оптимум, 2007. — 166 с.: ил. — Тираж 500 экз.

Яворская А. Осколки. — Одесса: Оптимум, 2008. — 182 с.: ил. — Тираж 300 экз.

Фазини. 1893–1944 / Сост. А. Ильф; Авт. ст.: А. Яворская, А. Ильф, И. Кричевский. — М.: РепроЦЕНТР М, 2008. — 280 с.: ил. — Тираж 350 экз.

Семейный альбом одесского издателя Е. И. Фесенко / Сост.: Г. В. Закипная, Л. В. Майборода. — Одесса: Гор. типогр., 2008. — 316 с.: ил. — Тираж 500 экз.

Каракина Е. Гуляем по Одессе. — Одесса: Оптимум, 2009. — 318 с.: ил. — Тираж 2000 экз.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. — Вып. 5. — Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2009. — 432 с.: ил. — Тираж 800 экз.

Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах / Сост. Г. Г. Семейкина, Г. В. Закипная, А. И. Божко, Л. А. Мельниченко. — Одесса—Москва: Локид-Пресс, 2009. — 544 с.: ил. *Совм. с В. Ю. Круком.*

Семен Гехт. Избранное: Стихотворения, проза, воспоминания / Сост.: Яворская А. Л. — Одесса: Оптимум, 2010. — 432 с.: ил. — Тираж 200 экз.

Зинаида Шишова. Сильнее любви и смерти: Стихотворения, воспоминания, письма. — Феодосия—Москва: Издательский дом «Коктебель», 2011. — 304 с.: ил. — Тираж 800 экз.

Каталоги, календари

Сандро Фазини — к 110-летию со дня рождения: Кат. вист. / Одес. лит. музей; Сост. А. Яворская. — Одесса, 2003. — 8 с.: ил. — Тираж 50 экз.

Василь Ковальчук (1945–2005): Живопись, графика: Кат. вист. / До 30-річчя Одес. літ. музею; Упоряд.: Н. Кореновська, Л. Хівренко. — Одесса; Київ: Софія-А, 2007. — 56 с.: ілюстр. — Тираж 500 прим.

Художник и муза: Живопись, графика, скульптура: Кат. вист. 6–25 марта; Сост.: Н. Кореновская, Л. Хивренко. — Одесса, 2008. — 30 с.: ил. Тираж не указ.

«Приятно ли жить в Одессе»: Календарь на 2003–2004 год / Сост. Н. Рымарь. — Одесса, 2003. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Литературная Одесса: Календарь на 2004–2005 год / Сост.: Г. Закипная, Н. Рымарь. — Одесса, 2004. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Сад скульптур: Календарь на 2005–2006 год / Сост.: О. Губарь, Т. Липтуга. — Одесса, 2005. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Города-побратимы: Календарь на 2006–2007 год / Сост. Л. Мельниченко. — Одесса, 2006. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Ланжероновская: История одной улицы: Календарь на 2007–2008 год / Сост. Л. Майборода. — Одесса, 2007. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Ланжероновская: История одной улицы: [Буклет] / Сост. Л. Майборода. — Одесса, 2007. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Улица Гоголя. История одной улицы: Календарь на 2008–2009 год / Сост. Л. Хивренко. — Одесса, 2008. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Улица Гоголя (бывшая Надеждинская улица): [Буклет] / Сост.: Л. Хивренко, Н. Кореновская. — Одесса, 2008. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Херсонская: История одной улицы: Календарь на 2009–2010 год / Сост. А. Яворская. — Одесса, 2009. — 28 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

История улицы Пастера (бывшей Херсонской): Дополнение к Одесскому календарю 2009–2010: [Буклет] / Сост. А. Яворская. — Одесса, 2009. — 36 с.: ил. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Маразлиевская: История одной улицы: Календарь на 2010–2011 год / Сост. Т. Заярная. — Одесса, 2010. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

История улицы Маразлиевской: Приложение к Одесскому календарю 2010–2011: [Буклет] / Сост. Т. Заярная. — Одесса, 2010. — Тираж 1000 экз. — Совм. с ЗАО «Пласке».

Портрет семьи в интерьере: Долгая жизнь вещей в семье Ильфов: [Буклет] / Сост.: А. И. Ильф — Одесса, 2010. — 20 с.: ил. — [Тираж 100 экз.]

Одесский литературный музей:

ул. Ланжероновская, 2, Одесса, 65026, Украина;
тел.: +38 (048) 722-00-02, 722-33-70;
тел./факс: +38 (048) 731-46-85, (048) 725-01-73
e-mail: litmuseum@yandex.ru
<http://www./museum-literature.odessa.ua>

Документально-наукове видання

ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Збірник наукових статей і публікацій

*Випуск 6
Частина 2*

Українською та російською мовами

Відповідальний редактор
Т. І. Ліптуга

Упорядники
О. Л. Яворська, Г. Г. Семикіна

Оригінал-макет
Н. С. Луцик

Коректор
О. Г. Дайбова

Підписано до друку 08.04.11. Формат 60×84/16.
Гарнітура MinionC. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 24,03. Наклад 500 прим. Зам. №

Віддруковано з готового оригінал-макета

Надруковано в друкарні «Сімекс-прінт»
Свідоцтво ДК № 3807 від 22.06.2010
м. Одеса, вул. Дальницька, 53
Тел./факс: (048) 721-22-32, 717-33-85